

ПЕРЕПИСКА
К.МАРКСА и Ф.ЭНГЕЛЬСА
С РУССКИМИ
ПОЛИТИЧЕСКИМИ
ДЕЯТЕЛЯМИ

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1 9 5 1

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий сборник представляет собой избранную часть переписки Маркса и Энгельса с русскими политическими деятелями.

На протяжении нескольких десятилетий основоположники научного коммунизма поддерживали прочные связи с передовыми русскими политическими деятелями, ставшие особенно тесными в последние годы жизни Маркса и Энгельса. Они переписывались с Анненковым, Сазоновым, Серно-Соловьевичем, Утиным, Ковалевским, Лопатиным, Лавровым, Даниельсоном, Верой Засулич, Плехановым и многими другими.

В переписке освещались и обсуждались главным образом вопросы, относящиеся к внутривнутриполитическому и экономическому положению царской России и к ее внешней политике. Подвергались рассмотрению также и теоретические вопросы — философии, политической экономии, истории.

Из писем русских политических деятелей к Марксу и Энгельсу видно, как передовые русские люди, на протяжении многих десятилетий, искали пути освобождения России от крепостничества, царизма и пути социального преобразования страны. Письма русских политических деятелей наглядно иллюстрируют ленинское положение, что «марксизм, как единственно правильную революционную теорию, Россия поистине *выстрадала* полувековой историей неслыханных мук и жертв, невиданного революционного героизма, невероятной энергии и беззаветности исканий, обучения, испытания на практике, разочарований, проверки, сопоставления опыта Европы»¹.

---

¹ Ленин, Соч., т. 31, стр. 9.

Маркс и Энгельс с горячей симпатией относились к борьбе русского народа и его передовых представителей против царского самодержавия и крепостничества. Особенно высоко ценили они научную и публицистическую деятельность великих русских революционеров-демократов Чернышевского и Добролюбова. Маркс считал Чернышевского великим русским ученым и критиком, мастерски вскрывшим банкротство буржуазной политической экономии. Маркс, глубоко изучавший произведения Чернышевского, намеревался написать книгу о жизни и деятельности великого ученого, но не успел осуществить этот замысел.

Большое внимание уделяли Маркс и Энгельс деятельности революционных народников-пародовольцев. Высоко оценивая их самоотверженную борьбу против царизма, основоположники научного коммунизма в то же время подвергали критике политические и экономические концепции народников.

Народники рассматривали общественную жизнь с идеалистических позиций. «Падение утопистов, в том числе народников, анархистов, эсеров, — указывал товарищ Сталин, — объясняется, между прочим, тем, что они не признавали первенствующей роли условий материальной жизни общества в развитии общества и, впадая в идеализм, строили свою практическую деятельность не на основе потребностей развития материальной жизни общества, а независимо от них и вопреки им, — строили на основе «идеальных планов» и «всеобъемлющих проектов», оторванных от реальной жизни общества»¹.

Называя себя социалистами, народники в действительности не имели ничего общего с научным социализмом. Они полагали, что капитализм в России не будет развиваться, стало быть не будет развиваться и пролетариат. Главной силой социальной революции они считали крестьянство, руководимое интеллигенцией, а крестьянскую общину рассматривали как зародыш и основу будущего социалистического общества. Потерпев неудачу в своей деятельности среди крестьян, народники избрали вредную для революции тактику индивидуального террора главным методом борьбы. Не понимая законов общественного развития, они полагали, что основной силой исторического прогресса являются отдельные выдающиеся личности, за которыми послушно и слепо идет народ. Народники отрицали, таким образом, значение классов и классовой борьбы в развитии общества.

В противоположность народникам, которые верили в возможность самобытного пути развития России и непосредственного перехода страны к социализму, минуя фазу капитализма,

¹ «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 110—111.

Маркс и Энгельс считали, что ни одна нация своими силами «не может ни перескочить через естественные фазы развития, ни отменить последние декретами»¹. Отвечая на вопрос народников о возможности некапиталистического развития России и значении общины в переходе к социализму, Энгельс писал: «Если что-нибудь может еще спасти русскую общинную собственность и дать ей возможность превратиться в новую, действительно жизнеспособную форму, то это именно пролетарская революция в Западной Европе»².

В 1882 г. Маркс и Энгельс в предисловии к русскому изданию «Манифеста Коммунистической партии», решая вопрос о возможности непосредственного перехода русской общины в высшую коммунистическую форму землевладения, указывают: «Если русская революция послужит сигналом пролетарской революции на Западе, так что обе они пополняют друг друга, то современная русская общинная собственность на землю может явиться исходным пунктом коммунистического развития»³.

Следовательно, основоположники научного коммунизма обуславливали возможность некапиталистического развития России в эпоху домонополистического капитализма, во-первых, победой демократической революции, свержением царизма внутри страны, во-вторых, победоносной пролетарской революцией на Западе. При отсутствии этих условий община, по мнению Маркса и Энгельса, неизбежно придет к гибели.

Противопоставляя народническим утопиям свою научную точку зрения, Маркс и Энгельс долгое время считали возможным воздерживаться от открытой полемики с народниками, так как внутри России в то время не было другой революционной силы. Они полагали, что ход революции в России вызовет к жизни новые силы русского народа и приведет к краху народнической идеологии. Кроме того, Маркс и Энгельс, страстно ожидавшие взрыва революции в России, в известной мере переоценивали степень революционного кризиса и роль, которую играют народники в подготовке революции.

В сборник вошла переписка Маркса с членами Русской секции I Интернационала. Секцию образовали в Женеве в марте 1870 г. русские эмигранты — последователи Чернышевского, противники Бакунина и Нечаева. Не будучи марксистами, они принимали участие в рабочем движении, поддерживали Маркса по многим вопросам в Интернационале и помогали ему в борьбе против сторонников Бакунина в Швейцарии и России.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVII, стр. 8.

² См. стр. 204 настоящего сборника.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Избр. произв. в двух томах, т. I, 1948, стр. 4.

В сборник вошла переписка Маркса и Энгельса с Даниельсоном. Она посвящена главным образом вопросам, связанным с изданием на русском языке «Капитала», перевод первого тома которого вышел в 1872 г. и явился первым переводом гениального творения Маркса на иностранный язык. Маркс придавал большое значение русскому изданию «Капитала» и внимательно следил за всеми этапами работы. Получив в октябре 1868 г. извещение Даниельсона о предстоящем издании «Капитала» на русском языке, Маркс писал Энгельсу: «Меня, разумеется, чрезвычайно обрадовало известие о том, что моя книга появится в Петербурге в *русском* переводе»¹.

Переписка Энгельса с членами группы «Освобождение труда», основанной уже после смерти Маркса, освещает, с одной стороны, деятельность группы по распространению произведений основоположников научного коммунизма и пропаганде марксизма в России, с другой стороны, раскрывает взгляды Энгельса на характер и направление деятельности русских марксистов.

Энгельс, внимательно следивший за развитием революционного движения в России, приветствовал появление первой марксистской группы «Освобождение труда». «...Я горжусь тем, — писал он, — что среди русской молодежи существует партия, которая искренне и без оговорок приняла великие экономические и исторические теории Маркса... Сам Маркс был бы также горд этим, если бы прожил немного дольше»².

Письма Энгельса к членам группы «Освобождение труда» относятся к периоду завершения развития фазы домонополистического капитализма и перехода к новой, империалистической стадии развития. Энгельс не определил качественных изменений, которые произошли в результате перерастания промышленного капитализма в империализм. Не определив изменений, происшедших во взаимоотношениях капиталистических государств Западной Европы, обострения противоречий между ними, Энгельс не увидел появления на мировой арене агрессивного германского империализма, роста противоречий между Германией и Англией и попрежнему считал царскую Россию самой большой опасностью для революционного движения. Наиболее последовательно эта точка зрения выражена Энгельсом в его статье «Внешняя политика русского царизма».

Товарищ Сталин в критических замечаниях на эту статью указал на неправильные положения Энгельса. «Нельзя не заметить, — писал товарищ Сталин, — что в этой характеристике положения Европы и перечне причин, ведущих к мировой войне,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXIV, стр. 410.

² См. стр. 309 настоящего сборника.

упущен один важный момент, сыгравший потом решающую роль, а именно — момент **империалистической** борьбы за колонии, за рынки сбыта, за источники сырья, имевший уже тогда серьезнейшее значение, упущены роль Англии, как фактора грядущей мировой войны, момент противоречий между Германией и Англией, противоречий, имевших уже тогда серьезное значение и сыгравших потом почти определяющую роль в деле возникновения и развития мировой войны»¹.

Энгельс также чрезмерно преувеличивал роль царской дипломатии. В письме к Вере Засулич от 3 апреля 1890 г. он утверждал, что русская дипломатия «это пока — единственная непоколебимая сила в России...».

«Можно подумать, — писал товарищ Сталин, — что в истории России, в ее внешней истории, дипломатия составляла все, а цари, феодалы, купцы и другие социальные группы — ничего, или почти ничего»².

* * *

Настоящее издание переписки является вторым, дополненным и исправленным. Кроме некоторых писем, не вошедших в первое издание, в сборник включена статья Энгельса «Об общественных отношениях в России», представляющая собой ответ на открытое письмо Ткачева к Энгельсу, и «Послесловие» к этой статье.

В настоящий сборник вошли: 37 писем Маркса и 57 писем Энгельса к русским деятелям. Эти письма наиболее ярко отражают вопросы политического и экономического положения царской России в тот период, а также вопросы теории марксизма.

В сборнике помещены 41 письмо русских деятелей к Марксу и 69 — к Энгельсу. Эти письма представляют собой часть переписки, посвященную теории и практике революционного движения России и Запада. В переписке опущены те места, которые посвящены личным вопросам и утратили свой интерес.

Письма Маркса и Энгельса, помещенные в сборнике, были ранее опубликованы на русском языке в Сочинениях Маркса и Энгельса и в различных сборниках.

Часть писем русских деятелей к Марксу и Энгельсу была опубликована в разное время в русской периодической печати и отдельных изданиях. Письма, публикуемые впервые, отмечены в тексте звездочкой.

---

¹ И. Сталин, О статье Энгельса «Внешняя политика русского царизма». «Большевик» № 9, 1941, стр. 4.

² Там же, стр. 3.

Редакция сочла возможным отступить от хронологического принципа построения сборника и признала целесообразным группировать материал по организациям и лицам, которым адресованы письма Маркса и Энгельса.

Слова, написанные Марксом и Энгельсом по-русски в оригинале, даны в сборнике **жирным** шрифтом. Подстрочные примечания принадлежат редакции, авторские примечания оговорены особо. В конце сборника даются указатели имен и периодических изданий.

Настоящее издание подготовлено к печати *М. И. Михайловым* при участии *Н. И. Непомнящей*, под общей редакцией *П. Н. Поспелова*.

ИНСТИТУТ МАРКСА — ЭНГЕЛЬСА — ЛЕНИНА
при ЦК ВКП(б)

ИЗ ПЕРЕПИСКИ МАРКСА с АННЕНКОВЫМ и САЗОНОВЫМ

1.

П. В. АННЕНКОВ — МАРКСУ

в Брюссель.

Париж, 1 ноября 1846 г.

Очень прошу Вас извинить меня, дорогой г. Маркс, за то, что я почти месяц не отвечал на Ваше последнее письмо. Я был до такой степени поглощен чтением книги Прудона («Система экономических противоречий»¹), что пренебрег почти всеми своими обязанностями. Мне хотелось бы знать Ваше мнение об этой книге. Идеи автора о божестве, провидении, антагонизме духа и материи (которого в действительности не существует) весьма путаны, но экономическая часть кажется мне поистине необычайно сильной. Никогда еще ни одна книга не показывала мне с такой ясностью, что цивилизация не может отречься от своих достижений и что все, что она завоевала путем разделения труда, машин, конкуренции и т. д., — завоевано для человечества навсегда. Я прекрасно вижу дурную сторону дела (у Прудона это легко), — но так как он сражается против коммунизма и в то же время использует один из его догматов, чтобы разрешать трудности, то я не верю больше в его снадобья. В общем, его книга скорее укрепила, чем рассеяла мои сомнения, и я убежден, что такое же впечатление она произведет и на многих других. Вот почему я обращаюсь к Вам, чтобы узнать скрытый порок его системы, если таковой имеется, чтобы узнать, одним словом, что Вы думаете о ней? Признаюсь Вам, что самый план книги кажется мне скорее игрой ума, которому приоткрылся уголок немецкой философии, чем планом, естественно вытекающим из самого предмета и из требований его логического развития.

---

¹ *Proudhon P. J., Système des contradictions économiques, ou philosophie de la misère. Vol. 1—2. Paris, 1846 (Прудон П. Ж., Система экономических противоречий, или философия нищеты. Т. 1—2. Париж, 1846). Ред.*

Прошу Вас передать г-же Маркс чувство моего глубочайшего уважения и вместе с тем мою живейшую благодарность за высказанное ею желание познакомиться с неизвестным, который, право же, не имеет никаких заслуг кроме того, что любит и уважает Вас, мой дорогой г. Маркс.

Примите и пр.

П. Анненков.

2.

МАРКС — П. В. АННЕНКОВУ

в Париж.

Брюссель, 28 декабря 1846 г.

Дорогой г. Анненков!

Вы уже давно получили бы мой ответ на Ваше письмо от 1 ноября, если бы мой книгопродавец не задержал присылку мне книги г. Прудона «Философия нищеты» до прошлой недели. Я пробегал ее в два дня для того, чтобы иметь возможность сейчас же сообщить Вам свое мнение. Так как я прочел книгу очень бегло, то я не могу останавливаться на деталях. Я могу говорить только об общем впечатлении, произведенном ею на меня. Если хотите, я могу написать о ней подробнее в следующем письме.

Признаюсь откровенно, что я нахожу в общем книгу плохой, очень плохой. Вы сами шутите в своем письме по поводу «уголка немецкой философии», которым щеголяет г. Прудон в этом бесформенном и претенциозном произведении, но Вы полагаете, что философский яд не отравил его экономических исследований. Я тоже далек от того, чтобы причиной ошибок экономических исследований г. Прудона считать его философию. Г-н Прудон не потому даст нам ложную критику политической экономии, что является обладателем смехотворной философии, он преподносит нам смехотворную философию потому, что не понял современного общественного строя в его сцеплении (*engrènement*), если употребить слово, которое г. Прудон, как и многое другое, заимствует у Фурье.

Почему г. Прудон говорит о боге, о всеобщем разуме, о безличном разуме человечества, который никогда не ошибается, который был всегда равен самому себе, о котором нужно составить себе только правильное представление, чтобы обладать истиной? Зачем он прибегает к поверхностно усвоенному гегельянству, чтобы изображать из себя глубокого мыслителя?

Он сам дает нам ключ к разрешению загадки. Г-н Прудон видит в истории известный ряд общественных эволюций. Он находит в истории осуществление прогресса. Он находит, наконец, что люди, взятые как отдельные личности, не знали, что они делали, что они ошибочно представляли себе свое собственное движение, т. е. что, на первый взгляд, их общественное развитие кажется вещью отличной, отдельной, независимой от их индивидуального развития. Он не в состоянии объяснить этих фактов, и тут-то и появляется гипотеза о проявляющем себя всеобщем разуме. Нет ничего легче, как изобретать мистические причины, т. е. фразы, лишённые здравого смысла.

Но г. Прудон, признаваясь в своем полном непонимании исторического развития человечества, — а он признается в этом, когда прибегает к громким словам о всеобщем разуме, о боге и т. п., — не признается ли тем самым неизбежно и в том, что он не способен понять и *экономического развития?*

Что же такое общество, какова бы ни была его форма? Продукт взаимодействия людей. Свободны ли люди в выборе той или иной общественной формы? Отнюдь нет. Возьмите определенную ступень развития производительных сил людей, и вы получите определенную форму обмена (*commerce*) и потребления. Возьмите определенную ступень развития производства, обмена и потребления, и вы получите определенный общественный строй, определенную организацию семьи, сословий или классов, словом, определенное гражданское общество. Возьмите определенное гражданское общество, и вы получите определенный политический строй, который является лишь официальным выражением гражданского общества. Вот чего никогда не поймет г. Прудон, потому что он воображает, что совершает что-то великое, когда апеллирует от государства к гражданскому обществу, т. е. от официального резюме общества к официальному обществу.

Излишне прибавлять к этому, что люди не свободны в выборе *своих производительных сил*, которые образуют основу всей их истории, потому что всякая производительная сила есть приобретенная сила, продукт предшествующей деятельности. Таким образом, производительные силы — это результат практической энергии людей, но сама эта энергия определена теми условиями, в которых люди находятся, производительными силами, уже приобретенными раньше, общественной формой, существовавшей до них, которую создали не эти люди, которая является созданием прежних поколений. Благодаря тому простому факту, что каждое последующее поколение находит производительные силы, добытые прежними поколениями, и эти производительные силы служат ему сырым материалом для нового производства, — благодаря этому факту образуется связь в человеческой истории,

образуется история человечества, которая в тем большей степени становится историей человечества, чем больше развились производительные силы людей, а следовательно, и их общественные отношения. Отсюда необходимый вывод: общественная история людей есть всегда лишь история их индивидуального развития, сознают ли они это, или нет. Их материальные отношения образуют основу всех их отношений. Эти материальные отношения суть лишь необходимые формы, в которых осуществляется их материальная и индивидуальная деятельность.

Г-н Прудон путает идеи и вещи. Люди никогда не отказываются от того, что они приобрели, но это не значит, что они не откажутся от той общественной формы, в которой они приобрели определенные производительные силы. Наоборот. Для того чтобы не лишиться достигнутого результата, для того чтобы не потерять плодов цивилизации, люди вынуждены изменять все унаследованные общественные формы в тот момент, когда способ их сношений (*commerce*) более уже не соответствует приобретенным производительным силам. — Я употребляю здесь слово «*commerce*» в самом широком смысле, в каком по-немецки употребляется слово «*Verkehr*». Пример: привилегии, учреждение цехов и корпораций, весь режим средневековой регламентации были общественными отношениями, единственно соответствовавшими приобретенным производительным силам и ранее существовавшему состоянию общества, из которого эти учреждения вышли. Под защитой корпоративного строя и его регламентации накопились капиталы, развилась морская торговля, были основаны колонии, и люди лишились бы плодов всего этого, если бы они захотели сохранить формы, под защитой которых созрели эти плоды. Поэтому разразились два громовых удара — революция 1640 и 1688 годов. Все старые экономические формы, соответствующие им общественные отношения, политический строй, бывший официальным выражением старого гражданского общества, — все это в Англии было разрушено. Таким образом, экономические формы, при которых люди производят, потребляют, обменивают, являются формами *переходными и историческими*. С приобретением новых производительных сил люди меняют свой способ производства, а со способом производства они меняют все экономические отношения, которые были необходимыми отношениями лишь данного, определенного способа производства.

Этого г. Прудон не понял, а еще менее того доказал. Не будучи в состоянии проследить действительный ход истории, г. Прудон вместо этого преподносит нам фантазмагорию, которая претендует на то, чтобы быть диалектической фантазмагорией. Он не чувствует потребности говорить о XVII, XVIII и XIX веках, потому что его история совершается в заоблачных

высших воображения и витает высоко за пределами времени и пространства. Словом, это — гегелевский хлам; это не обыденная история — история людей, а священная история — история идей. С его точки зрения человек — только орудие, которым идея или вечный разум пользуются для своего развития. *Эволюции*, о которых говорит г. Прудон, это — эволюции, совершающиеся в мистическом лоне абсолютной идеи. Если вы сорвете покров с этой мистической фразеологии, то вы увидите, что г. Прудон описывает вам тот порядок, в котором экономические категории располагаются в его голове. Не требуется большого труда, чтобы доказать, что это — порядок очень путаной головы.

Г-н Прудон начинает свою книгу с рассуждений о *стоимости*, его излюбленном коньке. Я на сей раз не буду разбирать этой части работы.

Ряд экономических эволюций вечного разума начинается с *разделения труда*. Для г. Прудона разделение труда — вещь совершенно простая. Но разве кастовый строй не был определенным видом разделения труда? Разве цеховой строй не был другим видом разделения труда? И разве разделение труда в мануфактурный период, который начинается в Англии в середине XVII века и заканчивается в конце XVIII века, не отличается самым решительным образом от разделения труда в современной крупной промышленности?

Г-н Прудон так плохо понимает сущность дела, что упускает из виду даже то, чего не забывают обыкновенные экономисты. Говоря о разделении труда, он вовсе не чувствует потребности говорить о мировом *рынке*. Но разве разделение труда в XIV и XV веках, когда еще не было колоний, когда Америка для Европы еще не существовала, а с Восточной Азией сносились лишь через посредство Константинополя, не должно было коренным образом отличаться от разделения труда в XVII веке, когда имелись уже вполне развитые колонии?

Но это еще не все. Разве вся внутренняя организация народов, все их международные отношения не являются выражением определенного вида разделения труда? Разве все это не должно изменяться вместе с изменением разделения труда?

Г-н Прудон так далек от понимания вопроса о разделении труда, что даже не упоминает об отделении города от деревни, которое в Германии, например, происходило в IX—XII веках. Для г. Прудона это отделение есть вечный, неизменный закон, потому что он не знает ни его происхождения, ни его развития. На протяжении всей своей книги он рассуждает так, будто бы этот продукт определенного способа производства будет продолжать существовать до скончания века. Все, что г. Прудон говорит о разделении труда, есть не больше как резюме, и к тому

же очень поверхностное, неполное резюме того, что до него было сказано Адамом Смитом и множеством других.

Вторая эволюция вечного разума — это *машины*. Связь между разделением труда и машинами у г. Прудона совершенно мистическая. При каждом виде разделения труда имелись свои специфические орудия производства. С середины XVII до середины XVIII века, например, люди не все делали руками. У них были инструменты, и даже очень сложные, как станки, корабли, рычаги и т. д. и т. п.

Таким образом, совершенно нелепо рассматривать появление машин как следствие разделения труда вообще.

Замечу мимоходом, что г. Прудон так же мало понял историю развития машин, как и историю их происхождения. Можно сказать, что до 1825 г. — эпохи первого всеобщего кризиса — нужды потребления вообще росли быстрее, чем производство, и развитие машин было неизбежным последствием потребностей рынка. Начиная с 1825 г., изобретение и применение машин было только результатом войны между предпринимателями и рабочими. Но это правильно только для Англии; что же касается европейских наций, то применять машины их заставила конкуренция Англии как на их собственном, внутреннем, так и на мировом рынке. Наконец, в Северной Америке введение машин было вызвано как конкуренцией с другими народами, так и недостатком рабочих рук, т. е. несоответствием между промышленными потребностями Северной Америки и ее населением. Из этих фактов Вы можете заключить, какую проницательность проявляет г. Прудон, вызывая призыв конкуренции как третью эволюцию, как антитезу машины!

Наконец, вообще бессмысленно делать из *машины* экономическую категорию наряду с разделением труда, конкуренцией, кредитом и т. д.

Машина так же мало является экономической категорией, как и бык, который тащит плуг. Современное *применение* машин есть одно из отношений нашего современного экономического строя, но способ эксплуатации машин — это совсем не то, что сами машины. Порох остается порохом, употребляется ли он для того, чтобы нанести рану человеку, или для того, чтобы вылечить раны того же самого человека.

Г-н Прудон превосходит самого себя, создавая в своей голове конкуренцию, монополию, налог или полицию, торговый баланс, кредит и собственность как раз в том порядке, в каком я их сейчас перечисляю. Почти все кредитные учреждения получили в Англии свое развитие в начале XVIII века, еще до изобретения машин. Государственный кредит был только новым способом повышения налогов и удовлетворения новых потребностей, созданных приходом буржуазии к власти. Наконец,

собственность образует последнюю категорию в системе г. Прудона. В действительном мире, наоборот, разделение труда и все прочие категории г. Прудона суть общественные отношения, которые в совокупности образуют то, что в настоящее время называют *собственностью*; вне этих отношений буржуазная собственность есть не что иное, как метафизическая и юридическая иллюзия. Собственность другой эпохи, феодальная собственность, развивается при совершенно иных общественных отношениях. Определяя собственность как независимое отношение, г. Прудон совершает нечто худшее, чем методологическую ошибку: он обнаруживает свое непонимание той связи, которая соединяет все формы *буржуазного* производства; он обнаруживает свое непонимание *исторического и преходящего* характера форм производства определенной эпохи. Не видя, что наши общественные установления являются продуктами исторического развития, не понимая ни их происхождения, ни их развития, г. Прудон может подвергнуть их только догматической критике.

Чтобы объяснить развитие, г. Прудон вынужден прибегнуть к *фигции*. Он воображает, что разделение труда, кредит, машины и т. д. изобретены для того, чтобы служить его навязчивой идее — идее равенства. Его объяснения крайне наивны. Все эти вещи придуманы во имя равенства, но, к несчастью, они обратились против равенства. В этом и состоит все его рассуждение, т. е. он берет произвольную гипотезу, но так как действительное развитие на каждом шагу противоречит его *фигции*, то он делает из этого вывод, что налицо противоречие. В то же время он скрывает, что противоречие-то существует только между его навязчивыми идеями и действительным движением.

Таким образом, г. Прудон, прежде всего из-за отсутствия у него исторических знаний, не понял, что люди, развивая свои производительные силы, т. е. живя, развивают определенные отношения друг к другу и что характер этих отношений неизбежно меняется вместе с преобразованием и ростом этих производительных сил. Он не понял, что *экономические категории* суть лишь *абстракции* этих действительных отношений и являются истинами лишь постольку, поскольку существуют эти отношения. Таким образом, он впадает в ошибку буржуазных экономистов, которые видят в этих экономических категориях вечные, а не исторические законы — законы, действительные лишь для определенной стадии исторического развития, для определенной стадии развития производительных сил. Вместо того, следовательно, чтобы рассматривать политико-экономические категории как абстракции действительных, преходящих, исторических общественных отношений, г. Прудон, мистически извращая вопрос, видит в действительных отношениях лишь

воплощение этих абстракций. Сами эти абстракции являются формулами, дремавшими в лоне бога-отца с самого сотворения мира.

Здесь у нашего доброго г. Прудона начинаются тяжелые умственные потуги. Если все эти экономические категории суть эманации божественного сердца, если они являются скрытой и вечной жизнью людей, то каким образом получается, во-первых, что существует развитие, и, во-вторых, что г. Прудон не является консерватормом? Эти явные противоречия он объясняет целой системой антагонизмов.

Чтобы осветить эту систему антагонизмов, возьмем пример.

Монополия хороша, потому что это — экономическая категория и, стало быть, эманация бога. Конкуренция хороша, потому что и она тоже экономическая категория. Но вот что нехорошо, так это действительность монополии и действительность конкуренции. Еще хуже, что монополия и конкуренция взаимно пожирают друг друга. Что же делать? Так как эти две вечные мысли бога противоречат друг другу, г. Прудону кажется очевидным, что в лоне бога имеется равным образом и синтез обеих мыслей, в котором зло монополии уравнивается конкуренцией, и обратно. Борьба между обеими идеями будет иметь то последствие, что варужу выступит только их хорошая сторона. Надо вырвать у бога эту тайную мысль, а затем применить ее, и все будет прекрасно. Надо найти синтетическую формулу, скрытую во мраке безличного разума человечества. Г-н Прудон, ни минуты не колеблясь, выступает в качестве лица, открывающего эту тайну.

Но бросьте на миг взгляд на действительную жизнь. В современной экономической жизни вы найдете не только конкуренцию и монополию, но также и их синтез, являющийся *не формулой, а движением*. Монополия рождает конкуренцию, конкуренция рождает монополию. И, однако, это уравнение, не устраняя трудностей современного положения, как это воображают буржуазные экономисты, создает в результате еще более трудное и еще более запутанное положение. Таким образом, изменяя основу, на которой покоятся современные экономические отношения, уничтожая современный *способ* производства, вы уничтожаете не только конкуренцию, монополию и их антагонизм, но также и их единство, их синтез — движение, в котором и происходит действительное уравнивание конкуренции и монополии.

Теперь я приведу Вам образец диалектики г. Прудона.

Свобода и рабство образуют антагонизм. Мне нет нужды говорить ни о хороших, ни о дурных сторонах свободы. Что касается рабства, нечего говорить о его дурных сторонах. Един-

ственно, что надо объяснить, — это хорошую сторону рабства. Речь идет не о косвенном рабстве, не о рабстве пролетария. Речь идет о прямом рабстве, о рабстве чернокожих в Суринаме, Бразилии, южных областях Северной Америки.

Прямое рабство является такой же основой нашей современной промышленности, как машины, кредит и т. д. Без рабства нет хлопка, без хлопка нет современной промышленности. Рабство придало ценность колониям, колонии создали мировую торговлю, а мировая торговля — необходимое условие крупной машинной промышленности. До установления торговли неграми колонии давали Старому Свету мало продуктов и не изменяли сколько-нибудь заметно лица мира. Таким образом, рабство — это экономическая категория огромного значения. Без рабства Северная Америка — самая прогрессивная страна — превратилась бы в страну патриархальную. Вычеркните только Северную Америку из карты мира, и вы получите анархию, полный упадок торговли и современной цивилизации. Но уничтожение рабства означало бы, что Америка стирается с карты мира. Таким образом, рабство именно вследствие того, что оно является экономической категорией, встречается с сотворения мира у всех народов. Современные народы сумели лишь замаскировать рабство у самих себя и ввести его открыто в Новом Свете. Что же предпримет добрейший г. Прудон после этих размышлений о рабстве? Он будет искать синтеза свободы и рабства, истинной золотой середины, иначе говоря — равновесия между рабством и свободой.

Г-н Прудон очень хорошо понял, что люди производят сукно, холст, шелковые ткани, и не велика заслуга понять такие мелочи. Но чего г. Прудон не понял, так это того, что люди совершенно своим производительным силам производят также *общественные отношения*, в которых они производят сукно и холст. Еще меньше понял г. Прудон, что люди, производящие общественные отношения соответственно их материальному производству, создают также и *идеи* и *категории*, т. е. отвлеченные, идеальные выражения этих самых общественных отношений. Таким образом, категории так же мало являются вечными, как и те отношения, выражением которых они являются. Это — продукты исторические и преходящие. Для г. Прудона же, совсем наоборот, первопричиной являются абстракции, категории. По его мнению, это они, а не люди, создают историю. *Абстракция, категория, взятая как таковая*, т. е. оторванная от людей и их материальной деятельности, является, конечно, бессмертной, неизменной, неподвижной. Она представляет собой лишь порождение чистого разума, что обозначает просто-напросто, что абстракция как таковая абстрактна. Восхитительная *тастология!*

Таким образом, экономические отношения, рассматриваемые в форме категорий, являются для г. Прудона вечными формулами, не имеющими ни происхождения, ни развития.

Другими словами: г. Прудон не утверждает прямо, что *буржуазная жизнь* является для него *вечной истиной*. Он утверждает это косвенно, обожествляя категории, которые в форме идей выражают буржуазные отношения. Коль скоро продукты буржуазного общества представляются ему в форме категорий мышления, он принимает их за возникающие самопроизвольно (спонтанейно), одаренные собственной жизнью вечные существа. Таким образом, он не выходит за пределы буржуазного горизонта. Так как он имеет дело с буржуазными идеями, считая их вечными истинами, он ищет синтеза этих идей, их равновесия и не видит, что современный способ их уравнивания есть единственно возможный.

В сущности он делает то, что делают все добрые буржуа. Все они говорят вам, что конкуренция, монополия и т. д. являются в принципе, т. е. если их взять как отвлеченные понятия, единственными основами жизни, но что на практике они оставляют желать многого. Все они хотят конкуренции без печальных последствий конкуренции. Все они хотят невозможного, т. е. условий буржуазной жизни без необходимых последствий этих условий. Все они не понимают, что буржуазный способ производства есть историческая и преходящая форма, подобно тому как преходящей была форма феодальная. Эта ошибка происходит оттого, что для них человек-буржуа является единственной основой всякого общества, оттого, что они не представляют себе такого общественного строя, в котором человек перестал бы быть буржуа.

Г-н Прудон неизбежно является поэтому *доктринером*. Историческое движение, совершающее переворот в современном мире, сводится для него к задаче открыть правильное равновесие, синтез двух буржуазных мыслей. Таким образом, при помощи ухищрений этот ловкий малый открывает скрытую мысль бога, единство двух отдельных мыслей, которые только потому являются отдельными, что г. Прудон их отделил от практической жизни, от современного производства, являющегося сочетанием тех реальностей, которые этими мыслями выражены. На место великого исторического движения, рождающегося из конфликта между уже приобретенными производительными силами людей и их общественными отношениями, которые не соответствуют больше этим производительным силам; на место страшных войн, которые готовятся между различными классами одной нации и между различными нациями; на место практической и революционной деятельности масс, которая одна будет в силах разрешить эти столкновения, — на место

ного обширного, продолжительного и сложного движения г. Прудон ставит причудливые движения, совершающиеся в его голове. Итак, историю делают ученые, люди, способные похитить у бога его сокровенную мысль. А простой народ должен лишь применять на практике их откровения. Вы теперь понимаете, почему г. Прудон является отъявленным врагом всякого политического движения. Разрешение современных вопросов заключается для него не в общественном действии, а в диалектических вращениях, совершающихся в его голове. Так как для него категории являются движущими силами, то зачем изменять практическую жизнь для того, чтобы изменить категории. Совсем наоборот. Надо изменить категории, и последствием этого явится изменение существующего общества.

Желая примирить противоречия, г. Прудон совершенно обходит вопрос: а не надо ли ниспровергнуть самую основу этих противоречий? Он во всем походит на политического доктринера, который желает сохранить и короля, и палату депутатов, и верхнюю палату в качестве составных частей общественной жизни, как вечные категории. Он лишь ищет новую формулу для того, чтобы уравновесить эти силы, равновесие которых как раз и состоит в их современном движении, где одна из этих сил является то победительницей, то рабыней другой. Так, в XVIII веке множество посредственных голов старалось найти истинную формулу, чтобы уравновесить общественные сословия, дворянство, короля, парламенты и т. д., а на другой день не оказалось ни короля, ни парламентов, ни дворянства. Истинным равновесием этого антагонизма было ниспровержение всех общественных отношений, служивших основой этим феодальным установлениям и основой антагонизма этих феодальных установлений.

Так как г. Прудон по одну сторону ставит вечные идеи, категории чистого разума, а по другую сторону — людей и их практическую жизнь, являющуюся, по его мнению, применением этих категорий, то вы встретите у него с самого начала дуализм между жизнью и идеями, между душой и телом — дуализм, повторяющийся в различных формах. Вы теперь видите, что этот антагонизм — это только лишь неспособность г. Прудона понять обыденную историю и происхождение категорий, которые он обождествляет.

Мое письмо слишком затянулось, и я не смогу уже останавливаться на смешных обвинениях г. Прудона против коммунизма. Пока Вы согласитесь со мной, что человек, не понявший современного состояния общества, еще менее способен понять то движение, которое стремится разрушить это общество, и отражение этого революционного движения в литературе.

Единственный пункт, в котором я вполне согласен с г. Прудон, — это его отвращение к социалистической сентиментальности. До него я вызвал против себя много вражды своими насмешками над социализмом бараньим, сентиментальным, утопическим. Но сам г. Прудон разве не создает себе странных иллюзий, противопоставляя свою сентиментальность мелкого буржуа, — я имею в виду его декламации о домашнем очаге, о супружеской любви и все его банальности, — социалистической сентиментальности, которая у Фурье, например, гораздо более глубока, чем претенциозные пошлости нашего доброго г. Прудона. Он сам настолько хорошо чувствует всю ничтожность своих доводов, свою полную неспособность говорить обо всех этих вещах, что вдруг, не помня себя, приходит в ярость, в благородное негодование, начинает вопить, беснуется, ругается, обличает, проклиная, бьет себя в грудь и бахвалится перед богом и людьми, что он чист от социалистических мерзостей! Он не подвергает критике социалистическую сентиментальность или то, что он считает сентиментальностью. Он, как святой, как папа, предаст анафеме бедных грешников и поет славу мелкой буржуазии и жалким любовным и патриархальным иллюзиям домашнего очага. И это не случайно. Г-н Прудон — с головы до ног философ, экономист мелкой буржуазии. *Мелкий буржуа* в развитом обществе, в силу самого своего положения, с одной стороны, делается социалистом, а с другой — экономистом, т. е. он ослеплен величием крупной буржуазии и сочувствует страданиям народа. Он в одно и то же время и буржуа и народ. В глубине своей души он гордится тем, что он беспристрастен, что он нашел истинное равновесие, которое имеет претензию отличаться от золотой середины. Такой мелкий буржуа обожествляет *противоречие*, потому что противоречие есть основа его существа. Он сам — не что иное как вопиющее общественное противоречие. Он должен оправдать в теории то, чем он является на практике, и г. Прудону принадлежит заслуга быть научным истолкователем французской мелкой буржуазии; это — действительная заслуга, потому что мелкая буржуазия явится составной частью всех грядущих социальных революций.

Я хотел бы иметь возможность послать Вам вместе с этим письмом мою книгу о политической экономии, но до сих пор мне не удалось издать ни этой работы, ни критики германских философов и социалистов, о которой я Вам рассказывал в Брюсселе¹. Вы не можете себе представить, какие затруднения такое издание встречает в Германии, во-первых, со стороны полиции, во-

¹ Маркс имеет в виду свою незаконченную работу «Критика политики и политической экономии», а также «Немецкую идеологию». *Ред.*

вторых, со стороны издателей, являющихся заинтересованными представителями всех тех направлений, на которые я нападаю. А что касается нашей собственной партии, то она не только бедна, но, кроме того, значительная часть немецкой коммунистической партии сердита на меня за то, что я выступаю против их утопий и декламаций.

Весь Ваш *Карл Маркс*.

Вы, пожалуй, спросите меня, почему я пишу Вам на плохом французском языке, а не на хорошем немецком. Это потому, что я имею дело с французским автором.

Вы меня очень обяжете, если не слишком задержите свой ответ. Я хочу знать, поняли ли Вы меня под этой оболочкой моего варварского французского языка.

3.

П. В. АННЕНКОВ — МАРКСУ

в Брюссель.

Париж, 6 января 1847 г.

Я очень обязан Вам, мой дорогой г. Маркс, за Ваше любезное письмо от 28 декабря. Ваше мнение о работе Прудона своей правильностью, ясностью, а главное стремлением держаться в рамках реального, оказало на меня поистине живительное действие. Нам так часто грозит опасность быть ослепленными ложным блеском абстрактной идеи, ведь мы так часто подвергаемся искушению принять мнимо великолепные построения ума, поглощенного всецело самим собою, за последнее слово науки и философии! Раздающийся в этот момент дружеский голос, который возвращает нас к экономическим и историческим фактам, который показывает их нам в их действительном развитии, куда более многозначительном, чем вымышленное развитие чистых категорий и логических противоречий, — голос, наконец, который подрывает самую основу чрезвычайно сложного здания системы, оторванной от жизни, истории и подлинной науки, такой голос целиком заслуживает нашей признательности за целебное действие, какое он оказывает... Ваше долгое молчание, мой дорогой г. Маркс, Вы полностью искупили Вашим последним письмом. Я не перестаю перечитывать его. В то же время снисхождение, с которым Вы ответили на мои первые вопросы, придает мне смелости обратиться к Вам еще с несколькими. И прежде всего, признавая всю произвольность

прудонской классификации экономических эволюций и всю несостоятельность его метода побивать практику теорией, и наоборот (род заколдованного круга, от которого делается дурно), — я еще не уяснил себе, не заслуживает ли серьезного внимания критическая часть его сочинения. Он раскритиковал некоторые положения официальной экономической школы с убедительностью и силой, значительность которых прекрасно понимают все те, на кого Прудон напал. За примером ходить недалеко: возьмите удары, которые он нанес доктрине Луи Блана, они произвели здесь очень сильное впечатление и, без сомнения, будут содействовать тому, чтобы навсегда ее дискредитировать. Одного этого было бы уже достаточно, чтобы считать его книгу очень полезной для Франции, но, по-моему, он сделал еще больше. Он осмелился сказать нации, которая в своих самых революционных мечтаниях не идет дальше 93 года и режима Робеспьера, — он осмелился сказать, что всякое правительство, стоящее особняком в государстве, безнравственно. Совокупность этих, а также других причин, и вызвала *тот «заговор молчания»*, жертвой которого сейчас является Прудон. По безмолвному соглашению все партии упорно замалчивают его книгу, но ненависть и ярость сквозят в самых стараниях скрыть эти чувства. В подобном одиночестве Прудона есть своего рода величие. Вы ведь знаете, мой дорогой г. Маркс, что надо иметь право, и очень большое право, на то, чтобы вас ненавидели. Отсюда я делаю вывод, что книга Прудона, несмотря на ее ничтожное значение для общего развития экономических идей, не лишена, однако, важности в том, что касается политики, просвещения и тенденций французской буржуазии.

Мне нечего повторять Вам, с каким нетерпением я жду выхода Вашего сочинения¹. А сейчас мне стоит большого труда побороть в себе желание предложить Вам несколько вопросов о коммунизме. Правда, они имеют для меня исключительное значение и важность. Я все чаще задаю себе вопрос, не предполагает ли коммунизм отказа от некоторых преимуществ цивилизации, отречения от некоторых прерогатив личности, завоеванных с таким трудом, и, наконец, не предполагает ли он весьма трудно достижимого высокого уровня всеобщей нравственности. Конечно, и в этом случае он прекрасен, но он перестает тогда быть необходимым продуктом человеческого развития. Его придется насаждать с таким же расчетом на успех, как и при всяких опытах, при всяких новшествах, принудительно вводимых в обществе. Некоторые возражения Прудона все еще сидят у меня в голове, но я чувствую, как все это ничтожно...

¹ Имеется в виду работа Маркса «Критика политики и политической экономии». *Ред.*

Предоставляю на полное Ваше усмотрение, давать или не давать мне объяснений по этим вопросам.

Простите меня великодушно за это длинное нелепое послание и позвольте еще раз от всего сердца поблагодарить Вас за ценные разъяснения в Вашем последнем письме.

Преданный Вам П. Анненков.

4.

МАРКС — П. В. АННЕНКОВУ

в Париж.

Лондон, 9 декабря 1847 г.

Дорогой Анненков!

Партийные соображения¹, на которых я не могу здесь останавливаться, побудили меня поехать в Лондон. Я использовал заодно это путешествие для того, чтобы установить связь между Брюссельским демократическим обществом и английскими чартистами и обратиться с речью к этим последним на публичном митинге. Вы уже, возможно, читали отдельные заметки по этому поводу в английских и французских газетах.

Но, предприняв это путешествие, — а я вынужден остаться здесь еще на несколько дней, — я оставил свою семью в чрезвычайно тяжелом и совершенно безнадежном положении. Дело не только в том, что моя жена и все дети больны. Мое материальное положение в данный момент является настолько критическим, что мою жену буквально осаждают кредиторы и она испытывает отчаянные денежные затруднения.

Как дело дошло до такого кризиса — объяснить легко. Мои немецкие рукописи в общем не печатаются, а то, что печатается, я отдаю даром, чтобы только выпустить их в свет. Моя брошюра против Прудона разошлась очень хорошо. Но я получу часть денег за нее лишь к пасхе.

Одного того, что получает моя жена, недостаточно, а со своей матерью я уже довольно давно веду переговоры о том, чтобы получить хотя бы часть моего состояния. Теперь появились шансы на это. Но в данный момент это мне ничего не дает.

При таком положении, о котором я без стеснения, откровенно рассказываю Вам, Вы поистине спасли бы меня от величайших неприятностей, если бы могли переслать моей жене 100—200 франков. Уплатить этот долг я, конечно, смогу только после

¹ Имеется в виду участие Маркса в работе II конгресса Союза коммунистов. *Ред.*

того, как будут урегулированы мои денежные отношения с семьей.

Если Вы можете исполнить мою просьбу, то я прошу Вас послать деньги по моему старому адресу: г. Карлу Марксу, Брюссель, Faubourg Namur, rue d'Orléans 42. Но моя жена не должна догадаться по содержанию письма о том, что я писал Вам из Лондона. Позднее я объясню Вам причину.

Надеюсь, что в следующий раз смогу написать Вам что-нибудь более приятное.

Ваш К. Маркс.

5.

И. И. САЗОНОВ — МАРКСУ

в Лондон.

Париж, 6 декабря 1849 г.

Дорогой г. Маркс!

Я надеялся, что мне придется писать Вам по более приятному для нас обоих поводу. Вольф расскажет Вам, что мы намеревались организовать в Париже демократическую корреспонденцию для немецких газет. Вольф должен был быть моим главным сотрудником, и он просил меня написать Вам, чтобы узнать, как Вы к этому относитесь, и посоветоваться с Вами. Вы, наверное, ничего не имели бы против его участия в таком полезном и нужном деле, но в данный момент этот вопрос отпал. *Граждане предполагают, а полиция располагает.* Вольф, сотрудничество которого было бы для меня так ценно, вынужден покинуть Париж, и я отныне предоставлен собственным силам. А так как у меня уже на руках весь иностранный отдел «Réforme» и так как, кроме того, я веду корреспонденцию для департаментов, то я не в состоянии буду справиться еще с новой работой, тем более, что у меня нет привычки писать по-немецки. Поэтому я надеюсь, что Вы окажете мне дружескую услугу, порекомендовав способного сотрудника из числа немецких демократов, живущих в настоящее время в Париже¹. Это в то же время явится способом оказать поддержку какому-нибудь хорошему демократу, ибо корреспонденции безусловно дадут ему от 100 до 150 франков в месяц. Итак, я снова рассчитываю на Вашу помощь. — Я надеюсь также, что Вы сообразовите

¹ Как видно из письма Сазонова от 2 мая 1850 г., Маркс рекомендовал ему Рихарда Гейнгардта, немецкого эмигранта в Париже, секретаря Генриха Гейне и близкого знакомого Маркса и Энгельса. *Ред.*

написать мне о Ваших лондонских работах. Зная Ваше трудолюбие и высоко ценя результаты Вашей деятельности, я не могу предположить, что Вы за все это время ничего не сделали. Если Вы опубликовали что-нибудь, то пришлите мне это тотчас же, и я помещу соответствующее сообщение в «Réforme»; если у Вас есть время, то напишите что-нибудь специально для нас (о германских делах): мы напечатаем Ваши работы с большим удовольствием. Вы могли бы также, может быть, прислать нам кое-что о социализме и о положении рабочего класса в Англии. Я знаю, как глубоко Вы изучили эти вопросы, и был бы счастлив знакомить читателей «Réforme» с английской общественной жизнью при помощи Вашего пера. Но Вы понимаете, конечно, что, если Вы пожелаете писать для «Réforme», то Вам придется по возможности не касаться доктрин и личностей. Этого требует положение газеты. — Если бы я вздумал рассказывать Вам о том, что делается в Париже, то, вне всякого сомнения, не сообщил бы Вам ничего нового; Вы разбираетесь в здешних событиях так же, как и я, если не лучше, ибо лишь на расстоянии предметы приобретают свои настоящие размеры. Замечу только, что несмотря на шум, который производит Прудон и который производится вокруг его имени, отнюдь не он приобретает больше всего приверженцев.

Только что прочел новую газету, издаваемую Бланки и его друзьями. До сих пор, за исключением одной статьи Туссенеля, она была достаточно бледной. Но выступление Бланки в качестве журналиста факт сам по себе чрезвычайной важности. Посмотрим.

Располагайте мной, если Вам что-нибудь понадобится в Париже, и пишите мне по адресу «Réforme».

Братский привет

Сазонов.

6.

П. И. САЗОНОВ — МАРКСУ

в Лондон.

Женева, 2 мая 1850 г.

Дорогой Маркс!

Это письмо будет передано Вам г. Форе, который, как Вы уже, вероятно, знаете из газет, так ловко и так удачно ускользнул в Лионе от жандармов. Я очень рад, что имею, наконец, возможность — в первый раз с того времени, как меня выслали

из Парижа — писать Вам без всякой опаски. Вам известно, что я собирался предпринять в Париже с помощью Рейнгардта, которого Вы мне рекомендовали. Думаю, что это предприятие, слухи о котором распространились чересчур рано, было одной из причин моей высылки. Приехал я в Женеву раздосадованный, злой, раздраженный, но отнюдь не павший духом. Прежде чем рассказать Вам, что я тут сделал, я считаю необходимым изложить в кратких чертах мою теперешнюю точку зрения. Мы уже давно знаем друг друга, но у нас было очень мало случаев для обмена мыслями. Вольф, вероятно, уже сообщил Вам, что в последнее время я в оценке людей и событий почти не расходился с ним, а следовательно, и с Вами. Внимательное изучение последнего труда Прудона¹ и чтение его *соглашательских* статей в «Voix du Peuple» заставили меня сделать дальнейший шаг в Вашем направлении, и так как я думаю, что Вы не изменили своих взглядов, то Вам будет до некоторой степени приятно узнать, что я присоединяюсь по всем существенным пунктам к тому, что Вы высказали в Манифесте, изданном Вами в Брюсселе². Да, мой друг, в результате естественного процесса, побуждаемый непреодолимой силой логики, любовью к свободе, равно как и любовью к порядку, я пришел к убеждению, что серьезный революционер может быть только коммунистом, и я теперь коммунист.

Вот основные причины, которые толкнули меня на этот путь. Я думаю, что современное общество дало все, что мог создать принцип индивидуальной свободы, взятый в качестве единственной и исключительной основы общественного порядка, и что, следовательно, всякое дальнейшее расширение этого принципа было бы только призрачным и кажущимся. Я думаю, что европейская цивилизация прогрессирует только в области промышленности, а во всех других областях она все более атрофируется и не в состоянии отныне разрешать тех все усложняющихся проблем, которые ее собственное промышленное развитие ежеминутно ставит перед нею. Я думаю, что варварство, в той мере, в какой оно еще не покорилось цивилизации, оправдано, и та цивилизация, которая строится на принципе индивидуализма, не сможет с ним покончить. Я думаю, наконец, что нет никакой возможности установить когда-либо рациональное мерило стоимости и что, следовательно, всякий обмен одного индивидуального труда на другой индивидуальный труд может иметь результатом только несправедливость и эксплуата-

¹ Речь идет о вышедшей в конце 1849 г. книге Прудона «Les Confessions d'un Révolutionnaire pour servir à la Révolution de février» («Исповедь революционера в защиту февральской революции»). *Ред.*

² *К. Маркс и Ф. Энгельс*, Манифест Коммунистической партии. Лондон, 1848. *Ред.*

цию с той или с другой стороны. Вот вкратце довольно путаное изложение хода мыслей, который привел меня к моим теперешним убеждениям. Я прошу Вас, дорогой учитель, постараться понять меня, не обращая внимания на форму выражения, которая не может не быть несовершенной. Я считал необходимым ознакомить Вас со своими убеждениями, так как хочу предложить Вам одно общее дело, и нам нужно договориться по принципиальным вопросам, прежде чем действовать совместно. С тех пор, как я в Женеве, я повидал и изучил всех выдающихся людей, живущих здесь. Я приехал с проектом демократического журнала, который собираюсь выпускать в Париже четыре раза в год. Все обещали мне свое содействие, но за те четыре месяца, что я здесь, мое мнение о большинстве этих людей и о пользе от их сотрудничества сильно изменилось. Мадзини, которому я доверял вначале больше всего, оказался не только отсталым человеком, но просто ретроградом. Недавно он напечатал в своем журнале «L'Italia del Popolo» нелепую статью под заглавием «Демократия и системы», в которой утверждает: *«что бы ни говорилось по этому поводу, а современный мир жаждет авторитета!»*. Вся статья написана в духе этой фразы, которой достаточно для характеристики Мадзини.

Феликс Пиа не пользуется ни известностью, ни влиянием Мадзини, но он гораздо более прогрессивен и, главное, более революционен. У него нет твердо установившихся взглядов, и он увяз в фаланстерах, но последователем Фурье он стал только потому, что считал его учение наиболее революционным (Вам ведь известно, что современное поколение во Франции знает из коммунистов только Кабе, а эта фигура весьма мало привлекательна для поэтического воображения). Остальные живущие здесь французы, кроме одного, о котором я скажу ниже, — полные ничтожества. С помощью Мадзини и других связей я мог бы заручиться для журнала сотрудничеством Ледрю-Роллена и Консидерана; сотрудничество Прудона мне также было обещано...

Я признаю свое ослепление: я рассчитывал на участие этих людей в передовом предприятии, но я убедился, что они враги прогресса, а следовательно, и наши враги. Они завладели словом «социализм», как прежде присвоили слово «республика», — в обоих случаях с одной мошеннической целью; поэтому я и слышать не хочу больше об этих вождях. На них надо смотреть исключительно как на опасных врагов, которых следует остерегаться. — Так мой план, оставаясь тем же самым по форме, изменился по существу. Долой дряхлых хранителей авторитета! Для нового дела нужны новые люди; необходимо, чтобы люди молодые, люди мужественные, люди с серьезными познаниями и глубокими убеждениями выступили в роли объединителей Европы во имя великой идеи коммунизма. Нас мало в настоящее

время, нас мало среди литераторов, мало среди журналистов, мало среди политиков-теоретиков, но число наше в массах неизменно растет, не говоря уже о наших сторонниках среди народов, у которых слово «коммунизм» никогда раньше не произносилось (славянских народов и народов Центральной Азии). Тот, кто уверен, что он является посетителем творческих идей, не боится остаться одиноким в определенных кругах, в особенности, если он умеет подвести научную основу под осуществление этих идей и сам указывает на те промежуточные фазы, через которые должно пройти это осуществление. Задача нашего журнала, следовательно, заключается в том, чтобы создать европейскую силу для осуществления коммунизма и указать практические средства для этого осуществления (промежуточные ступени). Нас тут двое, я и Фраполли (бывший поверенный в делах Ломбардии, Тосканы и Рима в Париже!)...

Здесь есть еще Герцен, брошюру которого «С того берега» Вы, быть может, читали¹. Он скорее человек увлечения, чем убеждения, и воображения, чем науки, впрочем, очень преданный и очень способный. Вот все имеющиеся тут силы, и я их не преувеличиваю. В сравнении с поставленной целью они кажутся ничтожными, но это только так кажется. Если брать только отдельных лиц, то этого немного, но, принимая во внимание все их связи, видно, что влияние их распространяется очень далеко...

Итак, у нас значительные силы, но, дорогой мой учитель, я полагал бы все это весьма недостаточным, если бы не рассчитывал на Вас. Поэтому я счел нужным написать Вам подробно, чтобы ознакомить Вас с моим планом, с моей точкой зрения и с моими возможностями. Повторяю: я рассчитываю на Вас, рассчитываю самым положительным образом на Вашу немедленную помощь. Вот, что мы решили поместить в первом номере, при условии, что Вы это одобрите: руководящую статью без подписи, которая будет выражать общие взгляды всей редакции, и ряд специальных статей с подписями. Что касается этих специальных статей, то у нас есть статьи Фраполли об Италии, Герцена — о России, моя — о Венгрии и славянском вопросе, Ина — о Франции и еще одна статья о Франции Массоля, моего друга, вместе со мной редактировавшего «Réforme» (он — юрист). Я рассчитываю, что Вы нам дадите статью о Германии — в указанном мною духе, т. е. по одному из злободневных вопросов, чтобы это было в одно и то же время и манифестом и программой. В качестве руководящей статьи я предлагаю мой план европейской политики. Само собой разумеется, что предварительно

¹ Манифест Герцена «С того берега» вышел впервые по-немецки в Гамбурге в 1850 г. *Ред.*

статья будет представлена на одобрение всей редакции и Вам в первую очередь. Я послал бы ее вместе с этим письмом, если бы был уверен, что оно непременно дойдет; но так как Вы могли переменить адрес, или письмо могло также затеряться в пути и по другим причинам, то я не хочу вкладывать в него мой план, которым я очень дорожу. Ответьте мне по возможности скорее, и я немедленно пошлю его по адресу, который Вы мне укажете. Во втором номере придется, я думаю, дать теоретическую статью, т. е. изложение системы переходных мер, которые, ведя прямо к осуществлению наших идей, соответствовали бы также потребностям момента. Попытно, что *только Вы* в состоянии написать такую работу. Мы рассчитываем сделать из нее, как только она будет одобрена нашими друзьями в Париже и Лионе, подлинный манифест партии для всей Европы. Если Вы возьмете на себя труд набросать схему этой программы, то мы постараемся, чтобы она была сейчас же обсуждена и чтобы ее основные идеи были приняты. Для этой работы понадобится не меньше трех месяцев. Что касается Вашей статьи о Германии, то я не только надеюсь, но твердо рассчитываю, что Вы возьметесь за нее тотчас же и что через две недели она будет готова. Пошлите ее прямо в Париж г. Массолу (36. rue Neuve des Petits Champs). Ему поручены издательские дела. Мы нашли издателя, который обязуется печатать журнал на свой счет и делить с нами прибыль, если она будет. Чтобы покрыть издержки, необходимо продать 600 экземпляров. Если будет продано вдвое больше, то для выплаты гонорара останется 3000 франков, что составит приблизительно 50 франков с печатного листа. Это, конечно, очень мало, но если первый номер будет иметь успех, то мы сможем издать второй на наш собственный счет и получить тогда вдвое больше. Я рассчитываю не только на Вас, но и на всех Ваших друзей. Если бы я не убедился в Париже в неизлечимой лени Вольфа, то пригласил бы сотрудничать и его также. Ответьте мне сейчас же и поподробнее, а главное — дайте согласие на те две статьи, о которых я Вас прошу. Вы, также как и я, прекрасно понимаете, какое значение они имеют. Будьте добры, перешлите по почте прилагаемое письмо. Прошу Вас оказать дружеский прием подателю моего письма; я лично его мало знаю, но мне его рекомендовали с очень хорошей стороны, к тому же его взгляды и поступки достаточно говорят за него. Прощайте, мой друг, я, быть может, никогда уже не напишу Вам так подробно, но я хотел бы иметь предлог писать Вам часто¹.

Братский привет

Сазонов.

¹ Неизвестно, ответил ли Маркс на это письмо Сазонова, но совершенно ясно, что он не дал своего согласия на участие в журнале, где Сазо-

P. S. Пишите прямо на мое имя по адресу:

Hôtel de l'Écu de Genève.

Что касается находящихся здесь немцев, то лучший из них — молодой Зигель, последний командующий баденской армией. Это молодой человек, преисполненный наилучших намерений и склоняющийся к нашим взглядам. Было бы очень хорошо, если бы в Вашем письме ко мне ему было уделено несколько теплых слов. Есть здесь еще некий доктор Фридман, который тоже придерживается правильного образа мыслей.

7.

И. И. САЗОНОВ — МАРКСУ

в Лондон.

Париж, 10 мая 1860 г.

Дорогой Маркс!

С глубочайшим негодованием я узнал о клеветнических вымыслах, которые распространяются на Ваш счет и о которых я прочитал в напечатанной в «*Revue Contemporaine*» статье Эдуарда Симона. В особенности меня удивило то, что Фогт, которого я не считал ни глупым, ни злым, мог так низко морально пасть, как это обнаруживает его брошюра¹. Мне не нужно было никаких доказательств, чтобы быть уверенным, что Вы неспособны на низкие и грязные интриги, и мне было тем более тягостно читать эти клеветнические измышления, что как раз в то время, как они печатались, Вы дали ученому миру первую часть прекрасного труда², который призван преобразовать экономическую науку и построить ее на новых, более солидных основах... Дорогой Маркс, не обращайте внимания на все эти низости; все серьезные, все добросовестные люди на Вашей стороне, и они ждут от Вас не бесплодной полемики, а совсем другого, — они хотели бы иметь возможность поскорее присту-

пов пытался сгруппировать таких разношерстных представителей той самой мелкобуржуазной демократии, которую Маркс как раз в это время подверг уничтожающей критике в Обращении Центрального Комитета к Союзу коммунистов и в последних номерах «Обозрения Новой Рейнской Газеты». *Ред.*

¹ Это письмо Сазонова вызвано появлением в конце 1859 г. брошюры Карла Фогта «Мой процесс против «*Allgemeine Zeitung*» с гнусной клеветой против Маркса. В ответ на злостные измышления Маркс опубликовал в 1860 г. блестящий памфлет «Господин Фогт», где разоблачил К. Фогта как агента бонапартизма. *Ред.*

² *Маркс*, К критике политической экономии. Берлин, 1859. *Ред.*

пить к изучению продолжения Вашего прекрасного произведения. Вы пользуетесь огромным успехом среди мыслящих людей, и если Вам приятно узнать какое распространение Ваше учение находит в России, то я могу Вам сообщить, что в начале этого года профессор ¹... прочел в Москве публичный курс политической экономии, первая лекция которого представляла не что иное, как изложение Вашего последнего труда. Посылаю Вам номер «Gazette du Nord», из которого Вы увидите, каким уважением окружено Ваше имя в нашей стране. Прощайте, дорогой Маркс, берегите свое здоровье и работайте попрежнему, просвещая мир и не обращая внимания на мелкие глупости и мелкие подлости. Верьте дружбе преданного Вам...

---

¹ Имеется в виду профессор Бабст И. К. Ред.

II

ПЕРЕПИСКА МАРКСА с РУССКОЙ СЕКЦИЕЙ ПЕРВОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА

8.

А. А. СЕРНО-СОЛОВЬЕВИЧ — МАРКСУ *

в Лондон¹.

Женева, 20 ноября 1868 г.

Милостивый государь!

По поручению нескольких членов Интернационала, занятых сейчас созданием новой газеты Товарищества², я обращаюсь к Вам с просьбой и в данном случае помочь тому делу, которое Вы защищаете в течение всей Вашей жизни.

Прежде чем объяснить, о чем идет речь, разрешите мне в нескольких словах обрисовать положение вещей в Женеве.

Со времени весенней стачки рабочее движение приобретает здесь все больший размах. Воскресные выборы, на которых партия социально-демократической республики выступила независимо от всех старых партий, навсегда разделили страну на два резко разграниченных лагеря³. Отныне борьба будет все обостряться, это несомненно. Толчок этому движению безусловно дал Интернационал, который впервые разбил все кастовые идеи, разделявшие здешних рабочих (т. е. рабочих, занятых в производстве часов, и простых ремесленников), и пробудил в рабочем классе сознание того, что у них в жизни есть нечто

¹ Письма А. Серно-Соловьевича, В. Баранова и Н. Любавина отнесены к этому разделу сборника по своей тематике; сами же авторы этих писем деятелями Русской секции I Интернационала не были. *Ред.*

² Серно-Соловьевич участвовал в комиссии, разрабатывавшей проект создания новой газеты Федерального Совета Интернационала в романской Швейцарии «Égalité», которая стала выходить в Женеве с начала 1869 года. *Ред.*

³ 15 ноября 1868 г. в Женеве происходили выборы в Женевский большой совет (законодательное собрание). Стремясь к тому, чтобы рабочие выступили на этих выборах самостоятельно, Серно-Соловьевич с группой других деятелей сделали попытку создания новой политической партии «социально-демократической республики» и выпустили предвыборное воззвание с требованием ряда демократических реформ. На выборах, однако, партия успеха не имела. *Ред.*

помимо жестокого закона спроса и предложения. Люди, принадлежавшие к различным партиям, и люди, равнодушные ко всяким партиям, протянули друг другу руки, чтобы идти вместе. Даже для холодного наблюдателя развивающееся здесь рабочее движение, несмотря на все свои недостатки, представляет поистине захватывающее зрелище.

Итак, следует признать: а) что движение очень сильно; б) что движение сильно лишь благодаря существованию Интернационала; в) что со всех сторон делаются попытки погубить Интернационал и г) что сила движения в стране находится в прямом отношении к силе Интернационала.

Но если все это правильно, то не менее правильно и то, что Интернационалу, как и всей стране, совершенно недостает интеллектуальных сил; что за исключением микроскопической кучки людей, все остальные ничего, ровно ничего не понимают и руководствуются лишь весьма неопределенными и туманными стремлениями. Отсутствие ясной идеи может, следовательно, привести к краху движения, которое утонет в потоках фраз о братстве и солидарности, фраз, на каждом шагу опровергаемых практикой, опровергаемых даже самой Англией, не поддержавшей забастовки. А между тем Женева остается центром движения романской Швейцарии; об этом говорят обращения, поступающие сюда со всех сторон, об этом свидетельствует и тот факт, что секции романской Швейцарии решили выпускать с 1 января свой орган в Женеве.

Вам, конечно, известно, милостивый государь, что эта газета выходила в Шо-де-Фоне и в каком виде она издавалась — более, чем в жалком¹.

В настоящее время существует комиссия, которая работает над созданием газеты на прочной основе. Газета будет насчитывать не менее 2 000 подписчиков, что даст возможность платить франков по шестьдесят за статьи в каждом номере и выписывать, наконец, иностранные газеты. (Товарищество совершенно не осведомлено о том, что делается в других странах, оно не знает даже, какие рабочие газеты существуют в Англии, а стало быть, не знакомо с идеями Совета, который руководит этой якобы могущественной организацией.) Газета будет выходить попрежнему раз в неделю. При увеличении числа подписчиков, деньги пойдут главным образом на гонорары за статьи.

Не мне говорить Вам о том, какую силу представляет газета, особенно если речь идет о газете, которую рабочие считают своей и читают от начала до конца, от заглавия до последнего объявления.

¹ «Égalité» была основана вместо выходившей до этого в Шо-де-Фоне газеты «Voix de l'Avenir». *Ред.*

Следовательно, нужно, чтобы новая газета была на высоте своего положения, соответствовала тому влиянию, которое она должна иметь и несомненно приобретет. Надо раз навсегда покончить с общими фразами. Значит, нужно найти людей, умеющих писать, что совсем не так просто, в особенности, если учесть, что газета выходит на французском языке, а французы (это мое личное мнение) отличаются колоссальным невежеством и, к тому же, невыносимы со своими декламациями.

Я подхожу, наконец, к главному вопросу, к цели моего письма. От имени той маленькой группы, которая специально занимается организацией газеты, я прошу Вас о четырех вещах:

1. Писать для нас, если возможно, каждую неделю небольшие статьи по теоретическим вопросам (все равно на каком языке).

2. Сказать нам, к кому можно обратиться в Англии, чтобы иметь регулярные корреспонденции: а) об английском рабочем движении, б) по истории рабочего вопроса последних лет.

3. Указать нам лучшие английские и американские газеты, занимающиеся тем же предметом.

4. Прислать нам список английских брошюр и работ, вышедших за последние годы, все по тому же интересующему Международное Товарищество вопросу (стачки, тред-юнионы и т. д.).

В данный момент гонорар за статьи не может быть велик. Мы не в состоянии платить больше десяти франков за столбец формата «Voix de l'Avenir» (в принципе решено, что статья не должна превышать размеров одного столбца). Однако будут приняты все меры к тому, чтобы деньги, полученные от подписчиков сверх 2000, шли в первую очередь на уплату гонораров.

А теперь, милостивый государь, мне остается только просить у Вас извинения за то, что я взял на себя смелость обратиться к Вам. Впрочем, Вы поймете, чем это вызвано, если узнаете, какое глубокое уважение внушает мне Ваш талант, и если я скажу Вам, что, по моему мнению, при хорошем руководстве и хорошей организации Швейцария может быть сравнительно быстро подготовлена к достаточно радикальному экономическому преобразованию, — и в особенности, что я никогда так не боялся революции, как в настоящий момент. Я знаю, что по этому последнему вопросу я расхожусь со многими, которые считают, что самое главное — поскорее совершить всеобщий переворот. Правы они или нет, я не берусь судить; но я знаю одно — эти люди совсем не думают о будущем и не хотят видеть бьющих в глаза фактов. Последняя стачка показала, как мало еще рабочие способны руководить сами собою, раз какой-то

г. Гегг именно в тот момент, когда надо было проявить максимум энергии, мог в течение двух долгих недель водить рабочих за нос и создать себе выдающееся положение в стране! Вот чем вызван между прочим и мой маленький памфлет¹.

Быть может, я слишком скептически по своей натуре, но я предпочту лучше наняться к какому-нибудь буржуа, чем служить за деньги ассоциации, которая эксплуатирует куда больше любого фабриканта всех тех, кто имеет несчастье работать у нее, и притом эксплуатирует их во всех отношениях как материально, так и морально. А чего стоит вся эта свора мелких честолюбцев, маленьких трибунов, претендентов в диктаторы, полных нетерпимости и самомнения!

Прилагаю к своему письму брошюру Перрона об обязательном обучении, несколько документов, которые, может быть, заинтересуют Вас, и 2 номера «L'Internationale», эту газету я начал было здесь издавать, но выпуск ее волей-неволей пришлось прекратить, так как она вызывала слишком сильное раздражение. Откровенный язык без лести не в моде в Женеве, и во мне чуть было не заподозрили провокатора. Я часто спрашиваю себя, кто будет тем человеком, который, подобно Фази, снова ловко приберет к рукам все движение.

Я забыл сказать Вам, что пробный номер новой газеты должен выйти 12 декабря; было бы очень желательно получить от Вас статью.

Принося еще раз извинения за слишком длинное письмо, прошу принять уверение в моем глубоком уважении.

А. Серно.

Р. S. В декабре прошлого года я получил Вашу работу «Капитал» через г. Беккера без всяких объяснений с его стороны. Я не поблагодарил Вас, милостивый государь, по той простой причине, что решительно не мог догадаться, как Вы узнали мою фамилию, тем более, что я русский. Поэтому я объяснил эту присылку любезностью г. Беккера.

---

¹ Аманд Гегг, немецкий мелкобуржуазный демократ, опубликовал в «Journal de Genève» в разгар женевской стачки строительных рабочих письмо, в котором призывал рабочих и фабрикантов к взаимным уступкам и к социальному миру. В связи с этим Серно-Соловьевич выпустил памфлет «Réponse à Goegg. A propos de la grève» («Ответ Геггу. По поводу стачки»), в котором подверг резкой критике выступление Гегга. Памфлет имел большой успех. *Ред.*

9.

КОМИТЕТ РУССКОЙ СЕКЦИИ I ИНТЕРНАЦИОНАЛА — МАРКСУ*

в Лондон.

Желева, 12 марта 1870 г.

Гражданину Марксу

А. Трусов, редакция «Народного Дела»

Дорогой и достопочтенный гражданин!

От имени группы русских мы обращаемся к Вам с просьбой оказать нам честь быть нашим представителем в Генеральном Совете Международного Товарищества в Лондоне. Эта группа русских только что образовала секцию Интернационала, так как великая идея этого международного движения пролетариата проникает также и в Россию. При создании этой первой Русской секции мы прежде всего ставим своей целью (как Вы увидите из прилагаемого устава) оказывать всемерную энергичную помощь активной пропаганде принципов Интернационала среди русских рабочих и объединять их во имя этих принципов¹. Но у нас есть еще одна задача: разоблачить панславизм, втягивая молодежь славянских стран в борьбу против этих старых идей, сослуживших службу только царской империи, — империи, которая неизбежно падет и уступит место свободной федерации земледельческих и промышленных ассоциаций, связанных с рабочими всего мира общностью интересов и однородностью идей.

Мы рады сообщить Вам, что подготовительная работа, которую мы проделали в этом направлении, увенчалась успехом и мы нашли сторонников пропаганды Интернационала среди чехов, поляков и сербов. Последние имеют уже обширную организацию под названием *Омладина*, в рядах которой сербские сторонники Интернационала надеются распространить эту идею, несущую возрождение.

Наше настойчивое желание иметь Вас нашим представителем объясняется тем, что Ваше имя вполне заслуженно почитается русской студенческой молодежью, вышедшей в значительной

---

¹ Опубликованная в № 1 «Народного Дела» за 1870 г. программа Русской секции так определяла стоящие перед секцией задачи: «1. Пропагандировать в России всеми возможными рациональными средствами, — особый род и способ которых вытекает из самого положения страны, — идеи и начала Интернациональной Ассоциации. 2. Способствовать устройству интернациональных секций в среде русских рабочих масс. 3. Помогать установлению прочной, солидарной связи между трудящимися классами России и Западной Европы, и оказанием взаимной помощи способствовать более успешному достижению их общей цели освобождения». *Ред.*

своей части из рядов трудового народа. Эта молодежь ни идейно, ни по своему социальному положению не имеет и не желает иметь ничего общего с паразитами привилегированных классов, и она протестует против их гнета, борясь в рядах народа за его политическое и социальное освобождение. — Воспитанные в духе идей нашего учителя Чернышевского, осужденного за свои сочинения на каторгу в Сибирь в 1864 г., — мы с радостью приветствовали Ваше изложение социалистических принципов и Вашу критику системы промышленного феодализма. — Эти принципы и эта критика, как только люди поймут их, сокрушат иго капитала, поддерживаемого государством, которое само является наёмником капитала. — Вам принадлежит также решающая роль в создании Интернационала, а в том, что касается специально нас, то опять-таки именно Вы неустанно разоблачаете ложный русский патриотизм, лживые ухищрения наших демосфенов, пророчествующих о славной судьбе, предначертанной славянским народам, когда на деле доныне этим народам была уготована лишь одна судьба: быть раздавленными варварским царизмом и служить орудием подавления соседних народов. Русская демократическая молодежь получила сегодня возможность устами своих изгнанных братьев высказать Вам свою глубокую признательность за ту помощь, которую Вы оказали нашему делу Вашей теоретической и практической пропагандой, и эта молодежь просит Вас оказать ей новую услугу: быть ее представителем в Генеральном Совете в Лондоне.

В то же время мы считаем своей обязанностью предупредить Вас, что мы ни в коем случае не можем согласиться на то, чтобы нашим представителем был кто-нибудь из русских, находящихся в данный момент в Лондоне.

А чтобы не вводить Вас в заблуждение и избавить Вас от сюрризов в будущем, мы считаем также своим долгом предупредить Вас, что не имеем абсолютно ничего общего с г. Бакуниным и его многочисленными сторонниками. Напротив, мы намерены в ближайшем будущем выступить с публичной оценкой этого человека, чтобы в мире трудящихся, — а для нас ценно только их мнение, — стало известно, что существуют личности, которые, проповедуя в этой среде одни принципы, хотят *сфабриковать* у себя на родине, в России, нечто совсем иное, вполне заслуживающее позорного клейма. Настоятельно необходимо разоблачить лицемерие этих ложных друзей политического и социального равенства, мечтающих на самом деле только о личной диктатуре по примеру Швейцера, не обладая при этом ни его талантами, ни его смелостью. Нужно, чтобы это лицемерие было разоблачено, и мы передадим дело на суд Генерального Совета, чтобы Вы вынесли свой приговор о поведении, действиях и писаниях личностей, вроде г. Бакунина, которые

стараятся забить головы русской молодежи подобными писаниями, являющимися гнусным отрицанием всех принципов Интернационала.

Соблаговолите сообщить нам, разрешаете ли Вы направлять к Вам наших друзей, уезжающих в Англию, и по какому адресу надлежит посылать наш журнал и наши бюллетени, которые будут выходить ежемесячно.

Нет необходимости добавлять, что мы были бы Вам крайне признательны хотя бы за несколько строк для нашего журнала, раз мы не можем надеяться на несколько страниц.

Примите, гражданин, от имени всех наших братьев, выражение нашего глубочайшего уважения.

*И. Утин,
В. Нетов,
А. Трусов.*

10.

МАРКС — ЧЛЕНАМ КОМИТЕТА РУССКОЙ СЕКЦИИ В ЖЕНЕВЕ¹

Лондон, 24 марта 1870 г.

Граждане!

В своем заседании 22 марта Главный совет² объявил единодушный вотум, что ваша программа и статут согласны с общими статутами Международного Товарищества Рабочих. Он поспешил принять вашу ветвь в состав Интернационала. Я с удовольствием принимаю почетную обязанность, которую вы мне предлагаете, быть вашим представителем при Главном совете.

Вы говорите в вашей программе:

«...что императорское иго, гнетущее Польшу, есть тормоз, одинаково препятствующий политической и социальной свободе обоих народов — как русского, так и польского».

Вы могли бы прибавить, что русский насильственный захват Польши есть пагубная опора и настоящая причина существования военного режима в Германии и вследствие того на целом континенте. Поэтому, работая над разбитием цепей Польши, русские социалисты возлагают на себя высокую задачу, заключающуюся в том уничтожении военного режима, которое существенно необходимо как предварительное условие для общего освобождения европейского пролетариата.

¹ Дается по тексту, опубликованному в № 1 «Пародного Дела». Женева, апрель, 1870 г. *Ред.*

² Имеется в виду Генеральный Совет I Интернационала. *Ред.*

Несколько месяцев тому назад мне прислали из Петербурга сочинение Флеровского «Положение рабочего класса в России»¹. Это — настоящее открытие для Европы. *Русский оптимизм*, распространенный на континенте даже так называемыми революционерами, беспощадно разоблачен в этом сочинении. Достоинство его не пострадает, если я скажу, что оно в некоторых местах не вполне удовлетворяет критике с точки зрения чисто теоретической.

Это — труд серьезного наблюдателя, бесстрашного труженика, беспристрастного критика, мощного художника и прежде всего человека, возмущенного против гнета во всех его видах, не терпящего всевозможных национальных гимнов и страстно делящего все страдания и все стремления производительного класса.

Такие труды, как Флеровского и как вашего учителя Чернышевского, делают действительную честь России и доказывают, что ваша страна тоже начинает участвовать в общем движении нашего века.

Привет и братство.

Карл Маркс.

11.

КОМИТЕТ РУССКОЙ СЕКЦИИ I ИНТЕРНАЦИОНАЛА — МАРКСУ *

в Лондон.

Женева, 24 июля 1870 г.

Гражданину Карлу Марксу, Секретарю Генерального Совета по делам Русской секции.

Дорогой гражданин!

Наше долгое молчание должно было очень удивить Вас, и Вы имели полное основание быть недовольным нами. Прежде чем приступить к цели этого письма, мы считаем нужным изложить смягчающие вину обстоятельства, послужившие причиной нашего молчания, если только наш друг И.-Ф. Беккер не написал уже Вам об этом, как мы его просили.

Со времени Конгресса в Шо-де-Фоне и донныне мы должны были быть все время начеку, ведя борьбу с врагами двоякого

¹ Флеровский Н., Положение рабочего класса в России. С.-Петербург, 1869. Ред.

рода: из лагеря *хозяев* и из лагеря «Solidarité»¹ (Бакунии, Гильом, Броссэ, Перрон и К^о). Партия «Solidarité» не останавливалась ни перед чем, чтобы выполнить поставленную перед собой задачу: любым путем добиться *разрыва* между секциями *строителей* и *рабочих фабрики*². Эти господа не прекратили своих происков даже перед лицом общей опасности — во время забастовок, начавшихся с апрельской стачки *кровельщиков* и не прекращающихся по сей день. Эти господа пытались отколоть несколько секций от Женевской федерации с тем, чтобы иметь впоследствии возможность хвастать торжеством *своих* принципов в Женеве и, опираясь на несколько женевских секций, заявлять, что только *их* федерация и есть единственная и действительная *романская федерация*. Поймать этих людей *на месте преступления*, точно установить и *доказать* их деяния, конечно, довольно трудно. Но мы, живя в Женеве и ведя непрестанную борьбу с их интригами, мы-то прекрасно знаем, что в это последнее время, в эти последние месяцы, вопрос стоял не более, не менее, как о том, чтобы *расколоть* Интернационал в Женеве, и эта достойная цель преследовалась с одинаковой энергией как «Solidarité», так и хозяевами...

Между тем, все это время одному из нас (Н. Утину) приходилось сидеть с утра до ночи в Тампль Юник, чтобы присутствовать на всех комиссиях, при всех свиданиях с хозяевами и посредниками, редактировать все воззвания и объявления, принимать участие в прениях на общих собраниях, которые происходили каждый вечер, и, наконец, редактировать «Égalité» и бюллетени. Ведь целых три с половиной месяца Утин должен был *сам* писать все статьи для «Égalité», заполняя регулярно все четыре страницы, и ему и впредь придется это делать до тех пор, пока не найдется кто-нибудь, чтобы заменить его или, по крайней мере, помочь ему. Естественно, что мы считали своей обязанностью по возможности помогать Утину в его работе в женевских секциях в интересах процветания Интернационала в Женеве, и мы уверены, что Ваш друг Беккер одобряет наше поведение. Одновременно с этим мы не могли совершенно забро-

¹ На конгрессе романской федерации в Шо-де-Фоне (в апреле 1870 г.) Альянс сделал попытку захватить руководство секциями романской Швейцарии. После происшедшего на конгрессе раскола сторожки Альянса создали, наряду с Романским федеральным советом в Женеве, свой Романский федеральный совет в Шо-де-Фоне и свой печатный орган «Solidarité» под редакцией Гильома. Генеральный Совет в своем решении от 28 июня подтвердил полномочия Женевского федерального совета и предложил Комитету в Шо-де-Фоне принять наименование местной секции. Ввиду того что Альянсистский комитет не подчинился этому решению, Генеральный Совет порвал с ним всякие сношения. *Ред.*

² Так назывались тогда в Швейцарии рабочие, занятые в часовой промышленности. *Ред.*

силь выпуск «Народного Дела» и должны были уделять много времени установлению надежных путей проникновения нашей пропаганды в Россию, — чего мы теперь достигли.

Все вышесказанное имеет целью убедить Вас, гражданин, что отнюдь не небрежность или нежелание, а абсолютное отсутствие времени среди всех перипетий борьбы заставило нас так долго хранить молчание.

И это еще не все. К интригам *международного* характера присоединяются *русские интриги*. Мы, конечно, предвидели, что создание Русской секции вызовет глупую зависть и бесстыдную клевету, но мы все же не ожидали, что низость наших великих революционеров пойдет так далеко...

Старик Бакуин со своим пустым самолюбием готов идти на всякие комбинации, чтобы только играть видную роль диктатора, и, следовательно, он всегда будет интриговать и устраивать заговоры — не против подлинных врагов народа, но против всех тех, кто осмелится предпринять что-нибудь без него, кто осмелится создать какую-нибудь организацию, основать какое-нибудь повременное издание в интересах народа, но где он, Бакуин, не сможет фигурировать. Отсюда его недовольство Генеральным Советом, Романской федерацией, Русской секцией и «Народным Делом». Ему дороги только его честолюбивые цели, он требует, чтобы все приносилось в жертву его честолюбию, и тут для него все средства хороши... группа Нечаева — Серебренникова и группа Бакуина и К^о предприняли одновременно настоящий *поход* против Русской секции. Они решили воспользоваться тем, что мы все это время были очень заняты событиями в Женеве, и *задумали взорвать Русскую секцию* с ее уставом и программой и заменить ее другой. С этой целью В. Серебренников выписал из Цюриха двух молодых русских студентов, которые после тайного совещания с Нечаевым потребовали от нас права принимать в секцию всех, кого они пожелают. Мы им ответили, что, облеченные доверием Генерального Совета, мы обязаны оберегать интересы Товарищества и не можем допустить принятия в число его членов всех без разбора и что мы должны с особой осторожностью относиться к лицам, не являющимся рабочими, что, кроме того, создавая здесь Русскую секцию, мы задавались целью образовать *открыто действующий комитет*, соединительное звено Товарищества с *Русской ветвью*, полем деятельности которой должна быть *Россия*, а не Швейцария, и потому нам важно не количество, а качество участников. Позднее они сознались нам, что собирались провести в секцию и Нечаева и *Бакуина*. Вот в чем было дело! Мы не обманулись в своих предположениях: осрамившись в России, старый индюк решил воспользоваться плодами нашей деятельности, чтобы снова царить над глушцами-

руссофилами! Было бы подлостью с нашей стороны, если бы мы не сумели уберечь Русскую секцию от вмешательства этих проходимцев. — Впоследствии эти люди не постеснялись заявить, что, желая овладеть таким образом Русской секцией, они намеревались исключить из нее нас при помощи большинства членов, которых они *приняли бы*: та же передержка с фактивным большинством, как и на конгрессе в Шо-де-Фоне! Они пошли еще дальше: они потребовали от нас нашу типографию и наш орган «Народное Дело», чтобы передать их в руки людей, более *искусных* и более *способных* руководить революционным журналом. Но мы знаем, что это за способные люди! Вы, наверное, видели новый «Колокол», который редактировался Бакуниным и Нечаевым, Вы видели, как они пробовали проводить в нем конституционализм и *политическую мешанину* из взглядов всех партий, нападая на нас за наше стремление пропагандировать определенные социалистические принципы. А до этого они выпустили, вышедшие якобы в России, брошюры, где они проповедывали, что *единственно подлинный тип* революционера — это русский разбойник с большой дороги. (Не прислать ли Вам эти брошюры?)¹

Получив по всей линии отпор и видя таким образом крушение своих планов, эти господа стали писать нам письма, обзывая нас *буржуа*, признающими право *собственности*. И все из-за того, что мы не хотим дарить им ни типографии, основанной благодаря нашим долгим и настойчивым стараниям, ни журнала «Народное Дело», который вот уже два года мы сами составляем, сами набираем и переправляем в Россию. В своем бешенстве они дошли до того, что *написали* нам: «Сидите в *передней Маркса и Беккера*, раз вам это нравится!... Нам не хотелось *выносить сор из избы*, но теперь мы считаем, и Беккер согласен с нами, что нельзя больше откладывать *издание брошюры* против Бакунина, Нечаева и К°. Это, по нашему мнению, единственное действительное средство, чтобы избавить Международное Товарищество от бесконечных интриг и сплетен. Наше намерение *напечатать брошюру*, разбирающую их деяния, и задержало несколько посылку Вам нашего обвинительного материала. Ведь нам пришлось бы проделать двойную работу, и работу нелегкую: необходимо *дословно* перевести все витиеватые измышления Бакунина, чтобы лишить его возможности прибегнуть позднее к своей затасканной аргументации — заявить, что его не поняли. Действительно, трудно понять подобного авантюриста без стыда и совести. — Нам хотелось бы

¹ Речь идет о брошюрах «Постановка революционного вопроса» и «Начало революции», изданных Бакуниным и Нечаевым в 1869 г. анонимно в Женеве, но с пометкой «Напечатано в России». *Ред.*

также в нашей брошюре объяснить его поведение в 1848 г., так как он строит свою популярность в России именно на своем поведении в этот период, да и такие люди как Гильом, Робен и весь их священный Альянс продолжают восхвалять его за 1848 год. Если у Вас есть какие-нибудь материалы по этому вопросу, мы Вам будем очень благодарны за них. Мы покорнейше просим Вас также поблагодарить от имени всех нас автора писем против Нечаева в «Volksstaat». Насколько нам известно, этим автором является гражданин Боркгейм, и нам хотелось бы, чтобы он знал, что мы в любой момент готовы вмешаться в полемику и подтвердить характеристику, которую он дал этим людям. Срывая с них маску, он оказал большую услугу нашему делу в России. Итак, мы собираемся кратко *формулировать* наши обвинения против Бакунина и отправить их Вам на этой неделе. Правда, мы боимся, что Вам трудно будет судить о правильности наших утверждений без подтверждающих их подлинных документов, которые мы сохраняем для брошюры, но мы готовы прислать Вам также и их.

Простите за бессвязное и беспорядочное письмо. Мы воспользовались первой свободной минутой, чтобы сообщить Вам все эти подробности, и спешим отослать их, *так как* получили известие, что Нечаев и Серебренников находятся в Лондоне (Нечаев, конечно, под другим именем); Серебренников же увез один из наших членских билетов, который он добыл *обманом*, попросив у нас билеты на вымышленные фамилии...

Мы никого еще не посылали к Вам, и мы считаем нужным, чтобы несколько позднее, — но, во всяком случае, перед *конгрессом*, — кто-нибудь из нас поехал в Лондон и обрисовал Вам положение вещей в целом. Ведь вопрос стоит очень серьезно: мы убеждены, что Международное Товарищество безусловно может в течение ближайших лет добиться *огромных* успехов в России, но горе нашему великому делу, если оно попадет в грязные руки невежественных дикарей или *ученых* шарлатанов. Эти люди могут приостановить на целые годы всякое развитие Товарищества в России! — Имейте в виду, что В. Серебренников получил в Париже рекомендацию к гражданину *Дюпону*. Эту рекомендацию дал ему, вероятно, Робен или кто-нибудь из его друзей. Мы спешим предупредить Вас об этом, так как господа, подобные Робену, способны жодослать кого угодно *шпионить* за *Генеральным Советом*. Они готовят против него кампанию на конгрессе, но мы сумеем расстроить их планы...

Нам хотелось бы знать Ваше мнение, правы ли мы, соблюдая осторожность и *ограничивая* здесь, в *Европе*, число членов Русской секции *только* хорошо известными мужчинами и

женщинами. Через несколько дней мы придем Вам воззвание нашей секции к славянам.

С братским приветом:

*Н. Утин,
Виктор Бартенев (Нетов),
Антон Трусов.*

События в Женеве задержали также до сих пор суд над Бакуниным в Центральной секции. Его будут судить, вместе с несколькими единомышленниками, в субботу 15-го. Большинство членов Центральной секции находит, что надо требовать его исключения за то, что он вызвал *раскол* в Женеве¹.

И. У.

12.

МАРКС — И.-Ф. БЕККЕРУ

в Женеву².

Лондон, 2 августа 1870 г.

...Я получил письмо от русских друзей в Женеве. Передай им от меня за него благодарность.

В самом деле, лучше всего было бы, если бы они написали брошюру о Бакунине, но это надо сделать в *ближайшее время*. Если это будет сделано, то им не надо присылать мне дальнейших документов о происках Бакунина.

Они спрашивают меня, что делал Бакунин в 1848 году? Во время своего пребывания в Париже с 1843 по 1848 г. он разыгрывал из себя решительного социалиста. После революции он отправился в Бреславль и связался там с *буржуазными демократами*, агитировал среди них за избрание (во Франкфуртский парламент) *Арнольда Руге*, бывшего в то время ярым врагом социалистов и коммунистов. Потом — в 1848 г. — он организовал панславистский конгресс в Праге. Сами панслависты упрекали его в том, что он вел там фальшивую игру. Но я этому не верю. Если он и делал там ошибки (с точки зрения его пан-

¹ В августе 1870 г. Бакунин и его активные сторонники Перрон, Жуковский Н. И. и Сутерланд были исключены за свою раскольническую деятельность из Центральной женевской секции Первого Интернационала. *Ред.*

² Этот отрывок из письма Маркса к И.-Ф. Беккеру является ответом на письмо комитета Русской секции к Маркуе от 24 июля 1870 года. *Ред.*

славистских друзей), то, по моему мнению, только «невольные». В начале 1849 г. Бакунин издал манифест (памфлет) — сентиментальный панславизм! Единственно похвальное, что можно сообщить о его деятельности во время революции, — это его участие в Дрезденском восстании в мае 1849 года.

Очень существенно для его характеристики выступление, сделанное им тотчас же после возвращения из Сибири¹. Об этом достаточно материала в «Колоколе» и в боркгеймовских «Русских письмах» в «Zukunft», которые у тебя, наверное, есть. Скажи русским друзьям, что разоблачаемая ими в письме личность² здесь не появлялась, что их поручение к Боркгейму я выполнил и что я буду очень рад, если кто-нибудь из них приедет сюда.

Наконец, я буду им очень благодарен, если они пришлют мне только что *вышедший четвертый том сочинений Чернышевского*. Деньги за него я пришлю им почтой...

Твой Карл Маркс.

13.

КОМИТЕТ РУССКОЙ СЕКЦИИ I ИНТЕРНАЦИОНАЛА — МАРКСУ *

в Лондон³.

Женева, 9 декабря 1870 г.

Дорогой гражданин!

Разрешите в этом письме горячо рекомендовать Вам нашего лучшего друга, г-жу Элизу Томановскую, искренне и серьезно преданную революционному делу в России. Мы будем счастливы, если, при ее посредничестве, нам удастся ближе познакомиться с Вами и в то же время более подробно осведомить Вас о положении нашей секции, о которой она Вам сможет обстоятельно рассказать.

Положение это является, несомненно, печальным, так как нам приходится, с одной стороны, преодолевать препятствия, которые ставит на пути всякой свободной пропаганды *царизм*,

¹ Имеется в виду статья М. Бакунина в герценовском «Колоколе» за февраль 1862 г. — «Русским, польским и всем славянским друзьям». *Ред.*

² Имеется в виду В. Серебрянников. *Ред.*

³ На письме печать: «Международное Товарищество Рабочих. Русская ветвь». *Ред.*

а, с другой стороны, бороться с невежеством и нечестностью (выражение отнюдь не слишком сильное), которыми проникнуты все слои так называемого образованного русского общества. К тому же узкие, групповые интересы парализуют революционную работу даже среди молодежи. В ее рядах преобладают приверженцы ребяческой игры в революцию, желающие подражать прежним немецким студенческим корпорациям и считающие себя способными произвести революционный переворот для народа, но без народа, что в России еще менее возможно, чем где бы то ни было. — Все это приводит к тому, что большинство из тех, которые по своему положению могли бы и должны были бы быть настоящими пропагандистами Международного Товарищества, — далеки еще до понимания его подлинного значения. От нас потребуется еще не мало усилий, чтобы водрузить и укрепить наше общее знамя в России. Однако мы несколько не сомневаемся в успешном разрешении поставленной задачи и мы счастливы, что мысль о необходимости направить русское революционное движение в русло общевропейского движения пролетариата была выдвинута именно нами. Критическое состояние нашей страны, экономическое положение народа, анархия в налоговом обложении, явное бессилие земских учреждений, слепое подражание Пруссии в проводимых царизмом военных реформах, — которые неизбежно вызовут сильнейшее недовольство крестьян и рабочих, — преследование даже полулиберальной печати (радикальная печать запрещена) — все это приведет в конце концов к созданию серьезной оппозиции и заставит людей задуматься о необходимости организации городов и деревень в ассоциации трудящихся, с некоторыми различиями в формах, диктуемых *административными* соображениями...

В Женеве мы готовимся к возобновлению «Égalité», которая перестала выходить в связи с значительным сокращением числа подписчиков вследствие безработицы в часовом производстве. Г-жа Элиза передаст Вам циркуляры инициативной группы пропаганды, которую мы здесь создали вместе с Бенксером, Перре, Вегерманом, Дюпле, Дювалем и многими другими. Мы возлагаем большие надежды на эту группу, хотя без газеты дело не пойдет. Мы сожалеем также, что Генеральный Совет не имеет средств для создания своего собственного органа. Этим нужно будет серьезно заняться предстоящему всеобщему конгрессу, так как нет сомнения, что он вообще займется вопросом об улучшении и упрочении федеративной организации всего Товарищества.

Г-жа Элиза напишет нам обо всем, что Вы найдете нужным нам сообщить, а по возвращении расскажет о том, какое впечатление произвели на нее, при более близком знакомстве, органи-

зации рабочих союзов и политическая и общественная жизнь Англии, и даст нам все сведения о ней. Мы уверены, что Вы своими советами и своими ценными указаниями поможете ей в изучении этих вопросов и заранее благодарим Вас за это; помогая ей в ее занятиях, Вы тем самым помогаете всем нам.

Примите, дорогой гражданин, наш братский привет.

Виктор Бартнев,
Н. Утин,
Антон Трусов.

14.

Е. Л. ТОМАНОВСКАЯ — МАРКСУ

в Лондоне.

Лондон, 7 января 1871 г.

Милостивый государь!

...Что касается альтернативы, которую Вы предвидите в вопросе о судьбах общинного землевладения в России, то, к несчастью, превращение его в мелкую собственность более чем вероятно. Все меры правительства — ужасающее и непропорциональное повышение податей и повинностей — имеют своей единственной целью введение личной собственности путем уничтожения круговой поруки. Закон, изданный в прошлом году, уже уничтожает ее в общинах, население которых меньше 40 душ (мужских; женщины, к счастью, не имеют души); официальная и либеральная пресса нисколько не стесняется громко кричать о благодетельных, по ее мнению, последствиях этого мероприятия. И действительно, столь прекрасное начало много обещает.

Я позволяю себе послать Вам номер «Народного Дела», в котором разбирается этот вопрос¹. Предполагаю, что у Вас, может быть, нет этого журнала полностью.

Вы несомненно знакомы с вышедшим в 1847 г. трудом Гакстаузена, в котором говорится о системе общинного землевладения в России². Если у Вас случайно его нет, то прошу сообщить

¹ Имеется в виду статья «Крестьянская реформа и общинное землевладение», напечатанная во втором номере «Народного Дела» от 7 мая 1870 года. *Ред.*

² *Haxthausen A.*, Studien über die inneren Zustände, das Volksleben und insbesondere die ländlichen Einrichtungen Russlands, I, II, III Teile. Hannover — Berlin, 1847—1852 (*Гакстаузен А.*, Исследования внутренних отношений, народной жизни и в особенности сельских учреждений России, в трех частях. Ганновер — Берлин, 1847—1852). *Ред.*

мне об этом. У меня есть экземпляр на русском языке, и я могу тотчас же послать его Вам.

Этот труд содержит много фактов и проверенных данных об организации и управлении общин. В статьях об общинном землевладении, которые вы теперь читаете, вы увидите, что Чернышевский часто упоминает эту книгу и дает из нее отрывки.

Я не покушаюсь, конечно, на Ваше время, но если в воскресенье вечером у Вас найдется несколько свободных часов, то я убеждена, что Ваши дочери будут так же счастливы, как и я, если Вы проведете их вместе с нами.

Прошу передать от меня привет г-же Маркс и принять уверение в моем искреннем уважении.

Елизавета Томановская.

Жму руки Жюппи и Туссен.

15.

Н. И. УТИН — МАРКСУ

в Лондон.

Женева, 17 апреля 1871 г.

Дорогой гражданин Маркс!

Я позволяю себе обратиться непосредственно к Вам, чтобы узнать, нет ли у Вас сведений о нашем молодом и драгоценном друге, г-же Элизе Томановской? С тех пор, как три недели назад она написала мне несколько строк о своем намерении поехать с Юнгом на *две недели* в Париж, я не имел от нее никаких известий; между тем я знаю, что письма из Парижа доходят по назначению, хотя и очень неаккуратно. Я был бы Вам безгранично благодарен, если бы Вы могли сообщить мне какие-либо сведения о судьбе нашего друга. Вы были так добры и так тепло относились к пей, поэтому я не имею надобности скрывать от Вас, что мы очень боимся, как бы отвага и энтузиазм Томановской не привели ее к гибели, а эта утрата была бы исключительно тяжелой... Ведь нас и без того слишком мало, чтобы в нужный момент послужить общему делу в России!

Не смею слишком много расспрашивать Вас о парижских делах... Много раз я думал, что нам всем следовало бы отправиться туда, но затем меня останавливали сомнения в окончательном успехе, и я говорил себе, что дело Интернационала скорее пострадало бы, чем выиграло, если бы все головы были *снесены* одним ударом вандейцев Тьера и К^о, и что, исходя

из этого, наш долг состоит скорее в том, чтобы оставаться на своих постах и продолжать начатую работу.

Я всегда был и остаюсь глубоко убежденным в том, что борьба с существующим порядком разрешится в конечном счете путем *кровопролития*, потому что я не думаю, чтобы буржуазия могла уступить легально и мирно; но мне важно знать, как определить подходящий момент, когда можно будет сказать себе, что пришло время сжечь корабли. Наступил ли сейчас, действительно, этот момент и нужно ли, на самом деле, чтобы все те, кто готов подкрепить свою пропаганду действиями и отдать за нее свою жизнь, отправились теперь в Париж?

Вот вопросы, которые меня волнуют; Вы, надеюсь, извините меня за то, что, не имея, может быть, на это права, я обращаюсь к Вам с такой откровенностью. Но прошу Вас принять во внимание, что эта откровенность не что иное, как прямое выражение уважения и безграничного доверия к Вашему уму, Вашему политическому такту и Вашей, подтвержденной всей жизнью, преданностью тому делу, которому мы все служим и знамя которого было водружено Вами.

Мне незачем добавлять, что это письмо вполне частного и личного характера, и я был бы Вам очень благодарен, если бы до субботы получил несколько слов в ответ: к субботе я закончу срочную платную работу и постараюсь быть свободным, чтобы иметь возможность, если обстоятельства потребуют, немедленно выехать в Париж, — хотя я в точности не знаю, каким путем туда пробраться и к кому обратиться по приезде.

Примите, дорогой гражданин и учитель (Вы мне разрешите Вас так именовать?), уверения в моем глубоком уважении и в моих братских чувствах.

И. Утин.

16.

Е. Л. ТОМАНОВСКАЯ — Г. ЮНГУ¹

в Лондон.

Париж, 24 апреля 1871 г.

Милостивый государь!

По почте писать невозможно, всякая связь прервана, все попадает в руки версальцев. Серрайе, только что избранный

¹ Сообщаемые в письме сведения предназначались для Маркса и всего Генерального Совета. *Ред.*

в Коммуну и чувствующий себя хорошо, переправил в Сен-Дени семь писем, но в Лондоне они, повидимому, не получены. Я послала Вам телеграмму из Кале и письмо из Парижа, но с тех пор, несмотря на все мои поиски и расспросы, я не могла найти никого, кто бы ехал в Лондон. Как вы можете оставаться там в бездействии, в то время как Париж из-за этого на краю гибели? Необходимо во что бы то ни стало агитировать в провинции за помощь нам. Парижское население (известная часть его) героически сражается, но мы никогда не думали, что окажемся настолько изолированными. Тем не менее мы до сих пор сохранили все наши позиции. Домбровский сражается хорошо, и Париж действительно революционно настроен. В продовольствии нет недостатка. Вы ведь знаете, что я пессимистка и вижу все в мрачном свете, — поэтому я приготовилась к тому, чтобы умереть в один из ближайших дней на баррикадах. Ожидается общее наступление. — Я лично думаю, что все зависит от случая.

Я очень больна, у меня бронхит и лихорадка. Я много работаю, мы поднимаем всех женщин Парижа. Я созываю публичные собрания. Мы учредили во всех районах, в самих помещениях мэрий, женские комитеты и, кроме того, Центральный комитет. Все это для того, чтобы основать Союз женщин для защиты Парижа и помощи раненым¹. Мы устанавливаем связь с правительством, и я надеюсь, что дело наладится. Но сколько потеряно времени и сколько труда мне это стоило! Приходится выступать каждый вечер, много писать, и моя болезнь все усиливается. Если Коммуна победит, то наша организация из политической превратится в социальную, и мы образуем секции Интернационала. Эта идея имеет большой успех. Вообще интернациональная пропаганда, которую я веду с целью показать, что все страны, в том числе и Германия, находятся накануне социальной революции, — эта пропаганда очень хорошо воспринимается женщинами. Наши собрания посещает от трех до четырех тысяч женщин. Несчастье в том, что я больна и меня некому заменить.

Дела Коммуны идут хорошо, но вначале было совершенно много ошибок. 15—20 дней назад был избран Кюзере, несмотря на всю нашу агитацию против него. Теперь Малон рвет на себе волосы, что не послушался меня. На-днях Кюзере будет арестован².

---

¹ «Союз женщин для защиты Парижа и помощи раненым» был основан в середине апреля 1871 года. Им было проведено с 11 апреля по 14 мая около 24 публичных собраний и организованы боевые части, героически сражавшиеся в рядах коммунаров. *Ред.*

² Кюзере был арестован 30 апреля по обвинению в измене; 20 мая он был освобожден. *Ред.*

К крестьянам не обратились во-время с манифестом; мне кажется, что он вообще не был составлен, несмотря на мои и Жаклара настояния. Центральный комитет не сразу сдал свои полномочия, были всякие истории, которые ослабили партию. Но с тех пор организация окрепла. На мой взгляд, делается все, что только возможно. Я не могу говорить об этом более подробно, потому что боюсь, как бы прекрасные глаза г. Тьера не заглянули в это письмо, — ведь еще вопрос, попадет ли благополучно в Лондон податель этих строк, швейцарец, редактор из Базеля, который привез мне вести от Утина.

Я сижу без гроша. Если Вы получили мои деньги, постарайтесь их с кем-нибудь переслать, — но только не по почте, иначе они не дойдут. Как вы поживаете? Я всегда вспоминаю о всех вас в свободное время, которого у меня, впрочем, очень мало. Жму руку Вам, Вашей семье и семье Маркса. Что поделяет Женни?¹

Если бы положение Парижа не было таким критическим, я очень хотела бы, чтобы Женни была здесь — здесь так много дела.

Лиза.

С Малоном и Серраиё я встречаюсь редко; каждый из нас слишком занят в своей области.

17.

МАРКС — Н. И. УТИНУ

в Женеву.

Лондон, 27 июля 1871 г.

Дорогой гражданин!

В прошлый вторник Генеральный Совет постановил, что в этом году *конгресса* не будет (ввиду исключительных обстоятельств), но что в Лондоне будет созвана, как в 1865 г., *закрытая конференция*. Различным секциям будет предложено послать туда своих делегатов. О созыве этой *конференции* не следует публиковать в газетах. Заседания будут закрытыми. Конференция будет заниматься не теоретическими, а исключительно *организационными* вопросами. Там будут разобраны также разногласия между различными секциями одной и той же страны.

¹ — старшая дочь Маркса. *Ред.*

Конференция откроется в Лондоне 17 сентября (третье воскресенье сентября). Юнг сообщит эти постановления Беккеру и Перре.

В прошлый вторник на заседании Генерального Совета были разобраны два вопроса, предложенные Гильомом: 1. Он прислал копии двух писем: одно, написанное Эккарнусом, от 28 июля 1869 г., в котором *Альянс* признается секцией Интернационала, другое — Юнгом, от 25 августа 1869 года. Это — квитанция о приеме взносов от *Альянса* (за 1868—1869 годы). Гильом спрашивает, подлинны ли эти письма.

Мы ответили, что в этом не может быть никакого сомнения.

2. «Принял ли Генеральный Совет резолюцию, исключаящую *Альянс* из *Интернационала*?» Мы ответили, как это и есть на самом деле, что *никакой подобного рода резолюции принято не было*¹. До сих пор приходилось констатировать только факты, но когда Робен в интересах тех, кто его уполномочил, пожелал истолковать эти факты в смысле, предвосхищающем решение вопроса о швейцарской распре, Совет прекратил прения! Прежде всего было указано на то обстоятельство, что в одном письме — еще до письма Эккарнуса — были уточнены условия присоединения *Альянса*, что они были приняты *Альянсом* и что теперь дело идет о том, чтобы узнать, выполнил ли *Альянс* эти условия, — вопрос, подлежащий рассмотрению на конференции².

Что касается взносов за 1868—1869 гг., то было указано, что *Альянс* уплатил эти деньги, чтобы купить себе право на участие в Базельском конгрессе 1869 г., и что после этого *Альянс* прекратил платежи.

В отношении второго вопроса было указано, что если Генеральный Совет и не принял резолюции об исключении *Альянса*, то это совсем еще не доказывает, что *Альянс* не исключил себя сам своими действиями.

¹ Гильом поставил эти вопросы с целью использовать ответы Генерального Совета в борьбе с Швейцарской Романской федерацией Интернационала, которая ввиду дезорганизаторской, раскольнической деятельности *Альянса* отказалась принять его в число своих секций, что привело к расколу со сторонниками *Альянса* на конгрессе в Шо-де-Фоне в апреле 1870 года. *Ред.*

² Речь идет о письме Генерального Совета Центральному бюро международного *Альянса* социалистической демократии от 9 марта 1869 г., в котором Генеральный Совет сообщил, что отдельные секции *Альянса* могут быть приняты в Международное Товарищество Рабочих при неизменном условии роспуска международной организации *Альянса*. Как известно, *Альянс* был распущен только номинально, фактически же продолжал существовать и служить орудием интриг Бакунина внутри Интернационала. *Ред.*

Итак, Совет постановил, что, отвечая на фактическую сторону вопросов, поставленных Гильомом, решение дела по существу он предоставляет конференции¹.

«Égalité» доходит сюда очень нерегулярно.

Я буду Вам очень благодарен, если Вы уведомяте меня о получении этого письма.

Привет и братство.

К. М.

P. S. Я не подписываю манифестов в Совете в качестве секретаря для России, чтобы не скомпрометировать наших русских друзей.

18.

МАРКС — Г. ЮНГУ

в Лондоне.

Лондон, 19 октября 1871 г.

Дорогой Юнг!

... Пожалуйста, напишите Утину несколько строк (письмо это должен передать ему Форестье) и попросите его:

1. Прислать мне (заказным письмом) *паспорт*, который он мне обещал.

2. Попросите его немедленно известить меня, знает ли он что-нибудь о новой Славянской секции в Цюрихе. Среди фигурирующих там фамилий я нашел: А. Дубов, Каспер Турский, Эммануил Эрвачанин.

С братским приветом

Ваш Карл Маркс.

---

¹ На Лондонской конференции Интернационала в сентябре 1871 г. была принята специальная резолюция об Альянсе социалистической демократии. В связи с тем, что за месяц до этого Альянс заявил о самороспуске, конференция постановила считать вопрос о нем исчерпанным. Однако, рассматривая самороспуск Альянса как маневр, конференция одновременно вынесла решение, категорически запрещающее местным секциям «впредь именоваться сектантскими названиями... или создавать сепаратистские общества под названиями *секций пропаганды, Альянса социалистической демократии* и т. д., претендующие на выполнение особых задач, отличных от общих целей Товарищества». *Ред.*

19.

Н. И. УТИН — МАРКСУ*

в Лондон.

Женева, 28 октября 1871 г.

... Юнг просит у нас сведений о лицах, которые обратились к Вам за разрешением организовать Славянскую секцию. Мы узнали об их намерении некоторое время тому назад косвенным путем через одного из наших друзей, а несколько позже Беккер получил от них письмо. Надо заметить, что эти лица и не подумали обратиться к Трусову, хотя как секретарь Русской секции он должен быть им известен. Окончательного мнения об этой секции мы себе еще не составили, но обещаем Вам точную информацию и заверяем Вас, что подойдем к этому делу беспристрастно, без личных счетов. Пока же разрешите поблагодарить Вас за то, что Вы сочли нужным обратиться к нам за сведениями и позвольте высказать Вам наши сомнения и опасения. Эти опасения сводятся к тому, что мы предвидим новую интригу или, вернее, новое *разветвление* прежней интриги. Раз будет создана Славянская секция, то ничто не помешает им организовать в Женеве новую Русскую секцию, в которую войдут Эллидин, Жуковский и К^о. Ничто не мешает им *реабилитировать* Бакунина или даже Нечаева (говорят, что этот мошенник недавно был в Цюрихе и сумел завербовать себе там сторонников и что он лишился своего *престижа* только после того, когда удостоверились, что он *ворует* письма и т. д.).

Судите сами, насколько низок, к сожалению, уровень умственного развития цюрихской молодежи. Надо заметить, что *русские женщины* в Цюрихе вообще значительно серьезнее мужчин; эти юноши поразительно *невежественны*, и их могут увлечь пышные фразы первого встречного проходимца. Кроме того, можно с уверенностью сказать, что создание подобной секции будет встречено как в России, так и в славянских странах очень неодобрительно. Рабочие славянских стран принимают уже деятельное участие в международном движении, а потому не захотят выслушивать поучения юных цюрихских студентов, уровень которых не очень-то высок. И в России пролетарская молодежь весьма косо посмотрела бы на то, что молодые люди, покинувшие Россию без особой надобности, просто как дети богатых родителей, ибо они не изгнаны и не бежали, *рядятся* теперь в перья Интернационала. Этим молодым людям по существу нечего делать в Цюрихе; если бы они хотели служить народу, они не покинули бы своей страны (это не относится к женщинам, которые лишены возможности учиться в своей варвар-

ской стране). Коротче говоря, мы не видим оправдания для существования в Цюрихе студенческой Славянской секции. Если они хотели издавать различные социалистические сочинения, то они могли обратиться в нашу типографию, созданную специально для этой цели. Очень хорошо, что они занимаются изучением общественных вопросов, организуют библиотеку и устраивают собрания (пока не поссорятся и не разойдутся, как это не раз случалось в Цюрихе!), но отсюда еще очень далеко до права называться *Славянской секцией*. Это звание ко многому обязывает, и нам кажется опасным присваивать его *совершенно* неизвестным студентам, деятельность которых и в России и в славянских странах может привести к весьма нежелательным результатам; не говоря уже о том, что интриганы могут легко использовать действия этой секции, чтобы скомпрометировать все наше Товарищество. Еще раз заверяю Вас, что строки эти продиктованы лишь нашей искренней преданностью Интернационалу. Пусть эти студенты едут к себе на родину, пропагандируют там наши идеи и способствуют организации секций, — вот какова должна быть роль этой молодежи, — но пусть они не разыгрывают диктаторов и руководителей рабочего народа.

Извините за непростительную длину этого письма, но у меня желание писать еще и еще. Ведь, когда я пишу, я переношусь мысленно к Вам, и воспоминание о Вашем дружеском приеме несколько смягчает мое огорчение от того, что мое пребывание у Вас было таким кратковременным. Я надеюсь, что Вы не сочтете банальной фразой выражение моей благодарности за ту доброту, с которой отнеслись ко мне Вы и Ваша семья и Ваш славный друг Энгельс. Мое неизменное желание — оправдать этот прием преданностью и искренним служением нашему общему делу.

С братским приветом

Н. Утин.

Юнг пишет, что скоро вышлет различные решения конференции¹, жду их с нетерпением.

Мисс Женни может сообщить Вам сведения о нашей сестре Элизе², ее здесь больше нет.

¹ Решения Лондонской конференции I Интернационала, состоявшейся в сентябре 1871 года. *Ред.*

² Елизавета Томаповская (Дмитриева) после падения Парижской Коммуны уехала в Швейцарию, а затем вернулась в Россию. *Ред.*

20.

Н. И. УТИН — МАРКСУ *

в Лондон.

Женева, 11—15 апреля 1872 г.

Дорогой гражданин!

Я поспешил отослать Вам уже вчера просимый Вами документ, отослав его заказным письмом на адрес Ф. Энгельса. По печатам на Ваших конвертах, которые я Вам возвращаю, Вы убедитесь, что я имел на это серьезные основания. Как видите, Ваши печати были сломаны, и версальская почта в *Кале* не постеснялась приложить свои собственные. Кроме того, кто-то вздумал зачеркнуть слова «*через Остенде*», а это *важно*, так как дает основание предполагать, что это было сделано в Англии!

Между тем адрес г-жи Арден совершенно неизвестен; это старая женщина, не имеющая никакого отношения к политике!

Сообщите моей сестре Тусси, что я решительно ничего не получил: ни «*Times*», ни «*Daily News*», абсолютно ничего. (А. Перре получил номер «*Eastern Post*» от 30 марта только вчера вечером.) Все ли в порядке с почтовой оплатой? Ведь я регулярно получаю «*Bee-hive*» и «*Spectator*», а в прошлом году регулярно получал «*Eastern Post*», пока был на нее подписан.

Возвращаясь к документу: его надо *заполнить*, вставив какое-нибудь женеvское имя, *Маршалль* например. Затем нужно указать *место рождения* — Женева — и куда направляется: во Францию, Бельгию и Англию... Поскольку в документе обозначено: «*Предъявлено в Дьеппе 25 сентября*», этот человек должен будет сказать, что он был уже раз в Англии и вернулся оттуда. Очень удачно, что мне удалось раздобыть и *оформить* этот документ, в настоящее время это очень трудно...

Задержка с печатанием воззвания огорчает меня больше, чем кого бы то ни было¹. Как видно, все познается на опыте. А опыт показывает, что очень неудобно производить печатание *здесь*, если *гранки* приходится посылать в Лондон...

Время у нас сейчас здесь *горячее*: в Шо-де-Фоне объявлена забастовка граверов, а это затрагивает всю *часовую промышленность* Женевы... Забастовка эта является лишь прологом к общему движению в часовой промышленности, а это значит, что можно ожидать в скором времени присоединения новых секций к нашей федерации.

¹ Речь идет о работе Маркса «*Мнимые расколы в Интернационале. Негласный циркуляр Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих*», изданной в Женеве в 1872 г. (*К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч.*, т. XIII, ч. II, стр. 391—433.) *Ред.*

Кроме того, во всей Швейцарии рабочие заняты сейчас вопросом о пересмотре союзной конституции. Это очень печально, так как вызывает разногласия между рабочими немецкой Швейцарии, в особенности цюрихцами, и рабочими романской Швейцарии. Мы здесь высказываемся против пересмотра, считая, что пересмотр, уничтожив навеки *автономию* кантонов, лишит нас возможности совершать *революции*, ибо союзное правительство осмелеет и будет по всякому поводу пускать в ход штыки. Жаль, что в момент, когда даже во Франции мы наблюдали великолепную народную реакцию против монархического унитаризма, выражением которой была Коммуна, люди, — любимые и уважаемые нами как наши старейшие товарищи, вроде папаша Беккера, — расходятся с нами по этому политическому вопросу. Беккер стоит за унитаризм и за централизацию всей власти в руках финансовых баронов! Впрочем, я был не менее удивлен, прочтя заявление Либкнехта на Лейпцигском процессе, что «он не сторонник федеративной республики»¹.

Другой вопрос, который горячо обсуждается во всех секциях, — это *общешвейцарская федерация Международного Товарищества*. Романский федеральный комитет, также как и секции Интернационала в Цюрихе, Базеле и т. д., согласны на образование *единой, общешвейцарской федерации*, с швейцарским федеральным советом в Женеве. Это исключительно важно для преуспевания Интернационала в Швейцарии: существующее ныне разделение на секции немецкой и секции романской Швейцарии делает возможным такие скандальные и прискорбные факты, как, например, выход рабочих Сен-Галлена из Интернационала!..

15 апреля вечером.

Как видите, при всем желании я не смог закончить и отправить это письмо. У меня болезненное стремление высказывать слишком много сразу. Постараюсь быть кратким, чтобы отослать Вам это письмо еще сегодня вечером, так как гранки готовы...

Третьего дня я увидел в «Русских Ведомостях» объявление о Вашей книге² и не поверил глазам своим. Я немедленно попросил одну мою приятельницу прислать мне ее, так как меня чрезвычайно интересует перевод. Очень боюсь, что переводчикам не удалось точно передать подлинник. Во всяком случае,

¹ По поводу швейцарских споров о пересмотре союзной конституции Энгельс писал И.-Ф. Беккеру 14 июня 1872 г.: «вся эта чепуха не стоила того, чтобы из-за нее создавать спор *внутри* Интернационала». Энгельс добавлял, что сообщил Утину о том, что они с Марксом «отнюдь не разделяют его взгляда на федерализм, который он проповедует в «Egalité» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXVI, стр. 266—267). *Ред.*

² Объявление о выходе в свет русского перевода I тома «Капитала» Маркса. *Ред.*

поздравляю Вас с выходом книги; с еще бoльшим правом можно поздравить русскую молодежь, которая сможет, наконец, познакомиться с нашим великим учением на основании подлинного источника.

Когда должно выйти *второе издание*¹? Если первые главы полностью переделаны и я мог бы получить их в гранках, то я поспешил бы перевести их и предложил бы какому-нибудь издателью для опубликования в виде *дополнения*.

Что касается Ля-Ля², то я получил то же известие за два дня до Вашего письма, но не решался верить правдивости этих сообщений³. Нужно ли говорить, как я счастлив, тем более, что у меня есть все основания предполагать и верить, что он *не одинок*, а что за ним последовал один из моих лучших друзей, отправившийся по тому же *торговому делу*. Таким образом, мы можем, наконец, надеяться, что это *торговое дело* останется за нами!!⁴ По поводу биографии двух апостолов⁵ я напишу Вам в следующий раз. Тема эта очень сложная, и я не могу обещать ничего положительного.

Всецело преданный Вам

Николай.

21.

В. О. БАРАНОВ — МАРКСУ

в Лондон.

С.-Петербург,
10 (22) июня 1872 г.

Милостивый государь!

Специально об этой сделке Бакунина я могу рассказать Вам следующее.

Как Вам известно, в 1869 г. в России был предпринят перевод Вашего труда⁶. Издатель поручил перевод Бакунину, так как он просил у него работы. Если не ошибаюсь, перевод был

¹ Второе немецкое издание I тома «Капитала». *Ред.*

² Г. А. Лопатин. *Ред.*

³ Очевидно, Маркс сообщил Утину полученное им через Даниельсона известие, что Лопатин освобожден по суду из сибирской тюрьмы с обязательством не покидать Иркутска. *Ред.*

⁴ Опасаясь цензуры, партийно-политические дела в переписке назывались «торговыми» или «коммерческими». В данном случае под «торговым делом» Утин подразумевает освобождение Чернышевского, для чего Лопатин поехал в Сибирь в конце 1870 г., но был арестован. *Ред.*

⁵ Имеются в виду биографии Чернышевского и Добролюбова. *Ред.*

⁶ I-го тома «Капитала». *Ред.*

заказан Бакунину в мае 1869 г.; он обещал представить значительную часть первого тома к осени того же года (точной даты я не знаю). Однако Бакунин условия не выполнил, медлил с работой, а в конце 1869 г. или в начале 1870 г. посредник издателя получил письмо¹ Нечаева, в котором от имени «Бюро» запрещалось требовать с Бакунина перевод *и беспокоить его в дальнейшем из-за полученного аванса в 300 руб. серебром (та-лер — 0,90 рубля)*.

Посредник написал Бакунину письмо, в котором возлагал на него вину за эту выходку, так как ему было ясно, что Нечаев без Бакунина не отдал бы такого *приказания*. Он прибавил, что простой честный отказ от работы не вызвал бы, конечно, никаких преследований со стороны издателя. Что касается других проделок Бакунина, то я ничего точно о них сказать не могу, так как не могу полагаться на свою память, когда речь идет о передаче чужих слов.

Свидетельствую Вам и Вашей семье свое глубокое уважение.

В. В.

22.

Н. Н. ЛЮБАВИН — МАРКСУ

в Лондон.

С.-Петербург,
8 (20) августа 1872 г.

Милостивый государь!

От Вашего корреспондента я узнал, что Вы хотите иметь письмо, полученное мною два года назад в связи с переводом Вашей книги на русский язык. Мои личные счеты с г. Бакуниным, которому был поручен этот перевод, я считаю поконченными после того, как я тогда же написал ему письмо, на которое он так и не ответил. Если я все же иду навстречу Вашему желанию, то только потому, что считаю деятельность названного гражданина крайне вредной и надеюсь, что история с переводом будет способствовать его дискредитации. Однако я должен предупредить Вас, что имеющиеся у меня улики против него совсем не так бесспорны, как Вы может быть думали. Правда,

¹ Имеется в виду письмо Нечаева Любавину от имени «Бюро заграничных агентов русского революционного общества «Народная расправа», которое носило угрожающий характер и заключало требование немедленно освободить Бакунина «от всякого нравственного обязательства продолжать перевод вследствие требования русского революционного комитета». *Ред.*

они бросают тень на эту личность, но они недостаточны для ее осуждения. Этот человек был уже причиной многих несчастий (здесь ходят слухи, что нападение банды на Утина в Цюрихе было совершено по поручению Бакунина) и все же он окружен еще известным ореолом как в Западной Европе, так и в кругу нашей неопытной молодежи, в чем я еще совсем недавно имел случай убедиться. Поэтому его дискредитация послужила бы на пользу общему делу.

Согласно Вашему желанию я прилагаю к этому письму письмо «Бюро» с тем, однако, условием, что Вы вернете его мне при первой же возможности, после того как используете его по принадлежности; оно может понадобиться и здесь. Касательно использования письма, я должен заметить, что Вы ошибаетесь, полагая, что мое знакомство с этим господином носило чисто коммерческий характер. Если бы он опубликовал мои письма к нему, то это причинило бы мне большие неприятности, а он обещал обязательно это сделать, если я слова подниму историю с переводом.

Чтобы разъяснить Вам эту историю, я должен рассказать следующее:

Летом 1869 года, в Берлине, я узнал от моего покойного друга Негрескула, что Бакунин очень нуждается и ему необходима срочная помощь. Тогда я еще мало знал Бакунина и разделял мнение столь многих русских студентов, которые считали, да и сейчас еще считают, его одним из наиболее выдающихся героев освободительной борьбы. Я тотчас же послал ему 25 талеров и обратился одновременно через своего петербургского приятеля к одному издателю с просьбой предоставить Бакунину работу. Было решено поручить ему перевести Вашу книгу, за что ему было обещано 1 200 рублей. По его просьбе ему переслали через меня целую пачку книг, пужных как пособие для перевода, и уплатили ему также по его просьбе 300 рублей вперед. 28 сентября (1869 г.) я послал ему эти 300 рублей в Женеву по адресу Шарля Перрона (я к тому времени переехал в Гейдельберг), а 2 октября получил от Бакунина расписку.

2-го ноября Бакунин написал мне из Локарно, что освобожден, наконец, от лишней политической работы и «завтра» приступает к переводу. Прошел весь ноябрь, а я не получил от него ни одного листа рукописи. Затем, в конце ноября или, вернее, уже в начале декабря я по поручению из Петербурга запросил Бакунина — собирается ли он переводить или нет. К сожалению, у меня не осталось копии этого письма, и я не могу точно сказать, что я тогда написал. Насколько я помню, мой петербургский приятель, через которого я спросил с издателем, написал мне, что если Бакунин не хочет переводить, пусть он так и скажет вместо того, чтобы затягивать дело;

а что касается 300 рублей, то об этом можно договориться. И сообщил это Бакунину, а 16 декабря он прислал ответ, в котором прежде всего заявляет, что не писал так долго (последнее письмо, полученное мною от него, было от 2 ноября) «отчасти» потому, что я был с ним очень груб (не в связи с переводом, а по другому поводу). Далее он пишет: «На каком основании Вы вообразили, что, взявшись за эту работу и получив даже за нее вперед триста рублей, я от нее откажусь?». По его словам, весь свой годовой бюджет он построил на этой работе, но по совершенно независящим от него обстоятельствам не смог серьезно приняться за перевод раньше начала декабря. К тому же работа оказалась гораздо труднее, чем он сначала думал. Затем он описывает различные трудности перевода. Упомяну лишь об одной из них, так как сильно подозреваю, что Бакунин в данном случае солгал. Прочитывая фразу из Вашей книги: «Стоимость — это сгусток труда», он пишет: «Марке просто пошутил — впрочем *он мне сам в этом признался*». Бакунин заявляет, что надсется закончить всю работу к концу апреля 1870 г., и настоятельно просит меня уговорить издателя не отбирать у него перевода. А если издатель решит это сделать, — то срочно известить его об этом, чтобы он мог позаботиться о возвращении 300 рублей.

19 декабря Бакунин прислал мне первые листы рукописи. При этом он писал: «Отныне буду Вам посылать через день или через два переведенные и переписанные листы».

31-го декабря я получил еще несколько листов перевода — это были последние. Всего я получил от него один, самое большее два печатных листа.

Наконец, 3 марта (1870 г.) пришло интересующее Вас письмо «Бюро». Хотя это письмо было написано не Бакуниным (по всей вероятности оно было непосредственным творчеством Нечаева), однако я счел Бакунина ответственным за него, так как не сомневался тогда, что он причастен к этому делу. Поэтому я написал ему ругательное письмо. Зимний семестр уже закончился, и мне нужно было уезжать. Все-таки я ждал две с половиной недели после отправки Бакунину письма, однако ответа не получил. Позднее Бакунин писал нашему общему знакомому Лопатину, что он ответил мне кратким письмом, в котором сообщал, что отказывается от перевода из-за моей грубости. Но я сомневаюсь, что этот ответ был когда-либо написан, иначе я бы его получил. Он передал, кроме того, тому же моему другу расписку, в которой значилось, что он, Бакунин, получил через меня от издателя 300 рублей и обязуется их возвратить в кратчайший срок. Это было, однако, совершенно излишне, так как у меня уже была его собственноручная расписка. Обещание его об уплате *в кратчайший срок* выполнено не было и до сих пор от

него еще не получено ни одного рубля. Мало того, он недавно просил через одну даму того же издателя дать ему другой перевод, обещая при этом, что история с «Капиталом» не повторится. Какое бесстыдство!

В заключение скажу, что я теперь думаю о письме «Бюро», полученном мною в 1870 году. Тогда причастность к нему Бакунина казалась мне несомненной. Но должен сознаться, что сейчас, когда я хладнокровно обдумываю всю эту историю, я вижу, что участие в ней Бакунина вовсе не доказано. Нечаев и в самом деле мог послать это письмо совершенно независимо от Бакунина. Одно только несомненно: Бакунин проявил полное нежелание продолжать начатую работу, хотя и получил за нее деньги¹.

О получении этого письма прошу Вас уведомить здесь Вашего обычного корреспондента. Письмо «Бюро» прошу вернуть по следующему адресу:

Господину Н. Любавину, С.-Петербург, Невский проспект, 34.

Не откажите завернуть письмо в бумагу, написав на ней:
Ник. Ник. Любавину.

Ваш

Н. Любавин.

23.

Н. И. УТИН — МАРКСУ *

в Лондон.

Женева, 1 ноября,
пятница вечером 1872 г.

Дорогой учитель!

Вместе с этим письмом посылаю Вам, наконец, так давно обещанные сведения; документы эти следующие: 1) Жизнь Бакунина в Сибири и его бегство. 2) Его панславистский манифест, датированный февралем 1862 г., Лондон. 3) Его апология *крестьянского царя* Александра II — нечто весьма интересное и весьма поучительное. — Я сделал очень большие выдержки из обеих этих публикаций и снабдил их многочисленными комментариями; я решил, что Вам лучше иметь много выдержек, чтобы Вы могли выбирать, хотя, сознаюсь, в моем многословии повинно богатство выбора — не знаешь, на чем остановиться,

¹ На Гаагском конгрессе, при решении вопроса об исключении Бакунина из Интернационала, был принят во внимание и дискредитирующий его случай с переводом «Капитала» на русский язык. Именно поэтому мотивировка исключения гласила: «Исключить из Интернационала Михаила Бакунина как основателя Альянса, а также и за личный проступок (*pour un fait personnel*)». *Ред.*

и я увлекся воспоминаниями о некоторых эпизодах, о некоторых чертах эпохи до 1862 г. ... «quorum pars magna fui»¹ («магна» — здесь лишнее): во-первых, я не могу говорить об этой эпохе, не испытывая содрогания при мысли о стольких жертвах, до сих пор дорогих мне, и затем — потому, что трудно понять всю подлость и идиотизм Бакунина, не отдавая себе отчета в том, в какое именно время он развлекался пением гимнов царю. Зная хорошо Бакунина, я могу сказать, что если только он не делал этих вещей по чистой глупости, то он делал это в надежде привлечь к себе внимание и заслужить милость императора. Думаю, что о Бакунине можно сказать: он не продан, потому что его не купили, если только на самом деле его не купили. —

2) Прилагаю Ваши русские оттиски — они взяты из второго номера *«Народной Расправы»*, появившейся в Женеве в декабре 1869 г., хотя в заголовке сказано: «Петербург, зима 1870 год». — Это оттиски из статьи, озаглавленной: *«Главные основы социального строя будущего»*, со следующей заметкой в примечании: «Подробное теоретическое развитие наших основных принципов читатели найдут в изданной нами статье «Манифест Коммунистической партии»; здесь мы главным образом объясняем практический путь реализации». Они действительно перевели «Манифест Коммунистической партии» и издали его на русском языке в числе прочих брошюр — какая честь для Вас; эти мошенники присвоили себе таким образом программу, которую они исказили и истолковали на свой лад в статьях, подобных той, оттиски которой Вы мне даете. — Ваше имя там нигде не упоминается. — Впрочем, я упомянул и об этих оттисках в моей записке, там, где я говорю об аукционистах (см. 2-й номер *«Народной Расправы»*). — Теперь нужно заметить, что Бакунин безусловно будет отрицать всякое родство с этими основами будущего; но надо его об этом предупредить, указав, что номер 2 появился до брошюры Бакунина, озаглавленной: *«Офицерам русской армии»*, и в этой брошюре (кое-какие выдержки из которой я Вам послал в маленькой тетрадке) Бакунин делает ударение на программе общества *«Народная расправа»*, заявляя: «Комитет вам известен: во-первых, своей программой, ясной и определенной, обнародованной им и объясняемой еще подробнее каждому вступающему в организацию. Во-вторых, рекомендацией ему (Комитету) служит то абсолютное доверие (без всяких условий), которое имеют к нему известные вам и уважаемые вами лица (так Бакунин говорит о самом себе), доверие, заставляющее вас вступить именно в эту организацию (нечаевскую), а не в другую» (стр. 8 брошюры). Под этой ясной

¹ — «в которых я принимал большое участие». *Ред.*

и определенной программой подразумеваются именно эти *основы*, так как *катехизис*, перевод которого у Вас имеется, не был опубликован.

3) Чтобы покончить с этими публикациями, я должен прибавить, что я нигде не упоминаю о другой его, Бакунина, брошюре, которая называется *«Наука и революционное дело»*; она была издана в то же время, что и все брошюры, исходившие от бакунино-нечаевского комитета зимой 1869—1870 г.; я пропустил эту брошюру, так как критика всех чепухостей, которые он там утверждает, отняла бы слишком много времени, — надо заметить только следующее: предаваясь там всяческому философским размышлениям *sui generis*¹, он приходит к выводу о необходимости *организации* для русской молодежи и в качестве образца этой организации предлагает *Международное Товарищество*; таким образом он *умышленно смешивает* Международное Товарищество со своим тайным обществом. — Если Вы хотите, я вам пришлю также и эту брошюру, но читать ее — потерянное время. —

Обращаю Ваше внимание на некоторые статьи, опубликованные в *«Tagwacht»* каким-то *русским*; я не знаю его имени, но там есть хорошие вещи...

Посылаю вам брошюру, опубликованную Бакуниным во время конгресса... в цитатах Бакунина из речи прокурора есть *передержки*: прокурор не говорил, что *все обвиняемые* подчеркивают громадную энергию Нечаева; наоборот, прокурор говорит, что все показания свидетельствуют о том, что он прибегал ко лжи и мошенничеству и только *один-единственный* обвиняемый упорствует в своем слепом доверии. — Помимо этого, надо заметить, что прокурор *в отсутствие Нечаева* имел задание *раздуть все дело до размеров подлинного политического заговора*: целью правительства было воспользоваться этим случаем, чтобы погубить сотню молодых людей, вынеся им обвинение как политическим преступникам. Вместо того, чтобы хвастаться этим, — бакунистам следовало бы молчать и не признаваться, что они сыграли на руку правительству, дав ему *случай* осудить столько молодых людей. — Вообще, было бы *серьезной ошибкой* пытаться представить Нечаева в виде героя — он был скорее сумасшедшим (посмотрим *еще*, не русский ли он агент — выдача ничего не означает), и *надо было бы уничтожить его, сделав его смешным*, ибо в противном случае он будет еще оказывать весьма губительное влияние на бедную русскую молодежь, — необразованную и варварскую; — и Вы увидите еще, что старый мошенник Бакунин будет *спекулировать* на несчастье его молодой *товарища* Нечаева и попытается *восстановить* молодежь про-

¹ — особого рода. *Ред.*

тив нас всех. — Можно будет сказать, что мы не хотели предавать *гласности* все это дело, пока не был еще решен вопрос о выдаче, чтобы не давать ложных *предлогов* нашим противникам; а теперь нужно поднять насмех обоих героев, настаивая на том, что жалкий, скудный разумом простофиля Нечаев был только *марионеткой* в руках Бакунина — это будет правдой, — надо устроить так, чтобы вся *гнусность* этого дела пала на Бакунина, надо сделать его *виновником* кары, которой подвергнется дуралей Нечаев. —

Вы просите у меня подробностей относительно преступников, покушавшихся на мою жизнь¹, я не могу еще ничего сказать — в моем первом (после нападения) длинном письме сестре Тусси я сообщил все известные мне подробности; мне кажется, я сказал, что шпион *Стемковский*, тот, который донес на Нечаева и который был его лучшим другом, равно как и другом Бакунина, — этот шпион, *по всей вероятности*, был в числе лиц, напавших на меня! —

Я горю желанием узнать, что это за *рукопись* Чернышевского², которую Вы обещаете мне выслать! Если это важная вещь, то мы всегда найдем средства напечатать ее, — у нас здесь есть *шрифт*, а что касается расходов по печатанию, на бумагу и платы за труд, — то можно будет *объявить* подписку — деньги найдутся, и я счастлив, что эта рукопись не попала в лапы жалким бакунистам. —

Затем прошу простить мне неприличную длину этого письма и верить неизменной преданности того, кто был бы счастлив назвать себя когда нибудь вашим настоящим учеником.

Николай.

24.

В. Н. СМІРНОВ — МАРКСУ

в Лондоне³.

Лондон, февраль 1875 г.

Милостивый государь!

Я имел удовольствие слушать Вашу речь на январском собрании⁴, отчет о котором я обещал дать для ближайшего

¹ Бакунисты совершили нападение на Утина, чтобы помешать сбору материала, разоблачающего интриги Бакунина. Материал все же был собран, и на основании его Энгельс представил доклад Гаагскому конгрессу I Интернационала. *Ред.*

² Речь идет о «Письмах без адреса» Н. Г. Чернышевского. *Ред.*

³ Черновик, написанный рукой Лаврова. *Ред.*

⁴ Имеется в виду выступление Маркса 23 января 1875 г. на празднестве в память польского восстания 1863 г. *Ред.*

номера газеты «Вперед!». Мне твердо помнится, что во время Вашей речи Вы произнесли такую фразу: «среди польского народа надо распространять идеи (или принципы) Международного Товарищества Рабочих», между тем в выдержке из Вашей речи, приведенной польской газетой, я не нахожу этой фразы. Чтобы окончательно убедиться, что моя память не обманывает меня, я решаюсь беспокоить Вас вопросом: действительно ли подобные слова содержались в Вашей речи?

Заранее благодарю Вас за Ваш ответ, который я ожидаю с величайшим нетерпением, и прошу Вас, милостивый государь, принять уверение в моем искреннем уважении и преданности социалистическим идеям.

Вал. Смирнов.

III

ПЕРЕПИСКА МАРКСА и ЭНГЕЛЬСА с ДАНИЕЛЬСОНОМ

25.

Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОН — МАРКСУ

в Лондон.

С.-Петербург,
18 (30) сентября 1868 г.

Милостивый государь!

1) Значение Вашего последнего труда — «Капитал. Критика политической экономии» — побудило одного из здешних издателей (Н. П. Полякова) предпринять перевод этой работы на русский язык. Различные привходящие обстоятельства делают желательным выпуск в свет одновременно с первым также и второго тома. Поэтому, как уполномоченный издателя, я почтительнейше прошу Вас, если Вы сочтете это возможным, высылать мне, по мере их напечатания, отдельные листы второго тома.

2) Чтобы ознакомить русскую публику с Вашими прежними произведениями, необходимо, если не перевести их, то, по крайней мере, дать о них несколько отзывов. К сожалению, во всей Пруссии кроме «К критике политической экономии» (1859), «Нищеты философии» (1847) и «Манифеста Коммунистической партии» мы ничего из Ваших трудов не могли найти. Мы не нашли даже Вашего знаменитого «Немецко-французского Ежегодника». Поэтому мы очень просим Вас либо выслать нам Ваши произведения, либо сообщить, где их можно отыскать.

3) Мы надеемся, что Вы будете так добры и пришлете нам Ваш портрет, который мы приложим к переводу.

4) Наконец, мы просим Вас указать нам литературу по рабочему вопросу в Соединенных Штатах, ибо здесь, в С.-Петербурге, я не смог получить никаких сведений о ней.

Если Вы согласны выполнить наши просьбы, то прошу Вас адресовать Ваши письма в С.-Петербург, а книжные посылки в Берлин, Oberwallstrasse, 5 (Н. Любавин).

Связанные с этим издержки будут тотчас же возмещены и деньги пересланы по адресу, который Вы укажете.

С глубоким уважением

Н. Даниельсон.

Адрес: *С.-Петербург*, Общество взаимного кредита, в здании Государственного банка.

P. S. Это письмо пересылается Вам через меня, так как мы не убеждены, что адресованные Вам по русской почте письма доходят до Вас *в полной сохранности*. Ваш ответ я прошу Вас послать прямо в Петербург Н. Даниельсону по вышеуказанному адресу.

Н. Любавин.

Берлин, Oberwallstrasse, 5.

2 октября 1868 г.

26.

МАРКС — Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОНУ

в Петербург.

Лондон, 7 октября 1868 г.

Милостивый государь!

В ответ на Ваше письмо могу сообщить следующее:

1) Вам не следует дожидаться второго тома, так как появление его может задержаться еще месяцев па шесть. Я не могу подготовить его к печати до окончания и опубликования данных некоторых официальных обследований, проведенных в течение прошлого и позапрошлого года во Франции, в Соединенных Штатах и в Англии. К тому же первый том представляет собой законченное целое.

2) Прилагаю мою фотографию.

3) Социалистической литературы в Соединенных Штатах не существует. Там есть только рабочие газеты.

4) Что касается моих сочинений, написанных на разных языках и вышедших в свет в различных местах, то я сам не имею полного собрания их. Большинства их уже нет в продаже.

Итак, не имея возможности удовлетворить Ваше желание по этому пункту, — «*la plus belle fille de France ne peut donner que ce qu'elle a*»¹, — я принужден ограничиться краткой за-

¹ — «самая красивая девушка Франции может дать только то, что у нее есть». *Ред.*

меткой о моей литературно-политической деятельности, которой Вы, быть может, воспользуетесь для предисловия к Вашему переводу¹.

Д-р К. Маркс родился в Трире (Рейнская Пруссия) в 1818 году.

1842—1843. Главный редактор *«Рейнской Газеты»* в Кёльне. Эта газета насильственно закрывается прусским правительством. Маркс уезжает в Париж и издает там (1844), совместно с Арнольдом Руге, *«Немецко-французский Ежегодник»*. В конце 1844 г. Гизо изгоняет Маркса из Франции, и он переезжает в Брюссель. Публикует совместно с Фридрихом Энгельсом *«Святое семейство или критика критической критики»*. Против Бруно Бауэра и К^о (Франкфурт-на-Майне 1845 г.). (Эта книга, — так же, как и статьи Маркса в *«Немецко-французском Ежегоднике»*, — направлены против идеологического мистицизма гегелевской и вообще спекулятивной философии.) Затем в Брюсселе были выпущены: *«Ницета философии. Ответ на «Философию ницетъ» г. Прудона»* (Брюссель — Париж 1847 г.), *«Речь о свободе торговли»* (Брюссель 1847 г.) и, наконец, в начале 1848 г. совместно с Фридрихом Энгельсом *«Манифест Коммунистической партии»* (Лондон).

Вскоре после того как вспыхнула февральская революция, Маркс изгоняется из Бельгии, но одновременно получает приглашение от временного французского правительства вернуться во Францию и уезжает в Париж, а в апреле 1848 г. — в Кёльн (Германия), где издает *«Новую Рейнскую Газету»* (с июня 1848 по май 1849 г.). Там же выпущены им:

«Два политических процесса» (Кёльн 1849). (Эта брошюра содержит описание судебных процессов и защитительные речи Маркса. В первом из этих процессов Маркс обвиняется в оскорблении королевского прокурора, а во втором — после прусского государственного переворота (Мантейфель) — в призыве к восстанию. В обоих случаях присяжные вынесли Марксу оправдательный приговор.) В мае 1849 г. *«Новая Рейнская Газета»* закрывается прусским правительством, и Маркс изгоняется из пределов Пруссии. Он снова отправляется в Париж, но, будучи снова изгнан из Франции, переселяется в конце октября 1849 г. в Лондон, где живет и поныне. Здесь им были опубликованы: *«Новая Рейнская Газета. Политико-экономическое Обзорение»* (Гамбург и Нью-Йорк 1850 г.).

«18 брюмера Луи Бонапарта» (Нью-Йорк 1852 г.).

¹ Справка о литературно-политической деятельности Маркса была использована в предисловии к первому русскому изданию I тома *«Капитала»*, изд. Н. П. Полякова. С.-Петербург, 1872. *Ред.*

«Разоблачения о жельнском процессе коммунистов» (1853 г. Два издания — одно в Базеле, другое в Бостоне, САСШ).

«Памфлеты против лорда Пальмерстона» (Лондон, Бирмингем, Глазго 1853—1854 гг.).

«К критике политической экономии» (Берлин 1859 г.).

«Господин Фогт» (Лондон 1860 г.).

1851—1861 гг. Ряд статей на английском языке в «Нью-Йоркской Трибуне», «Putnam's Review» и «New-American Cyclopaedia».

1864 г. — «Учредительный манифест Международного Товарищества Рабочих», озаглавленный «Воззвание к рабочим Европы», а также устав этого общества, окончательно принятый позже (1866 г.), на Женевском конгрессе Международного Товарищества Рабочих. С тех пор Маркс состоит непрерывно членом Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих, а также секретарем для Германии.

1867 г. — «Капитал» и т. д.

Преданный Вам

Карл Маркс.

27.

Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОН — МАРКСУ

в Лондон.

С.-Петербург, 30 сентября
(12 октября) 1869 г.

Милостивый государь!

До сих пор ни в русской, ни в заграничной литературе не появлялось еще работы, которая освещала бы правильно, не с официальной или буржуазной точки зрения, судьбы и экономическое положение русского крестьянина, фабричного рабочего, ремесленника или вообще русского рабочего класса. Причиной этого было множество препятствий, — большей частью официального характера, — на которые наталкивались исследователи.

Некоему Флеровскому впервые удалось обойти так или иначе эти препятствия и ознакомиться до мельчайших подробностей с экономическим укладом и жизнью русского мужика. Результатом его исследований, длившихся около пятнадцати лет, явился труд «Положение рабочего класса в России». Разумеется, автор использовал, кроме своих собственных наблюдений, также и все официальные данные.

Посылаю Вам эту книгу в падежде, что она даст Вам необходимый материал для следующих частей Вашего классического труда «Капитал» и т. д.

С уважением

Н. Даниельсон.

28.

Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОН — МАРКСУ

в Лондон.

С.-Петербург,
11 (23) мая 1871 г.

Милостивый государь!

Переводчик Вашего труда «Капитал», после своего отъезда из Лондона осенью прошлого года, не имел времени продолжать свою работу, так как находился постоянно в разъездах. В своих первых письмах он писал, что, после своего возвращения, сам закончит перевод, но когда это возвращение оказалось отсроченным на неопределенное время, он попросил меня взять на себя окончание перевода¹. Приехав сюда, он говорил, что Вы выразили желание целиком переработать для русского перевода первую главу Вашей книги «Товар и деньги». Так как перевод сейчас близится к концу, то не будете ли Вы так добры, — если Вы не переменили Вашего намерения, — прислать мне означенную главу вместе с другими изменениями Вашей книги, которые Вы находите желательными (например, относительно Н. Сениора²). Если же, как я предполагаю, первая глава Вами еще не переработана, то я очень прошу Вас указать хотя бы приблизительно, когда Вы сможете ее прислать³.

«Наш общий друг»⁴ рассказывал в дружеском кружке лицам, интересующимся продолжением Вашего труда, что издатель Вашей книги, в силу каких-то коммерческих расчетов, не желает печатать уже готового у Вас в рукописи второго тома

¹ Речь идет о Г. А. Лопатине, который во время пребывания в Лондоне в 1870 г. начал переводить на русский язык «Капитал» Маркса, но не смог закончить перевода из-за отъезда в Россию, с целью освободить Чернышевского. В начале февраля 1871 г. Лопатин был арестован в Иркутске. *Ред.*

² Речь идет о добавлении к 32 примечанию III раздела I тома «Капитала» по вопросу о «последнем часе» Сениора, которое Маркс прислал Даниельсону в письме от 9 ноября 1871 г. и которое вошло в первое русское издание «Капитала» в третью главу, примечание 34. *Ред.*

³ В первом русском издании «Капитала» первая глава дана по первому немецкому изданию. *Ред.*

⁴ Г. А. Лопатин. *Ред.*

до тех пор, пока не будет распродан первый том. Мы здесь нашли издателя, от имени которого я могу предложить Вам следующие условия. Вы подсчитываете расходы (на бумагу, печатание, корректуру и т. д.), а мы Вам тотчас же посылаем нужные суммы. Вы издаете второй том от Вашего имени и при продаже книги ведете счет доходов по трем рубрикам: погашение израсходованной суммы, гонорар автору и отчисление определенного процента (по Вашему усмотрению, например 2, 3, 4%) за время пользования деньгами; это отчисление пойдет на то, чтобы удешевить издание на русском языке. — Я не знаю, как Ваша книга расходуется в других странах, кроме Германии, но что касается Петербурга, то здесь спрос на нее очень велик. По рассказам «нашего друга» то же самое относится и к Вашей «К критике политической экономии».

«Наш друг» находится сейчас в очень тяжелом положении, худшем, чем когда он уезжал отсюда¹. Впрочем, надежда его не покидает. Подробности после.

По желанию «нашего друга» я послал Вам различные книги и статьи, между прочим и «О поземельной собственности»², автор которой, по его словам, очень интересуется Вас. Если хотите, я могу послать Вам и другие экономические работы того же автора. Я не посылаю их Вам до сих пор потому, что не был уверен, получили ли Вы первые. Между прочим мною послано Вам также письмо Флеровского с описанием того, как он собирал материалы для своей книги. Получили ли Вы все это?

С глубоким уважением

Н. Даниельсон.

Адрес: Россия, С.-Петербург, Государственный банк, г. Ступову. И больше ничего.

29.

МАРКС — Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОНУ

в Петербург.

Лондон, 13 июня 1871 г.

Милостивый государь!

Я с удовольствием займусь «первой главой», но не могу приступить к этому делу ранее, чем *через две недели*. Вследствие

¹ Г. А. Лонатиц находился в это время в Иркутской тюрьме. 3 июня 1871 г. он сделал попытку бежать оттуда, но был сразу же задержан. *Ред.*

² Чернышевский Н. Г., О поземельной собственности. «Современник» №№ 9 и 11, 1857. *Ред.*

восьминедельной болезни у меня накопилось много работ, которые должны быть выподнены в первую очередь. Тогда же пришлю Вам и список разных мелких исправлений.

Что касается продолжения моего труда, то сообщение «нашего друга» есть результат какого-то недоразумения. Я нахожу необходимой полную переработку рукописи. К тому же мне нехватало до настоящего времени некоторых необходимых документов, которые, однако, должны же в конце концов притти из Соединенных Штатов.

«Наш друг» *должен вернуться в Лондон* из своей торговой поездки. Корреспонденты той фирмы, от которой он разъезжает, писали мне из Швейцарии и других мест. Все дело *рухнет*, если он отложит свое возвращение, и сам он навсегда потеряет возможность оказывать дальнейшие услуги своей фирме. Соперники фирмы уведомлены о нем, ищут его повсюду и заманят его в ловушку своими происками¹.

Весьма благодарен Вам за различные русские книги, которые Вы были так любезны мне прислать. Все получено мною в исправности. Я буду очень рад и остальным экономическим сочинениям того же автора. («Книга о Дж.-Ст. Милле» у меня есть.)²

Несмотря на болезнь, я опубликовал недавно Манифест размером листа в два³. Как переслать его Вам?

Так как я много разъезжаю, а потому часто не бываю дома, то прошу Вас направлять впредь Ваши письма и т. п. по адресу одного из моих друзей А. Вильямса⁴, эсквайра (без двойного конверта). Он живет в моем доме, а потому и адрес его тот же: 1, Maitland Park Road, Chalk Farm, N. W. London.

Преданный Вам

М.

¹ Очевидно, Маркс не знал еще об аресте Г. А. Лопатина в Иркутске в феврале 1871 года. В ответном письме от 20 июня 1871 г. Даниельсон сообщил Марксу, что Лопатин вернуться не может, так как «торговая экспедиция разорилась и его задержали за долги». *Ред.*

² Речь идет о Сочинениях Н. Г. Чернышевского. В библиотеке Маркса сохранилась книга Чернышевского «Дополнения и примечания на первую книгу политической экономии Дж.-Ст. Милля» (Женева 1869), переплетенная с его же «Очерками политической экономии по Миллю» (Женева 1870). *Ред.*

³ Маркс имеет в виду «Гражданскую войну во Франции». *Ред.*

⁴ В дальнейшем в своей переписке с Даниельсоном Маркс подписывается — А. Вильямс. *Ред.*

30.

МАРКС — Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОНУ
в Петербург.

Лондон, 22 июля 1871 г.

Любезный друг!

Извините меня, пожалуйста, за столь поздний ответ. В последнее время я до такой степени был *завален работой*, что едва находил время для сна.

Поэтому я не мог и подумать о том, чтобы сделать что-нибудь относительно «Капитала». На будущей неделе, однако, я приступлю к этому делу и приготовлю все, что Вам требуется.

У меня был *готов пакет для Берлина*¹, но, к несчастью, вследствие какой-то оплошности он не был отослан и до сих пор еще находится у меня. Поэтому пришлите мне, пожалуйста, новый адрес для Берлина, и я отправлю пакет немедленно.

Здесь получены самые тревожные известия о нашем «общем друге»², но я надеюсь, что они ложны или, по крайней мере, преувеличены.

Если бы Вам удалось найти для меня в *Берлине корреспондента* согласного служить посредником в *некоторой части* тех торговых дел, которые мне приходится вести с Петербургом, то это было бы очень полезно, и по отношению к *некоторым товарам* этот окружный путь мог бы оказаться короче, чем прямой. Прямая линия далеко не во всех случаях, как это воображают математики, есть самая кратчайшая.

Искренно Ваш

А. Вильямс.

31.

Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОН — МАРКСУ *
в Лондон.

С.-Петербург, 30 августа
(11 сентября) 1871 г.

Милостивый государь!

На-днях закончился, наконец, печавевский процесс. Из 87 обвиняемых осужден 31, но большинство отделалось до-

¹ Имеются в виду материалы Международного Товарищества Рабочих, посланные для Даниельсона в адрес Любавина. *Ред.*

² Г. А. Лопатин. *Ред.*

волью легким приговором. Среди осужденных на длительный срок имеется некая г-жа Александровская, которая привезла ряд прокламаций из Женевы в Россию. В большинстве своем это были прокламации в бакунинско-печаевском духе, но среди них оказалась также одна вещь, не имеющая ничего общего с ними, а именно: русский перевод «*Манифеста Коммунистической партии*».

В ближайшее время предстоят еще несколько менее значительных политических процессов, в том числе процесс по поводу русского издания сочинений Лассалья¹. В самом содержании прокурору не удалось найти ничего предосудительного, а между тем правительство настаивало на возбуждении дела. Поэтому пришлось придаться к языку в «Капитале и труде», где якобы имеются слишком сильные выражения, опасные для нравственности читателя.

Наши чрезвычайные земские собрания продолжают выносить решения в пользу подоходного налога². Вологодское земское собрание предложило даже совсем освободить от налога всех лиц, имеющих менее 100 рублей годового дохода. Это тем более знаменательно, что до сих пор очень значительная часть нашего государственного бюджета покрывалась за счет *прямых налогов* на трудящиеся слои населения. Печать в большинстве своем также высказывается за эту реформу.

Издания Генерального Совета, которые Вы обещали мне послать, я до сих пор не получил. Может быть, Вы слишком опасаетесь известного рода неприятностей, которые здесь могут произойти? Но все это не так страшно, шлите эти вещи смело. Лучше всего посылать брошюры в запечатанных конвертах, как *неоплаченные письма*, не обращая внимания на их объем, иным способом эти издания сюда доставить нельзя (для таких посылок пользуйтесь адресом: *Н. Поляков, С.-Петербург, Васильевский остров, 10 линия, дом 5, кв. 5*; рукописи, относящиеся к «Капиталу», пересылайте, пожалуйста, по старому адресу *заказными письмами*). Сведения о деятельности Интернационала поступают сюда вообще очень скупо. Правда ли, что секции Интернационала вызывают такой страх, что князь Бисмарк и Бейст собираются встретиться со специальной целью договориться о совместных мероприятиях против них?

¹ Лассаль Ф., Сочинения в 2-х томах. С.-Петербург, 1870. *Ред.*

² В 1871 г. правительство передало вопрос о преобразовании подушной подати на обсуждение губернских земских собраний и уездных управ. Большинство земских собраний высказалось за замену подушной подати бессловесным подоходным налогом. Однако замена ее была проведена лишь в 1885 г., причем вся тяжесть налогового бремени осталась на плечах крестьянской массы. *Ред.*

«Наш общий друг» сидит в крепости, в очень строгом одиночном заключении. Что с ним будет — неизвестно. О каком-либо судебном следствии против него ничего не слышно. Похоже на то, что правительство собирается держать его неопределенное время без суда в одиночном заключении.

Преданный Вам

Н. Д.

32.

Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОН — МАРКСУ

в Лондон.

С.-Петербург,
17 (29) октября 1871 г.

Милостивый государь!

Заключив полностью первый том «Капитала», мы остановились в ожидании обещанной Вами переработки первой главы. Но затем нам стало жаль лишать русских читателей возможности познакомиться с мастерским изложением этой главы, ибо, если отвлечься от ее абстрактности, она, на наш взгляд, одна из лучших в книге. Чтобы не задерживать выхода тома (решено выпустить его не позже декабря этого года), мы приступили уже к печати. Переработанную первую главу (если Вы не отказались еще от Вашего намерения), а также различные другие мелкие изменения мы решили дать в виде приложения в конце книги (читатель, разумеется, ничего не потеряет от двух вариантов первой главы). — Исходя из этого, мы просим Вас сообщить нам, к какому приблизительно времени можно ожидать получения рукописи.

На-днях я послал Вам произведения одного из лучших русских публицистов и критиков, Добролюбова. В часы отдыха они доставят Вам настоящее наслаждение. Надо заметить, что автор умер еще очень молодым: ему было только 25 лет. Он был другом автора «Очерков политической экономии по Миллю».

Вопрос о реформе налогов рассматривается теперь в особой комиссии под председательством Валуева. Эта комиссия занимается специально *политической* стороной реформы.

С глубоким уважением

Н. Д.

33.

МАРКС — Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОНУ

в Петербург.

Лондон, 9 ноября 1871 г.

Дорогой друг!

Прилагаю при сем несколько изменений, отчасти просто исправление опечаток. Некоторую важность имеют только изменения, относящиеся к страницам 192, 201, 288, 205а (примечание) и 376, так как тут дело касается отчасти самого содержания.

Бесполезно *дожидаться* переработки первой главы, так как я за последние месяцы так занят (и в ближайшем будущем мало надежды на улучшение по этой части), что никак не могу прийтись за свои теоретические работы.

Конечно, в один прекрасный день я всему этому положу конец, но бывают обстоятельства, когда чувство долга принуждает вас заниматься вещами, несравненно менее привлекательными, чем теоретические изыскания и исследования.

Горячо благодарю Вас за Вашу любезность. С сочинениями Эрлиба¹ я отчасти уже знаком. Как писателя я ставлю его наравне с Лессингом и Дидро.

Я получил несколько курьезных номеров «Московских Ведомостей».

Искренне Ваш

А. В.

34.

Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОН — МАРКСУ

в Лондон.

С.-Петербург,
15 (27) марта 1872 г.

Милостивый государь!

Печатание русского перевода «Капитала», наконец, закончено, и я могу переслать Вам экземпляр книги. Я рассчитывал кончить эту работу к концу декабря; не моя вина, если она затянулась дольше. Сначала мы хотели поместить в книге

¹ Эрлиб — Добролюбов; Маркс дает его фамилию по-немецки — Ehrlich. *Ред.*

портрет автора на отдельном листе, он был уже награвирован, но это не удалось нам и опять-таки не по нашей вине: цензура не допустила этого. Она же не разрешила поместить его портрет в тексте.

Отзывы наших журналов об этом труде я, разумеется, Вам перешлаю. Я не думал, что извещать Вас об окончании печатания придется мне, я надеялся, что это сделает «наш общий друг». Мы с ним не виделись, но он послал нам подробное описание своих скитаний. Оказывается, он вынужден был провести 11 месяцев в тюрьме, и его судили не по политическому делу, а за проживание по чужому паспорту. Суд первой инстанции приговорил его к поселению в Сибири; суд следующей инстанции отменил этот приговор и наложил на него лишь денежный штраф в сто рублей. Вслед за этим он был освобожден с обязательством не покидать Иркутска. Таковы его дела. Впрочем, я уверен, что он сам Вас обо всем известит. Если Вы хотите что-нибудь сообщить ему, то я готов играть роль посредника и пересылать Ваши письма по адресу «нашего общего друга».

После того как автор «Очерков политической экономии по Миллю» отсидел свое время, он был отправлен в Якутскую область в город Вилюйск¹. В этом городе 311 человек жителей, он находится на расстоянии 710 верст к северу от Якутска и 9500 верст от Петербурга.

Я давно уже хотел обратить Ваше внимание на некоторые неточности в IV томе сочинений этого автора, на тот случай, если бы Вы захотели на него сослаться. Дело в следующем:

Цензура не разрешила поместить в журнале, где печатались эти очерки², всю первую главу в том виде, в каком она появилась в IV томе. Все, напечатанное на стр. 1—58, в русском журнале отсутствует; вместо этого там был ряд страниц, которые вошли также в IV том, именно стр. 58—62. Далее: стр. 24, строка 5, после должно следовать то, что находится от 6-й строки стр. 31 до 19 строки стр. 33, за этим идет пример на стр. 24—31, а после этого текст стр. 33, строка 20-я, считая сверху. Последние три строки стр. 33 и две первые строки стр. 34 нужно совершенно выпустить. Эти пять строк не имеют здесь никакого смысла, ибо ими заканчивался другой критический очерк, выдержки из которого приводятся здесь автором. На стр. 40 по

¹ В 1871 г. после окончания срока каторжных работ, которые Н. Г. Чернышевский отбывал на Александровском заводе Перчинского округа, он был переведен по приказу царского правительства в г. Вилюйск, Якутской области. *Ред.*

² «Очерки политической экономии по Миллю» Н. Г. Чернышевского появились впервые в «Современнике» за 1861 г., а затем вошли в IV том Сочинений Чернышевского (Женева 1870). *Ред.*

недосмотру допущена большая ошибка, именно: после 14-й строки нет цитаты из Милля, книга 2, глава 2, §§ 3, 4, 5, 6.

Чтобы письма *не терялись*, я попросил бы Вас послать их отныне заказным по следующему адресу: С.-Петербург, моя фамилия, Общество взаимного кредита, Казанский мост, дом Лесникова.

С глубоким уважением

Н. Д.

35.

МАРКС — Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОНУ

в Петербург.

Лондон, 28 мая 1872 г.

Милостивый государь!

Мой ответ заоздал так сильно потому, что я все время надеялся послать Вам одновременно с письмом первые выпуски *второго немецкого издания «Капитала»*, а также *французского перевода* (Париж). Но немецкий и французский издатели до такой степени затянули печатание, что я больше не могу откладывать ответа Вам.

Прежде всего большое спасибо за прекрасно переплетенный экземпляр. Перевод сделан *мастерски*. Мне очень бы хотелось получить еще один непереплетенный экземпляр для Британского музея.

Мне очень жаль, что *абсолютный* [недостаток времени] (*в буквальном смысле этого слова*) не позволил мне приступить к переработке моего труда для второго издания ранее конца декабря 1871 года. Это было бы очень полезно для русского издания.

Хотя французское издание (в переводе г. Руа, переводчика Фейербаха) и выполнено большим знатоком обоих языков, тем не менее он переводил иногда чересчур буквально. Поэтому я был принужден переделывать во французском тексте целые отрывки, чтобы сделать их доступными для французской публики. Тем легче будет со временем переводить с французского на английский и на романские языки.

Я до такой степени переутомлен и встречаю столько помех в своих теоретических занятиях, что после сентября намерен *выйти из торгового дела*¹, которое в настоящее время лежит

¹ Маркс имеет в виду свое намерение выйти из состава Генерального Совета I Интернационала после Гаагского конгресса. *Ред.*

главным образом на моих плечах и, как Вам известно, имеет свои разветвления по всему свету. Но всему есть мера, и я не могу больше, — по крайней мере в течение некоторого времени, — заниматься одновременно делами двоякого рода и столь различного характера.

Известия, которые Вы сообщили о нашем *общем друге*, очень обрадовали меня и мою семью. Немногих людей я так люблю и так уважаю, как его.

Вы очень обяжете меня, переслав прилагаемое письмо доктору В. Баранову по адресу: Г-же Багговут-Гросс, Театральная площадь, дом барона Кюстера.

В надежде скоро услышать о Вас, дружески Вам преданный

A. B.

Один из проживающих в Швейцарии шарлатанов — М. Бакунин — вытворяет такие вещи, что я был бы очень благодарен за всякие точные сведения об этом человеке: 1) о его влиянии в России, 2) о той роли, которую играла его особа в пресловутом процессе¹.

36.

Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОН — МАРКСУ

в Лондон.

С.-Петербург,
23 мая (4 июня) 1872 г.

Милостивый государь!

Так как Вас, наверно, интересует судьба русского перевода «Капитала», то я могу Вам по этому поводу сообщить следующее. В цензуре, куда эта книга была, согласно закону, сдана на три дня, ее просматривали два цензора, которые дали свое заключение о ней цензурному комитету. Еще до просмотра было принципиально решено не задерживать книги из-за одного только имени автора, но при этом все же самым тщательным образом изучить ее и поискать, нет ли в ней мест, которые могут разрушить или поколебать основы экономического строя. Вот вкратце постановление, единогласно принятое комитетом и переданное на заключение главного управления по делам печати: «Хотя автор по своим убеждениям вполне социалист, и вся его

---

¹ Имеется в виду почтаевский процесс. *Ред.*

книга посит вполне определенный социалистический характер, доказательством чему служат следующие страницы (страницы мне не известны), — однако, принимая во внимание, что изложение отнюдь не может быть названо общедоступным и что, с другой стороны, способ доказательства облечен всюду в строго математическую научную форму, комитет (можно подумать, что комитет вполне удовлетворился доводами и превратился вообще в социалистический клуб) не находит возможным подвергнуть это сочинение судебному преследованию и решает выпустить книгу в свет».

Разрешая эту книгу, цензурный комитет рассчитывал, таким образом, на то, что ее никто не станет читать. Вот данные по этому поводу: книга вышла в свет 27 марта, а до 15 мая продано 900 экземпляров (отпечатано всего 3 000 экземпляров).

Большая часть журналов и газет поместила рецензии о книге. Все — без исключения — отзываются о ней с большой похвалой. Всесторонней критики пока еще нет. К сожалению, нет до сих пор отзыва «Московских Ведомостей». От этой газеты можно ожидать курьезнейших высказываний.

С некоторого времени мы не имеем никаких вестей от «нашего общего друга». Я ожидаю письма не раньше конца мая.

Кроме уже посланного отзыва о «Капитале»¹, я на днях вышлю Вам еще другие.

Как раз когда я собирался отослать свое письмо, пришло Ваше от 28 мая. Переводчики очень польщены Вашим высоким мнением о переводе. Книгу вышлю на этих днях.

Сообщение о Вашем намерении отказаться от всякой не теоретической работы меня очень огорчило. Для самого дела это будет чувствительным ударом.

Я постараюсь возможно скорее удовлетворить Ваше желание и получить справки о Бакунине. Я думал, что «наш общий друг» во время своего пребывания в Лондоне сообщил Вам многое о нем. Сейчас могу только сказать: 1) Что он (Бакунин) никогда не пользовался особенным влиянием, а в настоящий момент о каком бы то ни было его влиянии не может быть и речи ввиду глупой и некрасивой роли, которую он играл в этом процессе. 2) К несчастью, его роль не вскрылась во время суда, хотя он был душою всего дела. Все знаменитые прокламации (с призывами к убийствам, поджогам и т. д.) были составлены им. Однако сам он старательно скрывал свое авторство, чтобы не повредить своей репутации на Западе, а его адъютант Нечаев (с которым он очень считался) замалчивал это в своих собственных интересах. Некий Негрескул должен был разоблачить все это перед

¹ *Кауфман И. И.*, Точка зрения политико-экономической критики у Карла Маркса. «Вестник Европы», май 1872. *Ред.*

судом, но он умер от чахотки до процесса. Бакунин играл глупую роль, потому что дал Нечаеву одурачить себя и внимал его болтовне, как изречениям оракула.

С глубоким уважением

Н. Д.

37.

И. Ф. ДАНИЕЛЬСОН — МАРКСУ

в Лондон.

С.-Петербург, 20—25 июля
(1—6 августа) 1872 г.

Милостивый государь!

Я послал Вам сборник «Русские общественные вопросы»¹, несколько рецензий на «Капитал»² и «Письма без адреса»³ (автора «Очерков политической экономии по Миллю»). Я не отсылал до сих пор рецензий, так как ждал окончания статьи в «Биржевой Газете». Но они, вероятно, передумали и поняли, что высказывания, которые они делали, им совершенно не подобают, а поэтому предпочли вовсе не печатать второго отдела. — «Письма и т. д.» были написаны автором тотчас же после издания закона по крестьянскому вопросу. Я слышал, что вскоре выйдет пятый том его произведений, и так как в этих «Письмах» затрагиваются те же темы, что и в пятом томе, то было бы не плохо включить их в него. Возможно, что у издателя уже есть кония этих писем (они не были напечатаны), но, принимая во внимание, что начало четвертого тома (напечатанного тоже с рукописи) не свободно от ошибок, я посылаю Вам копию, сверенную с оригиналом, в надежде, что Вы будете так добры и перешлете ее, по прочтении, издателю.

В «Сборнике» есть несколько статей, которые, я думаю, заинтересуют Вас своими фактическими данными о том, в каком положении находятся различные вопросы в России. Не ожидайте

¹ «Русские общественные вопросы» — сборник газеты «Неделя». С.-Петербург, 1872. *Ред.*

² Как Вы увидите, к ним, в отличие от немцев (Г. Зибеля, Шеффле и др.), нельзя применить слова Лихтенберга: «Люди склонны думать, что они способны прочесть великую книгу, в которой нет кривых линий или алгебраических формул, если только они понимают язык, на котором она написана. Но это в корне неправильно!» (1778 г.). (*Примечание автора.*)

³ «Письма без адреса» Н. Г. Чернышевского, дающие оценку крестьянской реформы, написанные им в конце 1861 г., были запрещены цензурой. *Ред.*

от авторов теоретической оригинальности и особенного ума; в настоящее время в нашей литературе нет ни того, ни другого. Но это добросовестные труженики. Вы найдете там две статьи Флеровского (Берви) (VI и XIII) автора «*Положения рабочего класса в России*» (между прочим: второе издание этой книги задержано цензурой).

Опекуна детей Чернышевского (Пыпица), хотевшего издать критические, библиографические, исторические и историко-литературные статьи Чернышевского, предупредили, что, если хоть одна статья этого автора появится в свет, издатель будет без дальнейших разговоров выслан из столицы. При этом следует заметить, что многие из этих вещей были впервые напечатаны в тяжелые для свободного слова времена — в 1855—1856 годы.

В «Сборнике» есть статья Жохова «Нерешенные вопросы крестьянского дела», в которой заслуживает внимания очерк современного положения крестьян как членов государственного организма, т. е. условий, созданных Положением 19 февраля 1861 года. В пей Вы найдете также, как создавалось это «*Положение*», какую роль играли помещики. Может быть, Вы заинтересуетесь вопросами, затронутыми в этой статье и пожелаете познакомиться с материалом, легшим в ее основу. Может быть, также Вы захотите увидеть делегатов-помещиков в их полной наготе, когда они с циничной откровенностью защищали свои священные права и на предложение «Комиссии» отпустить крестьян с землей отвечали, что подобное предложение есть плод зловредных учений социализма и коммунизма, утверждали, что «Комиссия» дала себя увлечь учениями Прудона, которые вся просвещенная Европа признала недостойными даже насмешки, и отстаивали малые наделы земли для крестьян, заявляя, что крупные были бы обременительны для самих крестьян. Может быть, говорю я, все это заинтересует Вас настолько, что Вы пожелаете ближе ознакомиться с материалами, изданными *Скребицким* под заглавием «*Крестьянский вопрос в царствование Александра II*»¹, и напишете мне, чтобы я Вам выслал этот труд, весьма добросовестно составленный, — тогда я посылкой «Сборника» достигну своей цели. У *Скребицкого* Вы найдете ход дела, все мнения, возражения помещиков, все их проекты и т. д. С характером этого труда Вас до известной степени ознакомит означенная работа Жохова.

25 июля (6 августа).

... Верно ли, будто конгресс состоится в Гааге? Будьте настолько любезны и пришлите мне его программу.

¹ *Скребицкий А. И.*, Крестьянское дело в царствование императора Александра II, т. 1—4. Бонн, 1862—1868; у Даниельсона стоит ошибочно «Крестьянский вопрос». *Ред.*

Одновременно с этим письмом посылаю Вам статью из «Вестника Европы» «Опыты земской статистики»¹. Она покажет Вам, что у нас величина v в формуле $\frac{m}{v}$ стремится стать отрицательной величиной, т. е. что из каждых ста единиц, производимых рабочим, у него стремятся отнять сто пятьдесят! Это показывает, куда привели нас «знаменитые десять лет реформ»! Недаром голодный тиф стал у нас хронической болезнью.

Когда Вы думаете закончить второе издание «Капитала»? В нем будет сделано, наверно, много изменений? Мне важно все это знать, так как я думаю, что к концу года русское издание будет распродано; следовательно, к этому времени надо завершить все подготовительные работы (перевод, изменения и т. д.).

И передал Баранову Ваше письмо, он хочет Вам сам ответить.

С глубоким уважением

Н. Д.

38.

МАРКС — Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОНУ
в Петербург.

Лондон, 15 августа 1872 г.

Милостивый государь!

Надеюсь, что Вы уже получили первую часть второго немецкого издания, которую я послал Вам несколько дней тому назад. И вышлю Вам также первые шесть выпусков французского издания, которые выйдут на-днях. Необходимо справляться с *обеими изданиями*, так как во французском я кое-что прибавил и изменил.

Ваше интересное письмо мною получено, и я отвечу на него на этих днях. И получил также посланную Вами рукопись² и статью из «Вестника [Европы]».

Пишу сегодня второпях по одному специальному делу *самого неотложного* характера.

Вакуини годами тайно подготовлял взрыв Интернационала, но в последнее время до такой степени прижат нами к стене, что вынужден был, наконец, сбросить маску и *открыто отколоться* вместе с руководимыми им глупцами. Он был главным заправи-

¹ Прокофьев М., Опыты земской статистики. «Вестник Европы», июль 1872. *Ред.*

² Рукописная копия «Пишем без адреса» Н. Г. Чернышевского. *Ред.*

ной нечаевского дела. Так вот, этому Бакунину было как-то предложено перевести на русский язык мою книгу, причем часть денег за перевод была им получена вперед, но вместо того, чтобы представить работу, он написал или велел написать некоему Любавину (так, кажется); который вел с ним переговоры по поручению издателя, в высшей степени возмутительное и компрометирующее письмо. Это письмо могло бы мне весьма пригодиться, *если бы я мог получить его немедленно*. Так как это чисто *коммерческое* дело¹ и так как при пользовании этим документом не будет названо никаких имен, то я надеюсь, что Вы мне добудете это письмо. Но нельзя терять ни минуты времени. Если Вы можете прислать мне это письмо, то нужно сделать это сейчас же, потому что в конце этого месяца я уезжаю из Лондона на Гаагский конгресс.

Искренне Ваш

А. Вильямс.

39.

МАРКС — Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОНУ

в Петербург.

Лондон, 25 ноября 1872 г.

Мой дорогой друг!

Пересланное мне письмо пришло во-время и сделало *свое дело*.

Если я не написал Вам ранее и если даже теперь посылаю лишь эти несколько строк, то только потому, что хотел бы получить от Вас, если это возможно, другой, *строго коммерческий адрес*, по которому я мог бы писать Вам.

Выдача Нечаева и интриги его учителя Бакунина заставляют меня сильно беспокоиться за Вас и за некоторых других друзей. Ведь эти люди способны на всякую подлость.

Я не могу в достаточной мере выразить мою благодарность за тот интерес к моим произведениям и моей работе, который проявляете Вы и прочие мои русские друзья.

Искренне Ваш

А. Вильямс.

Пожалуйста, ответьте на эти строки возможно скорее.

¹ Соблюдая необходимую конспирацию в открытой переписке, Маркс в своих письмах называет политические и партийные вопросы «коммерческим делом». *Ред.*

40.

МАРКС — Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОНУ

в Петербург.

Лондон, 12 декабря 1872 г.

Дорогой друг!

Из прилагаемого Вы ознакомитесь с результатами Гаагского конгресса. В заседании следственной комиссии по делу Альянса я прочел письмо к Любавицу под условием строжайшей тайны и не называя адресата. Однако тайна не была соблюдена, во-первых, потому, что в состав комиссии входил бельгийский адвокат Сплингард, который был в действительности просто агентом альянсистов, а во-вторых, потому, что *Жуковский, Гильом* и К^о для предотвращения дальнейших событий заранее рассказывали направо и налево обо всем этом деле, конечно, *по-своему* стараясь оправдать происшедшее. Вследствие этого комиссия в своем докладе конгрессу была вынуждена сообщить относящиеся к Бакунину *факты*, содержащиеся в письме к Любавицу (я, понятно, не назвал его имени, но друзья Бакунина знали об этом еще в Женеве). Спрашивается теперь: *имеет ли право* комиссия, выделенная конгрессом для опубликования протоколов (в состав которой вхожу и я), сделать *публичное употребление* из этого письма *или же нет?*

Решение этого вопроса зависит от Любавица. Однако считаю пущим заметить, что со времени конгресса факты эти без всякого нашего содействия давно уже обошли всю европейскую прессу. Принятый этим делом оборот был для меня тем неприятнее, что я рассчитывал на строжайшее сохранение тайны и требовал его самым торжественным образом.

Вследствие исключения Бакунина и Гильома Альянса, державший в своих руках секции в Италии и Испании, открыл повсюду против нас кампанию клеветы и т. д. и, объединившись со всякими сомнительными элементами, стремится вызвать раскол на два лагеря. Однако в конечном счете его поражение неминуемо, и он только поможет нам *очистить* Интернационал от грязных или тулоумных элементов, которые кое-где затесались в ряды Товарищества.

Покушение друзей Бакунина на жизнь бедного Утипа, совершенное в Цюрихе, есть несомненный факт, и состояние здоровья Утипа в настоящее время внушает очень серьезные опасения. Об этом мерзком поступке уже писалось в нескольких газетах Товарищества (между прочим — в мадридской «Espana-sion»), и о нем будет подробно сообщено в нашем публичном отчете о Гаагском конгрессе. Та же шайка негодяев произвела еще два подобных нападения на своих противников в Испании.

Вскоре она будет пригвождена к позорному столбу перед всем миром.

Судьба нашего милого «общего друга» глубоко волнует всю мою семью. У меня есть план помочь ему — путем дипломатического вмешательства — из Константинополя. Может быть это и удастся.

Присланная Вами рукопись все еще находится у меня, так как Утин не в состоянии заняться ее печатанием, а Элпидий подлец из той же шайки. Рукопись очень интересна¹.

С нетерпением ожидаю обещающей критики (рукописной)², а также всякого печатного материала, имеющегося у Вас по этому вопросу. Дело в том, что один из моих друзей хочет в ближайшее время написать статейку о приеме, оказанном моей книге в России.

Печатание французского перевода приостановилось вследствие одной несчастной случайности, но через несколько дней оно возобновится.

Готовится также итальянский перевод.

В заключение еще одна просьба. Мой зять, французский эмигрант, врач Нафарг, желал бы, если это возможно, посылать в какой-либо *русский журнал* и т. п. сообщения или по естественным наукам, или же об общественно-политических событиях в Италии и Испании (а также и во Франции). Но его материальное положение не позволяет ему делать это даром, и, кроме того, он может доставлять свои статьи лишь на французском языке.

Мне очень хотелось бы увидеть книгу киевского профессора Зибера об учении Рикардо и других о стоимости и капитале, в которой говорится также и о моей книге³.

Дружески преданный Вам

А. Вильямс.

Во втором томе «Капитала», в отделе о земельной собственности, я намерен заняться очень подробно русской ее формой⁴.

Еще одно. Мне хотелось бы напечатать что-нибудь о жизни, личности и т. д. Чернышевского, чтобы вызвать к нему симпатию на Западе. Но для этого мне нужны фактические данные.

¹ «Письма без адреса» Н. Г. Чернышевского. *Ред.*

² Речь идет о рукописной статье Ю. Жуковского «Карл Маркс и его книга о капитале». *Ред.*

³ *Зибер Н. И.*, Теория ценности и капитала Д. Рикардо. Киев, 1871. *Ред.*

⁴ Маркс намеревался поместить в разделе о ренте результаты своих исследований русских земельных отношений, но не осуществил своего замысла. *Ред.*

41.

Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОН — МАРКСУ

в Лондон.

С.-Петербург,
15 (27) декабря 1872 г.

Милостивый государь!

Вы хотите хлопотать за «нашего общего друга» в порядке дипломатическом. Мне кажется, однако, что всякая просьба, исходящая не от родных, — и тем более от иностранцев, — в состоянии ему только повредить, так как она может *придать* данной личности *важность* в глазах правительства. Но это зависит от средств, какие Вы хотите применить.

Я послал Вам *Зибера* и, кроме того, — в качестве материала по вопросу о русской земельной собственности — *Скребицкого* и книгу *Головачева «10 лет реформ»*. Во избежание всяких недоразумений, я должен сообщить Вам, что посылка книг у нас оплачивается только до границы, так что Вы, вероятно, должны будете заплатить за отправку их от границы до Лондона. Я тут ничего изменить не могу. Около двух лет назад я, во избежание этого, по просьбе «нашего общего друга», послал Вашей дочери с английским судом несколько русских опер; не знаю, получила ли она их. Мне очень хотелось бы знать, какое впечатление произвели на Вас и на Вашу семью эти оперы ¹.

Надеюсь, что просьба Ваша касательно Вашего зятя ² сможет быть удовлетворена. В один журнал («Знание») можно посылать статьи по вопросам естествознания (условия: 50 рублей за печатный лист оригинальной работы и 35 рублей за лист коммюляции), а в другой — статьи по различным социальным вопросам, касающимся Западной Европы. Но непременно требуются пробные статьи.

Что касается сведений о жизни и личности Чернышевского, то я попытаюсь достать их и прислать Вам. Здесь приходится принимать в расчет те же соображения, что и в деле «нашего общего друга». Мне кажется, однако, что 1) положение Чернышевского не может быть ухудшено, 2) описание его научной и публицистической деятельности не может ему повредить и 3) пора, наконец, придать огласке это возмутительное юридическое убийство.

¹ Речь идет об операх Глинки «Иван Сусанин» и «Руслан и Людмила», присланных Даниельсоном дочери Маркса — Женни. *Ред.*

² П. Лафарг. *Ред.*

Обвинение основывалось между прочим на одном подложном письме¹. Ему не разрешили привести доказательства в свое оправдание. Кроме того, его обвиняли за его произведения (выходившие под цензурой!). Ему ставили в вину сношения с эмигрантами в связи с тем, что он написал письмо Герцену, в котором предлагал ему прекратить свою публицистическую деятельность, так как она, по мнению автора, вместо того, чтобы приносить пользу, приносит решительный вред². — Я постараюсь достать этот процесс и пришлю его Вам. Боюсь, что не смогу раздобыть достаточно материалов для его биографии. Между прочим его статьи, вырванные из книжек журналов, образуют двенадцать томов, и их невозможно собрать. В печати появились его критические, полемические, экономические (которые Вы большей частью получили), исторические, библиографические и т. д. и т. д. работы, и лишь по этим работам можно судить об его большой учености, эрудиции. Он перевел: «Политическую экономию» Милля, «Историю XVIII века» Шлоссера (причем обещал два тома своих примечаний, чего, к сожалению, не мог выполнить), шесть томов «Всеобщей истории» Шлоссера и часть «Истории XIX века» Гервинуса.

Любавин готов исполнить Ваше желание, т. е. согласен на то, чтобы Вы сделали публичное употребление из письма, но лишь при следующем условии: так как документ был доставлен Любавиным и он, кроме того, выступает в качестве обвинителя; так как он не хочет взять на себя роль анонимного обвинителя; так как он убежден, что подобный документ должен быть напечатан полностью, то он хочет, чтобы было напечатано его имя. Только при этом условии он готов исполнить Ваше желание.

С глубоким уважением

Н. Д.

¹ Речь идет о сфабрикованном III отделением подложном «письме Чернышевского» к поэту А. Н. Плещеву, где говорилось о тайном печатании революционных воззваний, печатном станке и пр. Это подложное письмо сыграло большую роль при осуждении Чернышевского. *Ред.*

² Имеется в виду письмо за подписью «Русский человек», опубликованное в № 64 герценовского «Колокола» от 1 марта 1860 года. В письме зло высмеивалась вера Герцена в либерализм Александра II и в начавшийся якобы в России прогресс. Автор письма указывал, что перед Россией один путь обновления — это народное восстание. Письмо заканчивалось словами: «прощайте и помните, что сотни лет уже губит Русь вера в доброе намерение царей. Не Вам ее поддерживать». Автор письма до сих пор не известен. *Ред.*

42.

МАРКС — Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОНУ
в Петербург.

Лондон, 18 января 1873 г.

Дорогой друг!

Вместе с Вашим письмом я получил Зибера, Головачева и пять томов **Скребицкого**. Право, мне, наконец, совестно, что Вы входите для меня в такие большие издержки. Сердечно Вам благодарен!

Оперы тоже были получены своевременно и доставили моей дочери большое удовольствие. Но она думала, что они были посланы ей одной знакомой русской дамой, а теперь просит меня передать ее сердечную благодарность неизвестному отправителю. «Знайка» еще раньше само обращалось ко мне с просьбой о сотрудничестве, но у меня нет для этого времени. Что касается Лафарга, то он пошлет через Вас пробную статью.

Что касается Чернышевского, то Ваше дело решить: должен ли я говорить только об его научных заслугах или могу затронуть и другую сторону его деятельности? Во втором томе моего сочинения он будет фигурировать, конечно, только как экономист. Значительная часть его сочинений мне известна.

Относительно «нашего общего друга»¹ Вы можете быть уверены, что если я предприму какие-либо шаги, — пока я все еще ожидаю некоторых сведений по этому вопросу из Константинополя, — я, конечно, не сделаю ничего такого, что могло бы скомпрометировать его или кого бы то ни было.

Что касается Любавина, то я предпочту скорее выбросить из готовящегося к печати материала следствия всю относящуюся к нему часть, чем подвергнуть его малейшей опасности. С другой стороны, смелость, быть может, наилучшая политика. Судя по одному произведению, выпущенному Бакуниным в Швейцарии не от собственного лица, а от имени одного из его славянских друзей, они намереваются представить *свой собственный отчет* о всей этой истории, как только *обстоятельства* позволят им сделать это. Развязность, с какой вели себя их общники в Гааге, была умышленной и, как я предполагаю, должна была послужить своего рода средством запугивания.

С другой стороны, я не могу судить о том, к каким последствиям может повести опубликование этого материала, а потому я желал бы, чтобы наш друг сообщил мне через Вас свое окончательное решение, после того как он еще раз спокойно *продумает* это дело.

¹ Г. А. Лопатин. *Ред.*

Второй выпуск французского перевода появится только через несколько дней. Задержки в выходе вызываются всякого рода случайностями, которые при существующем в настоящее время в Париже осадном положении затрудняют всякое дело. Пересмотр самого перевода требует от меня невероятного количества работы. Мне стоило бы, вероятно, меньше труда, если бы сразу сделал все сам. И притом такого рода работа, улучшенная путем шитпки, всегда будет иметь вид сделанной кое-как.

В последних номерах парижского «*Économiste*» за прошлый год имеется критика Блока на мою книгу; она служит новым доказательством полного падения теоретической мысли у научных представителей буржуазии.

С наилучшими пожеланиями на Новый год дружески преданный Вам

А. Вильямс.

43.

Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОН — МАРКСУ

в Лондон.

С.-Петербург,
16 (28) января 1873 г.

Милостивый государь!

Очень благодарю Вас за 5—6 выпуски «Капитала», я получил их из цензуры.

Что касается опубликования письма, то дело обстоит по-прежнему: Любавин настаивает на том, чтобы его имя было напечатано. — Если у Вас есть под рукой газеты, в которых была описана эта история, то я Вас попрошу вырезать статью и переслать мне.

Мне очень жаль, что я не могу сдержать свое обещание и прислать Вам работу Юлия Якубовского о «Капитале». Так как автор вынужден отказаться от литературной деятельности, то он уничтожил все свои рукописи.

Около двух лет назад «наш общий друг» просил меня, во время своего пребывания здесь и позже, в письмах *оттуда* переслать Вашей дочери несколько опер, чтобы тем хоть как-нибудь отблагодарить ее за ту помощь, которую она ему оказала, преподавая ему английский язык. Впоследствии он спрашивался, выполнил ли я его просьбу. В следующем письме я переслал ему благодарность его бывшей учительницы.

На этих днях я получил письмо от «нашего общего друга», в котором он между прочим сообщает, что, по слухам, Чернышев-

ский сошел с ума. Эти слухи, по его мнению, очень правдоподобны, потому что в последнее время Чернышевский был лишен физических удобств (пищи, белья и т. д.) — и это в местности, климатические условия которой такие же, как на Новой Земле и Шпицбергене.

Чтобы получить сведения о жизни Чернышевского, я обратился к его друзьям. Один из его друзей, с ранней юности тесно связанный с ним и поэтому близко его знавший, боится теперь произнести громко его имя. Но этого мало. Получив в 1866 г. от Чернышевского роман чисто эпического характера, в котором автор относится к своему герою точно так же, как Теккерей к Пенденнису, роман, рисующий общественное движение 40-х годов в столице и в провинции, впечатление, произведенное Крымской войной на общество, общественное движение, явившееся результатом этой войны, освобождение крестьян и т. д., — этот человек не нашел ничего лучшего, как... сжечь роман!..¹ И от такого человека я надеялся узнать подробности о Чернышевском! — Другой его друг обещал мне собрать желаемые сведения, но он не ручается, что эти сведения будут полными. Я его настойчиво просил достать мне сведения о публицистической деятельности Чернышевского, потому что он был дружен с ним как раз в это время. Интересно отметить, какое впечатление он производил на своих литературных противников: все журналы были заняты им, все критиковали его. Теперь же его имя появляется в газетах только как ругательство...

Я посылаю Вам сатиры единственного уцелевшего умного представителя литературного кружка Добролюбова — Щедрина². Его типы сразу же становятся такими же популярными, как типы Островского и т. д. Никто не умеет лучше его подмечать пошлые стороны нашей общественной жизни и высмеивать их с большим остроумием. Кроме нечаевского (277) и мясниковского (101) дел, международного статистического конгресса (277—305) и т. д., Вы найдете у него характеристику типов, Вам уже знакомых, но которые у нас только сейчас появляются, — типа умеренного либерала (пенкосниматель у Щедрина) V, IV, типа концессионера и т. д., — представителями которых являются «С.-Петербургские Ведомости», «Вестник Европы» и др.

С глубоким уважением

Н. Д.

¹ Возможно, что речь идет о «Старине» — первой части трилогии («Старина», «Пролог», «Утопия»), которую Чернышевский писал в ссылке во второй половине 60-х годов. Рукопись «Старины» не сохранилась. *Ред.*

² *Салтыков-Щедрин М. Е., Дневник провинциала в Петербурге. С.-Петербург, 1873. Ред.*

44.

МАРКС — Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОНУ

в Петербург.

Лондон, 22 марта 1873 г.

Милостивый государь!

Я был бы очень Вам благодарен, если бы Вы сообщили мне кое-какие сведения о взглядах Чичерина на историческое развитие общинного землевладения в России и его полемике на эту тему с Беляевым¹. Путь, которым эта форма собственности образовалась (исторически) в России, представляет, конечно, второстепенный вопрос и не имеет никакого отношения к вопросу о значении этого учреждения. Однако немецкие реакционеры, вроде берлинского профессора А. Вагнера и т. п., пользуются оружием, предоставленным в их распоряжение Чичериним. В то же время все исторические аналогии говорят против Чичерина. Как могло случиться, что в России это учреждение введено было как чисто фискальная мера, — просто как сопутствующее явление крепостничества, — тогда как во всех других странах это же самое учреждение возникло естественным путем и представляет собой необходимую фазу развития свободных народов?

Ваш А. Вильямс.

45.

Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОН — МАРКСУ

в Лондон.

С.-Петербург,

20 марта (1 апреля) 1873 г.

Милостивый государь!

Когда я узнал, что Вы хотите писать о русских земельных отношениях, я начал собирать сведения, имеющиеся по данному вопросу в русской литературе. Чтение книги Егера «Современный социализм»² побудило меня сообщить Вам исторические

¹ Полемика между Б. Н. Чичериним и И. Д. Беляевым о происхождении русской общины началась статьей Чичерина в № 1 «Русского Вестника» за 1856 г. («Обзор исторического развития сельской общины в России») и критикой этой статьи Беляевым в № 1 «Русской Беседы» за 1856 год. *Ред.*

² *Held, Die deutsche Arbeiterpresse der Gegenwart (Гельд, Современная немецкая рабочая печать)* и др. Определение социализма у Егера очень забавно по своей наивности. (*Примечание автора.*)

данные по этому вопросу. Оказывается, это идет навстречу Вашему желанию. Но *сейчас* невозможно послать Вам просимую Вами полемику; я должен прежде вырвать из журналов соответствующие статьи. Мне кажется, что статья Чернышевского «*Чичерин как публицист*»¹ Вам неизвестна. Это блестящая критическая работа, в которой автор с едким юмором опровергает главные мысли Чичерина. Я Вам пришлю ее вместе с основными трудами о земельной собственности. Историческая сторона этого вопроса сравнительно мало разработана. К сожалению, книгу *Беллева* («*Крестьяне на Руси*») я нигде не мог найти, а между тем в ней приводится масса интересных фактов. Кое-что Вы можете найти в работе *А. Славянского* «*Дворянство в России*». Если Вы можете получить «*Университетские Известия*», Киев за 1870—1872 гг. (здесь они запрещены), то Вы найдете там статью о крестьянстве в России до царствования Бориса Годунова². Некоторый материал дадут Вам «*История гражданских законов в России*» *Неволина* и «*Русское гражданское законодательство*» *Победоносцева* (если они отсутствуют в Британском музее, то я их Вам вышлю). На-днях Вы получите полную библиографию по этому вопросу вместе с брошюрами и книгами, которые мне удастся достать. — Но помимо исторической стороны дела интересно проследить причины разложения общины в настоящее время, чтобы показать, что освобождение крестьян не имело никакого непосредственного влияния на это (*Ад. Вагнер* утверждает, наоборот, в своей брошюре «*Уничтожение*»³, стр. 47, что крепостное право и община тесно связаны между собой и что отмена первого влечет за собой разложение последней). В своих прежних письмах я имел случай указать на некоторые условия, вызывающие это явление.

С глубоким уважением

Н. Д.

Чернышевский, родившийся в Саратове в 1828 г., был сыном священника. Он воспитывался в Саратовской духовной семинарии. Его отец, хорошо знавший языки, познакомил с ними сына. Неудовлетворенный теми знаниями, которые давала семинария, Чернышевский ушел из нее в возрасте 16 лет и поступил в Петербургский университет. В Петербурге он познакомился с *Введенским*, переводчиком *Диккенса*, который оказал некоторое влияние на его развитие, познакомив его с иностранной литера-

¹ Напечатана в т. LXXV (№ 5) «*Современника*» за 1859 год. *Ред.*

² *Тумасов Н.*, Историко-юридический быт русского крестьянства. «*Университетские Известия*» №№ 6, 7, 8. Киев, 1872. *Ред.*

³ *Wagner A.*, Die Abschaffung des privaten Grundeigentums. Leipzig, 1870 (*Вагнер А.*, Уничтожение частной земельной собственности. Лейпциг, 1870). *Ред.*

турой. К этому времени относится сделанный им перевод повести «Семейство Доддов за границей»¹. Посещая филологический факультет, он продолжал свои лингвистические занятия. 1847 год явился кризисом в его духовной жизни: так как филология его больше не удовлетворяла, то он взялся за изучение политической и общественной жизни Западной Европы; своим университетским занятиям он отдавался с меньшим усердием, чем раньше. 1848 год оказал на него очень большое влияние; он имел тогда обыкновение посещать кофейни, чтобы следить за иностранной политической печатью. В 1850 году он окончил университет. Написанная им для получения степени магистра диссертация («Эстетические отношения искусства к действительности»), СПб 1855 г., ее теоретическая основа послужила исходным пунктом для деятельности Чернышевского и Добролюбова как критиков) была отвергнута университетом. — По окончании университета он постепенно перестал заниматься филологией, с тем чтобы приняться за немецкую философию, экономические и политические науки. Все же его первые печатные работы — филологического содержания, а именно: «О взаимоотношении между славянским языком и санскритским», а также разбор филологической деятельности Гильфердинга («Отечественные Записки», 1853 г.). В 1850 г. он занял должность учителя русского языка в кадетском корпусе, где оказал большое влияние на других преподавателей. О влиянии отдельных личностей на него не может быть и речи, так как лица, знавшие его, утверждают, что он возвышался над всеми в тех кругах, где он бывал; все изумлялись его учености. В 1852 г. он был вынужден, по семейным обстоятельствам, вернуться в Саратов, где занял место учителя гимназии. В 1853 г. вернулся в Петербург и принял деятельное участие в «Отечественных Записках» и «Современнике». С 1855 г. «Современник» выходил под его редакцией и следуя его программе; с 1858 г. он стал работать вместе с Добролюбовым². В июне 1862 г. он был арестован по обвинению в государственной измене на основании анонимного письма; в марте 1864 г. был вынесен приговор, согласно которому он был сослан в Сибирь на семь лет каторжных работ.

Как Вы видите, эти сведения совершенно недостаточны. Их нужно дополнить данными: 1) об его духовной жизни, 2) об его литературной деятельности и 3) об его процессе. Что касается первого пункта, то мне *обещали* достать его переписку;

¹ Перевод книги Чарльза Ливера «Семейство Доддов за границей», сделанный Чернышевским, печатался по частям в «Отечественных Записках» за 1854—1855 годы. *Ред.*

² Добролюбов стал работать в «Современнике» постоянным сотрудником (руководителем критико-библиографического отдела) с конца 1857 г., одним из редакторов «Современника» — с 1858 года. *Ред.*

что касается его литературной деятельности, то одно лицо, очень хорошо знавшее его, обещало мне дать описание соответствующих фактов¹.

Вполне точная биография его напечатана в «Колоколе» Герцена (1864 г.). Здесь номеров этого года достать нельзя.

И. Д.

46.

МАРКС — Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОНУ

в Петербург.

Лондон, 12 августа 1873 г.

Милостивый государь!

В последние месяцы я тяжело болел и одно время находился даже, вследствие переутомления, в опасном состоянии. Моя голова пострадала так серьезно, что можно опасаться апоплексического удара, и даже в настоящее время я все еще не способен работать более нескольких часов в сутки. Вот *единственная причина*, почему я до сих пор не извещал Вас о получении и не поблагодарил за ценную коллекцию книг, которую Вы были так любезны прислать мне.

Вы уже, конечно, получили, — по крайней мере, я так понял Ваше последнее письмо, — три экземпляра однотомного издания «Капитала». Сегодня я посылаю Вам последний *выпуск* того издания, которое выходило отдельными выпусками.

В настоящее время мы печатаем «Разоблачения об Альянсе» (Вы знаете, что секта *титотелеров*² называет себя в Англии этим именем), и я хотел бы знать *самый дешевый* способ отправки Вам довольно значительного числа экземпляров [этой брошюры]. Письмо, имеющее отношение к главарю этой ханжеской компании, мы все еще держим в резерве.

¹ Даниельсону так и не удалось прислать Марксу подробных сведений о жизни и деятельности Чернышевского. В письме к Марксу от 10 августа 1873 г. он писал: «Мне жаль, что я не смог до сих пор послать обещанных биографических материалов. Хотя я сам считаю теперь полезным опубликование возможно полной биографии, по тем, которые обладают необходимыми сведениями, придерживаются другого взгляда. Они вполне убеждены, что опубликование их только повредит Чернышевскому». *Ред.*

² Титотелеры (teetotalers) — так в Англии называются приверженцы полного воздержания от спиртных напитков. Маркс в данном случае имеет в виду бакунистов, выдвигавших воздержание от участия в политической борьбе. *Ред.*

Очень благодарен Вам за последнее длинное письмо; я сделаю из него надлежащее употребление. Оно имеет для меня большую коммерческую ценность.

Искренне Ваш

А. Вильямс.

47.

МАРКС — Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОНУ

в Петербург.

Лондон, 15 ноября 1878 г.

Милостивый государь!

Сегодня я получил Ваше письмо от 28 октября.

Письмо, на которое Вы ссылаетесь, я не получил. Возможно, что оно было перехвачено германской почтой или затерялось: прусское правительство до такой степени тормозит своих почтовых чиновников, что много писем «исчезает» неизвестно куда, просто из-за беспорядка. Таким образом, последнее письмо, которое я имел честь получить от Вас, было помечено — *7 марта 1877 года*.

То, что я прекратил Вам писать, было просто результатом предостережений, полученных мною как раз в то время от некоторых из моих друзей, проживающих в России; они просили меня перестать на некоторое время писать им, так как мои письма, несмотря на их невинное содержание, могли бы причинить им неприятности.

По поводу второго издания «Капитала» позволю себе сделать следующие указания¹:

1) Я желал бы, чтобы *разделение на главы* — то же относится и к их *подразделам* — было сделано по французскому изданию.

2) Чтобы переводчик постоянно и тщательно сверял второе немецкое издание с французским, так как последнее содержит много важных изменений и добавлений (хотя, правда, я был вынужден не раз, особенно в первой главе, упрощать (*aplatir*) изложение при переводе его на французский язык).

3) Я нахожу полезным сделать *некоторые изменения* и *постараюсь подготовить* их не позже, чем *в течение восьми дней*,

¹ В письме от 28 октября 1878 г. Даниельсон сообщал Марксу, что в книжных лавках нет уже больше ни одного экземпляра I тома «Капитала» и стоит вопрос о выпуске второго русского издания. Он просил сообщить ему, не предполагает ли Маркс сделать новые изменения в тексте книги. *Ред.*

чтобы иметь возможность выслать их Вам в следующую субботу (сегодня у нас пятница).

Как только *второй том «Капитала»* будет сдан в печать, — но это едва ли случится ранее конца 1879 года, — Вы будете получать корректурные листы, как Вы просили.

Я получил из Петербурга несколько печатных произведений, за которые Вам очень благодарен. Из полемики Чичерина и некоторых других против меня мне ничего не попадалось на глаза, за исключением того, что Вы прислали мне в 1877 г. (статья Зибера и другая — кажется, Михайлова¹, — обе в «Отечественных Записках», — написанные в ответ этому чудаку, мнящему себя энциклопедистом, Жуковскому). Находящийся здесь профессор Ковалевский говорил мне, что «Капитал» вызвал довольно оживленную полемику².

Английский кризис, который я предсказывал на стр. 354 французского издания (примечание), наконец разразился в течение этих последних недель. Мои друзья, теоретики и просто деловые люди, просили меня в то время выбросить это примечание, потому что оно казалось им недостаточно обоснованным, — до такой степени они были убеждены, что кризисы в Соединенных Штатах Америки, в Германии и Австрии должны, так сказать, разрядить («ескомптер») английский кризис.

Первой страной, где дела пойдут вновь *по восходящей линии*, будут *Северо-Американские Соединенные Штаты*. Только улучшение наступит здесь при совершенно изменившихся условиях, и притом изменившихся к худшему. Народ тщетно будет пытаться освободиться от монополизующей силы и (поскольку дело идет *непосредственно о благополучии масс*) от губительного влияния крупных компаний, держащих в своих руках промышленность, торговлю, земельную собственность, железные дороги, финансы и разрастающихся все более и более ускоренными темпами со времени гражданской войны. Лучшие американские писатели открыто провозглашают как неопровер-

¹ П. К. Михайловский. *Ред.*

² Polemika в русской печати вокруг I тома «Капитала» Маркса в 1877—1879 гг., в которой приняли участие виднейшие русские ученые и публицисты того времени, открылась статьей Ю. Жуковского «Карл Маркс и его книга о капитале» («Вестник Европы», IX, 1877). В ответ на нее появился ряд статей, в том числе присланная Марксу Даниельсоном статья Н. Зибера «Несколько замечаний по поводу статьи Жуковского...» («Отечественные Записки», XI, 1877) и статья П. К. Михайловского «Карл Маркс перед судом г. Жуковского» («Отечественные Записки», X, 1877), которая дала повод Марксу написать известное письмо в редакцию «Отечественных Записок». В 1878 г. с резкой полемикой против Маркса выступил Б. Н. Чичерин, поместивший в «Сборнике государственных знаний» под редакцией Безобразова (С.-Петербург, 1878) статью «Немецкие социалисты: II. Карл Маркс». Ответом на нее послужила статья П. Зибера «Б. Чичерин contra К. Маркс» («Слово» № 2, 1879). *Ред.*

жимый факт, что хотя война за освобождение рабов и разбила цепи негров, зато, с другой стороны, она поработила белых производителей.

Я считаю, что наиболее интересный объект для исследователя экономиста представляют теперь именно Соединенные Штаты, и в особенности период от 1873 (со времени сентябрьского краха) до 1878 г., т. е. период хронического кризиса. Те перемены, которые потребовали в Англии для своего осуществления целых столетий, произошли здесь в течение каких-нибудь нескольких лет. Но исследователь должен обратить свое внимание не на более старые, приатлантические штаты, а на более новые (из которых Огайо представляет разительнейший пример) и новейшие (как, например, на Калифорнию).

Многие глупцы в Европе, воображающие, что корень зла кроется в теоретиках, вроде меня и других, вынесли бы хороший урок из чтения *официальных* американских отчетов.

Вы очень обязали бы меня сообщением некоторых сведений о нынешнем состоянии русских финансов, — сведений, которыми Вы, наверное, располагаете как занимающийся банковским делом.

Преданный Вам

А. В.

48.

МАРКС — Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОНУ

в Петербург.

Лондон, 28 ноября 1878 г.

Милостивый государь!

Три посланные Вами книги я получил и очень благодарен за них. Мои русские друзья уже подготовили меня к тому, что от г. Чичерина следует ждать весьма слабого произведения, но действительность превзошла мои ожидания¹. Он, очевидно, не знаком с элементарными понятиями политической экономии и воображает, что пошлости Бастиа и его школы, будучи высказаны от его собственного имени, превращаются в оригинальные и непререкаемые истины.

На прошлой неделе я не имел возможности взяться за просмотр «Капитала». В настоящее время я уже проделал это и нахожу, что — за исключением тех изменений, которые должны

¹ Маркс имеет в виду статью Б. Н. Чичерина «Немецкие социалисты: II. Карл Маркс». *Ред.*

быть сделаны переводчиком при сличении второго издания с французским — необходимо будет внести еще лишь очень немного изменений, которые следуют далее в этом письме.

Два первых раздела («Товар» и «Деньги») и «Превращение денег в капитал» следует переводить исключительно по немецкому тексту. На стр. 86 немецкого издания, строка 5 снизу, должно быть: «И в самом деле, стоимость каждого индивидуального аршина есть лишь материализация некоторой части того общественного труда, который затрачен на все количество аршин».

В главе XVI французского издания (в главе XIV немецкого издания этого лет) прибавленный пункт о Дж.-С. Милле, стр. 222, столбец II, строка 12 снизу, следует читать: «Я предполагаю везде, — говорит он, — современное положение вещей, господствующее и т. д. повсюду, где капиталисты и рабочие образуют особые классы». Следующие две фразы: «Удивительный оптический обман — видеть повсюду отношения, которые до сих пор существовали на земном шаре лишь в виде исключения! Но, пойдем дальше» — надо *вычеркнуть*, а следующую фразу читать таким образом:

«Г-п Милль хочет верить, что «нет абсолютной необходимости, чтобы это было так, даже при такой экономической системе, где капиталисты и рабочие образуют особые классы»».

Кризис и вытекающие из него прекращение работы, закрытие фабрик и банкротства продолжают свирепствовать в промышленных графствах; но здесь, в Лондоне, чтобы не пугать широкую публику, газеты употребляют все усилия, пытаясь замаять эти неприятные, но неопровержимые инциденты. Поэтому человек, читающий только финансовые статьи лондонских газет, может получить лишь самые скудные сведения о происходящем.

Искренне Ваш

А. Вильямс.

49.

МАРКС — Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОНУ

в Петербург.

Лондон, 10 апреля 1879 г.

... А теперь, прежде всего, я должен сообщить Вам (это совершенно конфиденциально), что, по дошедшим до меня из Германии сведениям, второй том моей работы *не может быть издан*,

пока нынешний режим продолжает держаться там во всей его теперешней суровости. Это сообщение, учитывая существующее положение вещей, ничуть не удивило меня и, должен сознаться, несколько не раздосадовало — по следующим причинам.

Во-первых, я ни за что не согласился бы выпустить второй том, прежде чем нынешний английский промышленный кризис не достигнет своего предела. Его проявления на этот раз очень своеобразны и во многих отношениях очень отличны от тех, которые наблюдались в прошлом. Это своеобразие, помимо других видоизменяющих обстоятельств, легко объясняется тем, что никогда еще *английскому кризису не предшествовали* такие ужасные и длительные кризисы (тянущиеся уже почти пять лет) в *Соединенных Штатах, в Южной Америке, Германии, Австрии* и пр.

Поэтому необходимо тщательно наблюдать за нынешним развитием событий до их полной зрелости, прежде чем вы окажетесь в состоянии «потребить» эти факты «производительно», я имею в виду *«теоретически»*.

Вот, например, одна из странных особенностей нынешнего положения дел. Как Вам известно, здесь произошли банковские крахи в Шотландии, а также в некоторых английских графствах, в особенности в западных (в Корнуэлсе и Уэлсе). И, тем не менее, настоящий *центр денежного рынка* не только Соединенного королевства, но и всего мира — *Лондон*, до сих пор был мало затронут этим. Наоборот, за немногими исключениями, громадные акционерные банки, вроде Английского банка, пока только *выиграли* от общей простратии. А какова эта простратия, Вы можете судить по тому полному отчаянию, в какое впали английские филистеры в торговом и промышленном мире, потерявшие всякую надежду на лучшие времена! Я никогда не видал ничего подобного; никогда еще не доводилось мне быть свидетелем такого морального потрясения, хотя я был в Лондоне и в 1857 г. и в 1866 году!

Не подлежит ни малейшему сомнению, что одно из обстоятельств, благоприятствующих лондонскому денежному рынку, заключается в нынешнем состоянии *Французского банка*, который со времени недавнего развития сношений между обеими странами превратился в *филиал* Английского банка. Французский банк, вследствие того, что свободный размен его кредитных билетов еще не восстановлен, держит громадный запас золота в слитках, и при первом же признаке какого-либо замешательства на лондонской бирже французские деньги наводняют ее для скупки временно обесцененных бумаг. Если бы прошлой осенью французские деньги были внезапно изъяты, Английскому банку пришлось бы наверно прибегнуть к своему последнему, крайнему средству — к *приостановке действий*

банковского билля, вслед за чем у нас неизбежно произошел бы денежный крах.

С другой стороны, то спокойствие, с каким было произведено в Соединенных Штатах восстановление расплаты наличными деньгами, устранило всякие покушения с этой стороны на ресурсы Английского банка. Но что до настоящего времени особенно содействовало предотвращению краха на лондонском денежном рынке, это — внешне спокойное состояние банков Ланкашира и других промышленных округов (за исключением горнозаводских округов Запада), хотя вполне достоверно известно, что эти банки не только употребили значительную часть своих ресурсов на учет векселей по убыточным сделкам фабрикантов и на ссуды по этим сделкам, но некоторые из них, как, например, Ольдгемский, даже затратили значительную часть своего капитала на постройку новых фабрик. В то же самое время большие запасы товаров, в особенности хлопчатобумажных, накаплиются с каждым днем не только в Азии (преимущественно в Индии), куда их отправляют на консигнацию, но и в Манчестере и т. д. и т. д. Каким образом такое положение вещей может кончиться без всеобщего краха в промышленности, а следовательно и среди местных банков, влияющих в свою очередь непосредственно на лондонский денежный рынок, — трудно себе представить.

А пока — стачки и смятение господствуют повсюду.

Замечу *мимоходом*, что в течение прошлого года, столь неблагоприятного для всех других предприятий, железные дороги процветали; но это происходило только благодаря разным исключительным обстоятельствам, вроде Парижской выставки и т. п. На самом же деле железные дороги процветают только с виду, накапливая долги и увеличивая со дня на день счет своего капитала.

Каким бы путем, однако, ни пошло развитие этого кризиса, столь важного во всех его подробностях для исследователя капиталистического производства и специалиста-теоретика, — он все же пройдет, как и предшествовавшие ему, и явится отправным пунктом нового «промышленного цикла» со всеми его разнообразными фазами процветания и т. д.

Но под покровом этого «с виду» прочного английского общества кроется другой кризис — аграрный, который произведет большие и важные перемены в социальной структуре этого общества. Я вернусь к этому предмету в другой раз, сейчас это завело бы меня слишком далеко.

Во-вторых, огромная масса материалов, полученных мною не только из России, но и из Соединенных Штатов и т. д., даст мне приятный «предлог» продолжать мое исследование, вместо того чтобы окончателно обрабатывать его для опубликования.

В-третьих, мой врач предостерегает меня, требуя значительно сократить мой «рабочий день», если я не желаю впасть в то же состояние, в котором я находился в 1874 г. и в последующие годы, когда я испытывал частые головокружения и утрачивал работоспособность после немногих часов серьезного труда.

По поводу Вашего в высшей степени интересного письма я ограничусь немногими замечаниями. Железные дороги возникли прежде всего в качестве «увенчания здания» в тех странах, где *современная промышленность достигла наибольшего развития*, — в Англии, Соединенных Штатах, Бельгии, Франции и пр. Я называю их «увенчанием здания» не только потому, что это были, наконец (наряду с океанским пароходством и телеграфом), *средства сообщения*, адекватные современным средствам производства, но также и потому, что они послужили основой для возникновения громадных акционерных компаний и стали вместе с тем новым отправным пунктом для создания разного рода *других* акционерных компаний, начиная с банковских. Одним словом, они дали такой сильный толчок *концентрации капитала*, которого раньше никто не предвидел, и в то же время ускорили и расширили в громадной степени *космополитическую деятельность ссудного капитала*, благодаря чему весь мир оказался охваченным сетью финансового мошенничества и взаимной *задолженности* — этой капиталистической формой «международного» братства.

С другой стороны, возникновение сети железных дорог в передовых странах капитализма поощряло и даже вынуждало государства, в которых капитализм захватывал только незначительный верхний слой общества, к внезапному созданию и расширению их капиталистической *надстройки* в размерах совершенно не пропорциональных основной части общественного здания, где великое дело производства продолжало осуществляться в унаследованных истари формах. Не подлежит поэтому ни малейшему сомнению, что в этих государствах введение железных дорог ускорило социальный и политический распад, подобно тому как в более передовых странах оно ускорило последнюю стадию развития, а следовательно, окончательное преобразование капиталистического производства. Во всех странах, за исключением Англии, правительства покровительствовали железнодорожным компаниям и обогащали их за счет государственного казначейства. В Северо-Американских Соединенных Штатах они получили в дар значительную часть государственных земель, и притом не только ту землю, которая была необходима для прокладки дороги, но и целые мили земли по обеим сторонам пути, покрытые лесом, и т. п. Таким образом, они стали самыми крупными земельными собственниками. Понятно, что мелкие фермеры из иммигрантов предпочитали селиться именно

на этих землях, расположение которых обеспечивало удобный способ перевозки продуктов.

Система, введенная во Франции Луи-Флиппом и заключающаяся в передаче железных дорог небольшой шайке финансовых аристократов, в обеспечении им долгосрочного владения и в гарантировании им прибылей из народного кармана и пр. и пр., достигла наиболее полного расцвета при Луи Бонапарте, правление которого в значительной мере покоилось на торговле железнодорожными концессиями, причем он был так щедр, что даже отдал в дар некоторым из железнодорожных компаний каналы и т. п.

Но в Австрии и особенно в Италии железные дороги стали новым источником невыносимой государственной задолженности и налогового обременения народных масс.

Вообще железные дороги дали, конечно, громадный толчок развитию внешней торговли; но в странах, вывозящих главным образом сырье, эта торговля усилила нищету масс; и притом не только оттого, что бремя новой задолженности, взятое на себя правительствами из-за железных дорог, увеличило давление *налогового пресса* на массы, но еще и потому, что с того момента, как всякий продукт местного производства получил возможность превращаться в космополитическое золото, многие из этих продуктов, *бывшие ранее дешевыми* из-за отсутствия широкого сбыта, как, например, фрукты, вино, рыба, дичь и т. п., стали *дорогими* и были, таким образом, изъяты из потребления народа. В то же время и *само производство* — я имею в виду некоторые специальные *виды продукции* — также изменилось в зависимости от *большей или меньшей пригодности этой продукции для вывоза*, тогда как раньше оно приспособлялось преимущественно к *местному* потреблению. Так, например, в Шлезвиг-Гольштинии пахотные земли были обращены в пастбища, потому что вывоз скота оказался более выгодным, но в то же время земледельческое население было согнано с насиженных мест. Все эти перемены оказались действительно очень выгодными для крупных земельных собственников, ростовщиков, купцов, железнодорожных компаний, банкиров и т. п., но очень плачевными для действительных производителей.

Чтобы закончить мое письмо (время отправления которого на почту подходит все ближе и ближе), скажу еще, что я считаю невозможным усматривать действительную аналогию между Соединенными Штатами и Россией. В Соединенных Штатах государственные расходы уменьшаются с каждым днем, и государственный долг ежегодно и быстро сокращается. В России же неизбежность государственного банкротства становится все более и более очевидной. Соединенные Штаты освободились (хотя и самым гнусным образом, к выгоде кредиторов и в ущерб

мелкому люду) от бумажных денег, в России же ни одно производство не процветает в такой мере, как фабрикация бумажных денег. В Соединенных Штатах концентрация капитала и постепенная экспроприация масс представляют не только орудие, но и естественное порождение (хотя и ускоренное искусственно гражданской войной) неслыханно быстрого промышленного развития, земледельческого прогресса и пр.; Россия же напоминает нам скорее Францию времен Людовика XIV и Людовика XV, когда финансовая, торговая и промышленная надстройка или, вернее, *фасад* общественного здания (имевший, правда, под собою гораздо более прочный фундамент, чем в России) выглядел насмешкой над застойностью главной отрасли производства (сельскохозяйственного) и над голоданием производителей. Соединенные Штаты в настоящее время значительно перегнали Англию в темпе экономического прогресса, хотя все еще отстают от нее по размерам накопленных богатств; но в то же самое время народные массы там живее и имеют в своих руках более сильные политические средства для выражения своего негодования против той формы прогресса, которая проводится за их счет. Я не вижу нужды продолжать далее эти антитезы.

Кстати: какое русское произведение по кредиту и банковому делу Вы считаете самым лучшим?

Г-н Кауфман был настолько любезен, что прислал мне свою книгу «Теория и практика банковского дела», но я был несколько удивлен, увидев из нее, что мой прежний рассудительный критик из петербургского «Вестника Европы» превратился в какого-то Пиндара современного биржевого плутовства. Кроме того, рассматривая эту книгу даже исключительно с точки зрения данной специальности, — а я вообще не ожидаю от книг этого рода ничего другого, — я нахожу ее далеко не оригинальной в ее частностях. Лучшая ее часть — полемика против бумажных денег.

Говорят, будто некие иностранные банкиры, через посредство которых некое правительство пожелало заключить новый иностранный заем, потребовали от него в виде гарантии введения у себя конституции; я лично далек от того, чтобы верить этому, так как при их нынешних методах вести такие дела они, по крайней мере до сих пор, были всегда очень равнодушны к формам правления и не изменяют этому и впредь.

Преданный Вам

А. Вильямс.

50.

МАРКС — Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОНУ

в Петербург.

Лондон, 19 сентября 1879 г.

Милостивый государь!

Я только что вернулся в Лондон после почти двухмесячного отдыха на лоне природы на острове Джерси и в других приморских местах. Я был вынужден сделать это и приостановить на время всякую работу, по совету врачей, из-за нервного расстройства. По этой же причине я не был также в состоянии отдать должное той духовной пище, которой Вы столь любезно снабдили меня. Но теперь я чувствую, что значительно окреп, и охотно засяду за работу.

Книгу Ковалевского я получил от него самого. Он один из моих друзей «по науке» («scientific» friends) и призывает ежегодно в Лондон, чтобы пользоваться сокровищами Британского музея.

Более обстоятельное письмо Вы получите от меня, как только я справлюсь немного с наиболее неотложной частью той работы, которая накопилась за время моего отсутствия.

А пока желаю Вам всего наилучшего.

Искренне Ваш

А. Вильямс.

51.

МАРКС — Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОНУ

в Петербург.

Рамсгейт, 12 сентября 1880 г.

Милостивый государь!

Мне нет надобности говорить Вам, что я был бы очень счастлив сделать все, что Вы считаете полезным¹, но краткое ознакомление с теми обстоятельствами, в которых я нахожусь в данный момент, убедит Вас, что я не способен в настоящее время к теоретической работе. Я был послан сюда врачами со строгим приказом «ничего не делать» и восстанавливать свою нервную

¹ В письме от 17 марта 1880 г. Даниельсон прислал Марксу таблицы о русском пореформенном хозяйстве и комментарии к ним, а в письме от 21 августа 1880 г. просил Маркса написать по этому вопросу статью для одного из русских журналов. *Ред.*

систему посредством «ничегонеделания», как вдруг болезнь моей жены, мучающая ее уже с давних пор, ухудшилась настолько, что угрожает привести к *роковому* исходу. При этих условиях все то небольшое время, какое мне удастся урвать для работы, неизбежно уходит у меня исключительно на такие вещи, которые я *должен* выполнить во что бы то ни стало.

Кроме того, все наиболее важное для *широкой публики*, т. е. составление статистических таблиц и истолкование содержащихся в них фактов, Вами уже сделано. Было бы жаль, если бы Вы отложили опубликование Вашего труда, которого я сам ожидаю с величайшим нетерпением.

Вы можете свободно располагать всем, что сочтете полезным извлечь из моих писем с этой целью. Опасаюсь только, что такого материала окажется немного, так как я послал Вам всего лишь несколько отрывочных заметок.

Нынешний кризис, по его продолжительности, размерам и интенсивности, является величайшим, через какой когда-либо проходила Англия. Но, несмотря на крах некоторых шотландских и английских провинциальных банков, на этот раз поражало своим отсутствием обычное завершение всех прошлых крупных периодических английских кризисов — я имею в виду финансовый крах в Лондоне. Этот в высшей степени необычайный факт, отсутствие *денежной паники* в собственном ее смысле, нужно приписать особому стечению обстоятельств, анализ которых завел бы меня сейчас слишком далеко. Одним из наиболее решающих обстоятельств был, однако, тот факт, что громадный спрос на золото в 1879 г. был в значительной мере удовлетворен благодаря содействию Французского и Германского имперского банков. С другой стороны, внезапное оживление дел в Соединенных Штатах — с весны 1879 г. — отразилось на Англии, явившись для нее настоящим *deus ex machina* [неожиданным спасением].

Что касается сельскохозяйственного кризиса, то он будет постепенно усиливаться, развиваться и мало-помалу достигнет своей вершины, неся с собою настоящую революцию в отношениях земельной собственности, совершенно независимо от циклов торгово-промышленных кризисов. Даже такие оптимисты, как г. Кэрд, уже начали понимать, чем тут пахнет. В высшей степени характерным для английского тугоумия является следующее: вот уже два года как в «Times» и в разных сельскохозяйственных газетах печатаются письма фермеров, дающих подробный расчет всех издержек по обработке их ферм, сопоставляющих эти издержки с их доходами от продажи продукции по существующим ценам и показывающих, что в результате у них получается определенный *дефицит*. И представьте себе, что ни одному из этих специалистов, так много распространяющихся

по поводу этих расчетов, не приходит в голову спросить себя: *какой вид* получили бы *эти расчеты*, если бы *расходная статья*, именуемая *репитой*, была во многих случаях вычеркнута из них совсем, а в других сокращена «самым чувствительным образом»? Но это щекотливый пункт, которого нельзя касаться. И хотя фермеры перестают уже доверять *шарлатанским лекарствам*, предлагаемым им лендлордами и их наемными писаксами, тем не менее они все еще не осмеливаются занять независимое положение, считая, что им самим угрожает сельский «рабочий класс». Во всяком случае тут заваривается славная каша.

Надеюсь, что в Европе не будет всеобщей войны. Хотя, в конце концов, война не могла бы задержать социального развития (я имею в виду развитие *экономическое*), а скорее усилила бы его, но она, безусловно, вызвала бы бесполезное истощение сил на более или менее продолжительный срок.

Посылайте, пожалуйста, свои письма попрежнему на мой лондонский адрес, откуда они всегда будут доставляться мне, даже в случае моего временного отсутствия из Лондона.

Искренне Ваш

А. Вильямс.

52.

Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОН — МАРКСУ

в Лондон.

С.-Петербург,
18 (30) ноября 1880 г.

Милостивый государь!

Очень благодарен Вам за Ваше любезное письмо, доставившее мне большое удовольствие и вместе с тем встревожившее меня. Как Ваше здоровье и здоровье Вашей супруги?

Когда я получил Ваше письмо, я начал писать статью с анализом фактов, содержащихся в статистических таблицах¹. Вы не найдете в них ничего нового (за исключением таблицы на стр. 129, примечание). Как Вы увидите, я широко воспользовался Вашим любезным разрешением цитировать Ваши письма. Так как времени в моем распоряжении было в обрез, то я не смог выполнить всей своей программы и вынужден был ограничиться лишь частью ее. То, что уже сделано, сделано недо-

¹ Речь идет о статье Даниельсона «Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства», опубликованной им под псевдонимом Николай — он, в журнале «Слово» (октябрь 1880 г.). *Ред.*

статочно полно: кроме цензора, у журнала есть издатель, который впадает в трепет при одном упоминании Вашего имени в его присутствии.

Я собираюсь расширить намеченную программу и разобрать в отдельной работе некоторые близкие ей темы, которые не вошли в мою статью. Вы очень обяжете меня, указав, где можно найти данные о факторах экономической жизни Германии, Франции и Англии (особенно Англии), аналогичных тем факторам, на которых основываются III и IV таблицы моей статьи (т. е. отчеты о железнодорожном движении, количестве перевезенных за каждый месяц и за каждый год товаров и пассажиров, выпуске банкнот, ввозе и вывозе товаров и т. д.). Существует, видимо, поразительная внешняя аналогия между движением главных экономических факторов в Англии и России, аналогия, порождаемая отчасти совершенно противоположными, отчасти сходными явлениями. Изучение движения экономических факторов в два смежных периода и их взаимной зависимости очень интересно само по себе и может привести к интересным выводам, — разумеется, если предпосылки не ошибочны.

Так как статья предназначается не для отдельного человека, а для широкой публики (я впервые писал для малоизвестных мне лиц), то я не знал, как писать ее, не знал, что следует развить подробнее, а что нужно опустить. Если статья заинтересует наших читателей, то я выпущу ее отдельным изданием, и Вы очень обяжете меня, — если Ваше здоровье и время позволят Вам это, — указав, какие наиболее существенные изменения следует в нее внести.

Искренне желаю Вам выздоровления и остаюсь, милостивый государь, с глубоким уважением

Ваш Н. Д.

Несколько отдельных отисков статьи, «Сборник сведений о сельской общине» и «Статистику поземельной собственности в России» пришлю по выходе II выпуска последнего сочинения.

53.

МАРКС — Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОНУ
в Петербург.

Лондон, 19 февраля 1881 г.

... Я с величайшим интересом прочел Вашу статью, она «оригинальна» в лучшем смысле этого слова. Оттого ее и бойкотируют. Стоит Вам только вырваться из сетей рутинной мысли,

и Вы можете быть уверены, что первым делом натолкнетесь на «бойкот», — это единственное орудие защиты, которое *рутинеры* умеют пускать в ход в первый момент замешательства. Меня «бойкотировали» в Германии в течение очень многих лет. То же происходит и в Англии, с той небольшой разницей, что здесь время от времени против меня допускают такие нелепые и дурацкие выходки, что мне было бы стыдно публично отвечать на подобный вздор. Но продолжайте в том же духе! Первое, чем Вам, по-моему, следовало бы заняться, это — поразительный рост *задолженности помещиков*, представителей высшего класса в сельском хозяйстве, и показать им, как они «кристаллизуются» в общественной реторте под контролем «новых столпов общества».

Мне очень хотелось бы прочесть Вашу полемику со «Словом». Как только мой житейский корабль вступит в более спокойные воды, я выскажусь более подробно насчет Ваших «Очерков». Пока же не могу удержаться от одного замечания по этому поводу. Почва, которая непрерывно истощается и не получает путем растительного, животного или искусственного удобрения и т. п. необходимых для ее восстановления элементов, будет все же, в зависимости от изменчивых влияний погоды, т. е. от независящих от человека обстоятельств, продолжать приносить весьма различные по своему изобилию жатвы; хотя при обзоре целого ряда лет, например с 1870 по 1880 г., застойный характер земледельческого производства выступает перед нами с поразительной ясностью. При таких обстоятельствах благоприятные климатические условия только пролагают путь *голодному году*, вызывая быстрое поглощение и извлечение из почвы еще скрытых в ней минеральных удобрений. *Наоборот, голодный год* и тем более ряд последующих неурожайных годов позволяют находящимся в почве минералам накопиться вновь и обнаружить свое благотворное действие, когда снова наступят благоприятные климатические условия. Этот процесс совершается, конечно, повсюду; однако в *других местах* он сдерживается и видоизменяется вмешательством самого земледельца. *Единственным регулирующим фактором* он становится там, где человек перестал быть «силой» по недостатку средств.

Так, в 1870 г. в вашей стране был прекрасный урожай, но этот год был *кульминационным годом*, за которым немедленно последовал очень плохой год. Весьма неурожайный 1871 год может рассматриваться как отправной пункт для нового малого цикла, приводящего нас к новому кульминационному — 1874 — году, за которым непосредственно следует голодный 1875 год; затем снова начинается движение вверх, завершающееся еще более тяжелым голодным — 1880 — годом. Сводка результатов отдельных годов за весь этот период показывает нам, что сред-

няя годовая продукция все это время оставалась та же и что изменения в отдельные годы и небольшие циклы лет вызывались только естественными факторами.

Я писал Вам несколько времени тому назад, что, если тяжелый промышленный и торговый кризис, через который прошла Англия, не привел к завершающему финансовому краху в Лондоне, то это *исключительное* явление объясняется только притоком французских денег. В настоящее время это увидели и признали даже английские рутинеры. Так, по словам «The Statist» (29 января 1881 г.), «благополучие денежного рынка в течение прошлого года было результатом *чистой случайности*, того, что *Французский банк* в самом начале осени допустил сокращение своего золотого запаса с 30 миллионов ф. ст. до 22 миллионов... *Нет ни малейшего сомнения, что прошлой осенью нам угрожала смертельная опасность*» (!)

Английская железнодорожная система катится по той же наклонной плоскости, что и вся европейская *система государственных долгов*. Правящие магнаты из числа директоров разных железнодорожных компаний не только заключают во все возрастающих размерах все новые и новые займы для расширения своей *железнодорожной сети*, т. е. той «территории», где они царствуют как самодержавные монархи, но и расширяют эту сеть, чтобы иметь новые предлоги для заключения новых займов, дающих им возможность уплачивать проценты держателям облигаций, привилегированных акций и т. п., а также выбрасывать время от времени подачку рядовым акционерам, доверием которых постоянно злоупотребляют, в форме несколько повышенных дивидендов. Этот милый метод рано или поздно должен привести к ужасной катастрофе.

В *Соединенных Штатах* железнодорожные короли стали теперь мишенью нападков не только, как это было раньше, со стороны фермеров и других промышленных «предпринимателей» Запада, но также и со стороны крупнейшего представительства коммерческого мира — *Нью-Йоркской торговой палаты*. Один из железнодорожных королей и финансовых плутов, чудовищный спрут — Гульд, с своей стороны заявил нью-йоркским торговым магнатам: «Вы нападаете сейчас на железные дороги потому, что считали их наиболее уязвимыми благодаря их нынешней непопулярности; но берегитесь! Вслед за железными дорогами наступит очередь для *всякого рода корпораций* (на языке янки это обозначает *акционерные компании*), после этого — для *всех форм ассоциированного капитала*, а в заключение — для *всех форм капитала вообще*; вы расчищаете, таким образом, дорогу для коммунизма, учение которого уже и сейчас все более и более распространяется в народе». У мистера Гульда «хорошее чутье».

В Индии для британского правительства готовятся серьезные осложнения, если не всеобщее восстание. То, что англичане отбирают ежегодно у индийцев — в виде ренты, железнодорожных дивидендов от совершенно бесполезных для самих индийцев железных дорог, пенсий военным и гражданским чиновникам, издержек на афганские и иные войны и пр. и пр., — то, что они берут у них *без всякого эквивалента*, не считая того, что они ежегодно присваивают себе в самой Индии, т. е. стоимость одних только *неоплачиваемых продуктов*, которые индийцы должны ежегодно отправлять в Англию, — *превышает общую сумму дохода 60 миллионов земледельческих и промышленных работников Индии!* Это — настоящее кровопускание, это вопиющее дело! Голодные годы следуют там один за другим, причем голод достигает *размеров*, о которых в Европе до сих пор даже и не подозревают. Среди населения зреет настоящий заговор, в котором участвуют совместно и индусы и мусульмане. Британское правительство знает, что что-то «затевается», но эти тупицы (я имею в виду правительственных чиновников), ослепленные своей собственной парламентской манерой говорить и мыслить, не желают даже уяснить себе положение вещей, не хотят понимать всего размера угрожающей им опасности! Обманывать других, а тем самым и самих себя, — в этом вся суть *парламентской мудрости*. Тем лучше!

Не можете ли Вы сказать мне, переведено ли на русский язык сочинение профессора Ланкестера «*Вырождение*»¹, которое Вы цитируете в своей статье? Он — один из моих друзей.

В прошлом месяце у нас было несколько русских посетителей, между прочим профессор Зибер (он сейчас поселился в Цюрихе) и г. Каблуков (из Москвы). Они целыми днями работали в Британском музее.

Нет ли известий о нашем «общем» друге?

Кстати: последняя статистическая работа Янсона², сопоставляющая Россию с Европой, произвела большую сенсацию. Я был бы очень рад взглянуть на нее.

С наилучшими пожеланиями, искренне преданный Вам

Карл Маркс.

¹ Lankester, E. Ray, Degeneration. A Chapter in Darwinism. London, 1880. (Рус. перевод. Ланкестер, Э. Рей, Вырождение. Глава из теории развития (дарвинизма). С.-Петербург, 1883.) *Ред.*

² Янсон Ю., Сравнительная статистика России и западноевропейских государств, в 2-х томах. С.-Петербург, 1878—1880. *Ред.*

54.

МАРКС — Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОНУ
в Петербург.

Лондон, 13 декабря 1881 г.

Дорогой друг!

Второго числа этого месяца, после долгой и мучительной болезни, умерла моя жена. Осенние месяцы я провел вместе с ней, ухаживая за ней сначала в одном из английских приморских местечек (в Истберне), затем в Аржантейле (приблизительно в 20 минутах от Парижа), где мы наслаждались возможностью жить вместе с нашей старшей дочерью (г. Лонге) и четырьмя ее маленькими мальчиками (старшему из них около пяти лет), чрезвычайно привязанными к своим дедушке и бабушке.

С моей стороны было очень рискованно предпринимать эту поездку в Париж при слабости моей дорогой жены. Но, положившись на мнение моего доброго друга, д-ра Донкина, я решился на это, чтобы доставить ей эту последнюю радость!

К несчастью, мое собственное здоровье было довольно плохо все это время, и после нашего возвращения в Лондон я внезапно схватил бронхит, осложненный плевритом, так что в продолжение трех недель из последних шести недель жизни моей жены я не мог видаться с ней, хотя мы находились в двух соседних комнатах.

И сейчас я все еще не в состоянии выходить из дому. Я был очень близок к тому, чтобы «покинуть этот несовершенный мир». Доктора хотят отправить меня на юг Франции или даже в Алжир.

Письма с выражением соболезнования, получавшиеся мною со всех сторон, служили для меня большим источником утешения, поскольку во всех этих письмах (за исключением одного единственного *русского* письма) звучала непритворная симпатия и настоящее понимание и признание редких качеств моей дорогой жены.

Мой немецкий издатель сообщает мне, что требуется третье издание «Капитала». Это известие пришло в крайне неподходящий для меня момент. Во-первых, я должен прежде всего восстановить свое здоровье, а во-вторых, я желаю окончить как можно скорее II том (даже в том случае, если бы мне пришлось издать его за границей). Мне теперь особенно хочется довести его до конца, с тем чтобы посвятить его моей жене.

Впрочем, как бы то ни было, я условлюсь с моим издателем, чтобы ограничиться для третьего издания возможно меньшим количеством изменений и добавлений; но, с другой стороны, я потребую, чтобы он отпечатал на этот раз только 1 000 экземпляров, вместо 3 000, как обычно. Когда эти 1 000 экземпляров,

составляющих третье издание, будут распроданы, я, может быть, внесу в книгу те изменения, которые я сделал бы в настоящее время при других обстоятельствах.

Остаюсь всегда Вашим верным другом

А. Вильямс.

55.

Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОН — МАРКСУ

в Лондон.

С.-Петербург,
5 (17) декабря 1881 г.

Милостивый государь!

Я прочел Ваше письмо с глубочайшим сожалением. Мне так часто приходилось слышать от «нашего общего друга» о редких достоинствах Вашей супруги, что, и не зная ее лично, я испытывал к ней чувство величайшего уважения. Это еще более увеличивает мое глубокое сочувствие Вашему горю, сочувствие, которое я позволю себе выразить.

Посвящение второго тома Вашего труда памяти покойной будет лучшим сй памятником, нам же и нашим детям Ваш труд даст наилучшую возможность научиться тому, как следует служить человечеству. Память той, которая вдохновляла Вас на такое служение, будет чтиться с глубоким уважением.

От души желаю Вам поскорей поправиться и остаюсь глубоко уважающий Вас

Ваш *Н. Д.*

«Наш общий друг» переедет в январе в Вологду¹.

56.

Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОН — ЭЛЕНОРЕ МАРКС

в Лондон.

С.-Петербург,
16 (28) марта 1883 г.

Милостивая государыня!

Позвольте мне выразить Вам мое глубокое сочувствие по случаю постигшего Вас горя. Я уверен, что это горе разделяется

¹ Г. А. Лопатин, находившийся в ссылке в Ташкенте, в начале 1882 г. был переведен в Вологду, откуда в 1883 г. бежал в Париж. *Ред.*

всеми, кому дороги те интересы, научным выразителем которых был Ваш отец.

Друзья Вашего отца, по всей вероятности, издадут некоторую часть тех его трудов, которые еще не опубликованы. Если это так, то я с радостью вышлю все те новые данные об экономической жизни России, которые могут понадобиться. Вы ведь знаете, какое большое научное значение придавал Ваш отец нашим экономическим отношениям. — Я хотел бы знать: 1) нужны ли такие материалы; 2) что в частности нужно; 3) кто будет издателем трудов Вашего отца? Ф. Энгельс? Если мое последнее предположение правильно, то я попросил бы его сообщить мне свой адрес для того, чтобы я мог доставлять ему необходимые материалы.

Намереваются ли друзья Вашего отца, кроме издания его сочинений, выпустить в свет также его письма к разным лицам? Если они думают это сделать, то я пришлю для снятия копий те письма, которые я получил от него.

Остаюсь преданный Вам

Н. Даниельсон.

57.

ЭНГЕЛЬС — Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОНУ

в Петербург.

Лондон, 11 февраля 1885 г.

Милостивый государь!

Охотно буду посылать Вам корректурные листы II тома, как только Вы сообщите мне, каким образом их отправлять — бандеролью (как печатные произведения) или в закрытом конверте, в виде письма. Дело в том, что если какой-нибудь лист будет потерян, то его невозможно будет возместить до окончания печатания всего тома. Я полагаю, что к тому времени, когда получится Ваш ответ, у меня будет для Вас два или три листа.

Очень благодарен Вам за предложение, — которое Вы сделали мне недавно, — предоставить в мое распоряжение имеющиеся у Вас письма г. Вильямса. В настоящее время рукописи Маркса поглощают все мое время и внимание, но, без сомнения, наступит момент, когда я воспользуюсь Вашим любезным предложением.

Имеете ли Вы какие-нибудь известия от нашего общего друга после той неприятности¹, которая с ним недавно случилась?

Будьте любезны в дальнейшем писать мне по адресу, указанному в конце письма.

Преданный Вам
П. Рошер.

M-rs Rosher
6, Richmond Villas, Messina Avenue,
West Hampstead, N. W., London.

58.

ЭНГЕЛЬС — Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОНУ
в Петербург.

Лондон, 23 апреля 1885 г.

Милостивый государь!

Я получил Ваше любезное письмо от 9 (21) прошлого месяца и премного обязан Вам за очень интересные сведения, которые в нем содержатся. Действительно, чрезвычайно интересно, что закон обратной пропорциональности заработной платы и продолжительности рабочего дня подтверждается также и в России. Столь же интересно и быстрое разложение мира в процессе развития современной промышленности и финансов, о чем свидетельствует все возрастающее количество **бесхозяйственных хозяев**. Такого рода факты имеют для меня огромное значение, и я буду Вам очень признателен, если Вы будете сообщать мне время от времени известные Вам данные об экономическом положении и развитии вашей великой страны. К сожалению, в настоящее время я до такой степени поглощен опубликованием рукописей Маркса, что принужден прервать не только всякую самостоятельную работу, но даже и мои научные занятия и с трудом нахожу время для переписки; так что, как видите, теперь я не могу воспользоваться Вашим любезным предложением высылать мне оригинальные русские работы по экономическим вопросам, у меня положительно не было бы времени пользоваться ими. Надеюсь, однако, что Вы не посетуете на меня, если впоследствии, при первой возможности, я позволю себе напомнить Вам о Вашем любезном обещании. А сейчас эти неопределимые рукописи служат для меня источником высшего научного наслаждения; без сомнения и Вы испытаете то же чувство

¹ Энгельс имеет в виду арест Г. А. Лопатина в октябре 1884 г. *Ред.*

при чтении корректурных листов. Я отправил Вам листы 5—9 около трех недель тому назад — 27 марта, а вчера — листы 10—14. Скоро пошлю Вам еще партию тоже *заказным*. Весь II том займет около 39 листов и выйдет к концу мая. Я занят теперь III томом, представляющим собою заключительную и завершающую часть всей работы; он затмит даже I том. Я диктую с оригинала, который положительно никто на свете не в состоянии прочесть, кроме меня, и я не успокоюсь до тех пор, пока весь текст не будет переписан таким образом, чтобы его во всяком случае могли прочесть другие. После этого я сумею не торопясь заняться окончательной редакцией, что будет нелегкой задачей, если учесть, что оригинал находится в далеко незаконченном виде. Но, как бы то ни было, если даже мне не суждено завершить эту работу, она будет спасена от полной гибели и, в случае необходимости, может быть издана. Этот III том — самая поразительная вещь, которую я когда-либо читал, и бесконечно жаль, что автор не дожил до того, чтобы довести эту работу до конца, самому издать ее и увидеть то впечатление, которое ей суждено произвести. Ясность изложения такова, что добросовестное несогласие с автором отныне невозможно. Самые трудные пункты разъяснены и распутаны с такой легкостью, будто это просто детская игра, и вся система приобретает новый и простой вид. Боюсь, что III часть составит целых два тома. Кроме того, у меня имеется старая рукопись, в которой рассматривается история теории¹ и которая тоже потребует не мало труда. Итак, Вы видите, что дел у меня по горло.

Искренне Ваш

П. В. Рошер.

59.

Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОН — ЭНГЕЛЬСУ

в Лондон.

С.-Петербург,

24 апреля (6 мая) 1885 г.

Милостивый государь!

Большое спасибо за Ваше любезное письмо и за 9—20 листы. Содержание Вашего письма обрадовало и вместе с тем огорчило меня.

Было очень приятно узнать, что труд Маркса завершен в такой мастерской форме, но в то же время я думал, что заключительная часть его войдет во второй том, как предполагалось

¹ Речь идет о «Теориях прибавочной стоимости» Маркса. *Ред.*

в предисловии к первому тому. А теперь оказывается, что эта часть его труда пока еще не издается¹. Насколько я понял, землевладение, рента и другие, связанные с ними вопросы, рассматриваются именно в этих двух томах. — Я с величайшим нетерпением буду ждать выхода этой части, являющейся венцом всего труда. Крайне любопытно, включены ли в эту книгу данные о русской экономической жизни. Ведь автор считал их, как Вам известно, весьма важными для себя, так как условия нашего экономического существования чрезвычайно просты, они не сложны, и взаимное влияние его факторов выступает более явственно, поскольку оно не затемнено чуждыми влияниями. Кроме того, ему важно было изучить эти факторы в момент становления, там где эти влияния выражены наиболее сильно. Вот почему его выводы — использовал ли он русские данные или нет, — приобретают для нас исключительное значение. Г-н Джон Рэ в своем «Современном социализме» решительно отказывается понять этот факт; его удивляет, что учение автора приобрело в России определенное влияние, в то время как в Англии, в стране капитализма, книга еще не переведена.

Нужно ли говорить о том, какое удовольствие доставило мне чтение тех 14 листов, которые Вы любезно прислали мне. (Листы 15—20 я еще не читал.)

Глубоко преданный Вам

Н. Ф. Даниельсон.

60.

ЭНГЕЛЬС — Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОНУ

в Петербург.

Лондон, 3 июня 1885 г.

Милостивый государь!

Получил Ваше письмо от 24 апреля (6 мая) и надеюсь, что и Вы получили листы 21—26, посланные Вам 13 мая. Сегодня отправил Вам окончание — листы 27—33. Через несколько дней, я надеюсь, смогу послать Вам предисловие и пр. Из этого пре-

¹ Третья книга труда Маркса — «Процесс капиталистического производства, взятый в целом», — выпущенная Энгельсом в виде самостоятельного III тома «Капитала», должна была по первоначальному плану Маркса войти составной частью во II том. В предисловии к I тому «Капитала» Маркс писал по этому поводу: «Второй том этой работы будет посвящен процессу обращения капитала (книга II) и капиталистическому процессу в целом (книга III), заключительный третий том (книга IV) — истории экономических теорий». *Ред.*

дисловия Вы увидите, что рукопись третьего тома была написана еще в 1864—1866 годах, т. е. еще до того времени, как автор благодаря Вашей любезности так основательно познакомился с аграрным строем вашей страны. В настоящее время я работаю над главой о земельной ренте и до сих пор не встретил никакого упоминания о русских условиях. Как только вся рукопись будет переписана удобочитаемым почерком, я должен буду обработать ее, сличив с другими материалами, оставленными автором; для главы о ренте имеются весьма обширные извлечения из различных статистических работ, которыми он был обязан Вам, — по я не могу еще сказать, содержатся ли в них какие-либо критические замечания, которые могут быть использованы в этом томе. Что бы там ни встретилось, все будет использовано со всей добросовестностью. Во всяком случае, уже одна работа по переписке займет меня по крайней мере до глубокой осени, а так как рукопись содержит почти 600 страниц *in folio*, то ее, быть может, опять-таки придется разделить на два тома.

Анализ ренты теоретически столь полон, что Вы безусловно найдете в нем много интересного применительно к особым условиям вашей страны. Однако в этой рукописи не рассматривается вопрос о докапиталистических формах земельной собственности; о них упоминается лишь кое-где в целях сравнения¹.

Глубоко преданный Вам

П. В. Рошер.

61.

Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОН — ЭНГЕЛЬСУ

в Лондон.

С.-Петербург,
13 (25) июня 1885 г.

Милостивый государь!

Большое спасибо за Ваши предисловия к «Капиталу» и к «Нищете [Философии]»². Они чрезвычайно интересны, но я не знаю, как избежать следующих затруднений. Родбертус —

¹ Повидимому, Энгельс не успел просмотреть до конца всей рукописи, так как в VI отделе III тома «Капитала» имеется глава (47-я) о докапиталистических формах ренты. *Ред.*

² Речь идет о предисловиях Энгельса к первому немецкому изданию II тома «Капитала» (1885) и к первому немецкому изданию «Нищеты философии» (1885), где Энгельс дает подробное опровержение целенных обвинений в плагиате, которые выдвигались против Маркса Родбертусом и его последователями. *Ред.*

экономист, произведения которого мало известны в России; его претензии на открытие законов происхождения прибавочной стоимости известны еще менее; его обвинения автора «Капитала» в плагиате совершенно неизвестны. Кроме этих соображений, надо иметь в виду также нашу цензуру.

Вот почему я беру на себя смелость просить Вас несколько изменить Ваше предисловие к русскому изданию «Капитала», а именно: выбросить полемику из той части его, где Вы даете блестящее изложение вопроса о том, какое место занимает автор среди остальных экономистов, и того, что он сделал для науки.

И надеюсь, что перевод выйдет в октябре ¹.

Преданный Вам

Н. Даниельсон.

62.

ЭНГЕЛЬС — Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОНУ

в Петербург.

Лондон, 8 августа 1885 г.

Милостивый государь!

Я подумал над Вашим предложением — написать специальное предисловие к русскому изданию ², но не знаю, сумею ли я это сделать как следует.

Если Вы считаете, что Родбертуса лучше вообще не касаться, то я предложил бы Вам опустить всю вторую часть предисловия. Этой части далеко не достаточно для выяснения того, какое место занимает автор ³ в истории экономической науки, что может быть оправдано лишь теми особыми условиями, при которых она была написана, — я имею в виду нападки со стороны родбертусовской клики. Эта клика, необычайно влиятельная в Германии, подняла изрядный шум, и о ней, без сомнения, вскоре услышат и в России. Что может быть легче и удобнее, чем покончить со всем этим вопросом, объявив, что наш автор просто списал у Родбертуса? Это наверно станут повторять повсюду, где нашего автора читают и обсуждают. Но во всех этих делах Вы лучший судья, и поэтому я передаю все это всецело на Ваше усмотрение, тем более, что у меня нет ни малейшего представ-

¹ Русский перевод II тома «Капитала» вышел в С.-Петербурге в 1885 г. *Ред.*

² Речь идет о предисловии Энгельса ко II тому «Капитала» Маркса. *Ред.*

³ К. Маркс. *Ред.*

ления о том, что ваша цензура может пропустить и что задержать.

Здесь распространились благоприятные слухи о судьбе нашего общего друга ¹. Не можете ли Вы сообщить мне о нем что-нибудь?

Преданный Вам

П. В. Рошер.

63.

Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОН — ЭНГЕЛЬСУ

в Лондон.

С.-Петербург,
6 (18) августа 1885 г.

Милостивый государь!

Так как я не намерен исключать что-либо из предисловия без согласия автора и, вообще говоря, вовсе нежелательно каким бы то ни было образом сокращать перевод, то я только минимально воспользуюсь Вашим любезным разрешением сократить предисловие. Я выброшу лишь такие места, которые могут послужить причиной запрещения книги, как, например (стр. XVII): «Называется ли это налогами, прибылью или кражей... эти вычеты...». Это тем более необходимо, что в самой книге нельзя найти ничего такого, что следовало бы исключить; наиболее неприемлемым для цензуры является в ней самое имя автора. Я, конечно, не стану даже пытаться *изменять* что-нибудь в предисловии, и его историко-полемический характер будет сохранен.

Какое впечатление производит второй том в Германии? Вы совершенно правы, говоря, что изучать эту книгу — наслаждение (перевод ее уже окончен). По оригинальности и глубине мысли автора можно сравнить с Чарльзом Дарвином. Обе теории постигла одинаковая судьба. Обе они прошли через три одинаковые фазы: 1) теория не выдерживает критики; 2) она не представляет ничего нового (Дарвин — Ламарк, Гёте и т. д., К. Маркс — Родбертус и т. д.); 3) всеобщее признание. Я считаю хорошим признаком, что на автора нападают с этой стороны: это доказывает, что истина побеждает, что споры вызывает вопрос не о том, верна теория или нет, а о том, кто является автором подобной теории. Конечно, в данном случае видно намерение фальсифицировать теорию, нарядить ее в прусский

¹ Г. А. Лопатин. *Ред.*

мундир, сшитый по выкройке Родбертуса. Этот факт показывает, какое влияние имеет данная теория: каждый старается использовать вновь возникшую силу к своей выгоде. Чарльз Дарвин ответил своим критикам неутомимыми исследованиями. Куда девались теперь его оппоненты? Ответ нашего автора — его глубокие исследования в таком вопросе, который считался исчерпанным. И какой ответ! Достаточно упомянуть третий раздел второго тома. Не легкая задача: победить такого великана мысли, и Родбертус со своей кликой не в состоянии вычеркнуть его имя из истории науки или умалить влияние его учения. Д. Дидро в своих «Философских мыслях о материи и движении» (Сочинения, изд. Брисера, Париж 1821 г., стр. 232) говорит, что «количество силы в природе является постоянной величиной». Это — счастливая догадка и ничего больше. В истории теории «сохранения энергии» имя Дидро не будет упомянуто. Чтобы стать научной мыслью, эта мысль должна была быть доказана Румфордом, Джоулем, В. Томпсоном, Гельмгольцем и др., а ведь Дидро нельзя сравнивать с Родбертусом. Труд нашего автора теперь опубликован, и каждый может судить, на чьей стороне истина.

Как далеко подвинулась Ваша работа по редактированию III тома?

Здоровье «нашего общего друга» внушает серьезные опасения, его врачи убеждены, что болезнь неизлечима, и так как она заразна, то он совершенно изолирован¹.

Искренне преданный Вам

Н. Даниельсон.

64.

Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОН — ЭНГЕЛЬСУ

в Лондон.

С.-Петербург,
9 (21) августа 1885 г.

Милостивый государь!

Года два тому назад Вы дали для помещения в одном из наших журналов ответ К. Маркса на статью Михайловского «Карл Маркс перед судом г. Жуковского». Он не мог быть напечатан, так как журналы закрывались один за другим. Несколько сотрудников закрытых журналов соединились для

¹ Лопатин находился в то время в Шлиссельбургской крепости. *Ред.*

издания нового журнала «Северный Вестник». Редактор будет очень рад поместить упомянутый ответ¹. Но в силу некоторых обстоятельств, которые мне не приходится Вам объяснять, редактор настойчиво просит Вас прислать ему короткое письмо приблизительно такого содержания: «Редактору «Северного Вестника». В бумагах К. Маркса я нашел его ответ на статью Михайловского «Карл Маркс перед судом г. Жуковского». Так как этот ответ был предназначен для русской публики, Вы, вероятно, не откажетесь напечатать его в Вашем журнале. Подпись. Письмо может быть написано по-французски или по-немецки, как Вам удобнее.

Редактор надеется напечатать этот ответ в первом или во втором номере журнала, т. е. в сентябре или в октябре.

Если Вы будете так добры и напишете подобное письмо, то пришлите его, пожалуйста, по моему адресу. Я передам его редактору.

Глубоко преданный Вам

Н. Даниельсон.

65.

ЭНГЕЛЬС — Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОНУ

в Петербург.

Лондон, 13 ноября 1885 г.

Милостивый государь!

Я получил Ваши два письма от 6 (18) и 9 (21) августа, когда был в Джерси, и тотчас же послал Вам, как Вы просили, письмо для «Северного Вестника». С тех пор обилие работы мешало мне ответить Вам более подробно на эти письма, а также и на письмо от 25 августа (5 сентября).

Я не сомневался, что II том доставит Вам такое же удовольствие, как и мне. В нем развиты теории столь высокого порядка, что вульгарный читатель не даст себе труда вникнуть в их глубину и проследить их до конца. Это в действительности и происходит в Германии, где вся историческая наука, включая политическую экономию, пала так низко, что ниже опуститься едва ли возможно. Наши катедер-социалисты в теоретическом отношении никогда не поднимались над уровнем слегка

¹ В «Северном Вестнике» ответ Маркса на статью Михайловского напечатан не был. Он появился впервые в «Вестнике Народной Воли» № 5, 1886 г. (Женева), а затем в «Юридическом Вестнике», кн. 10, 1888 г. (Москва). *Ред.*

филантропически настроенных вульгарных экономистов, а в настоящее время они опустились до уровня простых апологетов бисмарковского государственного социализма. Для них II том навсегда останется книгой за семью печатями. Разве не прекрасным примером того, что Гегель называет иронией всемирной истории, является тот факт, что благодаря возвышению Германии до положения первой европейской державы германская историческая наука оказалась снова низведенной до такого же жалкого состояния, в котором она находилась в период глубочайшего политического упадка Германии, после Тридцатилетней войны. Но такова действительность. И вот, германская «наука» в недоумении таращит глаза на эту новую книгу, не будучи в состоянии понять ее; и только благодетельный страх перед последствиями мешает представителям этой «науки» критиковать книгу публично, и поэтому официальная экономическая литература сохраняет по отношению к ней осторожное молчание. III том, однако, заставит их заговорить.

Что касается III тома, то я закончил первоначальную работу по переписке оригинала начисто в разборчивом виде. Три четверти его почти совершенно пригодны для печати так, как они есть; но оставшая четверть или, возможно, треть тома потребует много труда; первый раздел (отношение нормы прибавочной стоимости к норме прибыли), затем следующие разделы, о кредите, а частью также и о земельной ренте и, кроме того, отдельные места почти во всех остальных разделах. За последние два месяца мне пришлось уделять внимание многим другим работам, запущенным вследствие того, что я был занят исключительно II и III томами. Это займет еще некоторое время, а затем, быть может, еще месяц уйдет на просмотр английского перевода I тома, который почти закончен, и после этого я возьмусь за III том и доведу его до конца. Возможно, что он будет издан в двух частях, так как в нем около 1 000 страниц.

Очень Вам благодарен за сделанные Вами выписки из писем автора¹ за 1879—1881 годы. Читая их, я не мог удержаться от грустной улыбки. Увы, мы все так привыкли к подобного рода оправданиям по поводу незаконченной работы! Всякий раз, когда состояние здоровья лишало его возможности продолжать работу, это лежало тяжелым бременем на его сознании, и он рад был найти хоть какое-нибудь теоретическое оправдание тому, что работа не могла быть тогда закончена. Все эти аргументы он в то время приводил и мне, и они, казалось, успокаивали его.

После того как я закончу III том и выберу из других рукописей то, что годится для опубликования, я, по всей вероятности,

¹ Речь идет о письмах Маркса к Даниельсону. *Ред.*

попытаюсь собрать ту часть переписки автора, которая имеет научное значение, и в этом отношении его письма к Вам занимают одно из первых мест. Когда дойдет до этого, я воспользуюсь Вашим любезным предложением предоставить в мое распоряжение копии этих писем.

Мне часто представляется возможность отправлять Вам брошюры и т. п. — новые издания работ автора, мои собственные произведения и т. д., но я не знаю, насколько безопасно посылать их непосредственно Вам. Я был бы Вам очень обязан, если бы Вы сообщили, как поступить.

Надеюсь, что здоровье нашего общего друга улучшается, несмотря на неблагоприятные предсказания его врачей. Я буду рад получить о нем какие-либо известия.

Кризис, о котором автор говорит в своем письме, был действительно исключительным¹. Факт тот, что он все еще продолжается, вся Европа и Америка страдают от него и по сей день. Одной из причин этого является отсутствие финансового краха. Но важнейшая причина — это, без сомнения, совершенно изменившееся положение мирового рынка. С 1870 г. Германия, и в особенности Америка, стали соперниками Англии в современной промышленности, и в то же время в большинстве других европейских стран собственная промышленность развилась в такой степени, что они перестали зависеть от Англии. Последствием этого явилось распространение процесса перепроизводства на гораздо большую территорию, чем тогда, когда этот процесс ограничивался преимущественно Англией, причем перепроизводство приобрело — и сохраняет до сих пор — не острый, а хронический характер. Отдаляя наступление грозы, которая прежде очищала атмосферу каждые десять лет, эта все продолжающаяся хроническая депрессия неизбежно приведет к краху такой силы и таких размеров, какого мы никогда раньше не знали. Тем более, что аграрный кризис, о котором говорит автор, также продолжается до сего времени, распространился почти на все европейские страны и будет продолжаться до тех пор, пока не истощится девственный чернозем западных американских прерий.

Глубоко уважающий Вас

П. В. Р.

---

¹ См. письмо Маркса к Даниельсону от 10 апреля 1879 г. на стр. 100—105 настоящего сборника. *Ред.*

66.

Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОН — ЭНГЕЛЬСУ

в Лондон.

С.-Петербург,
19 (31) декабря 1885 г.

Милостивый государь!

Второй том [«Капитала»] готов. В настоящее время книга находится в нашей цензуре. Мне частным образом сообщили, что цензоры не хотят пропустить предисловие. Лучшая часть его — краткий очерк истории прибавочной стоимости, и место, которое занимает наш автор в разработке вопроса о ней, — кажется им слишком красным.

Я думал выбросить несколько цитат из английских авторов. Но этого им мало. Редактор, — говорят они, — слишком подчеркивает социалистические тенденции автора¹.

Как только кончится установленный законом срок, пошлю вам несколько экземпляров книги. Я с большим нетерпением жду выхода третьего тома. Второй том, по моему мнению, великолепен.

Желаю Вам счастья в Новом году.

Искренне преданный Вам

Н. Даниельсон.

67.

ЭНГЕЛЬС — Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОНУ

в Петербург.

Лондон, 8 февраля 1886 г.

Милостивый государь!

Я получил Ваши любезные письма от 18 (30) ноября, 19 (31) декабря, 26 декабря (7 января) и 8 (20) января, а также четыре экземпляра перевода², из которых один передан в Британский музей, другой — Полковнику³ и третий — хорошо известной Вам даме⁴, которая тоже перевела несколько работ автора на ваш язык. Вы очень обяжете меня, если пошлете еще один экзем-

¹ В русском издании II тома «Капитала» (1885) вышеуказанная часть предисловия Энгельса была по требованию цензуры вышущена. *Ред.*

² II тома «Капитала». *Ред.*

³ П. Лаврову. *Ред.*

⁴ В. Засулич. *Ред.*

пляр нашему издателю в Германии, г. Отто Мейснеру в Гамбурге.

Я с большим удовольствием прочел Ваше прекрасное предисловие и в доказательство того, что прочел его внимательно, могу указать Вам, что на стр. X, в строке 17, наборщик, повидимому, пропустил слово. Не следует ли читать это место так: **что и переменная часть капитальной стоимости** и т. д. Пропуск этот не имеет большого значения для того, кто хорошо знаком с терминологией автора, но может сбить с толку тех, кто ее не усвоил.

Очень благодарен за Ваши заметки об экономическом положении вашей страны. Все такого рода вещи всегда представляют для меня величайший интерес. Последние 30 лет показали во всем мире, за какой короткий срок могут привиться и твердо укрепиться огромные производительные силы современной промышленности даже в странах, которые до сих пор были чисто аграрными. При этом сопровождающие этот процесс явления повторяются повсеместно. То, что Вы пишете мне о платежах досрочными купонами, происходило по всей Германии десять или пятнадцать лет тому назад и случается иногда и теперь; в особенности перед введением новой монетной системы жалобы на обращение таких купонов, которые выдавали первоначально взамен заработной платы, были всеобщими. Быстрое развитие германской промышленности уже оставило за собой этот этап, и если подобные вещи еще и случаются, то лишь в виде исключения; но пятнадцать лет тому назад это было правилом, особенно в Саксонии и Тюрингии. Но то, что ваши экономисты считают это доказательством недостаточности средств обращения, — и это при наличии бумажных денег, обесцененных инфляцией, по крайней мере, на 36%, — может быть поставлено лишь на одну доску со взглядами американских гринбекеров, которые также требовали увеличения выпуска бумажных денег на том основании, что бумажные деньги более не обесцениваются и поэтому выпущены якобы в недостаточном количестве!

Рад узнать, что нашему другу рекомендуют перемену климата, — я думаю, что его направят, примерно, туда же, куда его врачи посылали раньше и где условия были, повидимому, довольно благоприятны для его здоровья. Во всяком случае, это служит для меня доказательством того, что всякая опасность внезапного кризиса в его болезни теперь миновала¹.

Наконец-то я имею всю рукопись английского перевода I тома и на будущей неделе займусь ее просмотром; как только я получу представление о том, сколько всего времени мне

¹ Речь идет о Лопатине, которому угрожала каторга. *Ред.*

понадобится на просмотр, я тотчас же заключу договор с издателем. Переводчиков двое: один из них — адвокат и старый наш друг¹ (Вы и он — единственные люди, которые действительно хорошо знают эту книгу); однако его профессиональные занятия не позволяли ему закончить во-время всю работу, поэтому д-р Эвелинг, муж младшей дочери автора, предложил свои услуги; но как экономические теории, так и терминология автора еще несколько повы для него, и я предвижу, что сделанная им часть перевода доставит мне больше работы. Лишь только английский перевод будет достаточно подготовлен к печати, я вновь примусь за III том и доведу его до конца, не позволяя какой бы то ни было другой работе помешать мне в этом.

Здесь промышленный кризис углубляется, вместо того чтобы итти на убыль, и люди все больше начинают убеждаться в том, что промышленная монополия Англии приходит к концу. С появлением Америки, Франции, Германии в качестве конкурентов на мировом рынке, с введением высоких таможенных пошлин, не допускающих иностранные товары на рынки других развивающихся промышленных стран, дело становится вопросом простого расчета. Если в то время, как монополия принадлежала одной великой промышленной державе, кризис происходил каждые 10 лет, то что же будет при наличии четырех подобных держав? Приблизительно — кризис каждые 10 : 4 года, т. е. по существу кризис без конца. Нас с Вами это, пожалуй, устраивает.

С совершенным почтением Ваш

П. В. Рошер.

68.

ЭНГЕЛЬС — Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОНУ

в Петербург.

Лондон, 9 ноября 1886 г.

Милостивый государь!

Все это время я был занят английским переводом I тома, который надеюсь теперь закончить в течение нескольких недель, так как я прочел уже *первые* корректурные листы всего тома, и теперь мне предстоит прочесть лишь вторые и третьи корректуры последних десяти листов. Это была очень тяжелая работа, так как в конце концов на меня ляжет ответственность за текст. Я не имел возможности заняться чем бы то ни было в течение

¹ С. Мур. Ред.

этого времени, почему и накопилась куча всяких мелких дел, с которыми я теперь покончу, а затем вернусь к III тому. Я писал Вам, насколько мне помнится, что продиктовал его с рукописного оригинала, с тем чтобы получился разборчивый текст. Большая часть не потребует значительных изменений, за исключением главы о превращении нормы прибавочной стоимости в норму прибыли, главы о банковском капитале, и — до известной степени — главы о земельной ренте, которые потребуют еще не мало обработки. Я надеюсь выпустить в будущем году весь текст, но не сдам в печать ничего, пока вся работа не будет закончена.

До марта 1886 г. II том разошелся в 1300 экземплярах.

Как только английский перевод выйдет из печати, я пошлю Вам экземпляр.

Рецензии на II том в немецкой печати невероятно глупы. Одна из них, написанная д-ром Гроссом из Вены, довольно приличная, но сам Гросс — идиот. Другая, принадлежащая профессору Лексису из Бреславля, по-своему, очень не глупа: автор прекрасно понимает книгу и знает, что против нее ничего нельзя возразить, но он карьерист и поэтому прикидывается вульгарным экономистом. Эта рецензия появилась в гильдебрандовских «Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik». XI том. 1885 г., 5-я книга (5 декабря 1885 г.).

Я, конечно, буду очень рад, когда выпущу третий том, потому что, как Вы говорите, только тогда вся система автора будет окончательно понята и многие глупые возражения, которые теперь выдвигаются против нее, будут окончательно разбиты.

Искренне Ваш

П. В. Рошер.

69.

Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОН — ЭНГЕЛЬСУ

в Лондон.

С.-Петербург,
22 января (3 февраля) 1887 г.

Милостивый государь!

Я получил проспект издания английского перевода «Капитала», который Вы были так любезны мне прислать. Этот проспект вдвойне обрадовал меня. Во-первых, самый факт издания чрезвычайно отраден; во-вторых, там сказано, что

третий том будет напечатан до конца 1887 года. Это последнее сообщение очень важно для меня. Должен сознаться, что хотя имя нашего автора пользуется у нас большой популярностью, однако его исследования недостаточно хорошо поняты, так что даже среди его так называемых последователей Вы можете встретить искажение его взглядов.

Вот почему я намерен дать для широкой публики изображение явлений нашей экономической жизни в свете его теории, чтобы показать, куда мы идем. Вы знаете, что путь, избранный русским обществом в целом, очень опасен, что наши естественные богатства истощены и т. д.

Я не решил еще, какая форма лучше всего подходит для подобного исследования, но чувствую себя обязанным сделать теорию нашего автора доступной для возможно более широкого круга читателей.

Однако это намерение может быть исполнено только после выхода перевода всех томов.

Очень досадно, что книга в английском переводе стоит так дорого. Она, возможно, окажется недоступной для тех, для кого она, собственно, переведена.

Чрезвычайно интересно знать, что будут говорить об этом издании. Я слышал, что французское издание не находит читателей.

Посылаю Вам «23 сказки» нашего сатирика Щедрина, где освещаются некоторые «проклятые» социальные вопросы. Я уверен, что многие из этих сказок доставят Вам большое удовольствие (например, пятая — «Добродетели и пороки», вторая, четвертая, третья и т. д.).

Искренне преданный Вам

Н. Даниельсон.

70:

ЭНГЕЛЬС — Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОНУ

в Петербург.

Лондон, 19 февраля 1887 г.

Милостивый государь!

Я рад, что получил Ваше письмо от 22 [января] — 3 текущего месяца, потому что из него я узнал, что издатель, вместо того чтобы послать Вам экземпляр английского «Капитала», отправил Вам только проспект. Такого рода ошибки происходили уже не раз, и это причиняет нам не мало досады и беспо-

койства. Впрочем, я сразу же, 12 февраля, послал Вам экземпляр по почте, *заказным*, и надеюсь, что Вы исправно его получили. Рад Вам сообщить, что книга расходуется исключительно хорошо. Высокая цена *первого* издания была неизбежным злом, но так как книга папечатана на стереотипе, то через некоторое время выйдет удешевленное издание, которое будет стоить, примерно, треть стоимости первого издания; в настоящий момент высокая цена не является *здесь* серьезным препятствием, хотя до некоторой степени мешает распространению книги в Америке.

Я думаю, Вы хорошо сделаете, показав читающей публике вашей страны, как применить теорию автора к вашим условиям. Но, быть может, Вам лучше подождать, как Вы сами пишете, пока вся работа не выйдет полностью. Глава о земельной ренте, хотя и написана автором до того, как он изучал экономические условия России, и в ней нет упоминания о них, тем не менее, будет Вам крайне необходима. Я займусь III томом после того, как справлюсь с накопившейся у меня другой работой. За исключением трех разделов большая часть почти готова для печати.

Большое спасибо за «Сказки» Щедрина, к чтению которых я приступлю при первой возможности; легкий конъюнктивит левого глаза не позволяет прочесть их теперь же, так как русский шрифт заставляет меня сильно напрягать зрение.

На английское издание не появилось до сих пор ни одной рецензии. Профессиональные рецензенты, повидимому, не знают, как быть с этой книгой, и боятся обжечься.

Искренне Ваш

П. В. Рошер.

71.

Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОН — ЭНГЕЛЬСУ

в Лондон.

С.-Петербург,
11 (23) декабря 1887 г.

Милостивый государь!

Несколько недель тому назад д-р Кейслер выпустил здесь заключительную часть (четвертый том) своего труда «К истории и к критике крестьянского общинного землевладения в России»¹

¹ *Keussler J., Zur Geschichte und Kritik des bäuerlichen Gemeindebesitzes in Russland. Teile 1, 2 (1—2), 3. S. Petersburg, 1876—1887. Ред.*

(по-немецки). Это единственный систематический труд, написанный на основании статистико-экономических исследований наших земств за последние десять лет. Так как они издали около ста томов этих исследований, то неживущие в России почти не имеют возможности изучать их. Кейслер поставил перед собой задачу подытожить эти труды и дать экономический очерк крестьянской жизни. Очень досадно, что он начал работать слишком рано, когда было выпущено всего каких-нибудь десять-двадцать томов земских статистических исследований («Сборники статистических сведений по ... губернии»). Их богатый статистический материал он мог использовать только в своих последних томах. Если у Вас есть желание прочесть этот труд, то я с большим удовольствием вышлю Вам его.

Как Вы, вероятно, слышали, наше правительство намерено поддерживать приходящее в упадок дворянское землевладение; угадайте, какие средства оно употребляет?

Оно основало Государственный дворянский земельный банк. Здесь наши помещики за $1\frac{1}{2}$ года заняли из $5\frac{3}{4}\%$ 145 млн. руб. (под 4 млн. десятин), т. е. они должны давать из своего дохода около $8\frac{1}{2}$ млн. руб. в год. Основание банка принудило другие земельные банки уменьшить размер своего процента (с 7, $6\frac{3}{4}$ до $5\frac{3}{4}$), что привело к расширению их дел. В итоге получается очень быстрое уменьшение доходов наших помещиков и увеличение доходов наших капиталистов. Чрезвычайно интересная поддержка, не правда ли?

С другой стороны, рост населения, при одновременном уменьшении продукции, принуждает наше крестьянство искать какие-нибудь добавочные источники увеличения своих доходов: они идут на поденную работу и т. д., конечно, за очень низкую плату, — или же вынуждены арендовать по любой цене добавочные участки земли.

Для расширения крестьянской земельной собственности основан крестьянский государственный земельный банк. Он дает возможность артелям или «миру» покупать землю и выплачивать ее стоимость по частям в 24 или 36 лет. Этот банк функционирует около четырех лет. С основанием его средняя цена на землю увеличилась; для помещиков его операции чрезвычайно выгодны. Очень высокие ежегодные платежи, — совершенно не соответствующие ежегодным доходам, — заставляют покупателей продавать все большую часть своих продуктов (цена которых постоянно падает) или же принуждают их, с другой стороны, прекращать свои ежегодные платежи. Конечно, их участки отбираются, они теряют свои прежние платежи, а так как банк дает только 75% стоимости, то 25% они занимают. Таким образом они совершенно разоряются.

Я был бы очень рад получить известия о Вас и о Вашей работе. — В каком состоянии третий том? Когда могу я надеяться начать перевод? Говорят, что немецкая литература о «Капитале» растет с каждым днем. Есть ли что-нибудь заслуживающее внимания среди этих книг и брошюр? Как встречен был английский перевод, имеет ли он широкий сбыт? Что говорит английская критика?

Искренне преданный Вам

Н. Даниельсон.

72.

ЭНГЕЛЬС — Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОНУ

в Петербург.

Лондон, 5 января 1888 г.

Милостивый государь!

Я переменил квартиру, и мой новый адрес теперь M-rs Rosher, Cottesloe, Burton Road, Kilburn, London, N. W. Номера нет никакого, потому что Cottesloe — это название дома.

Я сейчас же заказал моему поставщику книгу доктора Кейслера. Если даже в основу первых томов его сочинения положен несовершенный материал, то я достаточно знаком с трудами ваших земств, чтобы быть уверенным, что работа, подытоживающая эти труды, должна заключать чрезвычайно ценный материал, и, будучи написана по-немецки, она окажется настоящим откровением для западных европейцев. Я приму все меры к тому, чтобы эти материалы были использованы.

Боюсь, что ваш дворянский земельный банк приведет к тем же результатам, к каким привели прусские земельные банки. Здесь дворянство заключало займы под предлогом улучшения своих поместий, но на самом деле тратило большую часть полученных денег на поддержание привычного образа жизни, на картежную игру, на поездки в Берлин и в главные города своих провинций и т. п. Дворянство считало своим первым долгом — жить сообразно достоинству своего сословия, а первым долгом государства — помогать ему в этом. Таким образом, несмотря ни на какие банки, ни на какие громадные, прямые и не прямые, денежные подачки им со стороны государства, прусские дворяне находятся по уши в долгах у ростовщиков, и никакое повышение ввозных пошлин на земледельческие продукты не спасет их. Я вспоминаю, как один хорошо известный русский

из полунемцев, связанный незаконными узами с русским дворянством, находил, что эти прусские дворяне живут все еще слишком прижимисто. Прибыв от того к другому берегу¹ и ознакомившись с их бытом, он воскликнул: чорт возьми, эти люди стараются копить деньги, тогда как у нас человека считают жалким скрягой, если он не тратит, по крайней мере, в полтора раза больше своего годового дохода! Если принципы русского дворянства действительно таковы, то я могу только поздравить его с его земельным банком.

Ваш крестьянский банк также кажется мне похожим на прусские крестьянские банки, и мне представляется почти непонятным, как это некоторые люди решительно не видят, что все новые источники кредита, предоставляемые к услугам землевладельцев (крупных или мелких), должны неизбежно повести только к их порабощению победоносными капиталистами.

Мои глаза необходимо щадить; но как бы то ни было, я все же надеюсь через короткое время — скажем, с будущего месяца — снова приступить к работе над третьим томом; только, к несчастью, я все еще не могу пока дать никаких определенных обещаний относительно времени его окончания.

Английский перевод продавался и продается очень хорошо, пожалуй, даже изумительно хорошо для книги такого характера и такого размера, так что издатель его просто в восхищении от своей операции. Зато критики его стоят ниже — даже много, много ниже среднего, и без того низкого, уровня. Единственная хорошая статья появилась в «The Athenaeum», остальные же по большей части дают только извлечения из предисловия; те же, которые пытаются затронуть и самую книгу, оказываются невыразимо жалкими. Самой модной теорией считается *здесь* в настоящее время теория Стенли Джевонса, согласно которой стоимость определяется *полезностью*, т. е. меновая стоимость — потребительной, а также, с другой стороны, пределом предложения (т. е. издержками производства), что есть просто не прямой и запутанный способ сказать, что стоимость определяется спросом и предложением. Вульгарная экономия везде и всюду! Второй из наших крупных литературно-критических органов — «The Academy» — еще не высказался.

Продажа немецкого издания первого и второго томов идет очень хорошо. Появилось множество статей относительно книги и ее теорий. Из них сочинение Каутского «Экономическое учение Карла Маркса» представляет подробное переложение или, вернее, самостоятельное изложение этих теорий, недурное, хотя и не всегда вполне верное; я пришлю Вам его. Затем

¹ Намек на книгу Герцена «С того берега». *Ред.*

нский жалкий ренегат, еврей Георг Адлер, приват-доцент Бреславльского университета, написал большую книгу¹ (заглавие ее я позабыл), чтобы доказать заблуждения Маркса; но это просто грубый и смешной памфлет, изданный с целью обратить на себя внимание — внимание министерства и буржуазии — и показать собственную ученость. Я просил всех моих друзей *не* упоминать о нем в печати ни одним словом. И в самом деле, теперь всякий мелкий, ничтожный субъект, чтобы создать себе рекламу, спешит напасть на нашего автора.

Парижские друзья усомнились в точности Ваших чрезвычайно печальных сообщений касательно нашего «общего друга». Не можете ли Вы доставить тем или иным путем какие-нибудь подробности об этом случае?

Прилагаю одну маленькую вещицу, изданную несколько лет тому назад.

Искренне Ваш

П. В. Рошер.

73.

ЭНГЕЛЬС — Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОНУ

в Петербург.

Лондон, 15 октября 1888 г.

Милостивый государь!

Мне помешала ответить на Ваши любезные письма от 8 (20) января и 3 (15) июня, — а также на множество других писем — прежде всего слабость моих глаз, из-за которой я лишен возможности проводить за письменным столом более двух часов в сутки, вследствие чего моя работа и корреспонденция были почти совершенно запущены; а затем — поездка в августе и сентябре в Америку, откуда я только что вернулся. Моим глазам теперь лучше; но так как я обязан приняться немедленно за III том и окончить его, то я все еще должен быть осторожен с глазами, чтобы не повредить им чрезмерным трудом. А поэтому моим друзьям придется извинить меня, если мои письма окажутся не слишком частыми и не слишком длинными.

Ваши рассуждения в первом письме — насчет отношения между нормою прибавочной стоимости и нормою прибыли — в высшей степени интересны и, без сомнения, очень ценны для

¹ *Adler G.*, Die Grundlagen der Karl Marxschen Kritik der bestehenden Volkswirtschaft. Tübingen, 1887 (*Адлер Г.*, Основы марксовской критики современного пародного хозяйства. Тюбинген, 1887). *Ред.*

группировки статистического материала; но это не тот путь, которым наш автор¹ подходит к решению этой задачи. Вы в своей формуле исходите из предположения, будто всякий предприниматель удерживает в свою пользу всю ту прибавочную стоимость, которую он присваивает в процессе производства. Но при таком предположении торговый и банковый капиталы не могли бы существовать, ибо они не приносили бы никакой прибыли. Следовательно, прибыль предпринимателя не может представлять *всей* суммы прибавочной стоимости, извлекаемой им из своих рабочих.

С другой стороны, Ваша формула, *быть может*, и пригодна для приблизительного исчисления состава различных капиталов в различных отраслях промышленности при условии общей и одинаковой нормы прибыли. Я говорю *быть может* потому, что не имею в данный момент под рукою материалов, которые позволили бы мне проверить установленную Вами теоретическую формулу.

Вы удивляетесь, почему политическая экономия в Англии находится теперь в таком жалком состоянии. Но то же самое мы видим теперь повсюду. Не только классическая политическая экономия, но даже самые вульгарные приверженцы и глашатаи свободной торговли встречают теперь лишь высокомерное презрение со стороны еще более вульгарных «высших» существ, занимающих ныне университетские кафедры политической экономии. И в этом виноват в значительной степени наш автор, который открыл людям глаза на опасные выводы классической политической экономии; вот, они и находят теперь, что, по крайней мере, в этой области всего безопаснее не терпеть совсем *никакой* науки. И им удалось так хорошо ослепить обыкновенных филистеров, что у нас в Лондоне в настоящее время имеется четыре человека, называющих себя «социалистами» и в то же время уверяющих, будто бы они совершенно опровергли теорию нашего автора, противопоставив ей учение Стенли Джевонса!

Парижские друзья настаивают на том, что наш «общий друг»² не умер, но я не имею никакой возможности проверить их сообщения.

Я прочел с большим интересом Ваши физиологические рассуждения об истощении рабочего вследствие чрезмерно продолжительного рабочего времени и о количестве потенциальной энергии в виде *пищи*, требующейся для возмещения такого истощения. К словам Ранке, которого Вы цитируете по этому поводу, я нахожу нужным сделать одну маленькую оговорку: если

¹ К. Маркс. *Ред.*

² Г. А. Лопатин. *Ред.*

1 000 000 килограммометров в виде пищи замещает только сумму развитой теплоты и исполненной механической работы, то такое количество пищи еще не может считаться достаточным, так как оно не возмещает затраты мускулов и нервов; ведь для этого требуется не одна только теплопроизводящая пища, но и белки, которые не могут быть измеряемы только в килограммометрах, так как животный организм не обладает способностью создавать их прямо из элементов.

Я не знаю двух упоминаемых Вами книг — Эдуарда Юнга и Филиппа Бевана, — но в их утверждении, будто бы прядильщики и ткачи в Соединенных Штатах получают от 90 до 120 долларов в год, должно быть скрывается какая-то ошибка. Ведь это составляет около 2 долларов в неделю, номинально равняющихся 8 шиллингам, но по своей покупательной силе в Америке представляющих меньшую сумму, чем 5 шиллингов в Англии. Между тем — на основании всего, что я слышал, — заработки прядильщиков и ткачей в Америке номинально выше, а в действительности совершенно одинаковы с заработками их в Англии, вследствие чего они должны равняться приблизительно 5—6 долларам в неделю, соответствующим 12—16 шиллингам в Англии. Не забудьте, что работу прядильщиков и ткачей сейчас выполняют исключительно женщины или мальчики в возрасте от 15 до 18 лет. Что же касается данных Каутского, то он просто сделал ошибку, приняв доллары за фунты стерлингов, вследствие чего при переводе их на немецкие марки он множил не на 5, а на 20 и получил, таким образом, цифры, вчетверо большие настоящих. Цифры, почерпнутые из данных десятой переписи (Сводка данных 10-й переписи в США (1880), Вашингтон, 1883, стр. 1124. Раздел: Хлопчатобумажная промышленность), таковы:

Рабочие и служащие	174 659
Вычитая конторщиков, управителей и пр.	2 115
	<hr/>
Одни рабочие	172 544
Из них: мужчин (старше 16 лет)	59 685
мальчиков (моложе 16 лет)	15 107
женщин (старше 15 лет)	84 539
девушек (моложе 15 лет)	13 213
	<hr/>
	172 544

Всего 172 544 рабочих, получающих в общем 42 040 510 долларов заработной платы, т. е. по 243,06 доллара в год на человека, что сходится с моей вышеприведенной оценкой, так как более высокая заработная плата мужчин уравнивает в среднем более низкие заработки девушек и мальчиков.

Чтобы показать Вам, до каких глубин падения дошла экономическая наука, укажу на Луйо Брентано, издавшего лекцию о классической политической экономии (Лейпциг, 1888), в которой он провозглашает такие вещи: общая, или теоретическая, политическая экономия ничего не стоит; вся сила лежит в специальной, или практической, политической экономии. Как и в естествознании (!), мы должны ограничиваться лишь *описанием* фактов. Такие описания бесконечно выше и ценнее, чем все готовые выводы. «Как в естествознании!» Это *неподражаемо!* И это в век Дарвина, Майера, Джоуля и Клаузиуса и пр., в век эволюции и превращения энергии!

Благодарю Вас за номер «Русских Ведомостей» с интересной статьей о вмешательстве правительства в статистическую работу земств. Было бы очень прискорбно, если бы эти ценные труды были прерваны из-за подобных вмешательств.

Искренне Ваш

П. В. Рошер.

74.

ЭНГЕЛЬС — Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОНУ

в Петербург.

Лондон, 4 июля 1889 г.

Милостивый государь!

Я передал г. Лафаргу и г. Каутскому все, что Вы любезно сообщили мне по поводу их статей, напечатанных в «Северном Вестнике». Вследствие этого г. Лафарг прислал мне статью об эволюции собственности и поручил переслать ее Вам в надежде, что Вы не откажетесь предложить ее редактору «Северного Вестника» на обычных условиях гонорара и пр. Итак, посылаю ее Вам сегодня *заказной* бандеролью.

Сообщенные Вами сведения о состоянии здоровья общего друга очень утешительны и вполне совпадают с тем, что мы знаем из других источников. Человек с такой несокрушимой натурой, без сомнения, выйдет невредимым из всех опасностей, и мы надеемся в один прекрасный день снова увидеть его здесь полным сил и здоровья.

Последние три месяца III том оставался без движения из-за всякого рода неизбежных помех; и так как летний сезон всегда располагает к праздности, то боюсь, что до сен-

тября или октября мне едва ли удастся много поработать над ним. Раздел о банках и кредите представляет значительные трудности. Руководящие принципы изложены и тут достаточно ясно, но весь контекст таков, что предполагает у читателя хорошее знакомство с важнейшими работами в этой области, например с работами Тука и Фуллартон¹, а так как обычно бывает наоборот, то потребуется много пояснительных примечаний и т. п.

Кстати, у меня есть лишний экземпляр книги Фуллартон «О регулировании денежного обращения» — важнейшей работы по этому вопросу; если у Вас этой книги нет, я буду очень рад, если Вы позволите мне прислать ее Вам.

Последний раздел — «О земельной ренте» — потребует, насколько мне помнится, только формального просмотра, так что, когда будет закончен раздел о банках и кредите, а это — одна треть всего тома, то работа над последней третью (рента и различные виды дохода) много времени не отнимет. Но, так как этот заключительный том представляет собой такое блестящее и абсолютно неопровержимое исследование, я считаю себя обязанным выпустить его в таком виде, в котором вся цепь аргументов выступала бы совершенно ясно и вышукло. А при теперешнем состоянии рукописи, представляющей собою лишь первый набросок, написанный с частыми перерывами и оставшийся в незаконченном виде, это не так-то легко.

Я пытаюсь сговориться с двумя компетентными лицами о том, чтобы они переписали для меня те части рукописи четвертого тома, которые состояние моего зрения не позволит мне продиктовать самому. Если мне это удастся, то я вместе с тем научу их расшифровывать те рукописи, которые в настоящее время остаются книгой за семью печатями для всех, кроме меня, привыкшего к почерку Маркса и его сокращениям, и таким образом станут доступными и другие рукописи автора вне зависимости от моей жизни и смерти. Надеюсь, что сговориться об этом удастся ближайшей осенью.

Преданный Вам

П. В. Рошер.

Английский переводчик большей части I тома, г. Мур, только что уехал в Африку, куда он назначен главным

---

¹ *Tooke T.*, *Inquiry into the Currency Principle*. London, 1844 (*Тук Т.*, Исследование об основах денежного обращения. Лондон, 1844). *Fullarton J.*, *On the Regulation of Currencies*. London, 1845 (*Фуллартон Д.*, О регулировании денежного обращения. Лондон, 1845). *Ред.*

судьей на территории, принадлежащей Нигерской компании. Таким образом, III том будет переведен, — если не весь, то частью, — на берегах Нигера!

75.

Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОН — ЭНГЕЛЬСУ

в Лондон.

С.-Петербург,
18 (30) декабря 1889 г.

Милостивый государь!

«Основы обращения» Тука я получил в исправности. Сердечно благодарен Вам за Вашу любезность.

Очень приятно узнать, что четвертое издание «Капитала» скоро выйдет. Я очень рад, что Вы прибавили несколько примечаний специально о биметаллизме. Утверждение, что «на мировом рынке господствует двойная мера стоимости, в золоте и в серебре», не согласуется с собственной теорией денег автора. Успех этой книги тем более приятен, что он является признаком определенного общественного течения. Это может служить некоторым утешением в той удушливой атмосфере, которую создают другие тенденции общественной жизни. Видно, что существует партия, жизнь которой освещается идеями, и что требование подавить человеческую мысль казарменными мерами («Кто не сочувствует казарменным идеям, мой враг и враг общества») не встречает «всеобщего» одобрения.

Здесь реакция усиливается везде... В течение последнего лета нас одним росчерком пера лишили наших выборных мировых судей, и вместо них мы получили так называемых земских начальников, выбираемых губернаторами из среды дворянства. Их права в некоторых отношениях возросли, так как они могут приговаривать к наказаниям розгами... Говорят, что это вполне соответствует нашим национальным обычаям.

Чтобы усилить влияние дворянства, мы идем еще дальше. После манифеста 19 февраля 1861 г. наши помещики заложили свои имения в частных земельных банках из 7% (включая и погашение). Около 30% частной земельной собственности было заложено. Наши помещики, благодаря экономическим условиям и главным образом благодаря крестьянскому землевладению, были лишены возможности лично вести хозяйство без больших затрат капитала. Кроме того, у них не было практических знаний. Таким образом, они были вынуждены сдавать свои земли в аренду крестьянам. Крестьянское хозяйство

не может давать больших выгод помещикам, несмотря на высокую ренту, так как орудия и способы обработки устарели. Помещики заявили, что они не в состоянии платить вышеупомянутых 7%. В недавно народившемся дворянском земельном банке им представился случай платить за свои займы около 6% (включая погашение); за четыре года задолженность увеличилась почти до 200 миллионов рублей. Но сельское хозяйство не подвинулось ни на шаг вперед. Огромное большинство должников не уплатило ни копейки за все четыре года существования банка. Сумма просроченных платежей возросла неизменно. Правительство решило понизить размер процентов до $4\frac{1}{2}$; чтобы получить средства для этой операции, оно заняло около 170 миллионов рублей (посредством выигрышного займа, 215 за 100)... В то же самое время делаются невероятные усилия, чтобы объявить дворянские имения неотчуждаемыми...

Крестьянское землевладение не в лучшем состоянии. Здесь мы наблюдаем старую историю: экономические условия после 1861 г. вынуждают землевладельцев сбывать все большую часть своих сельскохозяйственных продуктов на рынке; продукты их собственной домашней промышленности уступают место продуктам капиталистической промышленности, но число «освобожденных рук» не соответствует числу рук, занятых на фабриках, так как число фабричных рабочих не увеличивается. Крестьянство дифференцируется на два слоя: богатое меньшинство и большинство, делающееся все беднее и беднее. Чтобы положить конец этому процессу, — которому они сами содействовали всеми силами, — наши мудрецы требуют поддержки приходящей в упадок домашней промышленности, но не с целью дать производителям возможность потреблять свои продукты, а чтобы побудить их работать для рынка. Это сулит очень приятное будущее торговцам, так как при все растущей бедности производителей это даст им большие барыши.

Вы знаете, что каждый крестьянин, уплативший все выкупные платежи за свой надел, имеет право требовать выделения; таким образом, он становится частным собственником. Чтобы положить этому конец, наши экономисты настаивают на лишении крестьян права продажи своих земельных наделов, т. е. они желают прикрепить их к земле... Как видите, мы ведем борьбу не с болезнью, но с ее симптомами...

Я думаю, Вы слышали уже о смерти Чернышевского.

Письмо Лафарга я получил и тотчас же ответил ему.

Искренне преданный Вам

Н. Даниельсон.

76.

ЭНГЕЛЬС — Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОНУ

в Петербург.

Лондон, 10 июня 1890 г.

Милостивый государь!

Я получил Ваши любезные письма от 18 декабря, 22 января, 24 февраля и 17 мая¹, а также статью г. Лафарга, возвращенную ему обратно редакцией². Я сообщил ему, что Вы писали ему дважды — в марте и апреле, — но не имеете определенного ответа о получении им этих двух писем. Его жена, которая находится сейчас здесь, не помнит точно, получил ли он эти письма. Она очень сожалеет о переходе «Северного Вестника» в другие руки и просит меня поблагодарить Вас от своего имени и от имени ее мужа за Ваши хлопоты в их интересах.

Что касается четвертого издания I тома «Капитала», то я в настоящее время читаю 39—42 корректурные листы. Во всем томе будет менее 50 листов, так как шрифт на этот раз хотя и крупнее, но строчки теснее. Как только книга выйдет из печати, я сейчас же пошлю ее Вам.

Я снял копии на пишущей машинке со всех писем к Вам нашего автора, так любезно предоставленных Вами в мое пользование (их перепечатала младшая дочь автора). Поэтому я могу вернуть их Вам теперь же заказным письмом, если Вы ничего не имеете против этого способа отправки.

Я очень благодарен Вам за Ваши постоянные интересные сообщения об экономическом положении вашей великой страны. Под гладкой поверхностью политического спокойствия в ней совершается такая же великая и важная экономическая перемена, как и во всякой другой европейской стране, и наблюдение за ходом ее представляет величайший интерес. Рано или поздно последствия этой экономической перемены непременно разовьются и в других направлениях.

Мы здесь узнали о смерти Н. Г. Чернышевского, по поводу чего выражаем свою глубокую скорбь и соболезнование. Но, может быть, для него это было лучше.

¹ В письмах от 22 января и 17 мая Даниельсон сообщал о статистических исследованиях земств, об употреблении термина «рента». *Ред.*

² Статья П. Лафарга об эволюции собственности. Даниельсон вернул ее Энгельсу ввиду того, что издававшийся А. М. Евреиновой «Северный Вестник», где должна была быть напечатана эта статья, перешел в другие руки. *Ред.*

Большое спасибо за Ваши поздравления с победой 24 февраля: событие этого дня порадовало не одного человека¹.

Я был так чрезмерно занят, и мое зрение, — хотя оно и улучшается, — так сильно утомляется чтением русской печати, что я все еще не мог прочесть указанной Вами статьи в «Ежегоднике»², но я непременно сделаю это в первую свободную минуту. Отмеченное Вами неправильное употребление экономических терминов является весьма обычным недостатком в литературе всех стран. Здесь, в Англии, термином *рента* одинаково обозначается как плата за землю английского фермера-капиталиста лендлорду, так и плата за землю ирландского бедняка-фермера, который платит настоящую дань, слагающуюся главным образом из вычетов из его продовольственного фонда, — предназначенного для собственного содержания, заработанного собственным его трудом, — и состоящую лишь в самой ничтожной степени из подлинной ренты. Так, в Индии англичане превратили земельный налог, платившийся райотом (крестьянином)³ государству, в «ренту» и, вследствие этого, по крайней мере в Бенгалии, превратили земиндара (сборщика налогов в пользу прежнего индийского государя) в настоящего лендлорда, владеющего землей в силу номинального ленного пожалования от короны, совершенно так же, как это происходит в Англии, где король считается номинальным собственником всей земли, а крупные дворяне — ее действительные собственники — в силу юридической фикции являются лишь ленными владельцами по пожалованию короля. То же самое произошло в Северной Ирландии, когда ее в начале XVII века включили в число непосредственных владений Англии. Английский юрист сэр Джон Дэвис застал там сельскую общину с общим владением землей, переделывавшейся периодически между членами клана, платившими известную подать главе своего клана; он сразу же объявил эту подать «рентой». Так, шотландские лэрды (*lairds*), т. е. главы кланов, после восстания 1745 г. поспешили воспользоваться этим юридическим смещением подати, уплачивавшейся им членами клана, с «рентой» за землю, находившуюся в их владении, для того, чтобы превратить всю землю клана, общую собственность клана, в свою личную собственность, в частную собственность лэрдов. Ибо, заявляли юристы, если бы они не были лендлордами, то как могли они

¹ В своем письме от 24 февраля 1890 г. Даниельсон поздравил Энгельса с крупным успехом социал-демократической партии Германии на выборах в рейхстаг 20 февраля 1890 года. Партия получила 35 мест. *Ред.*

² Имеется в виду статья «Крестьянский кредит в Московской губернии», напечатанная в «Статистическом ежегоднике по Московской губернии за 1889 г.». Москва, 1889. *Ред.*

³ *Райот* — крестьянин-арендатор. *Ред.*

получать *ренту* за эти земли? Таким образом, это смешение подати с рентой послужило основой для конфискации всех земель в шотландских горных округах в пользу немногочисленных глав кланов, которые очень скоро после этого изгнали прежних членов клана с их земель и заменили их овцами, как это описано в «Капитале», гл. 24, 3 (стр. 754, третье издание).

С приветом

искренне Ваш

П. В. Рошер.

77.

Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОН — ЭНГЕЛЬСУ

в Лондон.

С.-Петербург,
18 (30) июня 1890 г.

Милостивый государь!

Очень благодарен Вам за Ваше чрезвычайно интересное письмо и за статью от 10 июня. Могу прибавить, что в начале 70-х годов, когда в наших журналах довольно живо обсуждалась английская политика в Индии — в вопросе, касающемся превращения земиндаров в лендлордов, — в некоторых округах Закавказья сборщики податей были превращены в помещиков.

Думаю, что г-жа Евреинова эмигрировала в Швейцарию.

Я с удовольствием сообщу Вам те сведения об экономических условиях в России, какие Вам желательны, но необходимо знать, какой вопрос Вас больше всего интересует.

Вы правы, в России «совершается такая же великая и важная экономическая перемена, как и во всякой другой европейской стране». Быстрота, с которой крестьянская домашняя промышленность, например, превращается в капиталистическую, и, как одно из последствий этого, необходимость для крестьян зарабатывать деньги, продавать по низким ценам земледельческие продукты и рабочую силу, приносит вред не только крестьянам, но и самим помещикам: 1) дешевый труд делает невозможным введение машин, 2) с продажей крестьянами продуктов по низкой цене земледелие становится все более и более невыгодным для помещиков.

Статистики московского земства производят важную работу: они исследуют средства крестьянского продовольствия. Заведующий статистическим бюро пишет мне, что они собрали в течение прошедшей весны «массу материалов для разъяснения процесса, происходящего в крестьянском экономическом строе, его организации и его изменений. Имеются данные относительно продажи крестьянами своих продуктов и обратной покупки их».

Разрешите мне попросить Вас прислать мне письма нашего автора не в одном заказном письме, но в трех или в четырех в течение двух или трех недель¹.

Искренне преданный Вам

Н. Даниельсон.

78.

ЭНГЕЛЬС — Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОНУ

в Петербург.

Лондон, 29—31 октября 1891 г.

Милостивый государь!

Когда Ваше письмо от 21 сентября прибыло сюда, я путешествовал по Шотландии и Ирландии и только сегодня пашел время и досуг, чтобы ответить на него.

Ваше письмо от 20 января действительно пропало, о чем я сожалею вдвойне: во-первых, потому, что содержащиеся в нем интересные сведения так долго не доходили до меня, а во-вторых, потому, что эта пропавка заставила Вас взять на себя труд написать его для меня еще раз. Очень Вам благодарен за это!

«Выращивание миллионеров», как выражается Бисмарк, повидимому, действительно идет в вашей стране гигантскими шагами. Такие барыши, какие обнаруживает ваша официальная статистика, просто неслыханны в наши времена в английских, французских и немецких текстильных мануфактурах. 10, 15, самое большее 20 процентов средней прибыли, а в очень, очень исключительные годы процветания 25—30 процентов считаются здесь *хорошей* прибылью. Только во времена детства современной

---

¹ Письма Маркса к Даниельсону, посланные Энгельсу для снятия с них копий. *Ред.*

промышленности некоторые предприятия с наилучшими машинами новейшего образца, производившие свои товары с затратой значительно меньшего труда, чем общественно-необходимый труд того времени, были способны доставлять такие нормы прибыли. В настоящее время такие прибыли создаются только в результате удачных спекулятивных предприятий, эксплуатирующих какое-нибудь новое изобретение, да и то в одном таком предприятии из ста, остальные же по большей части терпят полную неудачу.

Единственная страна, в которой такие или приблизительно такие прибыли возможны и в настоящее время, и притом в главных отраслях промышленности, это — Северо-Американские Соединенные Штаты. Здесь покровительственный тариф, введенный после гражданской войны, а теперь Мак-Кинлеевский тариф, привели к подобным же результатам, и здешние промышленные прибыли должны быть и действительно бывают просто чудовищными. Тот факт, что это* положение вещей зависит исключительно от тарифного законодательства, которое может измениться во всякую минуту, вполне достаточен, чтобы помешать вторжению в эти отрасли промышленности иностранного капитала в сколько-нибудь крупных размерах (крупных по сравнению с размером вложенного в них отечественного капитала), а вместе с этим устраняется главный источник конкуренции и понижения прибылей.

Ваше описание перемен, которые вызвало распространение современной промышленности в жизни народных масс, а именно — постепенная гибель домашних промыслов, рассчитанных на *непосредственное потребление продуктов самими производителями*, затем мало-помалу и тех домашних промыслов, которые велись в расчете на скупщиков-капиталистов, живо напоминает мне главу нашего автора «о создании внутреннего рынка», равно как и то, что происходило в большей части Центральной и Западной Европы между 1820 и 1840 годами. Эта перемена привела, конечно, у вас к несколько иным результатам. Французский и немецкий крестьянин-собственник живуч и упорно борется за свое существование: он будет прозябать еще в течение двух или трех поколений в руках ростовщика, прежде чем окончательно решится на то, чтобы продать свою землю и дом, по крайней мере, в тех местностях, куда еще не проникла современная промышленность. В Германии крестьянство не идет ко дну благодаря всякого рода кустарным промыслам, вроде производства трубок, игрушек, корзин и т. п., при этом оно работает на капиталистов. Крестьянин считает ни во что тот досуг, который остается у него после обработки его маленького поля; а потому всякая копейка, получаемая им за добавочный труд, кажется ему чистым барышом; отсюда —

разорительно низкая заработная плата и баснословная дешевизна продуктов таких промыслов в Германии.

У вас имеется сопротивление общины внешнему натиску (хотя мне кажется, что это сопротивление должно значительно ослабевать в постоянной борьбе с современным капитализмом), затем у вас имеется лишний ресурс в аренде земель у соседних крупных земельных собственников, как это описывается в Вашем письме от 1 мая; правда, эта аренда обеспечивает земельному собственнику получение прибавочной стоимости, но в то же время она способствует дальнейшему прозябанию крестьянина, его дальнейшему существованию *как крестьянина*; кулаки, насколько я вижу, тоже предпочитают лучше держать крестьянина в своих когтях как *предмет эксплуатации*, чем разорить его раз навсегда и приобрести себе принадлежащую ему землю. Из этого я заключаю, что русский крестьянин там, где он не требуется в качестве рабочего на соседнюю фабрику или в город, тоже очень живуч и тоже долго и упорно будет бороться со смертью.

Громадные барыши, получаемые молодой русской буржуазией, и зависимость этих барышей от благоприятного урожая, так хорошо показанная в Вашем исследовании, объясняют много вещей, которые иначе казались бы очень неясными. Так, например, как должен был бы я понять нижеследующее утверждение, прочитанное мною сегодня утром в корреспонденции из Одессы в одной из лондонских газет: русские коммерческие классы, повидимому, находятся в эту минуту во власти одной идеи, а именно, что война есть единственное действительное средство против все растущей депрессии и отсутствия кредита, от которого страдают в эту минуту все отрасли русской промышленности. Как мог бы я понять и объяснить себе эту фразу, если бы не знал о полнейшей зависимости искусственно созданной тарифами промышленности от внутреннего рынка и от урожая в земледельческих округах, так как от него зависит покупательная сила единственных покупателей продуктов этой промышленности! А раз этот рынок ускользает, то что может быть естественнее для наивных людей, как не добиваться расширения рынка путем успешной войны?

Очень интересны Ваши заметки по поводу того кажущегося противоречия, что у вас хороший урожай *не* означает обязательного понижения хлебных цен. Когда мы изучаем таким образом реальные экономические отношения в различных странах и на различных ступенях цивилизации, то какими странно ошибочными и недостаточными кажутся нам рационалистические обобщения XVIII века — хотя бы, например, доброго старого Адама Смита, который принимал условия, господствовавшие в Эдинбурге и в окрестных шотландских графствах,

за нормальные для целой вселенной. Впрочем, Пушкин уже знал это, как и то,

...и почему
 Не нужно золота ему,
 Когда простой продукт имеет.
 Отец понять его не мог
 И земля отдавал в залог.

Искренне Ваш

П. В. Рошер.

В будущий понедельник я снова приступлю к III тому и надеюсь не отрываться больше от этого дела, пока не покончу с ним совсем.

Это письмо затянулось до сегодня, 31 октября, так как меня прервали.

79.

Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОН — ЭНГЕЛЬСУ

в Лондон.

С.-Петербург,
 12 (24) ноября 1891 г.

Милостивый государь!

Чрезвычайно признателен Вам за Ваше любезное письмо и за брошюру. Я очень рад, что место о русской сельской общине вышущено¹ (стр. 51 второго издания); на Дону, на Кубани и в Сибири мы встречаем общины, состоящие из многих деревень (волостные общины). В северных губерниях (Олонецкой, Вологодской и др.) они были уничтожены правительством лет пятнадцать тому назад. Следы их находят в различных частях России. Дополнение о картелях, трестах (стр. 37) чрезвычайно важно, но я согласен с Вами, что оно чересчур кратко.

¹ Речь идет о четвертом издании брошюры Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке», в которую в качестве приложения входила статья Энгельса «Марка». В первых изданиях этой статьи имелось высказывание Энгельса о русской общине; описав существовавшие в Германии крупные марки, включавшие по нескольку селений, Энгельс писал: «Это сохранение крупных марок составляет существенное отличие общинной собственности германцев от современной русской общины; в России каждая сельская община имеет свою собственную, обособленную общую землю, если только при отмене крепостничества эта земля не отнята у общины и не передана помещику». В 4-е издание брошюры это высказывание Энгельса не вошло. *Ред.*

Возвращаюсь к своему последнему письму. Я в самом деле намерен был дать Вам русскую версию «создания внутреннего рынка для промышленных классов» и показать, «как разрушаются сельские домашние промыслы, как происходит процесс отделения промышленности от земледелия и как только уничтожение сельских домашних промыслов может дать внутреннему рынку данной страны те размеры и ту устойчивость, которые необходимы для капиталистического способа производства». Мне хотелось обратить Ваше внимание на особенность нашего положения; мы появляемся на мировом рынке в момент, когда капиталистический способ производства с его техническим прогрессом преобладает. Вынужденная низкая производительность труда земледельческих рабочих, продукты которых, будучи выброшены на мировой рынок, теряют в своей стоимости прямо пропорционально производительности труда их соперников, и в то же самое время рост производительности отраслей промышленности, пользующихся особым покровительством, сопровождающийся небывало быстрым ростом технических усовершенствований, ускорили процесс «отделения промышленности от земледелия»; крестьянин был принужден отдавать все увеличивающуюся часть своего все уменьшающегося количества продуктов, чтобы получить средства существования. Таким образом, мы имеем, с одной стороны, крестьянство, делающееся все беднее и беднее, а с другой стороны, концентрирующуюся и технически прогрессирующую промышленность, находящуюся, однако, в *полной* зависимости от колебаний *внутреннего* рынка, т. е. от степени «отделения промышленности от земледелия и от производительности земледельческого труда». Поэтому большие прибыли наших промышленников зависят не только от покровительственных пошлин, но и от обилия урожая.

Чтобы показать Вам, насколько неудовлетворительно наше потребление, надо только сравнить количество всех зерновых хлебов в России и в Соединенных Штатах. Средним количеством за этот период (1888 г.) является около 50 бушелей на душу, количество же настоящего года (1889) составит почти 52 бушеля («Report of the Secretary of Agriculture for 1889». Washington, стр. 207). Между тем в России мы имеем за эти же годы соответственно 15,5 и 12,8 бушелей. Соединенные Штаты вывозят около 25% производимой пшеницы; мы вывозим около 70% пшеницы, 9,7% ржи, 25—30% ячменя и овса. Общее количество экспортируемой муки составляет около 25% всех производимых зерновых хлебов. Соединенные Штаты вывозят едва 6—7%. — Действительное потребление хлопка в Соединенных Штатах достигает 1 074 000 000 фунтов в 1888—1889 гг. (там же, стр. 254), а в России около 346 миллионов

пудов («Торговля прядильными материалами в 1890 г.», «Вестник Финансов», 6 октября 1891 г., стр. 8).

Согласно этой статье, в русской хлопчатобумажной промышленности в 408 прядильных, ткацких и прядильно-ткацких фабриках работало 3 860 000 веретен и 94 000 станков. Надо еще прибавить, что, благодаря высоким пошлинам, вы на наших рынках не найдете заграничной пряжи, за исключением высоких номеров (№ 60—100), которые не вырабатываются в России. (В своем последнем письме я привел Вам некоторые подробности о Кренгольмской хлопчатобумажной мануфактуре (Нарва); теперь я могу прибавить, чтобы показать Вам степень концентрации промышленности, что на этой фабрике занято 308 812 веретен (8% всего числа) и 2 112 станков. К сожалению, я не мог получить каких-либо сведений о количестве рабочих.) — Рост нашей хлопчатобумажной промышленности побуждает нас поощрять развитие культуры сырья — хлопка (из американских семян). Для достижения этой цели заграничный хлопок был обложен пошлиной, и в придачу к этому плантаторы получают некоторые привилегии. Итак, у нас все же есть капиталистический способ производства... в Средней Азии. Владельцы хлопковых плантаций там процветают.

Несколько слов об особенностях нашего рынка рабочих рук. Так как урожай 1889 г. скорее был неудовлетворительным, то фабриканты припуждены были сократить производство. «Прежде, — цитирую вышеупомянутую статью в «Вестнике Финансов», — обыкновенно устанавливался такой порядок для установки заработной платы: один расценочный с Пасхи по 1 октября — более высокий, а другой с 1 октября по Пасху — более низкий» (так как известное число рабочих уходит домой на земледельческие работы; надо заметить, что рабочие, работающие на механических ткацких станках, например, никогда не покидают фабрику в летние месяцы, так как они более «дисциплинированы», чем их товарищи, работающие на ручных станках). — «С Пасхи же 1890 г. часть фабрикантов оставила зимние цены, существовавшие до Пасхи, а часть установила расценки даже с понижением цены против зимних; с 1 октября 1890 г. вновь появились расценки с понижением цен, так что на некоторых фабриках в 1890 г. произошло двукратное понижение цен, и против 1889 г. заработная плата значительно понизилась. Таким образом, сокращение работ (и заработной платы) «несколько поддерживало цены на товары» («Вестник Финансов», 6 октября 1891 г.).

Наши капиталисты не могут равнодушно видеть самостоятельных рабочих. В текстильной промышленности они победили. Их усилия направлены также на искоренение других отраслей крестьянской промышленности. Они пытаются уничтожить

крестьянские каменноугольные копи, как, например, в Екатеринославской губернии (в Бахмутском, Славяносербском и др. уездах). Мы встречаем большие каменноугольные копи, прекрасно оборудованные с технической точки зрения, управляемые специалистами, а рядом видим крестьянские копи, имеющие всего несколько ярдов в глубину, причем уголь поднимается посредством машины самого примитивного устройства, приводимой в движение рабочими или лошадью. Но капиталистические предприятия являются нашим любимым детищем. Все, что они хотят, становится законом. О крестьянских копиях и знать ничего не хотят, они мешают благополучию любимчиков. Крестьяне не имеют технического образования, у них нет средств для объединения своих отдельных копей; и все же крестьянские копи существуют. Замечательно, что в капиталистических копиях мало местных рабочих; большинство рабочих из соседних губерний и из Центральной России. Условия труда поистине ужасны. («Сборник статистических сведений по Екатеринославской губ.», Бахмутский уезд, Екатеринослав, 1886 г.)

Прошу простить меня за повторения в настоящем письме, по 1) мне теперь представляется возможность иллюстрировать некоторыми новыми фактами мое предыдущее письмо; 2) мне очень хочется разъяснить Вам, насколько это в моих силах, причины настоящего плачевного состояния нашей страны и 3) показать, что сопротивление общины не слишком сильно в настоящее время и что чрезвычайно легко окончательно преодолеть его.

Не стоит говорить об уничтожении лесов: вы знаете также, что в Центральной и южной России около 80—90% крестьянских земель распахиваются; Вы знаете, что эти поля не удобряются и т. д. и т. д.; все эти факторы вместе с вышеупомянутыми — исключительно общественного характера — являются причинами обнищания нашего крестьянства и того положения, в котором оно находится в настоящее время. Положение это ужасно. Крестьянин не ест хлеба; он поддерживает свое существование самыми невероятными суррогатами его; у него нет ни одежды, ни топлива, ни корма для скота. Тысячи лошадей истребляются для шкур, покупателей на скот нет, есть места, где на 50 дворов вы найдете только одну лошадь и одну корову.

Но так как уничтожение главного источника доходов не входит в наши планы, то мы организовали государственную помощь. «Чтобы не испортить крестьян, не поощрять среди них лениности», правительство дает хлеб только детям до 5 лет, женщинам и старикам старше 60 лет. Но общественных работ нет. Для поддержания своего существования крестьяне продают все, что у них есть. Они перестали быть самостоятельными

владельцами своих дворов. Без орудий, без рабочего скота хозяин уже не хозяин, и вот причина, почему нынешней осенью «посеяли люди с *достатком*, снимая землю у нуждающихся, которые не могли сполна засеять своих земель в озимом клипу, между прочим по слабости лошадей. Были и такие случаи, что *спекулянты-крестьяне скупали* за бесценок движимость у тех, кто уходил по паспортам, а также... *за бесценок снимали землю озимого клина* у тех из уходивших, кто оставлял озимое поле незасеянным» (Сообщения Воронежского земства в «Вестнике Финансов» № 42, 1891, 20 октября, стр. 134).

Из различных губерний (Самарской, Казанской) сообщают о случаях *голодной смерти*. Что же будет зимой? А весной? Перед перспективой голодной смерти сопротивление общины сводится на нет. Мы увидим, что нынешний год даст громадный толчок тенденции, — которая и без того уже была достаточно сильна, — к экспроприации огромной массы крестьянства и к окончательному разрыву экономических уз, ослабленных всеми нашими реформами и контрреформами.

А промышленники?

Прошу Вас передать мои сердечные поздравления вновь избранному депутату¹.

От всего сердца желаю Вам быстро и успешно закончить Ваш труд.

Искренне преданный Вам

Н. Даниельсон.

80.

ЭНГЕЛЬС — Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОНУ

в Петербург.

Лондон, 15 марта 1892 г.

Милостивый государь!

Мне почти стыдно отвечать на Ваши любезные и интересные письма от 12 и 21 ноября прошлого года. Но я был так завален работой, а писать при газовом освещении все еще так вредно моим глазам (хотя в других отношениях они служат мне довольно исправно), что эта перегруженность работой и

¹ Речь идет о П. Лафарге, избранном во французскую палату депутатов. *Ред.*

непродолжительность зимнего дня в наших краях должны послужить мне оправданием.

Ваша страна действительно проходит теперь через очень важный период, огромное значение которого трудно переоценить. Мне кажется из Ваших писем, что нынешний **неурожай** представляется Вам не несчастной случайностью, а необходимым следствием, одним из неизбежных спутников начавшегося в России с 1861 г. экономического развития. Это также и мое мнение, поскольку я могу судить на расстоянии. С 1861 г. в России начинается развитие современной промышленности в масштабе, достойном великого народа. Давно уже созрело убеждение, что ни одна страна в настоящее время не может занять подобающего ей места среди цивилизованных наций, если она не обладает промышленностью, использующей паровые двигатели, и сама не удовлетворяет — хотя бы в значительной части — собственную потребность в фабричных изделиях. Исходя из этого убеждения, Россия и начала действовать и действовала с большой энергией. Если она оградила себя стеной покровительственных пошлин, то это вполне естественно, ибо конкуренция Англии принудила к такой политике почти все большие страны; даже Германия, где *крупная промышленность* успешно развивалась *при почти полной свободе торговли*, присоединилась к общему хору и перешла в лагерь протекционистов только для того, чтобы ускорить тот процесс, который Бисмарк называл «выращиванием миллионеров». А если Германия вступила на этот путь даже без всякой необходимости, можно ли порицать Россию за то, что для нее *было* необходимостью, раз уж определилось новое направление промышленного развития?

До некоторой степени ваше нынешнее положение, мне кажется, можно сравнить с положением Франции при Людовике XIV. Там тоже мануфактуры были поставлены в благоприятные условия развития покровительственной системой Кольбера; и через 20—30 лет стало ясно, что отечественная мануфактурная промышленность при существовавших тогда условиях могла быть создана только за счет крестьянства. Крестьянское натуральное хозяйство было подорвано и вытеснялось денежным хозяйством; сложился внутренний рынок и одновременно снова оказался почти совсем разрушенным, по крайней мере на время, вследствие самого этого процесса и той беспримерной силы, с которой экономическая необходимость прокладывала себе путь, а также вследствие роста поборов деньгами и людьми, вызванного тогда введением постоянных армий и рекрутчины, подобно тому как в наши дни рост их вызывается введением прусской системы всеобщей воинской повинности. И вот, когда в довершение всего случился недород год

или два подряд, вся страна была охвачена тем состоянием всеобщего расстройствa, описание которого мы находим у Буагильбера и маршала Вобана.

Но тут есть также и огромная разница: разница между старинной «мануфактурой» и современной «крупной промышленностью», которая (в отношении влияния на крестьянина, мелкого сельскохозяйственного производителя, владеющего собственными средствами производства) соответствует разнице между старинным, гладкоствольным, кремневым мушкетом 1680 г. и современной автоматической 7,5-миллиметровой винтовкой образца 1892 года. Более того, в то время как в 1680 г. мелкое земледелие все еще было обычным способом производства, а эксплуатация больших имений только исключением, правда, *все возраставшим*, но все же всегда лишь исключением, — теперь обработка земли в крупном масштабе с применением машин становится правилом и все более является единственно возможным способом сельскохозяйственного производства. Так что крестьянин в наши дни, повидимому, обречен на неизбежную гибель.

Вы помните, что говорил наш автор в письме по поводу Жуковского¹; если Россия и дальше пойдет по тому пути, на который она вступила в 1861 г., то русская крестьянская община обречена на гибель. Мне кажется, что именно сейчас это начинает сбываться. Повидимому, приближается момент, когда — по крайней мере в некоторых областях — старые социальные устои русского крестьянства в своей совокупности не только потеряют свою ценность для отдельного крестьянина, но и станут для него путями в точности так, как это происходило ранее в Западной Европе. Боюсь, что нам скоро придется рассматривать вашу общину как мечту о невозвратном прошлом и считаться в будущем с капиталистической Россией. Нет сомнения в том, что таким образом будет утрачена великая возможность, но против экономических фактов ничего не поделаешь. Любопытно только то, что те самые люди в России, которые не устают восхвалять несравненное превосходство первобытных русских учреждений над учреждениями гнилого Запада, — что эти же люди делают все, чтобы разрушить эти первобытные учреждения и заменить их учреждениями гнилого Запада!

Но если русский крестьянин обречен на превращение в пролетария — промышленного или сельскохозяйственного, — то русский помещик, повидимому, тоже обречен. По моим сведениям этот класс чуть ли не более обременен долгами, чем крестьянство, и вынужден постепенно распродавать свои имения.

---

¹ Имеется в виду письмо Маркса в редакцию «Отечественных Записок». См. стр. 220—223 настоящего сборника. *Ред.*

А между крестьянством и помещиком, повидимому, протискивается вперед новый класс землевладельцев — деревенские кулаки и городские буржуа — отцы, быть может, будущей русской земельной аристократии??

Прошлогодний неурожай вынес все это на яркий дневной свет. И я вполне разделяю Ваше мнение, что причины его чисто социального порядка. Что касается обезлесения, то оно является в меньшей степени, чем разорение крестьянства, одним из жизненных условий буржуазного общества. Нет ни одной «цивилизованной» европейской страны, которая бы не пережила его. Америка же¹ — и Россия тоже, без сомнения, — переживает его сейчас. Поэтому обезлесение, на мой взгляд, по своей сути в такой же мере социальный фактор, как и социальный результат. Но оно также очень часто используется заинтересованными сторонами для того, чтобы свалить с себя вину за экономические неудачи, сведя их к такой причине, за которую, как будто, никто не может быть ответственен.

Неурожай, по-моему, только сделал очевидным то, что в *скрытом состоянии* существовало уже и раньше. Но он ужасающе ускорил совершающийся процесс. Этой весной к моменту сева крестьянин будет бесконечно слабее, чем он был прошлой осенью во время осеннего сева, и ему придется восстанавливать свои силы в гораздо менее благоприятных условиях. Нищий, по уши в долгах, без скота, что может он поделывать даже в тех местностях, где ему удалось перезимовать, не покидая своей деревни? Мне кажется поэтому, что потребуются целые годы, чтобы справиться вполне с последствиями нынешнего бедствия, а когда это удастся, Россия будет совсем иной страной, чем она была даже еще 1 января 1891 года. Пока же нам остается утешать себя мыслью, что все это в конце концов должно послужить делу прогресса человечества.

Прошлой осенью я послал Вам небольшую книжку «Происхождение семьи», 4-е издание. Я отправил ее заказным и поставил свой адрес на конверте. Поскольку она не была мне возвращена, я полагаю, что Вы ее получили.

Очень Вам благодарен за многочисленные присланные мне статьи и журналы, — работа Менделеева оказалась особенно интересной². Но я очень жалею, что именно сейчас, будучи очень занят, не могу уделить им все то внимание, которого они заслуживают. Вы поймете, до какой степени я был завален

¹ В Америке я сам наблюдал это четыре года назад. Там прилагаются огромные усилия для смягчения его последствий и исправления совершенной ошибки. (*Примечание Энгельса.*)

² *Менделеев Д. И.*, Толковый тариф или исследование о развитии промышленности России в связи с ее общим таможенным тарифом 1891 г. С.-Петербург, 1891—1892. *Ред.*

экстренной работой, если я скажу, что с Нового года и до сегодняшнего дня — обычно самое спокойное для меня время — я не имел возможности посвятить III тому ни одной минуты.

Ваши поздравления были своевременно переданы в Париж¹.
Сердечный привет!

Ваш П. В. Рошер.

Есть ли какие-нибудь сведения о нашем общем друге?

81.

И. Ф. ДАНИЕЛЬСОН — ЭНГЕЛЬСУ

в Лондон.

С.-Петербург,
12 (24) марта 1892 г.

Милостивый государь!

Простите, что я не написал Вам раньше. Очень обязан Вам за «Происхождение семьи». Эта вещь была прислана мне через месяц после того, как ее получили в Петербурге. Думаю, что русской публике представится случай ее читать.

Я крайне признателен Вам за Ваше глубоко интересное и поучительное письмо от 15 марта, — тем более, что Вы так заняты в настоящий критический момент. Пышешнее бедствие является нашей собственной виной, все наши усилия были направлены на «расширение нашей торговли и промышленности». Фактически торговля уже поглотила все сырье крестьянства: зерновые хлеба, дерево, лен, шерсть и т. д. и т. д.; затем мы начали «покровительствовать» нашей капиталистической промышленности, возвращенной на развалинах экспропрированного крестьянства. Профессор Менделеев находится в первых рядах этих протекционистов.

Сравнение нашего экономического положения с положением Франции во времена Кольбера чрезвычайно правильно, но Вы указываете на очень важное различие: на рост современного капитализма. Вы говорите: «Мне кажется, что потребуются целые годы, чтобы справиться вполне с последствиями пышешнего бедствия (неурожая); а когда это удастся, Россия будет совсем иной страной, чем она была даже еще 1 января 1891 года.

¹ Поздравления П. Лафаргу в связи с избранием его во французскую палату депутатов. *Ред.*

Дока же нам остается утешать себя мыслью, что все это в конце концов должно послужить делу прогресса человечества».

Последняя фраза не совсем ясна для меня. Рассмотрим факты. Для расширения нашей торговли мы хищнически истощали почву; наш климат изменился, реки обмелели и т. п. Вплоть до нынешнего бедствия мы «освободили» около 20—25% нашего крестьянства. Они бродят повсюду в поисках работы. Вы встретите их в Сибири, в Средней Азии, в Закавказье, в Бразилии... Что им делать? Итти на фабрики? Но мы знаем, что количество рабочих, занятых в современной промышленности, постоянно уменьшается. Англия, например, с ее 44,75 миллионами веретен, т. е. более чем с половиной веретен всего мира, со своими рынками, захватившими больше половины мира, занимает в текстильной промышленности только около 500 000 рабочих всех возрастов и обоего пола; сколько же рабочих может поглотить до насыщения наш собственный *внутренний рынок*? «Рабочие как покупатели товаров необходимы для рынка. Но как продавцов их собственного товара — рабочей силы — капиталистическое общество имеет тенденции ограничить их минимумом цены» («Капитал», I, стр. 303). Наши крестьяне вынуждены продавать свои продукты по низкой цене, средства их существования уменьшаются в той же пропорции. Приобретая такие ограниченные потребности, оставив свои общинные наделы, они оказывают давление на рабочих на фабриках и т. д. В наших сельских столовых, организованных различными лицами, содержание ребенка обходится *в месяц* от 76 коп. до 1 руб., а взрослого около 1 руб. — 1 р. 50 к. в месяц, т. е. от 1½ до 3 шилл. *в месяц!* Вот наш исходный пункт; вот наш *внутренний рынок*. И в то же самое время мы достигли замечательного технического прогресса, т. е. число необходимых рабочих незначительно. Капиталистическая нация выходит из противоречия, указанного нашим автором, расширяя свои внешние рынки. А как нам выйти из этого противоречия? Подобно тому как невозможно представить себе капиталистическую фабрику, продукция которой рассчитана исключительно на потребление занятых в ней рабочих, точно также кажется невозможной капиталистическая нация, как таковая, без внешних рынков. Настоящий момент в этом отношении, по моему мнению, чрезвычайно интересен и важен, потому что указанное нашим автором противоречие распространяется на мировой рынок: каждая нация стремится стать капиталистической, каждая нация напрягает все свои силы, чтобы отнять рынок у соперников: без рынка нет капитализма. А мы... мы также стараемся получить внешние рынки. Каким способом? Посредством премий, т. е. посредством ограничения наших внутренних рынков. Одним словом, мы выступаем на мировую арену в такой момент, когда усилия всех наших соперников

напряжены до крайней степени, когда они принуждены удовлетворяться меньшей нормой прибыли. Английские хлопчатобумажные фабриканты вывезли в 1891 г. продукции на сумму около 60 млн. ф. ст., мы вывозим приблизительно на $\frac{1}{2}$ миллиона. В Западной Европе сами капиталисты поняли, что народное образование — научное и техническое — играет важную роль в борьбе. Этот факт дает возможность рабочим относиться сознательно к общественным делам и выйти из кризиса без больших затруднений. Наша роль в этом отношении является чисто отрицательной. Мы закрываем двери наших учебных заведений, например, нашего единственного сельскохозяйственного института (в Москве). Мы во всех отношениях идем назад. В этом причина, почему я не могу понять, каким образом все это «в конце концов должно послужить делу прогресса человечества», — пока солнце взойдет, роса очи выест.

«Боюсь, — говорите Вы, — что нам скоро придется рассматривать вашу общину, как мечту о невозвратном прошлом и считаться в будущем с капиталистической Россией. Нет сомнения в том, что таким образом будет утрачена великая возможность, но против экономических фактов ничего не поделаешь». Конечно. Но у нас уживаются бок о бок самые различные факты, и в том числе факты экономического характера. Несколько дней тому назад я послал Вам I том «Итогов статистико-экономических исследований России, произведенных земствами». Автор этого труда — В. В., или Василий Павлович Воронцов. Вы найдете там множество интересных фактов. Известно, что после 1861 г. разделы общинных земель были до известной степени прекращены — преимущественно в черноземной полосе; но по прошествии каких-нибудь 20—25 лет они опять возобновились даже в таких местностях, где этот акт общинной жизни был совершенно неизвестен. Есть масса случаев, когда частные землевладельцы отказывались от своих прав в пользу общины и впоследствии получили свои наделы в качестве членов общины. Такие факты как бы противоречат тому, что я Вам писал. Но факт остается фактом: около 20—25% крестьян принуждены искать работы вне своей общины. Остальные находят только один способ выйти из положения, делающегося все более затруднительным, — уравнивание шансов борьбы. У нас есть, таким образом, два экономических течения: одно из них — это народная форма хозяйства, которую стремится поддерживать большинство. Но если мы хотим направить производство на удовлетворение народных потребностей вместо поддержания капитализма, этого другого экономического течения, то не слишком ли уж поздно опираться на наши общинные традиции и привычки, — хотя и имеющие такие глубокие корни. Все наши усилия направлены в сторону развития капитализма: на это тратится

несколько сотен миллионов рублей. Однако все наши усилия терпят неудачу. Доказательство — 1891 год. Разве нельзя изменить цель покровительства? Изменить «курс»? Разве современная промышленность возможна только на капиталистической основе? Мы видим борьбу между двумя способами производства: крестьянским, развитие которого сознательно задерживается, но которое имеет все шансы пустить более глубокие корни и, следовательно, быть более прочным, и другим способом, совершенно искусственным, выращенным в теплице, выращенным за счет крестьянства, т. е. большинства народа, и, тем не менее, мы продолжаем *поддерживать* его и *покровительствовать* ему. Кажется, что наше любимое детище — капитализм, — подрывая основы крестьянской промышленности, но не имея ни внешнего, ни внутреннего рынков, не имеет прочной почвы для своего развития. «Сложился внутренний рынок и одновременно снова оказался почти совсем разрушенным», как Вы правильно выражаетесь. «Таким образом будет утрачена великая возможность» (на самом ли деле она утрачена?), «но против экономических фактов ничего не поделаешь». Но фактически мы *поддерживаем* капитализм и *покровительствуем* ему.

Так как письмо это слишком длинно, я замечу только, что задолженность наших землевладельцев доходила на 1 января 1889 г. до 760 миллионов — 30,4 миллиона десятин, т. е. 32,7% общей суммы частной земельной собственности, заложены: в северных и центральных губерниях от 1 до 26%; в южных и малороссийских губерниях — от 42 до 65% (Херсонской, Харьковской, Киевской). К 1 января 1892 г. задолженность увеличилась до 920 миллионов, т. е. в течение трех лет на 20%. Число заложённых десятин еще не опубликовано.

Хотя я написал такое длинное письмо, я знаю, что практически это, с моей стороны, праздная дискуссия, что Вы совершенно правы: влиятельное меньшинство слишком заинтересовано в сохранении status quo. А теоретически? Куда мы идем? Продажа 4-го издания «Капитала» запрещена. Были ли там какие-нибудь прибавления или примечания? Печатание книги Каутского о нем было прекращено¹.

Воспоминания Лафарга о его тесте будут напечатаны вскоре в одном из наших журналов.

О «нашем друге» нет никаких известий.

Искренне преданный Вам

Н. Даниельсон.

¹ Kautsky K., Karl Marx's ökonomische Lehren. Stuttgart, 1887 (Каутский К., Экономическое учение Карла Маркса. Москва, 1940). *Ред.*

82.

ЭНГЕЛЬС — Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОНУ

в Петербург.

Лондон, 18 июня 1892 г.

Милостивый государь!

Я должен поблагодарить Вас за Ваши очень интересные письма от 24 марта, 30 апреля и 18 мая и извиниться за то, что не ответил на них раньше. Но я был до такой степени занят, что не мог уделить ни одной минуты даже III тому, — надеюсь, однако, вернуться к нему на будущей неделе.

Я убежден, что мы с Вами действительно совершенно согласны как относительно фактов, выражающих современное экономическое состояние вашей страны, так и относительно их значения. Только Вы, повидимому, истолковали некоторые *иронические* выражения в моем последнем письме так, как будто они были сказаны всерьез, — в частности то, что я писал о некоторых вещах, служащих в конце концов делу прогресса человечества. Ведь действительно, нет ни одного факта в истории, который в конечном итоге не служил бы тем или иным путем делу прогресса человечества, но это бывает очень долгий и окольный путь. И так, может быть, обстоит и с нынешним экономическим преобразованием вашей страны.

Я особенно хотел подчеркнуть тот факт, что прошлогодний **неурожай** — употребляя официальное выражение — вовсе не изолированное и случайное явление, а неизбежное следствие всего развития России после окончания Крымской войны; что это результат перехода от общинного земледелия и патриархальной домашней промышленности к современной промышленности; и что, по моему мнению, это преобразование со временем поставит под угрозу существование земледельческой общины и введет капиталистическую систему также и в сельское хозяйство.

Из Ваших писем я заключаю, что относительно самих этих фактов Вы согласны со мною; что же касается вопроса — нравятся нам эти факты или нет, — это другое дело; но нравятся они нам или нет, эти факты все равно будут продолжать существовать. И чем больше мы отрешимся от своих чувств приязни и неприязни, тем лучше сможем судить о самих фактах и их последствиях.

Не подлежит сомнению, что нынешний внезапный рост современной «*крупной промышленности*» в России был вызван искусственными средствами — запретительными пошлинами, правительственными субсидиями и т. п. То же самое имело место во Франции, где запретительная система действовала уже со вре-

мен Кольбера, в Испании, в Италии, а с 1878 г. даже в Германии, хотя эта страна почти уже завершила свой промышленный переворот, когда в 1878 г. ввела у себя покровительственные пошлины, чтобы дать возможность капиталистам принудить отечественных потребителей платить им за товары такие высокие цены, которые позволили бы им продавать эти же товары за границей дешевле себестоимости. И Америка поступила точно так же, чтобы сократить тот период, в течение которого американские промышленники не будут еще в состоянии на равных условиях соперничать с Англией. Что Америка, Франция, Германия и даже Австрия смогут со временем достигнуть такого положения, при котором они окажутся способными успешно бороться с конкуренцией Англии на открытом мировом рынке, — по крайней мере в отношении некоторых важных товаров, — в этом я не сомневаюсь. И теперь уже Франция, Америка и Германия сломали в известной мере промышленную монополию Англии, и это ощущается здесь очень сильно. Но сможет ли Россия достигнуть такого же положения? Относительно этого у меня есть сомнения, так как Россия, подобно Италии, страдает от недостатка каменного угля в наиболее благоприятных для промышленности местностях, и, кроме того, как Вы сами превосходно показали это в своем письме от 12 (24) марта, ей приходится иметь дело с совершенно иными историческими условиями. Но тут перед нами возникает другой вопрос: могла ли Россия в 1890 г. существовать и удерживать независимое положение в мире как чисто сельскохозяйственная страна, живущая исключительно вывозом зерна и покупающая за него заграничные продукты промышленности? Я думаю, что мы с уверенностью можем ответить — *нет*. Стомиллионная нация, играющая важную роль в мировой истории, не могла бы при современных экономических и промышленных условиях продолжать оставаться в том состоянии, в каком Россия находилась вплоть до Крымской войны. Введение паровых двигателей и машин, попытки изготовлять текстильные и металлические изделия при помощи новейших средств производства, хотя бы только для отечественного потребления, *должны* были иметь место раньше или позже, по во всяком случае в *какой-либо* момент между 1856 и 1880 годами. Если бы это не произошло, ваша отечественная патриархальная промышленность все равно была бы разрушена конкуренцией английского машинного производства, и в результате получилась бы Индия — страна, экономически подчиненная великой центральной фабрике — Англии. И даже Индия выставила покровительственные пошлины против английских хлопчатобумажных товаров; что же касается остальных британских колоний, как только они добывались самоуправлением, так немедленно же ограждали пошлинами свои местные

мануфактуры от подавляющей конкуренции метрополии. Английские писатели, ослепленные отечественными интересами, никак не возьмут в толк, почему подаваемый Англией пример свободы торговли повсюду отвергается и вызывает в ответ установление покровительственных пошлин. Конечно, они просто не *осмеливаются* видеть, что эта, ныне почти всеобщая, покровительственная система является более или менее разумным, а в иных случаях и совершенно нелепым, средством самозащиты против этой самой английской свободы торговли, которая подняла английскую промышленную монополию до ее наибольшей высоты. (Это средство нелепо, например, в Германии, которая стала крупной промышленной страной при свободе торговли и где протекционизм распространен теперь на сельскохозяйственные продукты и сырье, что увеличивает издержки промышленного производства!) Я рассматриваю этот всеобщий поворот к покровительственной системе не как простую случайность, а как реакцию против нестерпимой промышленной монополии Англии. *Форма* этой реакции, как я сказал, может быть неадекватной и даже хуже, но историческая необходимость такой реакции кажется мне вполне ясной и очевидной.

Все правительства, даже самые абсолютистские, в *конечном счете* только исполнители экономической необходимости, вытекающей из положения страны. Они делают свое дело по-разному — хорошо, плохо или посредственно; ускоряют или замедляют экономическое развитие с вытекающими из него политическими и юридическими следствиями, но в конечном итоге должны следовать за этим развитием. Были ли те средства, с помощью которых осуществилась промышленная революция в России, наилучшими для данной цели, это особый вопрос, обсуждение которого завело бы нас слишком далеко. Для моей цели достаточно будет, если я смогу доказать, что эта промышленная революция была сама по себе неизбежна.

То, что Вы говорите о неизбежных спутниках таких потрясающих экономических перемен, вполне правильно, но это относится в большей или меньшей мере ко всем странам, которые прошли или проходят через этот процесс. Истощение почвы — *смотри* Америку; обезлесение страны — *смотри* Англию, Францию, а в настоящий момент также Германию и Америку; изменение климата, обмеление рек, вероятно, сильнее в России, чем где-либо, вследствие равнинного характера страны, снабжающей водой эти огромные реки, и вследствие отсутствия альпийских вечных снегов, подобных тем, которые питают Рейн, Дунай, Рону и По. Ломка старых условий сельского хозяйства, постепенный переход к капиталистической обработке обширных ферм, все это — процессы, которые завершились уже в Англии и в Восточной Германии и в настоящее время протекают повсюду

в других местах. И мне кажется очевидным, что «крупная промышленность в России убьет земельную общину», если только не произойдут иные великие перемены, которые помогут сохранить эту **общину**. Вопрос в том, есть ли еще время для такой перемены в общественном мнении России, которая сделала бы возможным привить **общине** современную промышленность и современное земледелие и в то же время видоизменить ее так, чтобы она могла стать подходящим и удобным орудием для организации этого современного производства и для его преобразования из капиталистической формы в социалистическую? Согласитесь, что для того, чтобы можно было хотя бы только подумать о такой перемене, должен сперва произойти громадный прогресс в общественном мнении вашей страны. Успеет ли это произойти прежде, чем капиталистическое производство вместе с последствиями нынешнего кризиса подорвет **общину** слишком глубоко? Я ничуть не сомневаюсь в том, что во многих округах **община** оправилась от удара, полученного ею в 1861 г. (как это описано у В. В.¹). Но сможет ли она выдержать непрерывные удары, которые наносит ей промышленный переворот, неудержимо развивающийся капитализм, разрушение домашней промышленности, отсутствие общинных прав на пастбища и леса, переход натурального крестьянского хозяйства в денежное, рост богатства и власти **кулаков** и **миросодов**?

Я должен еще поблагодарить Вас за книги, которые Вы так любезно мне прислали, в особенности за Каблукова и Карышева. В настоящее время я до такой степени завален работой, что в течение шести месяцев не имел возможности прочесть целиком ни одной книги ни на каком языке; я отложил Ваши книги до своего летнего отдыха в августе. То, что Вы пишете о Каблукове, кажется мне совершенно правильным, насколько я могу судить, не прочитав самой книги. Сельскохозяйственный рабочий, не имеющий ни собственной, ни арендованной земли, находит занятие только на известную часть года, и если ему платят только *за эту работу*, то он должен голодать во время безработицы, если не найдет другого рода работу на остальную часть года; но современное капиталистическое производство отнимает у него всякую надежду на такую работу. В Западной и Центральной Европе эти трудности разрешаются, насколько возможно, следующим образом: 1) капиталист — фермер или землевладелец — держит часть сельскохозяйственных рабочих круглый год на ферме, кормит их по возможности собственными продуктами фермы, с тем, чтобы тратить возможно меньше наличных денег. Это широко практикуется в северо-восточной Германии и в меньшей степени здесь, в Англии, хотя при здешнем

¹ В. П. Воронцов. *Ред.*

климате многие сельскохозяйственные работы возможны в зимнее время. Кроме того, в капиталистическом фермерском хозяйстве всегда бывает много работы на ферме даже зимой. 2) То, что еще необходимо сверх этого для поддержания жизни сельскохозяйственного рабочего в течение зимы, но только для поддержания жизни, не больше, довольно часто добывается трудом женщин и детей, работающих в новых отраслях домашней промышленности (см. «Капитал», т. I, гл. 13, разд. 8). Так обстоит дело на юге и западе Англии, а по отношению к мелкому крестьянству — в Ирландии и Германии. Понятно, что в то время, когда происходит переворот, особенно ярко выступают пагубные последствия отрыва земледелия от патриархальной домашней промышленности; именно это имеет место в данное время в вашей стране.

Это письмо становится слишком длинным, чтобы я мог еще вдаваться в подробности Вашего письма от 18 мая, но мне кажется, что и тут приводимые Вами факты свидетельствуют о разорении крестьянства и вместе с тем об истощении почвы, по крайней мере на некоторое время. Я вполне согласен с Вами в том, что оба эти процесса совершаются в настоящее время с возрастающей быстротой. Если теперешняя система будет продолжаться и далее, это приведет к разорению и помещиков и мужиков и к возникновению нового класса буржуа-землевладельцев. Но есть и другая сторона вопроса, и я боюсь, что Ваш «Вестник Финансов» не видит нужды заниматься ею. Это — состояние государственных финансов. Последний парижский заем (1891 г.) должен был дать 20 миллионов фунтов стерлингов. Заем этот был покрыт подпиской несколько раз, но здесь ходят слухи, что в действительности были выплачены только 12 миллионов, а 8 миллионов так и не дошли до петербургского казначейства. Если это произошло во Франции после Кронштадтских демонстраций¹, то что же будет, когда начнутся переговоры о заключении следующего займа? А можно ли отложить надолго новый заем после тех страшных жертв, к которым последний неурожай принудил государственное казначейство? Окажется ли Вышнеградский вторым Калонном и явится ли после него второй Неккер??

Искренне Ваш

П. В. Рошер.

---

¹ Торжественный прием, оказанный русским правительством французскому флоту в Кронштадте. *Ред.*

83.

ЭНГЕЛЬС — Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОНУ
в Петербург.

Лондон, 22 сентября 1892 г.

Милостивый государь!

Итак, мы согласны пока в этом одном пункте: что Россия в 1892 г. не могла бы существовать как исключительно сельскохозяйственная страна, что она должна дополнять свое сельскохозяйственное производство производством промышленным.

Так вот, я утверждаю, что промышленное производство в наше время означает крупную промышленность, пар, электричество, сельфакторы, механические ткацкие станки и, наконец, машины для производства машинного оборудования. В тот день, когда Россия ввела у себя железные дороги, введение этих современных средств производства было предрешено. Вы *должны* быть в состоянии ремонтировать ваши собственные паровозы, вагоны, железные дороги, а это можно сделать дешево, только если вы в состоянии *строить* у себя все то, что вам надо ремонтировать. С того момента, как военное дело стало одной из отраслей крупной промышленности (броненосцы, парезная артиллерия, скорострельные и магазинные ружья, винтовки, пули со стальной оболочкой, бездымный порох и пр.), крупная промышленность, без которой все это не может быть изготовлено, стала политической необходимостью. Все это цельзя производить без высокоразвитой металлообрабатывающей промышленности, а последняя, в свою очередь, не может существовать без соответствующего развития всех других отраслей промышленности, и в особенности текстильной.

Я совершенно согласен с Вами, что начало новой промышленной эры для вашей страны следует отнести приблизительно к 1861 году. Крымскую войну именно характеризует безнадежная борьба нации с примитивными способами производства против нации с современным производством. Русский народ прекрасно понял это, и отсюда переход к современным формам, — переход, сделавшийся бесповоротным после освободительного акта 1861 года.

Раз уж признана эта необходимость перехода от примитивных методов производства, преобладавших до 1854 г., к современным методам, начинающим преобладать теперь, то становится второстепенным вопрос, был ли этот тепличный процесс поощрения промышленной революции путем покровительственных и запретительных пошлин выгодным или даже необходимым, или наоборот.

Эта тепличная атмосфера в области промышленности придает острый характер процессу, который в противном случае мог бы стать более затяжным. Она втискивает в какие-нибудь двадцать лет процесс, который при других условиях занял бы шестьдесят лет или более. Но это не влияет на самую природу этого процесса, который, как Вы сами говорите, ведет свое начало с 1861 года.

В одном можно не сомневаться: если Россия действительно нуждалась в отечественной крупной промышленности и твердо решила иметь ее, то она не могла ее приобрести иначе, как посредством хотя бы *известной* степени протекционизма, — и это Вы допускаете. С этой точки зрения вопрос о протекционизме становится тогда только вопросом *степени*, а не принципа; самый же принцип был неизбежен.

И еще в одном можно не сомневаться: если Россия нуждалась после Крымской войны в отечественной крупной промышленности, то она могла получить ее лишь в одной форме: *в капиталистической форме*. Ну, а вместе с этой формой она должна была принять и все те последствия, которые сопровождают капиталистическую крупную промышленность во всех других странах.

Но я не вижу, чтобы результаты промышленной революции, совершающейся на наших глазах в России, отличались в чем-нибудь от того, что мы видим или видели в Англии, Германии, Америке. В Америке условия сельского хозяйства и земельной собственности иные, и это действительно *создает* известные различия.

Вы сетуете на медленный рост числа рабочих в текстильной промышленности по сравнению с ростом продукции. Но то же самое происходит повсюду. Иначе откуда бы взялась наша многочисленная «промышленная резервная армия»? («Капитал», т. I, гл. 23, разд. 3 и 4).

Вы доказываете постепенное вытеснение мужского труда трудом женщин и детей («Капитал», т. I, гл. 13, разд. 3а).

Вы сетуете, что товары машинного производства вытесняют продукты домашней промышленности и, таким образом, губят подсобное производство, без которого крестьянин не может жить. Но мы имеем тут совершенно неизбежное последствие капиталистической крупной промышленности: создание внутреннего рынка («Капитал», т. I, гл. 24, разд. 5), явление, которое произошло в Германии уже в мое время и на моих глазах. Даже то, что Вы говорите о вторжении хлопчатобумажных товаров, которые губят не только кустарное прядильное и ткацкое производство крестьян, но также и крестьянскую *культуру льна*, — то же наблюдалось в Германии между 1820 г. и нынешним временем. Вообще, что касается этой стороны дела, т. е. разрушения

домашней промышленности и подсобных ей отраслей сельского хозяйства, то мне кажется, что в действительности вопрос для вас стоит здесь так: русским надо было решить — будет ли их домашняя промышленность уничтожена их *собственной* крупной промышленностью, или же это дело будет выполнено *ввозом английских товаров*. При протекционизме это сделают *русские*, без протекционизма — *англичане*. Мне все это кажется вполне очевидным.

Ваше вычисление, — что общая сумма текстильной продукции как крупной, так и домашней промышленности не возрастает, а остается той же самой или даже сокращается, — не только совершенно правильно, но оно было бы неправильным, если бы Вы пришли к другому результату. Пока русская промышленность ограничена только своим внутренним рынком, ее продукты могут только покрывать внутреннее потребление. А последнее может возрастать лишь медленно и, как мне кажется, при нынешних условиях русской жизни скорее должно было бы падать.

Ведь одно из необходимых последствий крупной промышленности заключается в том, что она *разрушает* свой собственный внутренний рынок в ходе того самого процесса, посредством которого она его *создает*. Она создает рынок, разрушая основу крестьянской домашней промышленности. Но без домашней промышленности крестьяне не могут существовать. Они разоряются *как крестьяне*; их покупательная способность доходит до минимума, и, пока они, как *пролетарии*, не создадут себе новых условий существования, они представляют из себя весьма жалкий рынок для вновь возникших фабрик и заводов.

Капиталистическое производство, будучи переходящей экономической фазой, преисполнено внутренних противоречий, которые развиваются и становятся явными по мере его развития. Эта тенденция — разрушать свой собственный рынок одновременно с его созданием — представляет как раз одно из таких противоречий. Другое противоречие это — то **безвыходное положение**, к которому приводит капиталистическое производство и которое в стране без внешнего рынка, как Россия, наступает скорее, чем в странах, более или менее способных конкурировать с другими на открытом мировом рынке. В последних это, казалось бы, безвыходное положение находит себе разрешение в сильнейших изменениях в торговле, в насильственном открытии новых рынков. Однако и в этих случаях бросается в глаза, что они снова попали в тупик. Взгляните на Англию. Последний новый рынок, который, если бы он был открыт для английской торговли, мог бы привести к временному возрождению процветания, это — Китай. Поэтому английский капитал и настаивает на постройке китайских железных дорог. Но

китайские железные дороги означают разрушение всей основы мелкого китайского земледелия и домашней промышленности; а так как там не будет создано, в противовес, китайской крупной промышленности, то сотни миллионов населения будут поставлены в условия, невозможные для существования. Последствием этого будет такая массовая эмиграция, какой свет еще не видывал, — она затопит Америку, Азию и Европу ненавистными китайцами, которые начнут конкурировать в области труда с американским, австралийским и европейским рабочим на основе китайского уровня жизни, самого низкого из всех; и если к тому времени вся система производства еще не будет изменена в Европе, то ее необходимо будет тогда изменить.

Капиталистическое производство готовит свою собственную гибель, и Вы можете быть уверены, что так будет и в России. Оно может вызвать, и если просуществует достаточно долго, то непременно вызовет коренную аграрную революцию, — я разумею революцию в условиях земельной собственности, которая разорит и помещика и мужика и заменит их новым классом крупных земельных собственников, вышедших из деревенских кулаков или из городских буржуа-спекулянтов. Во всяком случае я убежден, что консервативные элементы, насаждавшие в России капитализм, будут в один прекрасный день ужасно поражены последствиями своих собственных дел.

Искренне Ваш

П. В. Рошер.

84.

И. Ф. ДАНИЕЛЬСОН — ЭНГЕЛЬСУ

в Лондон.

С.-Петербург,
3 (15) октября 1892 г.

Милостивый государь!

Сердечно благодарю Вас за Ваше последнее письмо, которое доставило мне большое удовольствие. Нельзя не согласиться почти со всем его содержанием.

Поражение 1853—1855 гг. показало недостатки нашей экономической структуры. Манифест 1861 г. был естественным выходом. Такова была точка зрения, которой придерживались все наши публицисты в шестидесятых годах. Некоторые из наших экономистов и публицистов, видя, куда ведет капиталистическая форма производства, пытались найти другой путь для нашей

страны. Они были убеждены, что Россия вместо того, чтобы уничтожить сельскую общину, как того хотят либеральные экономисты, «должна, не испытав мук капиталистического строя, завладеть всеми его плодами, развивая свои собственные исторические данные»¹. Перед нами было два пути, но мы предпочли пойти по пути, проложенному Западной Европой, и мы отказались от наших собственных исторических данных. И после этого (превратив, вероятно, добрую часть — миллионы — крестьян в пролетариев) мы вступили в «лоно капиталистического строя, чтобы испытать неумолимые законы этого строя».

Наши экономисты — и автор цитаты — были убеждены, что возможно избежать опасности «мук этого строя». Исторические основания были достаточно прочны и приспособлены к новой социальной структуре, которую они пытались построить на них. Наша сельская община представляет группу крестьян, владеющих сообща известной площадью земли. Но каждый из членов ее самостоятельно возделывает свой надел. Были попытки выполнять некоторые работы сообща. Вы можете встретить подобные попытки даже в самые последние годы («Итоги», т. I, стр. 580—586)². В наших артелях подобные общественные работы приобрели сравнительно высокую степень социализации, — правда, это относится главным образом к рыбной ловле и охоте.

По Вашему мнению, у нас не было выбора, мы вынуждены были пойти по тому пути, по которому шла Западная Европа. Наша экономическая история с 1861 г. подтверждает Ваше мнение. Мы следуем по пути капитализма. Все капиталистические законы, которые были установлены и изложены с такой ясностью и с такой гениальностью в «Капитале», развернулись со всеми своими последствиями, — если можно так выразиться, — во всей своей паготе. Все капиталистические отношения выражались здесь с такой беспощадной силой, что результаты их ясны каждому, кому не лень следить за фактами.

Через 30 лет этот строй привел к кризису. Не к кризису производства, не к денежному или какому-нибудь частичному кризису, но к кризису, который подрывает все наше социальное и экономическое существование. Капитализм не в состоянии найти выход из него. Вы видели, что капитализм освободил много миллионов трудящихся и что он дал работу едва одному миллиону; что, истощив почву, обезлесив большие пространства земли, высушив источники всех рек, он положил начало своим собственным кризисам — кризисам, которые не повторяются

¹ Даниельсон неточно цитирует письмо Маркса в редакцию «Отечественных Записок». У Маркса сказано не «должна», а «может, не испытав мук и т. д.». *Ред.*

² «Итоги экономического исследования России по данным земской статистики», т. I. Москва 1892. *Ред.*

Если наше общество не будет искать выхода и будет безмолвно смотреть на вырождение и смерть своих членов, оно будет лишено права жить, оно перестанет быть обществом и превратится в организм, находящийся в процессе разложения, труп, в котором сохранилось жизни лишь настолько, чтобы терпеливо взирать на свое собственное вырождение и разложение.

Если я в своих письмах упоминал о нашей покровительственной системе, то это потому, что я имел в виду привести Вам данные о быстроте экспроприации наших крестьян при этой системе. «Система покровительства была искусственным средством фабрикации фабрикантов, экспроприации независимых рабочих». Очевидно, что свободная торговля и протекционизм означают свободную эксплуатацию и экспроприацию крестьянства или протекционную вынужденную экспроприацию его. «Рука об руку с экспроприацией самостоятельного крестьянства... идет разрушение сельской домашней промышленности... только это разрушение может придать внутреннему рынку данной страны те размеры и ту устойчивость, которые необходимы для капиталистического способа производства». А это разрушение, как Вы видели, не может придать нашему внутреннему рынку «тех размеров и той устойчивости, которые необходимы капитализму».

Эта экспроприация приобретает все большую почву. Как Вы видели («Юридический Вестник» № 11, 1891 г., стр. 416), около 6,5% *общинных земель* всего сельского населения Самарской губернии заложено; это значит, что 6,5% их фактически находятся в руках кулаков.

Для помещиков у нас есть специальное учреждение, чтобы помочь им освободиться от продуктов их земель. Я имею в виду Государственный дворянский земельный банк. Около 42—43% частной земельной собственности заложено, а если мы исключим две или три губернии (Вологодскую, Вятскую, Олонекскую), где имеются большие железодельательные заводы, владеющие большими площадями незаложенной земли¹, то относительная сумма заложеной земли достигнет 45%. Эта задолженность тем более тяжела, что цены сельскохозяйственных продуктов падают.

Интересно отметить, что в среднем крестьяне черноземной полосы больше должны государству (недоимки), чем крестьяне

---

¹ В Пермской губернии некоторые горнопромышленники имеют до 2 миллионов акров земли, как, например, Тагильские железодельательные заводы Демидова, Верхне-Исетские заводы графини Стенбок-Фермор, Алапаевские заводы наследников Яковлева и др.; 109 уральских заводов имеют в своем владении около 38 миллионов акров, или 10 245 000 десятин («Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1889 г.». С.-Петербург, 1892). (Примечание автора.)

северной полосы. Если взять относительную сумму задолженности (т. е. пропорционально ежегодной уплате прямых налогов), то мы найдем, что в 1890 г. самая большая сумма была в Самарской губернии, она достигла 306% ежегодных платежей; в Уфимской — 249%, в Оренбургской — 245%, в Казанской — 202%. Эти пять губерний постиг голод.

Северная полоса уплачивает свои долги с «примерной аккуратностью» («Неурожай и народное бедствие»). Автор этого анонимного труда — товарищ министра финансов Ермолов). Не следует забывать, что эти недоимки «выколачиваются», как этот факт характерно называется самими крестьянами (Ермолов, стр. 156). Когда долги растут, то очевидно, что у населения нет средств для уплаты их. После этих четырех губерний, постигнутых голодом, на пятом месте мы находим Московскую губернию с суммой задолженности, которая достигает 117%, а на шестом — Нижегородскую с неудовлетворительным урожаем.

Этот факт находит свое объяснение в относительном числе рабочих, занятых фабрикантами. В Московской губернии их относительное число самое высокое; оно составляет около 10% всего населения этой губернии. Московская губерния окружена семью губерниями с крестьянской задолженностью, не превышающей 16% (от 0,6 до 16%), а фабричное население их не превышает 2%.

Искренне преданный Вам

Н. Даниельсон.

85.

ЭНГЕЛЬС — Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОНУ

в Петербург.

Лондон, 24 февраля 1893 г.

Милостивый государь!

Простите мое долгое молчание. Оно было вынужденным. Мне необходимо было сделать усилие — последнее усилие, — чтобы за эту зиму и весну закончить III том. Для этого я должен был отказываться от всякой посторонней работы, и даже от всей корреспонденции, кроме безусловно необходимой. При других обстоятельствах ничто не смогло бы помешать мне продолжать обсуждение занимающей нас столь интересной и важной проблемы.

В настоящее время я уже окончил — за исключением некоторых вопросов формы — *редакцию* раздела V (банки и кредит), наиболее трудного из всех как с точки зрения самого предмета, так и *по состоянию рукописи*. Теперь остаются только два раздела, составляющие около $\frac{1}{3}$ всего труда, причем один из них — о земельной ренте — посвящен тоже очень трудному предмету, но зато рукопись этого раздела, насколько я помню, гораздо более отделана, чем рукопись раздела V. Поэтому я не теряю надежды справиться со своей задачей в положенный срок. Большая трудность заключалась в том, чтобы безусловно исключить в течение 3—5 месяцев всякие перерывы, с тем, чтобы посвятить все свое время разделу V, и эта трудность теперь счастливо преодолена. Работая над этим томом, я часто думал о том огромном наслаждении, которое он доставит Вам, когда выйдет в свет. Буду высылать Вам чистые листы, как я это делал со II томом.

А теперь вернемся к нашей прерванной беседе.

Мы, повидимому, согласны во всех пунктах, за исключением одного, который Вы затрагиваете в обоих своих письмах, от 3 октября и 27 января, хотя каждый раз с иной точки зрения.

В первом письме Вы спрашиваете: должен ли был тот экономический переворот, который с 1854 г. стал неизбежным, в силу самой своей природы, вместо того, чтобы содействовать дальнейшему развитию исторически сложившихся в России учреждений, наоборот, подрывать их в самом корне? Иными словами, не могла ли сельская община быть положена в основу нового экономического развития?

А 27 января Вы выражаете ту же мысль в такой форме: крупная промышленность стала необходимостью для России, но было ли неизбежным ее развитие в капиталистической форме?

Так вот: в 1854 г., или около того, для России отправной точкой было, с одной стороны, наличие сельской общины, с другой стороны, необходимость создать крупную промышленность. Если Вы примете во внимание все состояние вашей страны в целом, каким оно было тогда, увидите ли Вы там хоть малейшую возможность привить крупную промышленность крестьянской общине, и притом в такой форме, которая, с одной стороны, делала бы возможным развитие крупной промышленности, а с другой, подняла бы эту первобытную общину до уровня социального учреждения, далеко превосходящего все то, что мир видел до сих пор? И это в то время, когда весь Запад до сих пор продолжает оставаться под властью капиталистического режима? Мне кажется, что такая эволюция, превосходящая все известное в истории, требовала бы совершенно иных экономических, политических и интеллектуальных условий, чем те, которые имелись в то время в России.

Нет сомнения в том, что община и, в известной степени, артель заключали в себе некоторые зародыши, которые, при определенных условиях, могли бы развиться и спасти Россию от необходимости пройти через муки капиталистического строя. Я вполне присоединяюсь к письму нашего автора¹ по поводу статьи **Жуковского**. Но и по его мнению и по моему, первым необходимым для этого условием был *толчок извне*, — переворот в экономической системе Западной Европы, уничтожение капиталистической системы в тех странах, где она впервые возникла. Наш автор в своем предисловии к известному Вам старому манифесту² в январе 1882 г., на вопрос о том — не могла ли русская община послужить отправным пунктом для нового, более высокого социального развития — отвечал так: Если переворот в экономической системе в России совпадет с переворотом в экономической системе на Западе так, что обе они пополнят друг друга, то современное русское землевладение может явиться исходным пунктом нового общественного развития.

Если бы мы на Западе в свое время продвинулись быстрее в своем экономическом развитии, если бы мы оказались способными свергнуть капиталистический режим еще лет десять или двадцать тому назад, то тогда Россия быть может имела бы еще время приостановить тенденцию своей собственной эволюции в направлении к капитализму. К несчастью, мы движемся слишком медленно, и те экономические последствия капиталистической системы, которые должны привести ее к критическому пункту, в настоящее время только начинают развиваться в различных окружающих нас странах; в то время как Англия быстро утрачивает свою промышленную монополию, Франция и Германия приближаются к промышленному уровню Англии, а Америка грозит изгнать их всех с мирового рынка как по части промышленных продуктов, так и по части продуктов сельского хозяйства. Введение в Америке хотя бы отчасти фритредерской политики несомненно довершит гибель английской промышленной монополии и убьет в то же время промышленный экспорт Германии и Франции; а затем должен наступить кризис, который как нельзя лучше ознаменует «конец века». Между тем община у нас все больше сходит на нет, и нам остается только надеяться, что переход к лучшей системе совершится у нас на Западе достаточно скоро, чтобы спасти — по крайней мере в некоторых наиболее отдаленных местностях вашей страны — те учреждения, которые при этих новых обстоятельствах могут оказаться призванными осуществить великое будущее. Но факты остаются

¹ Речь идет о письме Маркса в редакцию «Отечественные Записки». См. стр. 220—223 настоящего сборника. *Ред.*

² *К. Маркс и Ф. Энгельс*, Манифест Коммунистической партии. *Ред.*

фактами, и мы не должны забывать, что шансов такого рода с каждым годом становится все меньше и меньше.

В остальном я готов согласиться с Вами, что поскольку Россия — *последняя* страна, захваченная крупной капиталистической промышленностью, и в то же время страна с *несравненно* более многочисленным крестьянским населением, чем любая другая страна, потрясение, произведенное этим экономическим переворотом, должно оказаться здесь гораздо более сильным и острым, чем где бы то ни было. Процесс замещения не менее 500 000 помещиков и около 80 миллионов крестьян новым классом *буржуазных* земельных собственников может быть осуществлен лишь ценою страшных страданий и потрясений. Но история, пожалуй, самая жестокая из *всех богинь*, влекущая свою триумфальную колесницу через горы трупов не только во время войны, но и в периоды «мирного» экономического развития. А мы, весь человеческий род, к несчастью, так глуны, что никак не можем найти в себе мужества осуществить действительный прогресс, если нас к этому не принудят страдания, которые часто кажутся несоответствующими достигнутой цели.

Всегда Ваш
П. В. Р.

Направляйте, пожалуйста, письма по адресу г-жи Каутской, а не г-жи Рошер.

86.

Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОН — ЭНГЕЛЬСУ

в Лондон.

С.-Петербург,
2 (14) марта 1893 г.

Милостивый государь!

От души благодарю Вас за то удовольствие, которое Вы доставили мне Вашим любезным письмом.

Я с величайшей радостью узнал, что главная работа по редактированию III тома окончена и что он скоро будет сдан в печать.

Допустим, что социальные условия в России после Крымской войны не были благоприятны для развития той формы производства, которую мы унаследовали из нашей прошлой истории. Но мне кажется, что в настоящее время, когда капитализм довел

нашу экономику до кризиса и когда он не в силах улучшить ее, когда развитие капитализма находится в тесной зависимости 1) от метеорологических и других естественных условий, которые с течением времени все ухудшаются, 2) от постоянно сокращающихся внутренних рынков, что является следствием капитализации земледельческого дохода и домашней промышленности; когда рост нашей промышленности и земледельческой резервной армии, сопровождающийся постоянно растущей бедностью всего трудового населения, достиг угрожающих размеров, — пора заменить эту форму производства такой, которая основана на подлинных потребностях населения, а не на тех, которые могут быть выгодными.

На мой взгляд пора указать причины голода 1891 г.; пора, далее, показать, что с развитием капиталистической формы производства становится под угрозу существование всего народа, что следует искать путей для устранения этой грозящей опасности.

Тем хуже для нас, если мы после Крымской войны не воспользовались уроками Западной Европы.

В настоящее время нам надо решить жизненную задачу: не пора ли изменить нашу экономическую форму производства, и если пора, — то есть ли у нас такое экономическое основание, на котором может быть построена новая форма, или же мы принуждены идти по пути, который неизбежно ведет к нашему экономическому разорению?

Вот та задача, которую я пытаюсь решить в книге, выходящей в свет в этом месяце ¹. Как только она будет напечатана, я пришлю Вам ее.

Искренне преданный Вам

Н. Даниельсон.

87.

ЭНГЕЛЬС — Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОНУ

в Петербург.

Лондон, 17 октября 1893 г.

Милостивый государь!

Когда я получил Ваше письмо от 26 июля с извещением о Вашем возвращении домой, я сам как раз собирался на два

¹ Речь идет о книге Н. Ф. Даниельсона «Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства», опубликованной под псевдонимом Николай — он в Петербурге в 1893 г. *Ред.*

месяца за границу и только сейчас вернулся из этой поездки. Вот причина моего долгого молчания.

Очень Вам благодарен за присланные экземпляры **«Очерков»**; три из них я отправил друзьям, способным их оценить. Книга произвела, как я с удовольствием заметил, значительное впечатление и даже вызвала сенсацию, и вполне заслуженно. Среди русских, с которыми я встречался, она была главной темой разговора. Не далее как вчера один из них писал мне: **у нас на Руси идет спор о «судьбах капитализма в России»**. В берлинском **«Sozialpolitisches Zentralblatt»**, третий год издания № 1, 1 октября 1893 г. некий П. Струве опубликовал о Вашей книге большую статью; я должен согласиться с ним в одном пункте, — что и для меня современная капиталистическая фаза развития в России представляется неизбежным следствием исторических условий, которые были созданы Крымской войной, способа, каким было осуществлено изменение аграрных отношений в 1861 г., и, наконец, общего политического застоя во всей Европе. Но где Струве решительно неправ, это там, где он, желая опровергнуть то, что он называет Вашим пессимистическим взглядом на будущее, сравнивает современное положение России с положением Соединенных Штатов. Он говорит, что пагубные последствия современного капитализма в России будут преодолены так же легко, как и в Соединенных Штатах. При этом он совершенно забывает, что само происхождение Соединенных Штатов современное, буржуазное; что они были основаны мелкими буржуа и крестьянами, бежавшими от европейского феодализма с целью учредить чисто буржуазное общество. Между тем в России мы имеем фундамент первобытно-коммунистического характера, родовое общество, предшествующее эпохе цивилизации, правда рассыпающееся теперь в прах, но все еще служащее тем фундаментом, тем материалом, над которым оперирует и действует капиталистическая революция (ибо это настоящая социальная революция). В Америке денежное хозяйство вполне установилось более ста лет тому назад, тогда как в России натуральное хозяйство было общим правилом, почти без всякого исключения. Поэтому ясно, что в России перемена должна носить гораздо более насильственный и резкий характер и сопровождаться несравненно большими страданиями, чем в Америке.

Но при всем этом мне все же кажется, что Вы смотрите на дело более мрачно, чем это может быть оправдано фактами. Несомненно, что переход от первобытного, аграрного коммунизма к капиталистическому индустриализму не может произойти без ужасного перелома внутри общества, без исчезновения целых классов и превращения их в другие классы; а какие огромные страдания, какую растрату человеческих жизней и производительных сил это неизбежно влечет за собой, мы

видели уже, хотя и в меньшем масштабе, в Западной Европе. Но от этого до полной гибели великого и высокоодаренного народа еще очень далеко. Быстрый прирост населения, обычный у вас, может приостановиться. Безрассудное истребление лесов, в сочетании с экспроприацией старых помещиков наряду с крестьянами, может причинить колоссальную растрату производительных сил; и все же более чем стомиллионное население образует, в конце концов, достаточный внутренний рынок для весьма значительной *крупной промышленности*; и у вас, как и повсюду, все выравнивается, — конечно, если капитализм в Западной Европе продержится достаточно долго.

Вы сами признаете, что «социальные условия в России после Крымской войны не были благоприятны для развития той формы производства, которую мы унаследовали из нашей прошлой истории». Я пойду еще дальше и скажу, что в России, так же как и во всяком другом месте, невозможно было бы развить из первобытного аграрного коммунизма более высокую социальную форму, если только эта более высокая форма не была бы *уже воплощена в жизнь* в какой-либо другой стране и могла быть использована в качестве образца. Так как эта более высокая форма — всюду, где она исторически возможна, — является необходимым следствием капиталистической формы производства и создаваемого им социального дуалистического антагонизма, то она не может развиться непосредственно из первобытной земельной общины иначе, как в виде подражания примеру, уже где-либо существующему. Будь Западная Европа зрелой в 1860—1870 гг. для такого переворота, будь этот переворот начат тогда Англией, Францией и т. д., — тогда русские действительно были бы призваны показать, что могло быть сделано из их общины, в то время еще более или менее нетронутой. Но Запад пребывал в застое и даже не пытался произвести такого переворота, а капитализм, напротив того, развивался все быстрее и быстрее. Итак, России не было иного выбора, кроме следующего: либо развить общину в такую форму производства, от которой ее отделял еще ряд промежуточных исторических ступеней и для осуществления которой условия не созрели еще тогда даже на Западе, — задача, очевидно, невозможная, — либо развиваться в направлении капитализма. Спрашивается: что оставалось делать, если не второе?

Что касается общины, то она возможна, лишь пока имущественные различия между ее членами ничтожны. Как только эти различия усиливаются, как только некоторые ее члены становятся должниками-рабами других, более богатых членов, — так ее дальнейшее существование невозможно. Афинские кулаки и мироеды до Солона разрушили афинский *род* с той же неумолимостью и беспощадностью, с какими кулаки и мироеды вашей

страны разрушают общину. Я боюсь, что это учреждение осуждено на гибель. Но, с другой стороны, капитализм открывает новые перспективы и новые надежды. Посмотрите на то, что он сделал и делает на Западе. Великая нация, подобная вашей, переживает любой кризис. Нет такого великого исторического бедствия, которое бы не возмещалось каким-либо историческим прогрессом. Лишь способ действия изменяется. Да свершится предначертанное!

Ваш Л. К.

Как только III том будет в печати, я позабочусь о том, чтобы Вам выслать листы.

88.

Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОН — ЭНГЕЛЬСУ
в Лондон.

С.-Петербург,
30 января (11 февраля) 1894 г.

Милостивый государь!

Примите мою сердечную благодарность. Я прочел [Сборник] с величайшим интересом¹. — Очень жаль, что я не знал о Вашем намерении. Есть масса новых статистических данных. Два тома наших статистических изданий (английский перевод), касающихся промышленности и земледелия, посланы Вам.

Я не хочу беспокоить Вас, так как Вы слишком заняты подготовлением III тома, хотя есть нечто, не совсем ясное для меня.

Я с величайшим нетерпением буду ждать обещанных корректурных листов, чтобы тотчас же начать перевод; я с большой радостью прочитал в газетах сообщение «Vorwärts», что первые листы III тома сданы в печать.

Последние экземпляры «Очерков» распроданы в ноябре. Из этого факта Вы можете заключить, что такие скучные книги с множеством таблиц и статистических цифр читаются, что публика интересуется нашим экономическим положением. Надо

¹ Речь идет о сборнике Энгельса «Internationales aus dem «Volksstaat» (1871—1875)». Berlin, 1894 («Статьи на международные темы из газеты «Volksstaat» (1871—1875)». Берлин, 1894), который Энгельс переслал Даниельсону. В сборник входила статья Энгельса «Об общественных отношениях в России» с послесловием к ней. См. стр. 195—207 и 285—297 настоящего сборника. *Ред.*

прибавить, что экономические вопросы горячо обсуждаются в периодической печати и в частных кругах.

Я думаю, что появление III тома будет очень кстати для освещения самых «проклятых вопросов».

Перевод превосходной книжечки «Происхождение семьи, частной собственности и государства» печатается. Некоторые страницы запрещены, как, например, стр. 186—188; 8 строк стр. 179, вся страница 180 и 8 строк 181 страницы.

Искренне преданный Вам

Н. Даниельсон.

Печатаются некоторые новые экономические исследования, например, г. Петра фон Струве и др.

89.

Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОН — ЭНГЕЛЬСУ

в Лондон.

С.-Петербург,
12 ноября 1894 г.

Милостивый государь!

Несмотря на то, что Вы очень заняты, я позволю себе написать Вам несколько слов.

Некий г. П. фон Струве, который подверг критике «Очерки» в «Sozialpolitisches Zentralblatt» и в «Braun's Archiv», выпустил «Критические заметки»¹, книгу, в которой он высказывает некоторые взгляды, по моему мнению противоречащие фактам и теории. Он утверждает, например, что, несмотря на уменьшение количества пищи на душу населения, наша промышленность может процветать и т. п.

Вы знаете, что у меня нет времени отвечать ему, но мои друзья настаивают на необходимости такого ответа.

Кажется, г. фон Струве не знает того факта, что все отрасли промышленности (в особенности в такой стране, как наша) так тесно связаны между собой, что уменьшение расходов на пищу, например, является признаком уменьшения расходов на одежду и т. д. Этот факт прекрасно подтверждается исследованиями министерства труда. (Седьмой отчет, том II, таблицы XLIV и XLV, стр. 2008—2012.) (Закон д-ра Энгеля.)

¹ Струве П., Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России, вып. I. С.-Петербург, 1894. Рсд.

Процент расходов на различные цели в обычных семьях (2 562) по статьям расходов

	Доход ниже 200 долларов	Доход 500—600 долларов	Доход 900—1 000 долларов	Доход всяких размеров
Квартирная плата	15,48	15,15	14,96	15,05
Отопление	7,07	5,63	4,00	5,01
Освещение	1,01	0,97	0,74	0,90
Одежда	12,82	15,27	16,84	15,31
Пища	49,64	43,84	34,34	41,05
Все др. расходы	13,98	19,14	29,12	22,68

Разрешите мне привести в моем ответе некоторые факты и мнения, которые Вы так любезно сообщили мне. Например: «Исчисление, что общая сумма текстильной продукции как крупной, так и домашней промышленности... не только совершенно верно, но оно было бы неверным, если бы Вы пришли к другому результату». Затем, как преодолеваются трудности (в Англии и Западной и Центральной Европе) по вопросу о «земледельческих рабочих, которые находят работу только на часть года и получают плату только за эту работу». И еще другие факты, имеющие меньшее значение.

Если мне можно будет цитировать письма, называя автора, я буду Вам очень обязан.

Простите мою навязчивость, по краткого «да» или «нет» будет достаточно.

Я не нахожу слов для выражения удовольствия, которое я испытываю, читая и перечитывая корректуры и знакомясь, таким образом, с исключительно интересными и важными исследованиями.

Искренне преданный и обязанный Вам

П. Дашельсон.

90.

ЭНГЕЛЬС — Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОНУ

в Петербург.

Лондон, 24 ноября 1894 г.

Милостивый государь!

Я получил Ваши любезные письма от 7 и 11 июня, от 15 октября и 12 ноября.

Из работ Струве мне известна только его статья в «Zentralblatt» Брауна, а потому я ничего не могу сказать по поводу каких-либо его утверждений. Если в моих письмах Вы найдете какие-нибудь *факты*, которые могут быть Вам полезны для Вашего возражения, то Вы можете воспользоваться ими. Но что касается моих *мнений*, то боюсь, что Ваши оппоненты — если не сам Струве, то русская печать вообще, — пожалуй, используют их неподобающим образом. Мои русские друзья ежедневно и еженедельно осаждают меня просьбами выступить с возражениями против русских журналов и книг, в которых слова нашего автора подвергаются не только ложным истолкованиям, но и неправильной передаче; причем они уверяют, что моего вмешательства будет достаточно, чтобы привести дело в надлежащий порядок. Но я постоянно и неизменно отклоняю все такие предложения, потому что я не могу, — не отказавшись от своего настоящего и серьезного дела, — позволить втянуть себя в полемику в далекой стране, на языке, на котором я не могу еще читать так легко и свободно, как на лучше известных мне западных языках, в печати, которая, в лучшем случае, попадает мне на глаза в виде отдельных отрывков, что решительно не дает мне возможности внимательно следить за спором во всех его фазах и подробностях. Повсюду имеются люди, которые, чтобы защитить однажды запятую позицию, ничуть не стесняются прибегать к искажению чужих мыслей и ко всяким нечестным уловкам, и если это имело место по отношению к трудам нашего автора, то я боюсь, что и со мною поступят не лучше и, таким образом, принудят меня в конце концов вмешаться в спор в интересах как других, так и себя самого. В самом деле, если бы мои мнения, высказанные в частных письмах, появились в русской печати с моего предварительного согласия, то я оказался бы беззащитным перед моими русскими друзьями — здесь и на континенте, — которые настойчиво требуют моего активного вмешательства в русские споры с целью исправить мнение того или другого по тому или иному пункту. У меня не было бы тогда никаких веских оснований для отклонения подобных предложений, так как они были бы вправе сказать мне: но вы *уже вмешались* однажды в русские споры; вы должны сознаться, что данный случай совершенно так же важен, как и случай с г. Д., а потому поступите с нами, пожалуйста, так же, как вы поступили с ним. И тогда я перестал бы располагать своим временем, а мое вмешательство в русские споры все же оказалось бы, в конце концов, весьма неполным и малоуспешным.

Вот те причины, которые принуждают меня, к моему глубокому сожалению, просить Вас не настаивать на Вашем желании приводить мои мнения или, по крайней мере, не приводить их *как мои*.

Я постараюсь выслать Вам продолжение того, что Вы уже получили¹.

Искренне Ваш

Л. К.

91.

Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОН — ЭНГЕЛЬСУ

в Лондон.

С.-Петербург,
29 января (10 февраля) 1895 г.

Милостивый государь!

Позвольте мне еще раз поблагодарить Вас за Вашу любезность. Я только что кончил обе части III тома. Совершенно верно, что в этом томе некоторые главы не менее важны, чем некоторые главы I тома. Трудно указать более важные отделы. Но в первой части III тома, по-моему, самыми важными и новыми являются главы, где исследуется средняя норма прибыли; во второй, где разбираются законы ренты. В конце концов, все главы весьма интересны и поучительны.

Чтение отдела о ренте вызывает горькое чувство у нас, русских читателей, когда мы узнаем из предисловия, что автор намерен был разработать этот отдел на основании русских данных. Не сохранилось ли у редактора каких-нибудь заметок автора по вопросу о том, что он предварительно намерен был сделать? Какого рода факты должны были быть использованы? Не слышал ли он что-нибудь от автора о его плане и т. д.? Редактор оказал бы большую услугу исследователям нашего экономического положения, ответив на эти вопросы в коротком примечании в дополнение к предисловию (стр. IX) к русскому изданию.

Так как перевод и печатание этой книги не могут быть закончены раньше, чем через 10—11 месяцев, то подобное примечание было бы в высшей степени желательно; оно дало бы редактору случай написать то, что он знает об этих вопросах.

Общество должно быть очень благодарно редактору, и его можно поздравить с окончанием теоретической части этого монументального труда.

В высшей степени вероятно, что этот III том завершит ту революцию в теоретической экономике, которую произвело издание I тома.

¹ Листы III тома «Капитала» Маркса. *Ред.*

В книге г. фон Струве Вы найдете много непостижимых вещей. Так как она широко распространена, то совершенно необходимо написать о ней критический очерк.

Примите уверение в искренней преданности.

Ваш Н. Даниельсон.

92.

ЭНГЕЛЬС — Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОНУ

в Петербург.

Лондон, 5 марта 1895 г.

Милостивый государь!

К моему величайшему сожалению, я должен сообщить Вам в ответ на Ваше любезное письмо от 29 января, что наш автор¹ не оставил после себя никаких, могущих быть полезными русскому переводчику, заметок, относительно своих взглядов на положение земельной собственности в России и своих выводов на этот счет. Все, что я мог разыскать, это — просто чрезвычайно многочисленные выписки из русских источников, статистических и вообще экономических; но, что в известной мере *противоречит* его обыкновению, они не содержат никаких принадлежащих ему лично замечаний.

Прилагаю письмо, полученное для Вас из Берлина², причем упоминаемый в нем г. Э.³ просит меня дополнить его следующим: некоторое время тому назад Э. получил от некоего д-ра Люкса, пишущего на экономические темы, запрос — стоит ли переводить Ваши «Очерки» на немецкий язык, и если да, то окажет ли он содействие изданию такого перевода⁴. На это Э. ответил, что он будет рад увидеть эту книгу в немецком переводе и не только согласен рекомендовать ее Дитцу для издания, но охотно напишет о ней, когда она выйдет, статью в «Neue Zeit», причем укажет на важность результатов Ваших исследований, но в то же время заявит, что расходится с Вами в некоторых из сделанных Вами выводов. При этом он прибавил, что он, Э., не имеет никакого права давать разрешение на перевод, а потому переводчику, другу д-ра Люкса, лучше было бы обратиться

¹ К. Маркс. *Ред.*

² От А. Конова. *Ред.*

³ Т. е. сам же Энгельс. *Ред.*

⁴ Повидимому, это издание осуществлено не было. *Ред.*

за разрешением непосредственно к Вам. Желая устранить возможность не деликатности, Э. настоял на том, чтобы письмо было послано Вам через его посредство.

Переводчик — проживающий в Берлине молодой русский, — судя по отзывам (жена д-ра Люкса русская), способен выполнить эту работу, а д-р Люкс обещал просмотреть немецкий текст, чтобы обеспечить правильность перевода. Переводчик, говорят, занимался экономическими вопросами, а потому содержание Вашей книги ему не будет чуждо.

Автор прилагаемого письма, повидимому, полагает, что Ваше согласие уже дано; по крайней мере я не могу найти в нем никакого следа формальной просьбы к Вам по этому поводу. Я знаю, что *некоторые* из молодых русских за границей придерживаются того мнения, что это — ненужная формальность, но это мнение я не разделяю; и если Вы склонны вообще обсудить предложение г. Конова, то мне кажется, что намек в этом смысле пошел бы молодому человеку на пользу.

Что касается до меня лично, то я ровно ничего не знаю о предполагаемом переводе.

Если Вы пришлете мне Ваш ответ г. Конову, то я позабочусь о том, чтобы он сейчас же был ему направлен.

Искренне Ваш
Л. К.

93.

Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОН — ЭНГЕЛЬСУ

в Лондон.

С.-Петербург,
10 (22) марта 1895 г.

Милостивый государь!

Не нахожу слов для благодарности за ту высокую честь, которую Вы мне оказываете.

Несмотря на то, что Вы так заняты, Вы находите достаточно времени, чтобы взять на себя чрезвычайно неблагодарный труд — написать статью об «Очерках». Сердечно благодарен Вам.

Очень жаль, что не осталось никаких заметок нашего автора относительно его взглядов на состояние земельной собственности в России.

Хотя моя статья¹ уже напечатана, я не получил еще ее оттисков. Как только они будут получены, они немедленно будут высланы Вам. Вместе с тем я напишу Вам.

Прилагаю письмо переводчику.

Искренне преданный Вам

Н. Даниельсон.

94.

ЭНГЕЛЬС — Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОНУ

в Петербург.

Лондон, 4 июня 1895 г.

Милостивый государь!

Я в настоящее время довольно плохо себя чувствую (ничего, впрочем, серьезного) и должен ограничиваться лишь абсолютно необходимым.

Я препроводил г. Конову присланные Вами дополнения и изменения и, сообщив ему Ваш адрес, просил его обратиться непосредственно к Вам. Его адрес:

Андрей Конов,
Augsburgerstrasse, 37, 3-й этаж.
Берлин.

В надежде, что скоро смогу сообщить Вам лучшие известия, остаюсь

Искренне Ваш

Л. К.

¹ Статья Даниельсона «Апология власти денег, как признак времени», опубликованная в «Русском Богатстве» №№ 1, 2 за 1895 г. под псевдонимом Николай — он, является ответом на статью Струве. *Ред.*

**ПЕРЕПИСКА МАРКСА и ЭНГЕЛЬСА
с ЛОПАТИНЫМ, ЛАВРОВЫМ и ДРУГИМИ
ЛИЦАМИ и ОРГАНИЗАЦИЯМИ**

95.

Г. А. ЛОПАТИН — МАРКСУ *

в Лондон.

С.-Петербург,
15 декабря 1870 г.

Милостивый государь!

По почтовому штемпелю на этом письме Вы увидите, что, несмотря на Ваши дружеские предупреждения, я нахожусь в России. Но, если бы Вы знали, что побудило меня к этой поездке, Вы, я уверен, нашли бы мои доводы достаточно основательными. Полученное в Кенигсберге письмо разъяснило мне, по какому делу я был вызван из Англии. Хотя дело это, как Вы легко можете себе представить, не угрожает ни европейскому миру, ни существованию нашего отечественного правительства, тем не менее оно показалось мне очень привлекательным, да к тому же я проделал уже такое длинное путешествие, что решил не отступать, — и вот я снова на дорогой родине ¹.

¹ В 1870 г. Лопатин поехал в Россию с целью организовать побег Чернышевского из сибирской ссылки. Эта попытка не удалась, и в феврале 1871 г. он сам был арестован в Иркутске.

На решение Лопатина освободить Чернышевского оказали влияние его беседы с Марксом о Чернышевском. Ниже приводится отрывок из письма Лопатина губернатору Сичельникову от 15 февраля 1873 г., где рассказывается об этих беседах и о той высокой оценке, которую давал Маркс Чернышевскому.

«Во время пребывания моего в Лондоне я сошелся там с неким Карлом Марксом, одним из замечательнейших писателей по части политической экономии и одним из наиболее разносторонне образованных людей в целой Европе. Лет пять тому назад этот человек вздумал выучиться русскому языку; выучившись русскому языку, он случайно натолкнулся на примечание Чернышевского к известному трактату Милля и на некоторые другие статьи того же автора. Прочитав эти статьи, Маркс почувствовал глубокое уважение к Чернышевскому. Он не раз говорил мне, что из всех современных экономистов Чернышевский представляет единственного действительно оригинального мыслителя, между тем как остальные — суть

Стоящая передо мной задача вынуждает меня покинуть в ближайшие дни Петербург и отправиться вглубь страны, где я задержусь, по всей вероятности, три-четыре месяца, так что я не могу воспользоваться любезным приглашением г-жи Маркена ваш рождественский обед; боюсь также, как бы мой строгий маленький учитель¹ не нашел, что мои познания в английском языке несколько улетучились за то время, что я потратил на собственные приключения вместо того, чтобы спокойно читать о приключениях мистера Мордаунта Мортюна.

Посылаю Вам несколько страниц «Philosophie Positive» с замечаниями о «Капитале»². Мне сказали здесь, что «Этюды» де Роберти³, о которых мы говорили, были посланы мне в Лондон несколько дней тому назад вместе со статьями Чернышевского по крестьянскому вопросу. Если Вы зайдете сами или поручите кому-либо передать моей квартирной хозяйке прилагаемую записку, то она выдаст Вам эти книги.

На-днях я сообщал Вам, что в «Архиве судебной медицины и гигиены» (русский медицинский журнал) была напечатана статья о положении рабочего класса в Западной Европе⁴. Материал для нее был в основном почерпнут из Вашей книги, и статья эта имела несчастье вызвать неудовольствие правительства. Теперь она окончательно запрещена и предана сожжению, а так как журнал является в известной мере официальным органом, то главный редактор его снят с должности.

Второй том произведений Лассалья в русском переводе также конфискован правительством, и никто не знает, будет ли он разрешен к продаже или нет. На обложке этой книги было напечатано сообщение о выходе в ближайшие месяцы «Капитала», но даже и это несвищенное объявление, как мне передавали, ускользнуло от бдительного ока правительственных чиновни-

---

только простые компиляторы; что его сочинения полны оригинальности, силы и глубины мысли и что они представляют единственные из современных произведений по этой науке, действительно заслуживающие прочтения и изучения; что русские должны стыдиться того, что ни один из них не позаботился до сих пор познакомить Европу с таким замечательным мыслителем; что политическая смерть Чернышевского есть потеря для ученого мира не только России, но и целой Европы и т. д. и т. д.». *Ред.*

¹ Элеонора Маркена. *Ред.*

² Де Роберти Е., Маркс. Капитал. Критика политической экономии. «La Philosophie Positive». Париж, т. VIII, стр. 506—509, июль — декабрь 1868. *Ред.*

³ Де Роберти Е., Политико-экономические этюды. С.-Петербург, 1869. *Ред.*

⁴ Речь идет о статье П. Якобия и В. А. Зайцева «О положении рабочих в Западной Европе с общественно-гигиенической точки зрения», появившейся в № 3 «Архива судебной медицины и общественной гигиены» за 1870 год. Статья была запрещена «за настойчивое проведение крайне социалистических идей». *Ред.*

ков. Главный цензор запросил издателя, не является ли «Капитал» произведением того самого Маркса, который играет такую видную роль в Интернационале, и если это так, то как он допустил подобное объявление? Несмотря на это, мой издатель надеется, что дело с «Капиталом» еще может уладиться к нашему общему удовольствию, и мой труд не пропадет даром¹.

Флеровский говорит, что он уже давно написал специальную книгу об артелях и обращался с ней к ряду издателей, но всюду получал отказ. Он обещал сделать выдержки из основных мест этой книги в виде письма, достаточно короткого для перевода на английский язык.

Две недели тому назад редакторы ведущих русских газет были вызваны к главному цензору, и им было строго-настрого приказано не помещать ничего, направленного против Пруссии. Один из них, Загуляев, напечатал этот приказ в «Голосе». Он был немедленно арестован и сослан в одну из отдаленных губерний; даже его жена не знает точно, где он находится. Вообще у нас здесь ежедневно производятся новые аресты и, по правде говоря, общес положение настолько приятное, что я начинаю вполне искренне разделять Ваше мнение и мнение Генерального штаба² о необходимости войны с русским правительством; пора положить конец такому наглому поведению и ударом извне ослабить эту страшную власть.

На этом кончаю. Итак, до свидания!

Свидетельствую свое глубокое уважение Вам и Вашей семье.

Ваш М.

Привет г-ну и г-же Энгельс и маленькой Пумпе.

96.

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА «ЗНАНИЕ» — МАРКСУ *

в Лондон.

С.-Петербург, копец 1870 г.

Милостивый государь!

Намереваясь с несколькими сотрудниками: 1) заняться распространением в России через журнал новейших социально-

¹ Перевод I тома «Капитала» был начат Лопатиным, но из-за его отъезда в Россию и ареста продолжен и закончен Николай — оном (Даниельсоном). *Ред.*

² — generale Staff's (Генеральный штаб) — прозвище Энгельса. *Ред.*

экономических учений, направленных главным образом на защиту четвертого сословия, и исследованием отношения этих учений к местным русским условиям, и вместе с тем 2) не располагая здесь необходимыми для этого силами, я решаюсь написать Вам и пригласить Вас сотрудничать с нами.

Мы горячо приветствуем взгляды, высказанные Вами в «К критике политической экономии» и в I томе «Капитала», и одновременно должны признаться, что будем иметь дело почти исключительно с непосвященными, а потому все статьи нашего обозрения должны быть: 1) популярны и 2) довольно кратки. Краткость может быть достигнута тем, что в каждой статье будет обсуждаться только один вопрос (статья может быть размером от 1 до 3, даже до $3\frac{1}{2}$ —4 листов); например: рабочий день; к критике учения о земельной ренте; пути сообщения и торговля; что представляет собой банк сейчас и чем должны быть банки, и т. п.

Мы можем предложить Вам в настоящее время 10 (десять) фридрихсдоров (около 57 талеров) за печатный лист (приблизительно от 35 000 до 37 000 букв); но мы надеемся, что Вы не откажетесь сотрудничать с нами, — не ради платы, а ради распространения Ваших взглядов.

Если Вы согласитесь на наши предложения, то мы обязуемся дать хороший перевод на русский язык Ваших рукописей, напечатать их по-русски и возвратить их Вам обратно, причем ставим единственное условие: не публиковать их ни на одном языке в течение года после их отсылки. По истечении года Вы можете распорядиться Вашими рукописями по Вашему усмотрению.

Независимо от того, согласны ли Вы на наше предложение или нет, будьте добры во всяком случае ответить на это письмо. Мы ждем Вашего ответа с величайшим нетерпением. Если Вы, может быть, хотите поставить нам какие-либо дополнительные условия, будьте любезны уведомить нас об этом.

Преданный Вам

А. Слепцов.

Мой адрес: С.-Петербург.

Фурштадтская ул., д. Философова, № 9, квартира 6.

Александрю Слепцову.

Журнал, о котором идет речь, выходит с 1 октября и называется «Знание», по-немецки «Das Wissen».

97.

МАРКС — П. Л. ЛАВРОВУ**в Париж.**

Лондон, 27 февраля 1871 г.

Милостивый государь!

Лопатин уехал в Соединенные Штаты, и я еще не получал от него известий¹.

Имею честь быть Вашим покорным слугой.

Карл Маркс.

98.

МАРКС — П. Л. ЛАВРОВУ**в Лондонс.**

Лондон, 12 июля 1871 г.

Дорогой друг!

Не будете ли Вы так добры притти к нам отобедать в ближайшее воскресенье в 5 часов вечера?

Вы встретите у нас несколько наших парижских друзей².

С братским приветом

Карл Маркс.

99.

П. Л. ЛАВРОВ — ЭНГЕЛЬСУ**в Лондон.**

Париж, 7 августа 1871 г.

Дорогой господин Энгельс!

Вы обещали мне сообщить цену английских книг, список которых я Вам дал. Прошу Вас не забыть мою просьбу. Я остаюсь на старой квартире до конца срока найма, т. е. до 8 октября.

¹ Лопатин, уезжая в Россию с целью освободить Чернышевского, скрыл от Маркса цель своей поездки. В письме к Синельникову от 15 февраля 1873 г. Лопатин писал по этому поводу: «Я не сказал о своей затее даже Марксу, несмотря на всю мою близость с ним и на всю мою любовь и уважение к этому человеку, так как я был уверен, что он сочтет ее сумасшествием и будет отговаривать меня от нее, а я не люблю отступать от раз задуманного мною дела». *Ред.*

² Имеются в виду деятели Парижской Коммуны. *Ред.*

Передайте, пожалуйста, это нашим друзьям. Получили ли Вы книгу, которую я Вам послал почтой в день моего отъезда? Не имеет ли Вильямс известий о нашем большом путешественнике, судьба которого меня так интересует? ¹ Если он узнает что-нибудь, умоляю его сообщить мне. Не можете ли Вы мне сказать, существует ли английское издание Вокля, выпущенное в Германии? ² Мне кажется, что я видел его в каталоге Таухница, но, возможно, что я ошибся. Желаю Вам всего хорошего и прошу передать мой почтительный привет Вашей супруге.

П. Лавров.

Не могу ли я получить «Eastern Post»?

100.

ЭНГЕЛЬС — П. Л. ЛАВРОВУ

в Париж.

Лондон, 9 августа 1871 г.

Дорогой Сидоров!

Вот цены английских книг:

Лески, История рационализма	16	шилл.
Его же, История европейской морали	1 ф. ст.	8 »
Тейлор, Первобытная культура	1 » »	4 »
Леббок, Происхождение цивилизации	16	»
Мен, Древнее право	12	»
Его же, Сельские общины	9	»

Это — цены книготорговца, на которые можно получить около 15% скидки. Но если Вы уполномочите меня попытаться достать их у букиниста, то, может быть, придется заплатить только половину, и мой книготорговец с охотой за это возьмется. Эти сведения я Вам сообщил бы гораздо раньше, но мой книготорговец пахнулся в отъезде.

Вчера Вы, вероятно, получили письмо от Вильямса. От большого путешественника мы за последнее время не получали известий, но мы нашли случай надежным путем отправить письмо в Петербург. Мы надеемся вскоре получить более подробные сведения, присылки которых мы настойчиво требовали.

Что касается таухницевского издания Вокля, то я о нем ничего не знаю, но было бы удивительно, если бы его не было, —

¹ Речь идет о Г. Лопатине. *Ред.*

² Имеется в виду книга Вокля «История цивилизации в Англии». *Ред.*

во всяком случае, каждый немецкий книготорговец в Париже может дать Вам об этом справку.

Посылаю Вам два последних номера «Eastern Post».

Сюда приехало несколько новых людей, о которых Вильямс Вам, вероятно, писал, среди них **Вайян, Тейс, Лонге.**

Не можете ли Вы подписаться для меня на «Gazette des Tribunaux», начиная с 7 августа или даже с 1 августа? Нам необходимо иметь наиболее точный текст версальских судебных разбирательств для наших исторических исследований, а я не знаю другой газеты, которая давала бы такой полный отчет, как эта. В то же время я не знаю, как мне ее здесь достать, а времени терять нельзя, потому что впоследствии, может быть, уже нельзя будет достать наиболее интересных номеров. Будем Вам очень благодарны, если Вы устроите это дело. Ваши расходы мы потом возместим.

Теперь о другом. Чтобы изучить военные события, связанные с обеими осадами Парижа, мне нужен план Парижа и его окрестностей, — наилучший план, какой только существует, — указывающий, если возможно, также и названия улиц Нейи и других маленьких местечек, где происходили бои. Я безуспешно пытался достать такой план здесь. Может быть, вы сможете указать мне фирму и фамилию издателя подобных подробных карт; тогда мне будет легко достать его.

Как видите, мой дорогой друг, в Париже нельзя проживать безнаказанно; по всей вероятности, у меня будет к Вам больше поручений, чем у Вас ко мне. А пока сообщите мне, что я должен предпринять относительно английских книг, и примите мой сердечный привет.

Ф. Энгельс.

101.

ГРУППА СТУДЕНТОВ-ЮРИСТОВ С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА — МАРКСУ *

в Лондон.

С.-Петербург,
2 (14) октября 1871 г.

Мы — группа студентов-юристов Петербургского университета, состоящая из шести человек, спасшихся от преследования, жертвой которого стали наши друзья в так называемом «нечаевском» процессе. Хотя и немногочисленные в настоящее время, мы пользуемся достаточным нравственным влиянием, чтобы надеяться, при благоприятных условиях, на быстрый рост числа наших единомышленников. Но мы очень изолированы, нас преследует зора шпионов, мы лишены внешних связей,

а потому и руководства нашими действиями, — при таких обстоятельствах наша партия, как нам кажется, имеет в будущем мало шансов на успех.

Вот почему вчера на собрании мы решили обратиться за содействием к Международному Товариществу и просить его могучей поддержки во имя священного братства народов. В одной французской работе Виллетара, попавшей к нам в руки, мы нашли адрес, по которому и посылаем это письмо. Верен он или нет, покажет будущее, а сейчас у нас к Вам такая просьба:

Не хотите ли Вы привлечь русскую молодежь к Вашей работе и не окажете ли Вы ей содействие с целью распространения в нашей стране света свободы?

Протяните нам братскую руку и помогите нам сбросить иго деспотизма и мракобесия, тяготеющее над нашей несчастной страной.

Давайте нам советы или, вернее, приказанья, чтобы мы могли, следуя Вашей программе, внести свою долю в дело постройки здания, воздвигаемого Вами на развалинах Старого Общества.

Это письмо, написанное в Петербурге, вверяется одному из наших, который берется переправить его из Варшавы, где, благодаря нашим связям, оно сможет избежать контроля тайной полиции.

Мы всегда будем отправлять наши письма этим путем.

Что касается Ваших писем, то мы просим Вас адресовать их в С.-Петербург, до востребования, г. Петру Варламову, стараясь придать им вид писем коммерческой фирмы с соответствующими штампами и печатями.

Ваши друзья.

102.

ЭНГЕЛЬС — П. Л. ЛАВРОВУ
в Париж.

Лондон, 29 ноября 1871 г.

Дорогой Сидоров!

Я получил Ваши два последних письма. Если я не смогу ответить Вам раньше, то в этом виноват молодец Бакунин, который причиняет нам бесконечно много хлопот своими интригами. Положение обостряется, и вскоре в прессе разразится открытая война. Хотят открытого раскола¹. Вопрос разрешится очень

¹ 12 ноября 1871 г. в Сонвилле (Швейцария) состоялся конгресс бакунистской федерации, припавшей название Юрской. Этот конгресс выпустил раскольническое воззвание ко всем секциям Интернационала, направ-

скоро, рассказывать же Вам обо всем этом в подробностях слишком долго и скучно. Само собой разумеется, что так как нам приходится возиться с этими глупостями, то ни Джонсону¹, ни мне не остается времени для работы.

Благодарю Вас за то, что Вы снова потратились на меня, подписавшись на «Gazette des Tribunaux».

Относительно Врублевского мы уже получили сведения через Розвадовского, который оставил свое первое место, но несколько дней спустя нашел другое. Мы сделали все, что было в наших силах, но так как у этого человека упрямый и чрезвычайно гордый характер, то нам пришлось действовать очень осторожно. Во всяком случае, нам удалось как будто добиться того, что он больше не нуждается в самом необходимом. Как Вы знаете, он отказывается от всякой врачебной помощи, и победить этот предрассудок будет еще труднее.

У Джонсона был легкий бронхит и один-два фурункула, не столь опасные, сколь мучительные. Вчера он был на заседании Совета — в первый раз за целый месяц. Но в общем он чувствует себя неплохо. У нас здесь стоит отвратительная погода, из-за которой все ходят с насморком.

Что касается интриг здесь на месте, то они с каждым днем теряют значение. Несколько честных людей, которые позволили себя в них вовлечь, отошли и предоставили действовать отъявленным негодяям, с которыми уже не приходится считаться. В Швейцарии дело обстоит хуже, потому что Малон и прочие попали в расставленную для них ловушку, — одни по слабости, другие из-за тщеславия. Тем хуже для них — мир не остановится из-за их промахов!

Ваш Ф. Э.

103.

Ф. ЭНГЕЛЬС

ОБ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЯХ В РОССИИ²

Г-н Ткачев мимоходом сообщает немецким рабочим, что у меня относительно России нет ни «малейших сведений», что, наоборот, я проявляю одно лишь «шевежество»; он чувствует

вленное против Генерального Совета и решений Лондонской конференции 1871 года. В воззвании выставлялось требование немедленного созыва общего конгресса Интернационала. *Ред.*

¹ К. Маркс. *Ред.*

² Статья Энгельса написана в апреле 1875 г., опубликована в газете «Volksstaat» и является ответом на открытое письмо Ткачева Энгельсу. *Ред.*

себя поэтому вынужденным разъяснить им истинное положение дел, а в особенности — те причины, вследствие которых именно теперь социальная революция в России может быть осуществлена легко и шутя, гораздо легче, чем в Западной Европе.

«У нас нет городского пролетариата, это правда; но зато у нас нет и буржуазии... Нашим рабочим предстоит борьба лишь с политической властью: власть капитала у нас еще в зародыше. А вам, милостивый государь, неизвестно, что борьба с первой гораздо легче, чем борьба с последней».

Переворот, к которому стремится современный социализм, состоит, коротко говоря, в победе пролетариата над буржуазией и в создании новой организации общества путем уничтожения всяких классовых различий. Для этого необходимо наличие не только пролетариата, который совершит этот переворот, но также и буржуазии, в руках которой общественные производительные силы достигают такого развития, когда становится возможным окончательное уничтожение классовых различий. У дикарей и у полудикарей часто тоже нет никаких классовых различий, и через такое состояние прошел каждый народ. Восстанавливать его снова нам и в голову не может прийти уже по одному тому, что из этого состояния, с развитием общественных производительных сил, необходимо возникают классовые различия. Только на известной, для наших современных условий очень высокой, ступени развития общественных производительных сил становится возможным поднять производство до такого уровня, чтобы отмена классовых различий стала действительным прогрессом, чтобы она была прочной и не повлекла за собой застоя или даже упадка в общественном способе производства. Такой степени развития производительные силы достигли лишь в руках буржуазии. Следовательно, буржуазия и с этой стороны является таким же необходимым предварительным условием социалистической революции, как и сам пролетариат. Поэтому человек, способный утверждать, что эту революцию легче провести в такой стране, где *хотя* нет пролетариата, но *зато* нет и буржуазии, доказывает лишь то, что ему нужно учиться еще азбуке социализма.

Итак, русским рабочим — а эти рабочие, как говорит сам г. Ткачев, «земледельцы и в качестве таковых не пролетарии, а *собственники*», — сделать это легче, потому что им предстоит бороться не с властью капитала, а «только с политической властью», с русским государством. А это государство «только издали кажется силой... Оно не имеет никаких корней в экономической жизни народа, оно не воплощает в себе интересов никакого сословия... У вас государство вовсе не мнимая сила. Оно обеими ногами опирается на капитал; оно воплощает в

себе (!) известные экономические интересы... У нас в этом отношении дело обстоит как раз наоборот; наша общественная форма обязана своим существованием государству, которое, так сказать, висит в воздухе, не имеет ничего общего с существующим общественным строем и корни которого находятся в прошлом, а не в настоящем».

Не будем останавливаться на путаном представлении, будто экономические интересы нуждаются для своего *воплощения* в ими же создаваемом государстве. Оставим также в стороне смелое утверждение, будто русская «общественная форма (к которой принадлежит ведь и общинная собственность крестьян) обязана своим существованием государству», а также и противоречивое утверждение, что это государство «не имеет ничего общего» с существующим общественным строем, который якобы является его созданием. Присмотримся лучше сразу к этому «висящему в воздухе государству», которое не представляет интересов решительно ни одного сословия.

В Европейской России крестьяне владеют 105 миллионами десятин земли, дворяне (как я называю здесь для краткости крупных землевладельцев) 100 миллионами десятин, из которых почти половина принадлежит 15 000 дворян, имеющих, таким образом, в среднем по 3 300 десятин каждый. Крестьянской земли, следовательно, только чуть-чуть больше, чем земли дворянской. Как видите, у дворян нет ни малейшей заинтересованности в том, чтобы существовало русское государство, обеспечивающее им владение половиной страны! Далее. Крестьяне со своей половины платят в год 195 миллионов рублей земельного налога, дворяне — 13 миллионов! Дворянские земли в среднем вдвое плодороднее крестьянских, так как при разделе, последовавшем в связи с выкупом барщины, государство отняло у крестьян и передало дворянам не только больше земли, но и лучшую землю, причем крестьяне вынуждены были за свою худшую землю платить дворянству по цене самой лучшей. И русское дворянство совсем не заинтересовано в существовании русского государства!

Крестьяне — в массе своей — в результате выкупа оказались в чрезвычайно бедственном, совершенно невыносимом положении. У них не только отняли большую и лучшую часть их земель, так что даже в самых плодородных областях империи крестьянские наделы слишком малы, чтобы — при русских земледельческих условиях — на них можно было прокормиться. С крестьян не только взяли за эту землю непомерно высокую цену, которую выплатило за них вперед государство и которую они вынуждены теперь постепенно выплачивать государству вместе с процентами. На них не только взвалена почти вся тяжесть земельного налога, в то время как дворянство от него почти

вовсе освобождено; — этот налог один поглощает и даже превосходит всю стоимость ренты с крестьянской земли, так что все остальные платежи, которые должен вносить крестьянин, о них мы скажем ниже, составляют уже прямой вычет из той части его дохода, которая представляет собой его заработную плату. Мало того. К земельному налогу, к выкупным платежам и процентам за предварительную их выплату государством со времени введения местного управления прибавились еще губернские и уездные сборы. Существеннейшим следствием этой «реформы» были новые податные тяготы для крестьян. Государство целиком сохранило свои доходы, но значительную часть расходов оно свалило на губернии и уезды, которые ввели для их покрытия новые налоги, а в России является правилом, что высшие сословия почти свободны от налогов, а крестьянин платит почти все.

Такое положение будто нарочно создано для ростовщика, а в ростовщике там нигде нет недостатка при почти беспримерной способности русских к торговле в ее низших формах, к использованию благоприятных обстоятельств и к неразрывно связанному с этим надувательству: недаром ведь еще Петр I говорил, что один русский справится с тремя евреями. Как только приближается время взыскания податей, является ростовщик, кулак — часто богатый крестьянин той же общины — и предлагает свои наличные деньги. Крестьянину деньги нужны во что бы то ни стало, и он вынужден принимать условия ростовщика беспрекословно. Тем самым он лишь еще глубже попадает в тиски, нуждается в наличных деньгах все больше и больше. Ко времени жатвы появляется хлеботорговец; нужда в деньгах заставляет крестьянина сбыть часть зерна, необходимого для пропитания собственной семьи. Торговец хлебом распространяет ложные слухи, снижающие цены, платит низкую цену, да и ту подчас уплачивает частично всяческими товарами по высокой расценке, ибо система оплаты товарами (trucksystem) в России очень развита. Большой вывоз русского хлеба основан, таким образом, прямо на голоде крестьянского населения. — Другой способ эксплуатации крестьян заключается в том, что спекулянт арендует у правительства на продолжительный срок участок казенной земли, обрабатывает его сам, пока земля приносит хороший урожай без удобрения, а затем делит этот участок на мелкие клочки и сдает истощенную землю за высокую ренту соседним малоземельным крестьянам. Если выше мы видели английскую систему оплаты товарами, то здесь мы имеем точную копию ирландских посредников (middlemen). Словом, нет другой такой страны, в которой при всей первобытной дикости буржуазного общества был бы так развит капиталистический паразитизм, как именно в России, где вся страна, вся народная

масса подавлена и опутана его сетями. И все эти кровопийцы, сосущие крестьян, все они нисколько не заинтересованы в существовании русского государства, законы и суды которого охраняют их ловкие и прибыльные делишки!

Крупная буржуазия Петербурга, Москвы, Одессы, развивающаяся с неслыханной быстротой за последние десять лет, в особенности благодаря строительству железных дорог и задетая последним кризисом самым живейшим образом, все эти экспортеры зерна, пеньки, льна и сала, все деда которых целиком строятся на нищете крестьян, вся русская крупная промышленность, существующая только благодаря пожалованным ей государством охранительным пошлинам, — разве все эти влиятельные и быстро растущие элементы населения не заинтересованы в существовании русского государства? Нечего уж и говорить о бесчисленной армии чиновников, наводняющей и обворовывающей Россию и образующей там настоящее сословие. И когда после этого г. Ткачев уверяет нас, что русское государство «не имеет никаких корней в экономической жизни народа, не воплощает в себе интересов никакого сословия», что оно «висит в воздухе», то нам начинает казаться, что не русское государство, а скорее сам г. Ткачев висит в воздухе.

Что положение русских крестьян со времени освобождения от крепостной зависимости стало невыносимым, что долго это удержаться не может, что уже по этой причине революция в России приближается, — это ясно. Вопрос лишь в том, каков может быть, каков будет результат этой революции? Г-н Ткачев говорит, что она будет социальной революцией. Это чистая тавтология. Всякая действительная революция есть социальная революция, поскольку она приводит к господству новый класс и дает ему возможность преобразовать общество по своему образу и подобию. Но г. Ткачев хочет сказать, что революция будет социалистической, что она введет в России, прежде еще чем мы достигнем этого на Западе, ту общественную форму, к которой стремится западноевропейский социализм, — и это при таком состоянии общества, когда и пролетариат и буржуазия встречаются пока лишь спорадически и находятся на низшей ступени развития! И это возможно, мол, потому, что русские являются, так сказать, избранным народом социализма, обладая артелью и общинной собственностью на землю!

Об артели г. Ткачев упоминает лишь вскользь, но мы здесь на ней остановимся, так как уже со времени Герцена многие русские приписывают ей таинственную роль. Артель, — это широко распространенная в России форма товарищества, простейшая форма свободной кооперации, подобно той, которая существует у охотничьих племен во время охоты. И по названию и по существу она татарского, а не славянского происхождения.

И то и другое встречается у киргизов, якутов и т. д., с одной стороны, и у саамов, ненцев и других финских народов — с другой¹. Поэтому артель развивается первоначально не на юго-западе России, а на севере и востоке, в местах соприкосновения с финнами и татарами. Суровый климат требует разнородной промышленной деятельности, а недостаточное развитие городов и нехватка капитала возмещается по мере возможности этой формой кооперации. — Один из важнейших отличительных признаков артели, круговая порука ее членов друг за друга перед третьими лицами, покоится первоначально на узах кровного родства, как взаимная порука (Gewere) у древних германцев, кровная месть и тому подобное. — Впрочем, слово артель применяется в России не только ко всякого рода совместной деятельности, но и к общим учреждениям. — В рабочих артелях всегда избирается начальник (староста, старшина), который исполняет обязанности казначея, счетовода и т. п., по мере надобности — управляющего и получает особое жалованье. Подобные артели возникают:

1) для временных предприятий, по окончании которых они распадаются;

2) среди лиц, занимающихся каким-нибудь одним промыслом, например, среди носильщиков и т. п.;

3) для постоянных предприятий, промышленных в собственном смысле слова.

Они учреждаются на основе договора, подписываемого всеми членами. Если же эти члены не могут сами собрать необходимый капитал, как это часто бывает, например, в сыроварении и в рыболовстве (для покупки сетей, судов и пр.), то артель попадает в лапы ростовщика, который ссужает за высокие проценты недостающую сумму и с этого момента кладет себе в карман большую часть трудового дохода. Но еще более гнусно эксплуатируются те артели, которые целиком нанимаются к предпринимателю в качестве наемных рабочих. Они сами управляют своей собственной промышленной деятельностью и тем сберегают капиталисту издержки надзора. Он сдает им лачуги для жилья и предоставляет в кредит пропитание, причем опять развивается самым гнусным образом система оплаты товарами. Так обстоит у лесорубов и смолочуров Архангельской губернии, во многих промыслах в Сибири и др. (ср. Флеровский, «Положение рабочего класса в России»). С.-Петербург, 1869 г.). Таким образом, артель является здесь средством, *облегчающим* капиталисту эксплуатацию наемных рабочих. С другой стороны, однако, есть и такие артели, кото-

¹ Об артели см., между прочим, «Сборник материалов об артелях в России», выпуск I, С.-Петербург, 1873 г. (*Примечание Энгельса.*)

рые сами имеют наемных рабочих, не состоящих членами товарищества.

Итак, артель есть первобытная и потому еще очень неразвитая форма кооперативного товарищества и как таковая не представляет собой ничего исключительно русского или же славянского. Подобные товарищества образуются повсюду, где в них есть нужда: в Швейцарии в молочном деле, в Англии в рыболовстве, где они даже очень разнообразны. Силезские землекопы (немцы, отнюдь не поляки), построившие в 40-х годах столько немецких железных дорог, были организованы в настоящие артели. Преобладание этой формы в России доказывает, конечно, наличие в русском народе сильного стремления к ассоциации, но вовсе еще не доказывает, что этот народ способен с помощью этого стремления прямо перескочить из артели в социалистический общественный строй. Для такого перехода нужно было бы прежде всего, чтобы сама артель стала способной к развитию, чтобы она отбросила свою первобытную форму, в которой она, как мы видели, служит больше капиталу, чем рабочим, и поднялась *по меньшей мере* до уровня западноевропейских кооперативных товариществ. Но, если на сей раз поверить г. Ткачеву (что после всего предыдущего все же более чем рискованно), — до этого еще очень далеко. Напротив, с чрезвычайно характерным для его точки зрения высокомерием он уверяет нас: «Что касается кооперативных и кредитных товариществ по немецкому (!) образцу, которые с недавних пор искусственно насаждаются в России, то большинство наших рабочих встречает их с полнейшим равнодушием, и они почти везде потерпели полный провал». Современное кооперативное товарищество доказало, по крайней мере, свою способность самостоятельно вести с выгодой крупные промышленные предприятия (прядаильные и ткацкие в Ланкашире). Артель же до сих пор не только неспособна к этому, но она неизбежно должна погибнуть при столкновении с крупной промышленностью, если не вступит на путь дальнейшего развития.

Общинная собственность русских крестьян была открыта в 1845 г. прусским правительственным советником Гакстгаузенем, и он растрюбил о ней на весь мир как о чем-то совершенно изумительном, хотя в своем вестфальском отечестве Гакстгаузен мог бы еще найти не мало ее остатков, а в качестве правительственного чиновника он даже обязан был знать о них в точности. Герцен, сам русский помещик, впервые от Гакстгаузена узнал, что его крестьяне владели землей сообща, и воспользовался этим для того, чтобы изобразить русских крестьян как истинных носителей социализма, прирожденных коммунистов в противоположность рабочим стареющего, загнивающего

европейского Запада, которым приходится лишь искусственно вымучивать из себя социализм. От Герцена эти сведения перешли к Бакунину, а от Бакунина к г. Ткачеву. Послушаем же последнего.

«Наш народ... в своем огромном большинстве... проникнут принципами общинного владения; он, если можно так выразиться, коммунист по инстинкту, по традиции. Идея коллективной собственности так глубоко срослась со всем мирозерцанием русского народа (мы дальше увидим, сколь обширен мир русского крестьянина), что теперь, когда правительство начинает понимать, что эта идея несовместима с принципами «благочестивого» общества и во имя этих принципов старается привить народному сознанию и народной жизни идею частной собственности, — оно может достичь этого лишь при помощи штыков и кнута. Отсюда ясно, что наш народ, несмотря на свое невежество, стоит гораздо ближе к социализму, чем народы Западной Европы, хотя они более образованны».

В действительности общинная собственность на землю представляет собой такой институт, который мы находим на низкой ступени развития у всех индоевропейских народов от Индии до Ирландии и даже у развивающихся под индийским влиянием малайцев, например, на Яве. Еще в 1608 г. существование общинной собственности на землю на только что завоеванном севере Ирландии послужило для англичан предлогом объявить землю бесхозной и как таковую конфисковать в пользу короны. В Индии до сих пор существует целый ряд форм общинной собственности. В Германии она была общим явлением; встречающиеся кое-где еще и теперь общинные земли являются ее остатками; часто, особенно в горах, встречаются еще ее отчетливые следы: периодические переделы общинных земель и тому подобно. Более точные указания и подробности относительно древне-германского общинного землевладения можно найти в ряде сочинений *Маурера*, которые по этому вопросу являются классическими. В Западной Европе, включая сюда Польшу и Малороссию, эта общинная собственность превратилась, на известной ступени общественного развития, в оковы, в тормоз сельскохозяйственного производства и была мало-помалу устранена. Напротив, в Великороссии (т. е. собственно России) она сохранилась до сих пор, доказывая тем самым, что сельскохозяйственное производство и соответствующие ему сельские общественные отношения находятся здесь еще в очень неразвитом состоянии, как это и есть на самом деле. Русский крестьянин живет и действует только в своей общине; весь остальной мир существует для него лишь постольку, поскольку он вмешивается в дела его общины. Это до такой

степени верно, что на русском языке одно и то же слово *мир* означает, с одной стороны, «вселенную», а с другой — «крестьянскую общину». *Весь мир* означает на языке крестьянина собрание членов общины. Следовательно, если г. Ткачев говорит о «*миросозерцании*» русского крестьянина, то он явно неправильно перевел русское слово *мир*. Подобная полная изоляция отдельных общин друг от друга, создающая по всей стране, правда, одинаковые, но никоим образом не общие интересы, составляет естественную основу для *восточного деспотизма*; от Индии до России, везде, где преобладала эта общественная форма, она всегда порождала его, всегда находила в нем свое дополнение. Не только русское государство вообще, но и даже его специфическая форма, царский деспотизм, вовсе не висит в воздухе, а является необходимым и логическим продуктом русских общественных условий, с которыми он, по словам г. Ткачева, «не имеет ничего общего!» — Дальнейшее развитие России в *буржуазном* направлении мало-помалу уничтожило бы и здесь общинную собственность без всякого вмешательства «штыков и кнута» русского правительства. И это тем более, что общинную землю крестьяне в России не обрабатывают сообща, с тем чтобы делить только продукты, как это происходит еще в некоторых областях Индии. Напротив, в России земля периодически переделяется между отдельными главами семей, и каждый обрабатывает свой участок для себя. Это создает возможность очень большого неравенства в благосостоянии отдельных членов общины, и это неравенство действительно существует. Почти повсюду среди членов общины бывает несколько богатых крестьян, иногда миллионеров, которые занимаются ростовщичеством и высасывают соки из крестьянской массы. Никто не знает этого лучше г. Ткачева. Уверяя немецких рабочих в том, что только кнут и штык могут заставить русского крестьянина, этого коммуниста по ипстипкту, по традиции, отказаться от «идеи коллективной собственности», он рассказывает в то же время в своей русской брошюре¹ на стр. 15: «В среде крестьянства вырабатывается класс *кулаков, покупщиков и съемщиков* крестьянских и помещичьих земель — мужицкая аристократия». Это именно того типа кровопийцы, о которых мы писали выше.

Сильнейший удар общинной собственности нанес опять-таки выкуп барщины. Помещик получил большую и лучшую часть земли; крестьянам осталось едва достаточно, а силось да рядом даже недостаточно земли, для того чтобы прокормиться. При этом леса отошли к помещикам; дрова, поделочный и строевой лес, которые прежде крестьянин мог брать даром,

¹ Ткачев П., Задачи революционной пропаганды в России. 1874. Ред.

он вынужден теперь покупать. Таким образом, у крестьянина нет теперь ничего, кроме избы и голого клочка земли, без средств для его обработки; нехватает обычно и земли, чтобы просуществовать с семьей от жатвы до жатвы. При таких условиях и под гнетом податей и ростовщиков общинная собственность на землю перестает быть благодеянием, она превращается в оковы. Крестьяне часто бегут из общины, с семьями или без семей, бросают свою землю и ищут источник существования в отхожих промыслах¹.

Из всего этого ясно, что общинная собственность в России давно уже пережила время своего расцвета и по всей видимости идет к своему разложению. Тем не менее нельзя отрицать наличие возможности перевести эту общественную форму в высшую, если только она сохранилась до тех пор, пока созреют условия для этого, и если она окажется способной к развитию в том смысле, что крестьяне станут обрабатывать землю уже по раздельно, а совместно²; причем этот переход к высшей форме должен будет осуществиться без того, чтобы русские крестьяне прошли через промежуточную ступень буржуазной parcelной собственности. Но это может произойти лишь в том случае, если в Западной Европе, еще до окончательного распада этой общинной собственности, совершится победоносная пролетарская революция, которая предоставит русскому крестьянину необходимые условия для такого перехода, — в частности материальные средства, которые потребуются ему, чтобы произвести необходимо связанный с этим переворот во всей его системе земледелия. Таким образом, г. Ткачев говорит чистейший вздор, утверждая, что русские крестьяне, хотя они и «собственники», «стоят ближе к социализму», чем лишенные собственности рабочие Западной Европы. Как раз наоборот. Если что-нибудь может еще спасти русскую общинную собственность и дать ей возможность превратиться в новую, действительно жизнеспособную форму, то это именно пролетарская революция в Западной Европе.

С такой же легкостью, как с экономической революцией, разделяется г. Ткачев и с политической. Русский парод, рассказывает он, «неустанно протестует» против рабства в

¹ О положении крестьян см., между прочим, официальный отчет правительственной сельскохозяйственной комиссии (1873 г.), далее — *Скалдин*, В захолустье и в столице. С.-Петербург, 1870 г. Эта последняя работа принадлежит перу умеренного консерватора. (*Примечание Энгельса.*)

² В Польше, в особенности в Гродненской губернии, где помещики в результате восстания 1863 г. по большей части разорены, крестьяне теперь часто покупают или арендуют помещичьи усадьбы и обрабатывают их совместно и во общую пользу. А эти крестьяне уже веками не имеют никакой общинной собственности и притом это не великороссы, а поляки, литовцы и белоруссы. (*Примечание Энгельса.*)

форме «религиозных сект... отказа от уплаты податей... разбойничьих шаек (немецкие рабочие могут себя поздравить с тем, что Ганс-живодер¹ оказывается отцом германской социал-демократии)... поджогов... бунтов... и поэтому русский народ можно назвать революционером по инстинкту». Все это убеждает г. Ткачева, что «нужно только разбудить одновременно в нескольких местностях накопленное чувство озлобления и недовольства... всегда кипящие в груди нашего народа». Тогда «объединение революционных сил произойдет уже *само собой*, а борьба... должна будет окончиться благоприятно для дела народа. Практическая необходимость, инстинкт самосохранения» создадут уже сами собой «тесную и неразрывную связь между протестующими общинами».

Более легкой и приятной революции нельзя себе и представить. Стоит только в трех-четыре местах одновременно начать восстание, а там уж «революционер по инстинкту», «практическая необходимость», «инстинкт самосохранения» сделают все остальное «уже сами собой». Просто понять нельзя, как же это при такой неимоверной легкости революция давно уже не произведена, народ не освобожден и Россия не превращена в образцовую социалистическую страну.

В действительности дело обстоит совсем не так. Русский народ, этот «революционер по инстинкту», устраивал, правда, бесчисленные разрозненные крестьянские восстания против *дворянства* и против отдельных чиновников, но *против царя* — никогда, кроме тех случаев, когда во главе народа становился *самозванец* и требовал себе трона. Последнее крупное крестьянское восстание при Екатерине II было возможно лишь потому, что Емельян Пугачев выдавал себя за ее мужа, Петра III, будто бы не убитого женой, а только лишеного трона и посаженного в тюрьму, из которой он, однако, бежал. Наоборот, царь представляется крестьянину земным богом: до бога высоко, до царя далеко, восклицает он в отчаянии. Что масса крестьянского населения, в особенности со времени выкупа барщины, поставлена в положение, которое все более и более принуждает ее к борьбе с правительством и с царем, — это не подлежит никакому сомнению; но сказки о «революционере по инстинкту» пусть уж г. Ткачев рассказывает кому-нибудь другому.

А кроме того, *если бы* даже масса русских крестьян была как нельзя более революционна по инстинкту; *если бы* даже мы представили себе, что революции можно делать по заказу, как кусок узорчатого ситца или самовар, — даже тогда позволите спросить: подобает ли человеку, вышедшему уже из двенадцатилетнего возраста, иметь такое сверхчеловеческое

¹ — прозвище немецкого разбойника Иоганна Бюклера. *Ред.*

представление о ходе революции, какое мы здесь видим? И подумать только, что это написано уже после блистательного провала в Испании в 1873 г. первой изготoвленной по этому бакунистскому образцу революции. Там тоже восстание начали сразу в нескольких местах. Там тоже рассчитывали на то, что практическая необходимость, инстинкт самосохранения уж сами собой установят крепкую и неразрывную связь между протестующими общинами. И что же получилось? Каждая община, каждый город защищали только самих себя, о взаимной поддержке не было и речи, и Павиа, имея только 3 000 солдат, в две недели покорил один город за другим и положил конец всему этому анархистскому величию (см. мою статью «Бакунисты за работой»¹, где это описано подробно).

Россия, несомненно, находится накануне революции. Финансы расстроены до последней степени. Налоговый пресс отказывается служить, проценты по старым государственным долгам уплачиваются путем новых займов, а каждый новый заем встречает все больше затруднений; только под предлогом постройки железных дорог удастся еще доставать деньги! Администрация давно развращена до мозга костей; чиновники живут больше воровством, взятками и вымогательством, чем жалованьем. Все сельскохозяйственное производство — наиболее важное в России — приведено в полный беспорядок выкупом 1861 г.; крупному землевладению не хватает рабочей силы, крестьянам не хватает земли, они придавлены налогами, обраны ростовщиками; сельскохозяйственная продукция из года в год сокращается. Все это в целом сдерживается с большим трудом и лишь внешним образом посредством такого азиатского деспотизма, такого произвола, о котором мы на Западе даже не можем составить себе никакого представления. Это деспотизм, который не только с каждым днем вступает во все более вопиющее противоречие со взглядами просвещенных классов, в особенности со взглядами быстро растущей столичной буржуазии, но который в лице нынешнего своего носителя сам запутался: сегодня он делает уступки либерализму, чтобы завтра с перепугу взять их обратно, и таким образом сам все более и более подрывает всякое к себе доверие. При этом среди концентрирующихся в столице более просвещенных слоев нации укрепляется сознание, что такое положение невыносимо, что близок переворот, но в то же время возникает и иллюзия, будто этот переворот можно направить в спокойное конституционное русло. Здесь сочетаются все условия революции; эту революцию начнут высшие классы столицы, может быть даже само правительство, но крестьяне развернут ее дальше

¹ См. *К. Маркс и Ф. Энгельс*, Соч., т. XV, стр. 105—124. *Ред.*

и быстро выведут за пределы первого конституционного фазиса; эта революция будет иметь величайшее значение для всей Европы уже по одному тому, что она одним ударом уничтожит последний, все еще нетронутый резерв всей европейской реакции. Революция эта несомненно приближается. Только два события могли бы надолго отсрочить ее: либо удачная война против Турции или против Австрии, для чего нужны деньги и надежные союзники, либо же... преждевременная попытка восстания, которая снова толкнет имущие классы в объятия правительства.

104.

Г. А. ЛОПАТИН — ЭНГЕЛЬСУ

в Лондон.

Париж, 15 октября 1874 г.

Дорогой господин Энгельс!

Один из моих русских друзей просит меня достать для него 117 и 118 номера «*Volksstaat*» с Вашими статьями об «Эмигрантской литературе», но здесь, в Париже, это совершенно невозможно. Некоторое время тому назад, я, правда, получил эти номера от редакции журнала «Вперед!», но мне пришлось вернуть их по прочтении. Не будете ли Вы так добры прислать мне их, если у Вас остались экземпляры, или же попросить об этом редакцию «*Volksstaat*»? Излишне говорить, что Вы меня этим очень обяжете.

Что касается меня, то я прочел статьи с большим интересом и должен признать правильность Вашей аргументации. Но по форме они слишком язвительны. Право, Вы очень *злы*. Я не мог удержаться от смеха, хотя люди, с которыми Вы так беспощадно расправились¹, мои друзья.

Я надеюсь, что госпожа Энгельс и маленькая Пумпе здоровы и не очень были напуганы взрывом? Вчера я получил

¹ В №№ 117 и 118 «*Volksstaat*» за 1874 г. появилась статья Энгельса из серии «Эмигрантская литература», где он подверг жестокой критике электизм Лаврова и примиренческую позицию, занятую им по отношению к бакунистам на страницах «Вперед!» в связи с выходом брошюры Маркса и Энгельса «Альянс социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих» (1873 г.). *Ред.*

чрезвычайно любезное письмо от г-жи Маркс и посылаю сердечный привет как ей, так и г. Маркс и всей его семье.

Искренне преданный Вам

Герман Лопатин.

105.

Г. А. ЛОПАТИН — ЭНГЕЛЬСУ

в Лондон.

Париж, 1 ноября 1874 г.

Дорогой господин Энгельс!

Очень благодарен Вам за статью, которую я тотчас же отправил в С.-Петербург. Извините, что не сразу известил о ее получении. Я был очень занят все это время. На этом кончаю, в надежде скоро увидиться с Вами и поговорить обо всем лично.

Сердечнейший привет Вашей семье и семье Маркса.

Преданный Вам

Герман Лопатин.

106.

МАРКС — П. Л. ЛАВРОВУ

в Лондоне.

Лондон, 11 февраля 1875 г.

Дорогой друг!

Посылаю Вам сегодня немецкое издание в одном томе (отдельных выпусков у меня больше нет) и шесть первых выпусков французского издания¹. В последнем много изменений и добавлений (см., например, *выпуск 6-й, стр. 222* — против Дж.-Ст. Милля, — яркий пример того, как буржуазные экономисты даже с самыми лучшими намерениями инстинктивно идут по ложному пути именно в тот момент, когда им кажется, что они нашли истину). Но самые важные изменения, содержащиеся во французском издании, находятся в неопубликованных еще частях, а именно в главах о накоплении.

¹ Второе немецкое издание I тома «Капитала» (Гамбург, 1872) и французское издание I тома «Капитала» (Париж, 1872—1875). *Ред.*

Искренне благодарен Вам за издания, которые Вы мне прислали. Что меня более всего заинтересовало, так это статьи «Что делается на родине»¹. Если бы у меня было время, я сделал бы из нее извлечение для «Volksstaat». «Не наши»² — славный народ. Я подозреваю, что наш друг Лопатин имеет некоторое отношение к этой статье.

Мне послали целый пакет книг и официальных изданий из С.-Петербурга, но он был украден, вероятно, русским правительством. Там между прочим были доклады: «Комиссии по сельскому хозяйству и сельской производительности в России»³ и «По податному вопросу»⁴ — вещи, абсолютно необходимые для той главы второго тома, в которой я исследую земельную собственность и т. д. в России.

Мое здоровье значительно улучшилось после пребывания в Карлсбаде, но, с одной стороны, я принужден еще сильно ограничивать свой рабочий день, а, кроме того, вернувшись в Лондон, я схватил простуду, которая не перестает меня допирать.

Зайду к вам, когда погода станет лучше.

Ваш *Карл Маркс*.

107.

МАРКС — П. Л. ЛАВРОВУ

в Лондоне.

Лондон, 18 июня 1875 г.

Дорогой друг!

Когда я был у Вас третьего дня, я забыл сообщить Вам важную новость, которая, быть может, Вам еще неизвестна. Физиологу Траубе в Берлине удалось создать искусственные

¹ «Что делается на родине» — отдел издававшегося Лавровым журнала «Вперед!», в котором помещалась серия статей о России. *Ред.*

² Речь идет о статье Г. Лопатина «Из Иркутска», появившейся в III томе журнала «Вперед!» за 1874 г., где он описывает группу сектантов «Не наши», с которой столкнулся в Сибири. Эти сектанты, отрицая бога, правительственную власть, собственность, семью, вообще все существующие законы и обычаи, выражали резкий протест против существующего строя в России. *Ред.*

³ «Доклад комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности в России», т. I—V. С.-Петербург, 1873. *Ред.*

⁴ «Труды комиссии, высочайше учрежденной для пересмотра системы податей и сборов» в 23 томах. С.-Петербург, 1860—1877. Здесь, вероятно, имеется в виду т. XXII, 1872—1873. *Ред.*

клеточки. Это, конечно, еще не натуральные клеточки: в них нет ядра.

Смешивая коллоидальные растворы, например, желатин с сернокислой медью и т. п., получают шарики, окруженные оболочкой, которые можно заставить расти посредством эндосмоса. Итак, образование оболочки и рост клеточек вышли уже из области гипотез! Это большой шаг вперед, который тем более кстати, что Гельмгольц и другие собирались уже провозгласить нелепую доктрину, будто зародыши земной жизни падают в готовом виде с луны, т. е. что они принесены были к нам аэролитами. Терпеть не могу подобных объяснений, которые решают задачу перенесением ее в другую сферу.

Торговый кризис надвигается. Теперь все зависит от известий, какие будут получены с азиатских, в особенности с ост-индских рынков, которые в течение ряда лет все более и более переполнялись. При известных условиях, паличие которых, впрочем, не особенно вероятно, наступление окончательного краха могло бы, пожалуй, быть отсрочено еще до осени.

Воистину замечательный феномен — сокращение периодов, отделяющих один всеобщий кризис от другого. Я всегда рассматривал эту цифру как величину не постоянную, а уменьшающуюся; но особенно приятно то, что она обнаруживает столь осязательные признаки своего уменьшения; это дурное предзнаменование для долговечности буржуазного мира.

Привет г-же и г-ну Ноэль.

Ваш И. М.

108.

Н. Л. ЛАВРОВ — ЭНГЕЛЬСУ *

в Лондоне.

Лондон, 20 сентября 1875 г.

Дорогой г. Энгельс!

Вы получили № 17 «Вперед!». В передовой¹ разбирается вопрос, которым Вы, как мне сказал Маркс, много занимались в последнее время. Я с нетерпением ждал Вашей работы на эту тему, но она пока так и не вышла. Правда, но словам Маркса,

¹ Речь идет о статье Лаврова «Социализм и борьба за существование», опубликованной в газете «Вперед!» № 17 за сентябрь 1875 г. *Ред.*

Вы рассматриваете этот вопрос с иной точки зрения. И все же Вы оказали бы мне большую услугу, если бы взяли на себя труд прочесть мою статью «Социализм и борьба за существование» и сообщили бы мне свое мнение о ней. Я предполагаю опубликовать через некоторое время систематизированное собрание статей, в которое войдет и вышеназванная, и я хотел бы использовать Вашу критику при просмотре сборника для второго издания. Надеюсь, что это не займет у Вас слишком много времени, и заранее благодарю Вас за Вашу любезность.

Ваш П. Лавров.

Вы, вероятно, видели небольшую брошюру¹, которую анонимные приверженцы Нечаева издали в Брюсселе, так сказать, в ответ на брошюру об Альянсе. Впрочем, ни сама группа, ни ее творение никакого значения не имеют.

109.

ЭНГЕЛЬС — П. Л. ЛАВРОВУ

в Лондоне.

Лондон, 24 сентября 1875 г.

Дорогой г. Лавров!

По возвращении из Рамсгейта, где я провел несколько недель, я нашел Ваше письмо от 20 и кроме того целую массу газет, книг и т. д., получавшихся во время моего отсутствия. И сперва приведу их в порядок и как можно скорее примусь за чтение Вашей статьи в «Вперед!», тогда я буду иметь возможность сказать Вам, в чем мы согласны и в чем расходимся в наших взглядах об отношении социализма к борьбе за существование по Дарвину. Если Вы этого письма не получите в ближайшие дни, то прошу извинить меня, потому что мне надо написать много писем и привести в порядок другие залежавшиеся дела, так как я в течение месяца не мог делать ничего, кроме того, что нужно было сделать абсолютно и безотлагательно.

---

¹ «Quelques mots d'un groupe socialiste révolutionnaire russe à propos de la brochure: «L'Alliance de la démocratie socialiste et l'Association Internationale des travailleurs», Bruxelles, 1873. («Несколько слов русской группы социалистов-революционеров по поводу брошюры «Альянс социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих», Брюссель, 1873.) Ред.

Я не знаю брошюры, о которой Вы мне говорите. Буду Вам очень благодарен, если Вы мне ее пришлете почтой на несколько дней.

В Португалии у нас снова есть газета: лиссабонская «O Protesto» («Протест»), шесть номеров которой уже вышло (выходит один раз в неделю); редакция — Rua d'ò Bem formoso, 110, во втором этаже, контора — Rua dos Cardaes de Jesus (!), 69, во втором этаже. Я еще не просмотрел четырех полученных номеров.

Прошу засвидетельствовать мое почтение г-ну и г-же Смирновым.

Ваш Ф. Энгельс.

110.

ЭНГЕЛЬС — Н. Л. ЛАВРОВУ

в Лондоне.

Лондон, 12—17 ноября 1875 г.

Дорогой г. Лавров!

Вернувшись из поездки в Германию, я принялся, наконец, за Вашу статью, которую прочел с большим интересом. Посылаю Вам свои замечания к ней, которые пишу по-немецки, так как это даст мне возможность быть более кратким.

1) В учении Дарвина я согласен с *теорией развития*, дарвиновский же способ доказательства (борьба за существование, естественный отбор) считаю всего лишь первым, временным, несовершенным выражением только что открытого факта. До Дарвина именно те господа, которые теперь всюду видят только *борьбу* за существование (Фогт, Бюхнер, Молешотт и др.), делали ударение как раз на *сотрудничестве* в органической природе, на том, что мир растений доставляет животному миру кислород и пищу, а животный мир, наоборот, дает растениям углекислоту и удобрение, как это особенно подчеркивал Либих. Оба эти взгляда до известной степени правильны, но как тот, так и другой одинаково односторонни и ограничены. Взаимодействие тел — как мертвой, так и живой природы — включает в себя как гармонию, так и коллизию, как борьбу, так и сотрудничество. Если поэтому какой-нибудь, с позволения сказать, естественный исследователь позволяет себе сводить все богатство и разнообразие исторического развития к односторонней и сухой формуле «борьба за существование», к формуле, которая даже в области природы может быть принята

лишь весьма условно, то такой метод сам себе выносит обвинительный приговор.

2) Из трех названных Вами **убежденных дарвинистов** внимания заслуживает, повидимому, только Гельвальд. Зейдлиц — в лучшем случае мелкая величина, а Роберт Бир — романист, роман которого «Трижды» печатается в настоящее время в журнале «Über Land und Meer». Там вполне уместно все его фанфаронство.

3) Не отрицая преимуществ Вашего метода критики, который я назвал бы психологическим, я выбрал бы другой метод. На каждого из нас в большей или меньшей степени влияет интеллектуальная среда, в которой мы преимущественно обращаемся. Для России, где Вы лучше меня знаете свою публику, и для пропагандистского журнала, который апеллирует к **связующему аффекту**, к нравственному чувству, Ваш метод, возможно, является наилучшим. Для Германии, где ложная сентиментальность причиняла и продолжает еще причинять такой неслыханный вред, он бы не годился, он был бы неправильно понят, был бы извращен в сентиментальном духе. У нас скорее нужна ненависть, чем любовь, — по крайней мере на ближайшее время, — и прежде всего необходим отказ от последних остатков немецкого идеализма, восстановление материальных фактов в их исторических правах. Поэтому я велел бы атаку (и в свое время, может быть, и сделаю это) на этих буржуазных дарвинистов следующим образом:

Все учение Дарвина о борьбе за существование — это просто-напросто перенесение из общества в область живой природы учения Гоббса о войне всех против всех и буржуазно-экономического учения о конкуренции наряду с теорией народонаселения Мальтуса. Прделав этот фокус (безусловную допустимость которого я оспариваю, как уже было указано в 1-м пункте, в особенности в отношении теории Мальтуса), опять переносят эти же самые теории из органической природы в историю и затем утверждают, будто доказано, что они имеют силу вечных законов человеческого общества. Наивность этой процедуры бросается в глаза, на это не стоит тратить слов. Но если бы я хотел остановиться на этом подробнее, то я сделал бы это так, что прежде всего показал бы, что они — *плохие экономисты* и только затем, что они — *плохие естествоиспытатели и философы*.

4) Существенное отличие человеческого общества от общества животных состоит в том, что животные в лучшем случае *собирают*, между тем как люди *производят*. Уже одно , правда, основное различие делает невозможным простое перенесение законов животного общества на человеческое общество. Благодаря этому различию стало возможным, как Вы

правильно заметили, чтобы человек вел борьбу не только за существование, но за наслаждение и за *увеличение своих наслаждений*... готов был для высшего наслаждения отречься от низших. Не оспаривая Ваших дальнейших выводов из этого, я бы, исходя из своих предпосылок, сделал следующие выводы: человеческое производство на известной ступени достигает, следовательно, такой высоты, что могут быть произведены не только предметы для удовлетворения необходимых потребностей, но и для удовлетворения потребностей в роскоши, сперва, правда, только для меньшинства. Борьба за существование, — если мы на момент оставим здесь в силе эту категорию, — превращается, таким образом, в борьбу за наслаждения, в борьбу не за одни только средства *существования*, но и за средства *развития*, за *общественно-производимые* средства развития, а к этой ступени уже не могут быть применены категории из мира животных. Но если производство в своей капиталистической форме, как это происходит в настоящее время, создает гораздо большее количество средств существования и развития, чем может потребить капиталистическое общество, потому что оно искусственно отстраняет подавляющее большинство действительных производителей от пользования этими средствами существования и развития; если собственный закон жизни этого общества вынуждает его к тому, чтобы постоянно расширять это и без того уже чрезмерно большое для него производство, и потому оно вынуждено периодически, каждые десять лет, само уничтожать не только массу продуктов, но и самые производительные силы, — то какой же смысл имеет здесь болтовня о «борьбе за существование»? Борьба за существование может здесь заключаться еще только в том, что производящий класс отнимет руководство производством и распределением у класса, в руках которого это руководство находилось до сих пор, но который уже более не способен к нему, а это уже будет социалистическая революция.

Между прочим, достаточно взглянуть на предыдущий ход истории как на непрерывный ряд классовых битв, чтобы стала ясной вся поверхностность понимания этой истории как незначительной вариации проявлений «борьбы за существование». Поэтому я никогда не сделал бы такого одолжения этим псевдонатуралистам.

5) По той же причине я соответственно иначе сформулировал бы Ваш по существу совершенно правильный тезис, что идея солидарности для облегчения борьбы могла... вырасти, наконец, до того, чтобы охватить все человечество и противопоставить его, как солидарное общество братьев, остальному миру минералов, растений и животных.

6) Но, с другой стороны, я не могу согласиться с Вами, что **борьба всех против всех** была первой фазой человеческого развития. По моему мнению, общественный инстинкт был одним из важнейших рычагов развития человека из обезьяны. Первые люди, вероятно, жили стадами, и, поскольку наш взгляд может проникнуть в глубь веков, мы находим, что так это и было.

17 ноября. Мне опять помешали, и я вновь берусь за это письмо, чтобы отправить его Вам. Вы видите, что мои замечания относятся скорее к форме, к методу Вашей критики, чем к ее существу. Надеюсь, что Вы найдете их достаточно ясными, я писал их второпях и, перечитывая, хотел бы многое изменить, но опасаясь сделать письмо слишком неудобочитаемым.

Сердечный привет.

Ф. Энгельс.

III.

П. Л. ЛАВРОВ — ЭНГЕЛЬСУ *

в Лондоне.

Лондон, 22 ноября 1875 г.

Дорогой г. Энгельс!

Большое спасибо за Ваше письмо. Я не могу согласиться с Вашей точкой зрения на дарвинизм вообще и на роль, которую играет солидарность в социалистической пропаганде. Но я очень благодарен Вам за два указания по специальным вопросам, которые Вы мне сделали, и я обязательно воспользуюсь Вашими замечаниями для второго издания, или, вернее, для издания брошюрой. Одно из замечаний (относительно человеческого труда) сделал мне также и Лопатин. Что касается второго, то выражение (о борьбе всех против всех) требует, конечно, оговорки, которую я и намерен был сделать. Это просто стилистическая ошибка: я выразил свою мысль не совсем правильно.

Еще раз благодарю Вас за Вашу любезность и прошу принять уверение в моем искреннем уважении.

П. Лавров.

112.

МАРКС — П. Л. ЛАВРОВУ

в Лондоне.

Лондон, 17 декабря 1875 г.

Дорогой друг!

Милейший Леблан серьезно болен и очень желал бы, чтобы его навещали. Последние листы (т. е. последний — 44-й — выпуск французского издания «Капитала») имели *установленные* размеры. Г-н Лашатр утверждал, что по условию с типографией нельзя дать больше 44 листов. Таким образом, я должен был пожертвовать *предметным указателем, который был уже составлен*. Если я найду экземпляр, то пошлю его Вам.

Ваш К. М.

113.

ЭНГЕЛЬС — П. Л. ЛАВРОВУ

в Лондоне.

Лондон, 30 июня 1876 г.

Дорогой г. Лавров!

По поводу запрещения Бисмарком в Германии «Вперед!» могу сообщить в утешение Вам, что всего шесть дней тому назад я видел газету в Гейдельберге открыто выставленной в витринах книжных магазинов. Г-н Бисмарк еще не сумел выучить всех своих полицейских читать по-русски.

Ваш Ф. Энгельс.

114.

МАРКС — П. Л. ЛАВРОВУ

в Лондоне.

Лондон, 7 октября 1876 г.

Дорогой друг!

Я только что получил письмо из Парижа (от одного служащего в книжном магазине Лашатра), из которого видно, что запрещение «Капитала» — просто-напросто сказка, впрочем

сказка, усердно распространяемая полицейскими и самим господином Квестом, судебным администратором, под опеку которого покойный Бюффе передал книжный магазин Лашатра.

Так как «Капитал» издавался при режиме осадного положения, то, с тех пор как осадное положение снято, он может быть запрещен только обыкновенным судом, а такого скандала бояться. Поэтому стараются изъять книгу подпольными путями, посредством интриг.

Я буду Вам очень благодарен, если Вы передадите мне письмо, в котором Ваш комиссионер Гюйо пишет о запрещении книги. С другой стороны, у Ковалевского есть русские друзья в Париже, которые готовы засвидетельствовать, что даже в книжном магазине Лашатра им отказали в продаже этой книги.

Имея эти доказательства, я смог угрожать господину Квесту, — который очень скуп, несмотря на свои миллионы, — судебными мероприятиями и требованием возмещения убытков с процентами. Только под давлением таких угроз он, наконец, согласился отпечатать последние 15 выпусков. Согласно французским законам, он по отношению ко мне является только представителем господина Лашатра, его заместителем, и должен выполнять все условия, содержащиеся в моем договоре с последним.

В сентябрьской книжке «Revue des deux Mondes» помещена критика, — если так можно выразиться, — «Капитала», принадлежащая господину Лавеле¹. Нужно прочесть ее, чтобы составить себе понятие об идиотизме наших буржуазных «мыслителей». Г-н Лавеле, однако, достаточно наивен, чтобы признать, что если принять доктрины Адама Смита и Рикардо или даже — страшно сказать — доктрины Кэри и Бастиа, то нельзя избежать пагубных выводов «Капитала».

Поздравляю Вас с Вашей передовой статьей в последнем номере «Вперед!»² о панславистском лиризме в России. Это не только шедевр, но прежде всего акт большого морального мужества.

Ваш *Карл Маркс*.

Как здоровье Смирнова?

¹ Речь идет о статье Эмиля де Лавеле «Les théoriciens» («Теоретики») в разделе «Le socialisme contemporain en Allemagne» («Современный социализм в Германии»), помещенной в «Revue des deux Mondes», т. XVII, сентябрь 1876. *Ред.*

² *Лавров П.*, Русские перед южно-славянским вопросом. «Вперед!» № 42 от 1 октября 1876 года. *Ред.*

115.

МАРКС — П. Л. ЛАВРОВУ

в Лондоне.

Лондон, 21 октября 1876 г.

Дорогой друг!

Прилагаю вырезку из «Pall Mall Gazette»; это извлечение из Вашей передовой статьи (в № 42 «Вперед!»), плохо переведенное, хотя перевод сделан сэром и т. д. Раулинсоном. Ковалевский сообщил мне это, а также прислал и самую выдержку. Он просил меня дать ему № 42 Вашей газеты, но и «самая красивая девушка Франции может дать только то, что у нее есть». Я уже послал этот номер Утину (в Льеж).

Ковалевский сообщил мне также, — Вы можете использовать это в Вашей газете, — что отвратительная русская клика, претендующая на звание представительницы самых крупных русских литературных сил, заявила Раулинсону и другим известным английским деятелям о своем намерении издавать в Лондоне газету, чтобы знакомить англичан с подлинным политико-социальным движением в России. Главным редактором — вместе с другими сотрудниками гнусной газеты «Гражданин» — будет Голохвастов и, как говорят, князь Менцеровский.

Русское правительство уже дало доказательство своей несостоятельности, заставив Петербургский банк объявить, что он более не будет оплачивать иностранных векселей золотом (или серебром). Этого я ждал, но что правительство, прежде чем пойти на такую «неприятную» меру, сделало снова глупость, пытаясь в течение двух или трех недель искусственно поддерживать курс рубля на Лондонской бирже, — такой факт превосходит всякие границы. Это стоило ему около двадцати миллионов рублей, что равносильно тому, если бы оно бросило эти деньги в Темзу.

Эта слепая операция — искусственная поддержка курса за счет правительства — принадлежит XVIII веку. В настоящее время к ней прибегают только алхимики русских финансов. Со времени смерти Николая эти периодически повторяющиеся бессмысленные манипуляции стоили России, по крайней мере, 120 миллионов рублей. Так может поступать лишь правительство, которое еще серьезно верит во всемогущество государства. Другие правительства знают, по крайней мере, что «деньги не имеют хозяина».

Ваш *Карл Маркс*.

116.

МАРКС — П. Л. ЛАВРОВУ

в Лондоне.

Лондон, 16 марта 1877 г.

Дорогой друг!

Один член палаты общин (ирландец) собирается внести — на будущей неделе — запрос с той целью, чтобы английское правительство потребовало от *русского* правительства проведения (в России) реформ, которые оно объявляет необходимыми по отношению к Турции. Он хочет воспользоваться этим случаем, чтобы рассказать об ужасах, творящихся в России. И уже сообщил ему некоторые подробности о мерах, принятых русским правительством по отношению к непокорным полякам-униатам. Не могли бы Вы дать краткую сводку — по-французски — о судебных и полицейских репрессиях, происходивших за последние годы в России? Так как времени мало — я только сегодня был оповещен об этом — и так как лучше сделать что-нибудь, чем ничего, то не могли бы Вы, — поскольку Вы лучше меня помните все подобные факты, — сделать это «что-нибудь»? Я думаю, что это принесло бы большую пользу Вашим несчастным соотечественникам.

Что касается госпожи Утиной, то я тут ничего не понимаю, но я подвергну ее перекрестному допросу при следующем свидании. Если бы она не говорила неоднократно моей жене и мне о своем желании видеть Вас, мы не сказали бы об этом ни слова.

Ваш Карл Маркс.

117.

МАРКС — П. Л. ЛАВРОВУ

в Лондоне.

Лондон, 23 марта 1877 г.

Дорогой друг!

Статью я получил, и она находится уже в руках члена палаты общин, которому я доставлю также и поправку.

Бизли был вчера у меня, я говорил ему о Вашей статье для «Fortnightly Review». Он сказал мне, что он порекомендует Вас Джону Морлею, главному редактору, но — и это очень неприятно — статью надо написать по-английски или перевести

на английский язык, прежде чем посылать ее редактору. Что же касается размера статьи, то печатный лист является обычным размером.

Олсон не дал нам своего последнего адреса; может быть, Леблан мог бы его добыть?

Я получил вчера письмо из С.-Петербурга с сообщением о том, что мне отправлена посылка из нескольких книг. К сожалению, я ничего не получил.

Ваш *Карл Маркс*.

118.

МАРКС — П. Л. ЛАВРОВУ

в Лондоне.

Лондон, 27 марта 1877 г.

Дорогой друг!

Очень благодарен Вам за записку, которую я получил вчера вечером. Вы и понятия не имеете о подлости и трусости «свободной» английской прессы. Это единственная причина, почему я не могу еще дать Вам определенного ответа о судьбе Вашей статьи.

Ваш *К. М.*

119.

МАРКС — В РЕДАКЦИЮ «ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЗАПИСОК»

в Петербург.

Лондон, ноябрь 1877 г.

Господин редактор!

Автор¹ статьи «Карл Маркс перед судом г. Жуковского» — человек, повидимому, умный, и если бы он нашел в моем изложении «первоначального накопления» хотя бы одно место, подтверждающее его выводы, он бы его привел. Так как такого места нет, он оказался вынужденным ухватиться за побочную деталь, за полемическое замечание против одного русского «беллетриста»², напечатанное в добавлении к первому немецкому

¹ Н. К. Михайловский. *Ред.*

² А. Герцен. *Ред.*

изданию «Капитала». В чем же я там упрекаю этого писателя? В том, что он открыл русскую общину не в России, а в книге прусского регирунгсрата Гакстгаузена и что в его руках русская община служит лишь аргументом для доказательства того, что старая, гнилая Европа должна быть возрождена путем победы панславизма. Моя оценка этого писателя может быть правильной, она может быть и ложной, но она ни в коем случае не может служить ключом к моим воззрениям на усилия русских людей найти для своего отечества путь развития, отличный от того, которым шла и идет Западная Европа и т. д.

В послесловии ко второму немецкому изданию «Капитала», — которое автору статьи о г. Жуковском известно, так как он его цитирует, — я говорю о «великом русском ученом и критике»¹ с высоким уважением, какого он заслуживает. Этот ученый в своих замечательных статьях исследовал вопрос — должна ли Россия, как того хотят ее либеральные экономисты, начать с разрушения сельской общины, чтобы перейти к капиталистическому строю, или же, наоборот, она может, не испытав мук этого строя, завладеть всеми его плодами, развивая свои собственные исторические данные. Он высказывается в смысле этого последнего решения. И мой почтенный критик имел по меньшей мере столько же оснований заключить из моего уважения к этому «великому русскому ученому и критику», что я разделяю взгляды последнего на этот вопрос, как и из моей полемики против «беллетриста» и панслависта сделать вывод, что я эти взгляды отвергаю.

Впрочем, так как я не люблю оставлять «места для догадок», я выскажусь без обиняков. Чтобы иметь возможность со знанием дела судить об экономическом развитии России, я изучил русский язык и затем в течение долгих лет изучал официальные и другие издания, имеющие отношение к этому предмету. Я пришел к такому выводу. Если Россия будет продолжать идти по тому пути, по которому она следовала с 1861 г., то она упустит наилучший случай, который история когда-либо предоставляла какому-либо народу, и испытает все роковые злоключения капиталистического строя.

II

Глава о первоначальном накоплении претендует лишь на то, чтобы обрисовать тот путь, которым в Западной Европе капиталистический экономический строй вышел из недр феодального экономического строя. Она изображает, таким образом,

¹ Н. Чернышевский. *Ред.*

исторический процесс, который, отделяя производителей от их средств производства, превращает первых в наемных рабочих (пролетариев в современном смысле слова), а владельцев средств производства — в капиталистов. В этой истории «составляют эпоху все перевороты, которые служат рычагом для возвышения возникающего класса капиталистов; в особенности же перевороты, которые, лишая значительные массы людей их традиционных средств производства и существования, внезапно выбрасывают их на рынок труда. Но основу всего этого процесса составляет экспроприация земледельцев. Радикально она осуществлена пока только в Англии..., по все другие страны Западной Европы идут по тому же пути» и т. д. (*французское издание «Капитала», стр. 315*). В конце главы историческая тенденция [капиталистического] производства сводится к тому, что оно «с неизбежностью процесса природы само порождает свое собственное отрицание»; что оно само создало элементы нового экономического строя, дав одновременно величайший толчок росту производительных сил общественного труда и полному развитию каждого индивидуального производителя; что капиталистическая собственность, в основе которой фактически уже лежит коллективная форма производства, не может не превратиться в собственность общественную. В этом месте я не привожу никаких доказательств по той простой причине, что это утверждение само является только общим резюме обширных исследований, заключающихся в предыдущих главах о капиталистическом производстве.

Итак, что же мог извлечь мой критик из этого исторического очерка в применении к России? Только следующее. Если Россия имеет тенденцию стать капиталистической нацией по образцу наций Западной Европы, — а за последние годы она немало потрудились в этом направлении, — она не достигнет этого, не превратив предварительно значительной части своих крестьян в пролетариев; а после этого, уже очутившись в лопе капиталистического строя, она будет подчинена его неумолимым законам, как и прочие нечестивые народы. Вот и все. Но этого моему критику мало. Ему непременно пужно превратить мой исторический очерк возникновения капитализма в Западной Европе в историко-философскую теорию о всеобщем пути, по которому роковым образом обречены идти все народы, каковы бы ни были исторические обстоятельства, в которых они оказываются, — для того, чтобы прийти в конечном счете к той экономической формации, которая обеспечивает, вместе с величайшим расцветом производительных сил общественного труда, наиболее полное развитие человека. Но я прошу у него извинения. Это было бы одновременно и слишком лестно и слишком постыдно для меня. Возьмем пример.

В различных местах «Капитала» я упоминал о судьбе, постигшей плебеов древнего Рима. Первоначально это были свободные крестьяне, обрабатывавшие, каждый сам по себе, свои собственные мелкие участки. В ходе римской истории они были экспропрированы. То самое движение, которое отделило их от их средств производства и существования, влекло за собой не только образование крупной земельной собственности, но также образование крупных денежных капиталов. Таким образом, в одно прекрасное утро налицо оказались, с одной стороны, свободные люди, лишённые всего, кроме их рабочей силы, а с другой стороны — для эксплуатации их труда — владельцы всех приобретенных богатств. Что же произошло? Римские пролетарии стали не наемными рабочими, а праздною *чернью*, более презренной, чем недавние «poor whites» [«белые бедняки»] южной части Соединенных Штатов, а вместе с тем развился не капиталистический, а рабовладельческий способ производства. Таким образом, события, поразительно аналогичные, но происходящие в различной исторической обстановке, приводят к совершенно разным результатам. Изучая каждую из этих эволюций в отдельности и затем сопоставляя их, легко найти ключ к пониманию этого явления; но никогда нельзя достичь этого понимания, пользуясь универсальной отмычкой какой-нибудь общей историко-философской теории, наивысшая добродетель которой состоит в ее надисторичности.

120.

III. ЖАКЛАР — МАРКСУ *

в Лондон.

С.-Петербург,
20 ноября (2 декабря) 1877 г.

Дорогой гражданин!

Спешу воспользоваться представившимся случаем, чтобы нарушить долгое молчание и напомнить о себе Вам и моему добрейшему другу Лафаргу. Дело в следующем: в начале января в Петербурге начнет выходить новый социалистический журнал «Слово». Редакция хотела бы иметь статьи об Ирландии. Вспомнив о замечательных статьях, опубликованных некогда мадемуазель Маркс¹, в «Marseillaise», я высказал

---

¹ Речь идет о дочери Маркса, Женни, поместившей в «Marseillaise» в 1870 г. ряд статей, которые разоблачали репрессии английского правительства против борцов за независимость Ирландии. *Ред.*

надежду, что она, может быть, согласится взять на себя эти корреспонденции. Длина статей и количество их предоставляются на усмотрение автора. Думаю, что предпочтительнее давать статьи размером не более 1 листа. Они могут быть написаны по-английски, по-немецки или по-французски. Журнал платит из расчета 189 фр. за лист (в 35 000 букв) и просит извинить его: для начала он больше платить не в состоянии. Первую статью можно переслать через меня, так как точный адрес редакции мне еще не известен.

Прошу извинения у мадемуазель Маркс за смелость, которую я себе позволил. Так или иначе, я буду очень рад, если этот случай даст мне возможность получить какие-либо известия от Вас и от Вашего зятя.

Моя жена¹, которая не забыла, каким вниманием Вы ее окружали, шлет Вам вместе со мной свои наилучшие пожелания.

Жаклар-Корвин.

P. S. После нового разговора с редакцией я должен передать Вам еще одну просьбу. Не согласитесь ли Вы прислать несколько статей о социальном и экономическом движении в Германии и Англии?

Теперь личная просьба: не можете ли Вы рекомендовать мне шведских и датских корреспондентов?

Журнал ежемесячный. Статьи должны присылаться в Петербург не позднее 10 (22) каждого месяца. В случае Вашего согласия, прошу Вас указать мне форму оплаты.

Вот мой адрес:

С.-Петербург, Васильевский остров, 6 линия, дом 15. Д-ру Жаклар-Корвин. Адрес может быть написан по-французски.

Вы меня очень обяжете, если ответите до 10 (22) декабря.

Статьи подписываются.

Жаклар.

121.

Г. А. ЛОНАТИН — ЭНГЕЛЬСУ

в Лондон.

Верне-Монтре, 17 апреля 1878 г.

Дорогой Энгельс!

Вернувшись третьего дня из довольно продолжительной деловой поездки, я нашел у себя на столе Ваше письмо от 3 апреля, полученное здесь, однако, только 10 числа. Судя по

¹ Корвин-Круковская А. В. *Ред.*

почерку на конверте, я думаю, что оно было переслано мне Гиршем, хотя внутри не было ни строчки от него.

Объяснив Вам запоздание моего ответа, я прямо перехожу к тому маленькому делу Бракке, о котором Вы пишете.

Мне кажется, что у Вас должна быть группа осужденных в формате обыкновенной фотографической карточки¹. Существует снимок этой группы и в виде кабинетной карточки. Сейчас у меня нет ни одного экземпляра этого формата. Но я уже попросил Смирнова послать Вам или Бракке один такой снимок. Я попросил его также присоединить к нему номер «Graphic», в котором эта фотография была недавно помещена, думая, что Бракке предпочтет, может быть, просто приобрести английское клише. Возможно даже, что Смирнов найдет у себя несколько карточек осужденных по последнему процессу 193-х и сможет одолжить их Бракке, но я не уверен, есть ли они у него.

Что касается статьи, о которой просит Бракке², то я не смогу ее написать сам по двум причинам. Во-первых, у меня нет здесь под руками необходимых материалов, а во-вторых, я страшно завален сейчас спешной работой, которой не могу пренебрегать из-за своего стесненного положения, да еще принимая во внимание возмутительный курс рубля в настоящее время. Я попросил Смирнова заменить меня в этом деле. В качестве редактора газеты «Вперед!», которым он сейчас состоит, он специально занимается собиранием и обработкой подобных материалов, и потому ему довольно легко будет это сделать. К тому же, мне кажется, что он пишет по-немецки гораздо лучше, чем я по-французски или по-английски. В случае, если он также откажется от этой работы, я постараюсь поручить ее одному из моих друзей эмигрантов, который довольно хорошо владеет немецким языком.

В последнее время я вижу очень мало немецких газет, а потому не знаю толком, о какой статье из 5-го тома «Вперед!» [за 1877 г.] Вы говорите. Но, во всяком случае, могу заверить Вас, что ни одна из статей не написана Лавровым: он уже очень давно не состоит больше в редакции и не сотрудничает в этом журнале.

У меня со своей стороны тоже есть просьба к Вам. Вы недавно напечатали в «Vorwärts» ряд очень интересных статей о философии и политической экономии Дюринга³. Может быть, эти

¹ Снимок группы осужденных по процессу 193-х, который происходил в Петербурге с октября 1877 по январь 1878 года. *Ред.*

² Статья о процессах русских социалистов, которую Энгельс просил Лопатина написать для «Volks-Kalender». *Ред.*

³ Впервые работа Энгельса «Анти-Дюринг» печаталась отдельными статьями в 1877—1878 гг. в центральном органе германской социал-демократии «Vorwärts», выходившем в Лейпциге, и в 1878 г. вышла отдельной книжкой там же. *Ред.*

статьи уже изданы особо, в виде отдельной книги? В таком случае я буду Вам очень обязан, если Вы пришлете мне один или два экземпляра этого отдельного издания. Второй экземпляр предназначается для некоторых моих друзей, русских социалистов, которые ухитряются подчас соединять воедино вещи совершенно несовместимые и делают общую смесь (правда, очень крепкую и очень революционную) из Прудона, Маркса и Дюринга только на том основании, что все трое находятся в крайней оппозиции и труды их в той или иной мере запрещаются и преследуются у нас в России.

Меня очень огорчает нездоровье Вашей жены и г-жи Маркс. Что касается меня, то мои семейные дела не лучше. Моя жена до сих пор еще не вполне поправилась. Начиная с июля месяца 1877 г. она непрерывно находится в Швейцарии. Я провел вместе с ней сентябрь и октябрь и теперь с февраля снова в Швейцарии. Думаю остаться здесь до июня. Можете себе представить, во что обходятся все эти вынужденные путешествия, при нашем теперешнем курсе, который падает временами до 237, а иногда и ниже; что будет дальше, не берусь сказать и стараюсь даже не думать об этом. Каждый день может вспыхнуть новая война, если Англию не удержит перспектива того большого промышленного и торгового кризиса, о котором Вы говорите. Впрочем, может быть, даже наоборот, именно эта перспектива неизбежного кризиса и заставит ее быстрее решиться на войну. Поживем — увидим.

А затем до свидания. Сердечный привет Вашей жене и всей семье Маркса.

Ваш Г. Лопатин.

122.

Г. А. ЛОПАТИН — ЭНГЕЛЬСУ

в Лондон.

Верне-Монтре, 23 апреля 1878 г.

Дорогой Энгельс!

Я получил ответ от Смирнова. Он сам пошлет Вам фотографические карточки осужденных. Что касается статьи о процессах русских социалистов, то ее берется написать господин Даль — второй теперешний редактор журнала «Вперед!». Это автор статьи «Плоды реформ», перевод которой был помещен в «Vorwärts». Он живет в настоящее время в Лейпциге под фамилией Майера (28в, Elsterstrasse W., у г. Виллеке). Его статья будет написана по-немецки, для Бракке это будет удобнее.

Посылаю Вам это письмо через Смирнова, чтобы он мог добавить все необходимые подробности.

Сердечный привет Вашей жене, Пумпе и всей семье Маркса.

Ваш Г. Лопатин.

123.

**ПРЕДСТАВИТЕЛЬ РЕДАКЦИИ ГАЗЕТЫ
«НАЧАЛО» — ЭНГЕЛЬСУ**

в Лондон.

Брюссель, 22 июля 1878 г.

Милостивый государь!

Сегодня я послал Вам 3 последних номера социалистического органа, выходящего в России¹.

Если желаете получать и следующие, которые начнут выходить в середине августа, то мы, несмотря на трудность, готовы с удовольствием сделать это. Об этом Вам нужно будет только заявить господину Либкнехту.

Мы, в свою очередь, просим Вас, равно как и господина Маркса и всех просвещенных людей, готовых содействовать нам, присылать нам важные для нас статьи и корреспонденции, равно как и сообщать все важнейшие сведения, могущие ускользнуть от нас.

Писать можете по-немецки, французски, английски (и, понятно, по-русски). Пока тоже через посредство господина Либкнехта.

Один из представителей русского социализма².

124.

ЭНГЕЛЬС — П. Л. ЛАВРОВУ

в Париж.

Лондон, 10 августа 1878 г.

Дорогой г. Лавров!

Надеюсь, что Вы получили экземпляр моей брошюры против Дюринга, которую я отправил Вам вчера. Я бы давно уже

¹ «Начало» — русская нелегальная анархистская газета. *Ред.*

² Письмо написано по-русски. В приложенной немецкой копии подпись другая: «Один из представителей «Начала»». *Ред.*

послал ее, если бы у меня был Ваш теперешний адрес. Я писал Смирнову, 4 Lower Charles st., а затем Лопатину, 6 Rue Linné, чтобы узнать Ваш адрес, но ни тот, ни другой не ответили мне. Не можете ли Вы мне сообщить, куда следует отправить экземпляр, предназначенный Лопатину? Его молчание нас несколько беспокоит, потому что предыдущее письмо, посланное по тому же адресу, было переправлено ему в Швейцарию, где он предполагал оставаться, как он мне сам писал, только до июня месяца, а после этого в «Начале» писали, что он *арестован в России*. Хотя в этом известии имеются хронологические несоответствия, однако его молчание нас тревожит.

Вы, вероятно, уже читали, что немецкие дарвинисты в ответ на призыв Вирхова решительно ополчились против социализма.

Геккель, брошюру¹ которого я только что получил, ограничивается тем, что в общих выражениях говорит о безумных социалистических учениях, но г. Оскар Шмидт из Страсбурга собирается нас разделать во-всю на съезде естествоиспытателей в Касселе. Напрасный труд! Если реакция в Германии будет развиваться беспрепятственно, то первыми жертвами после социалистов будут дарвинисты. Впрочем, что бы с ними ни случилось, я считаю своим долгом ответить этим господам. Мы во всяком случае имеем все основания быть довольными этим событием, как и вообще всем, что совершается. Г-н Бисмарк, который в течение семи лет так работал в нашу пользу, как если бы мы за это ему платили, теперь, повидимому, уже не может сдержать своих усилий ускорить пришествие социализма. «После меня хоть потоп» — не удовлетворяет его; он добивается наступления этого потопа еще при жизни, — да свершится воля его! Боюсь только, что он работает чересчур усердно и потоп наступит раньше положенного срока.

Ваш Ф. Энгельс.

125.

П. Л. ЛАВРОВ — ЭНГЕЛЬСУ

в Лондон.

Париж, 11 августа 1878 г.

Дорогой Энгельс!

Я только что получил Ваше любезное письмо и Вашу работу о Дюринге, которую я уже давно хотел видеть и половину

¹ *Haeckel E., Freie Wissenschaft und freie Lehre. Eine Entgegnung auf Rudolf Virchow's Münchener Rede über «Die Freiheit der Wissenschaft im modernen Staat». Stuttgart, 1878 (Геккель Э., Свободная наука и свободное учение. Возражение на мюнхенскую речь Рудольфа Вирхова о «Свободе науки в современном государстве». Штутгарт, 1878). Ред.*

которой я прочел в «Vorwärts», пока еще получал эту газету; теперь ее чрезвычайно трудно достать в Париже, и я ее почти не вижу. Я очень благодарен Вам за то, что Вы вспомнили обо мне. Экземпляр для Лопатина отправьте по моему адресу, так как я сохраняю все письма, газеты и книги, которые приходят в его отсутствие. Лопатина сейчас нет в Париже. Среди писем, ожидающих его, есть одно с адресом, написанным, как мне кажется, Вашей рукой. Известия, сообщаемые «Началом», относятся или к брату *нашего* Лопатина, участнику процесса 193-х, или же к его двоюродному брату, который только что выслан в Вологодскую губернию по делу киевских студентов. *Наш* Лопатин приезжал из Швейцарии, а потом снова уехал на некоторое время; думаю, что он вернется через месяц, если не раньше. Своего адреса он мне не оставил, но я получил письмо от него около двух недель тому назад. — Немецкие дарвинисты поступают весьма глупо, занимая по отношению к социализму позицию, которая отнюдь не оправдывается их общей точкой зрения. Очень любопытно будет прочесть то, что Вы собираетесь написать по этому поводу.

Что касается положения дел в Германии, то я очень рад, что оно рисуется Вам хорошим, но у меня самого нет такой уверенности, и я жду, как развернутся события. — Как здоровье Маркса и что с его вторым томом, подвигается ли он? Следили ли Вы за ожесточенной полемикой в русской литературе этого года вокруг имени Маркса? Жуковский (ренегат) и Чичерин выступают против Маркса, Зибер и Михайловский за него¹. И все это длинные статьи. Я думаю, что нигде в другом месте не было так много написано о его работе. Полемика еще не закончена: Зибер, которого я видел несколько дней тому назад в Париже, сказал мне, что он готовит ответ Чичерину, статью которого он только что прочел. Работа Зибера о теории Маркса² будет опубликована отдельно, вероятно, в конце года. — Третьего дня я послал Вам и Марксу привет через Ковалевского, с которым я познакомился; он уезжает сегодня (если

¹ Речь идет о полемике в связи с выходом I тома «Капитала». Были опубликованы следующие статьи: Жуковский Ю., Карл Маркс и его книга о капитале («Вестник Европы», IX, 1877); Михайловский П. К., Карл Маркс перед судом г. Жуковского («Отечественные Записки», X, 1877); Зибер П., Несколько замечаний по поводу статьи Жуковского «Карл Маркс и его книга о капитале» («Отечественные Записки», XI, 1877); Чичерин Б. Н., Немецкие социалисты: П. К. Маркс («Сборник государственных знаний» под ред. Безобразова. С.-Петербург, 1878). *Ред.*

² *Зибер П., Д. Рикардо и К. Маркс в их общественно-экономических исследованиях, 1881 год. Ред.*

не уехал уже вчера) в Лондон. Я рад воспользоваться случаем напомнить о себе Вам, а также Марксу и его семье.

Преданный Вам

П. Лавров.

Читали ли Вы телеграмму из Одессы о *смертном* приговоре социалисту Ковальскому?

126.

Г. А. ЛОПАТИН — ЭНГЕЛЬСУ *

в Лондон.

Париж,

23 ноября, пятница, 1878 г.

Мой дорогой Энгельс!

Большое спасибо за Вашего «Дюринга»; я нашел его вместе с Вашим письмом у себя на столе, по приезде из России, где я провел последние четыре месяца. Трудно передать Вам свои впечатления, да еще на языке, которым я так плохо владею. Итак, буду краток.

Социалистическая пропаганда среди крестьян, повидимому, почти прекратилась. Наиболее энергичные из революционеров перешли, инстинктивно, на путь чисто политической борьбы, хотя и не имеют еще нравственного мужества открыто сознаться в этом. Эта политическая борьба носит, правда, пока чрезвычайно узкий характер, ограничиваясь исключительно актами мести против некоторых лиц и попытками освободить отдельных товарищей. Что касается общества вообще, то оно постепенно теряет последние крохи уважения к правительству и нередко взирает с сочувствием на действия крайней партии. Но так как мир окончательно еще не заключен¹, то общество не может пока запылять своими собственными делами, и остаток патриотизма, или, если хотите, шовинизма, мешает ему вызывать «внутренние беспорядки» на «радость нашим врагам». Многие даже считают, что действительная причина всех наших бедствий — это интриги «Коварного Альбиона». Таково положение.

¹ Речь идет о мирном договоре, который был заключен после русско-турецкой войны (1877—1878 гг.) 3 марта 1878 г. в Сан-Стефано. В июле 1878 г. под давлением Англии и Австро-Венгрии он был пересмотрен и оформлен как Берлинский трактат. Лопатин не был осведомлен об этих событиях. *Ред.*

Я не знаю, хватит ли у меня сил долго оставаться за границей, но зиму я думаю все же провести в Париже, чтобы закончить заказанную работу и заработать немного денег.

Надеюсь, что Марксы, так же как и Вы и все Ваши, чувствуют себя хорошо?

Неудивительно, что Вы не получили ответа от Смирнова: он выехал в июле вместе со своими товарищами из Лондона и живет теперь в Берне. А его товарищ, который обещал статью для календаря Бракке, неожиданно уехал, как я слышал, еще в мае в Россию.

Очень хотелось бы знать, что Вы думаете о настоящем положении дел в Германии¹? Забавная сложилась обстановка!

Крепко жму Вашу руку. Сердечный привет Вашей семье и Марксам.

Преданный Вам

Г. Лопатин.

127.

Г. А. ЛОПАТИН — ЭНГЕЛЬСУ

в Лондон.

Париж, 15 января 1879 г.

Дорогой Энгельс!

С чувством величайшей скорби узнал я о смерти госпожи Энгельс². Я живо помню дружескую сердечность, которую она постоянно проявляла по отношению ко мне, и никогда не забуду, как смягчал мою былую одинокую жизнь в Лондоне тот дружеский прием, который я всегда встречал у Маркса и у Вас. Да будет легка земля этой бедной доброй душе!

Ваши советы, может быть, очень благоразумны и очень хороши, но я, кажется, не в состоянии буду долго оставаться за границей и скоро вернусь на родину, конечно, под чужой фамилией³. Мой авангард (жена и ребенок) уже там. Жена моя, с которой я не сочетался законным браком из-за отсутствия необходимых документов, не носит моей фамилии, что могло бы ей только повредить. Что же касается моего ребенка, то он

¹ Лопатин имеет в виду ту обстановку, которая сложилась в Германии после принятия германским рейхстагом в октябре 1878 г. исключительного закона против социалистов. *Ред.*

² Жена Энгельса Лиззи Бернс умерла 12 сентября 1878 года. *Ред.*

³ В начале 1879 г. Лопатин уехал в Россию, но был вскоре арестован и сослан сначала в Ташкент, затем в Вологду. Только в феврале 1883 г. ему удалось снова бежать за границу. *Ред.*

живет там в качестве маленького подданного «Ее величества королевы Великобритании» (это стоило мне в свое время только маленькой ложной присяги в Лондоне). Я не могу еще пока сказать Вам окончательно, когда я уеду; прежде всего надо заработать немного денег. Все это последнее время я лихорадочно работал, вот почему на Ваше письмо я отвечаю только сегодня. Надеюсь, что Вы простите мне это, не правда ли? Мне незачем прибавлять, что я прошу Вас считать сообщение о моей поездке *строго конфиденциальным*.

Со всех сторон я слышу, что Маркс закончил уже свой второй том и послал первые его листы в типографию в Гамбург. Правда ли это? Как-то не верится. Но если это правда, то у меня будет еще одна работа по переводу. Если этот том не сможет появиться в России, то я надеюсь найти издателя, который согласится выпустить его на русском языке за границей.

«Начало» больше не выходит. Вместо него в С.-Петербурге существует теперь другой журнал «Земля и Воля» с менее расплывчатой, чисто «социально-революционной» программой. Попытки правительства разыскать тайную типографию, которая великолепно работает, оказались бесплодными.

Своими реакционными мерами ваше германское правительство соперничает с нашим. Запрещение Вашего «Дюринга» и произведений Лассаля, а также последнее предложение Бисмарка о введении парламентской цензуры прямо великолепны.

Поздравляю Вас и Марксов с Новым годом и желаю Вам всем всякого счастья. Лавров присоединяется к этому пожеланию. А засим до свиданья, если свидание будет возможно.

Весь Ваш Г. Лопатин.

128.

МАРКС — М. М. КОВАЛЕВСКОМУ

в Москву.

Лондон, апрель 1879 г.

Сочинение г. Кареева¹ превосходно (excellent), только я не вполне разделяю его взгляды на физиократов. Я беру теорию капитала, т. е. современного строения общества. Начиная от Петти и кончая Юмом, эта теория была развиваема

¹ Кареев Н. И., Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII века. Москва, 1879. *Ред.*

только по частям — здесь кусок, там кусок, — согласно потребностям той эпохи, когда жил автор. Кенэ первый положил в основу политической экономии ее настоящий, т. е. капиталистический, базис, и весь курьез заключается в том, что он так поступает, повидимому, как арендатор землевладельца. Г-н Кареев положительно неправ, говоря, что физиократы противопоставляли только одно социальное занятие, именно земледелие, другим, т. е. промышленности и торговле, но никогда не доходили, подобно Смигу, до противопоставления социальных классов. Если бы г. Кареев вспомнил основную мысль предисловия Рикардо к его знаменитому творению, где он рассматривает три класса государства (землевладельцев, капиталистов и рабочих, трудами которых почва обрабатывается), то он убедился бы, что первое изобретение трех классов в экономической сфере и их взаимных отношениях могло найти место только в системе земледелия, как это сделал Кенэ. Сверх того необходимо для писателя различать то, что какой-либо автор в действительности дает, и то, что он дает только в собственном представлении. Это справедливо даже для философских систем: так, две совершенно различных вещи — то, что Спиноза считал краеугольным камнем в своей системе, и то, что в действительности составляет этот краеугольный камень. Поэтому неудивительно, что некоторые приверженцы Кенэ, вроде Мерсье де ля Ривьера, находили сущность всей системы в ее параферналиях, тогда как английские физиократы, писавшие в 1798 г., впервые доказывали на основании Кенэ, наперекор А. Смигу, необходимость уничтожения частной собственности на землю¹.

129.

М. М. КОВАЛЕВСКИЙ — МАРКСУ

в Лондон.

Ницца, 1879—1880 гг.

Глубокоуважаемый и дорогой друг!

Большое спасибо за Ваше доброе письмо и за позволение надеяться, что я получу для своей библиотеки Вашу брошюру против Прудона. Экземпляр, который Вы мне одолжили,

¹ Отрывок письма, переведенный Ковалевским для Кареева, опубликован последним в журнале «Былое» № 20, 1922 г. Оригинал не сохранился. *Ред.*

я пошлю Вам через несколько дней. «Нищета философии» меня очень заинтересовала, я там часто встречаю подтверждение тех мыслей, которые не раз приходили мне в голову при чтении «Экономических противоречий»¹. Польза, которую приносит мне это чтение, заключается в том, что я с каждым днем все больше убеждаюсь в бессилии метафизики создать точную науку из огромного множества экономических фактов, исследованных и более или менее плохо объясненных официальными экономистами. Конт, следовательно, был прав, когда не соглашался признать в настоящий момент политическую экономию законченной наукой; она еще «в процессе становления», и Вы не мало сделаете для ее окончательного построения, применяя к изучению экономических фактов великий закон борьбы интересов.

Вы совершенно правы, утверждая, что официальные издания, касающиеся русского сельского хозяйства, Вам знакомы. Но не так обстоит дело с вопросом о кредите в России. Я постараюсь, следовательно, достать Вам наиболее известные труды, так как их огромное множество; русские экономисты в той или иной степени все банкиры и потому занимаются обычно только вопросами кредита.

Прошу напомнить обо мне госпоже Маркс и всей Вашей семье.

Искренне преданный Вам

Ковалевский.

130.

Л. И. ГАРТМАН — МАРКСУ *

в Лондоне.

Лондон, 21 марта 1880 г.

Глубокоуважаемый г. Маркс!

Имею честь переслать Вам в этом письме записочку от моего друга П. Лаврова. Я был бы чрезвычайно рад получить разрешение посетить Вас и приветствовать великого учителя социальных наук.

С величайшим уважением

Л. Гартман.

¹ Прудон П.: Ж., Система экономических противоречий, или философия нищеты (Париж, 1846), ответом на которую была «Нищета философии» Маркса (Брюссель, 1847). *Ред.*

131.

П. Л. ЛАВРОВ — МАРКСУ**в Лондон.**

Париж, 22 июня 1880 г.

Дорогой друг!

Позвольте мне горячо рекомендовать Вам друга Гартмана господина Клячко, который сопровождал Гартмана в его поездке из Франции в Англию. Он, вероятно, будет говорить с Вами о деле, которое живо интересуется наших эмигрантов и относительно которого именно Вы можете дать наилучший совет.

В тот самый момент, как я пишу Вам, утренние газеты сообщают о полной амнистии, принятой вчера палатой. Поздравьте от меня Лонге, Лиссагарэ и всех тех еще неамнистированных коммунаров, с которыми я имел случай познакомиться в Лондоне. Надеюсь, что госпожа Лонге, когда она приедет в Париж, сообщит мне о своем прибытии, и я смогу зайти к ней и пожать ей руку.

Весь Ваш

П. Лавров.

Вам, вероятно, известно, что наш друг Лопатин сослан в административном порядке в Ташкент.

132.

М. К. ГОРБУНОВА-КАБЛУКОВА — ЭНГЕЛЬСУ ***в Лондон.**

Бнарриц, июль 1880 г.

Милостивый государь!

Прежде всего я должна объяснить Вам, почему я решила обратиться именно к Вам, да к тому же с просьбой. Я русская, получила, как у нас говорят, хорошее воспитание, т. е. говорю на многих языках, и вначале жизнь моя шла так, как обычно идет жизнь женщин среднего класса, т. е. я вышла замуж, составив себе подходящую партию и т. д. Не хочу докучать Вам семейными делами, а скажу только коротко, что вот уже 7 лет как все пошло по-иному. Я живу в Москве и даю уроки; я отказалась от хорошего места, которое имела в институте благородных девиц, и даю уроки в самых обыкновенных ремесленных школах для девочек; эти школы, однако, поставлены

у нас совсем иначе, чем учреждения под тем же названием за границей. Все это время я занимаюсь вопросом о ремесленных школах, вопросом, который все глубже и глубже уводит меня в область политической экономии. Три раза я обеспечила себе возможность съездить за границу; каждый раз я использовала эти поездки для того, чтобы поступить ученицей в женские ремесленные школы в Гамбурге, Берлине, Дрездене, Мюнхене, Париже; в некоторых школах я оставалась до 4 месяцев, другие учреждения я только посетила. И всюду я нашла мало удовлетворительного. Но это не относится к делу. Я все больше углублялась в вопросы образования рабочего класса и собиралась использовать настоящие каникулы для путешествия в Англию, чтобы почитать в Лондонской библиотеке¹ и посетить *Mechanics' Institutions*² в Манчестере, Ливерпуле и т. п. Я заработала уже необходимые для этого деньги, но заболела и должна была, вместо поездки в Англию, отправиться в Биарриц, откуда я Вам и пишу. Моя поездка откладывается теперь, по крайней мере, на год, если вообще здоровье позволит мне попрежнему много работать. Но я чрезвычайно хотела выяснить, как обстоит теперь в Англии дело с воспитанием детей рабочего класса и какие меры принимаются для дополнительного обучения взрослых рабочих. В Англии у меня совсем нет знакомых, а Вас, милостивый государь, я знаю по Вашим произведениям, которые мне удалось достать: «Положение рабочего класса [в Англии]», «Жилищный вопрос», «Переворот в науке, произведенный г. Евгением Дюрингом». Не видя другой возможности, я решила попытаться обратиться к Вам, — ведь самое худшее, что может случиться, это то, что Вы мне не ответите. Пожалуйста, извините меня, что я говорю так прямо, но, может быть, Вы поможете мне, назвав книги, которые я могла бы достать. Как обстояло дело с воспитанием детей раньше, мне известно из Вашего произведения, — о чем я уже упоминала, — затем из «Капитала» Маркса и из Спичк книг — «Отчеты уполномоченных по обследованию состояния народного образования в Англии» — 1861 год. Я достала также последние «Отчеты исправительных ремесленных заведений» и маленькую брошюру о *Mechanics' Institutions*. Не могли бы Вы указать мне еще какие-либо источники? В Москве у нас нет библиотек, где можно было бы найти подобные книги, и мне приходится выписывать все самой. Я охотно трачу деньги на такие книги, но, во-первых, у меня даже нет каталога, по которому я могла бы их выбрать, и, кроме того, при моих ограниченных средствах

¹ Британский музей. *Ред.*

² *Mechanics' Institutions* — учебные заведения для распространения технических знаний среди рабочих. *Ред.*

жалко покупать негодные вещи, как со мной уже так часто случалось, когда я выписывала немецкие и французские произведения по этому вопросу. Мне уже удалось добиться некоторых, хотя и очень незначительных результатов в практической жизни, но я боюсь утомить Вас. Иногда очень, очень хочется услышать мнение человека, который смотрит на дело, как Вы, но я никого не знаю, а своим собственным познаниям я еще недостаточно доверяю, чтобы составить себе ясное, определенное суждение. Мне не раз приходилось встречаться с людьми противоположных взглядов, но с их точкой зрения я не могла согласиться, и поэтому я так сильно ощущаю недостаток знаний и недостаток указаний. Свой народ я знаю хорошо, до шестнадцати лет я росла в деревне, и теперь мне приятней всего иметь дело с детьми из народа.

Я, конечно, очень хорошо сознаю, милостивый государь, насколько смело с моей стороны так писать Вам, но не сердитесь на меня, прошу Вас. Только мысль, что иного выхода у меня нет, и горячее желание учиться дальше и составить себе ясный взгляд на вещи, — только надежда добиться в таком случае чего-нибудь — не для себя, потому что я уже не молода, — толкнули меня на этот шаг. Извините меня и, если это Вас не слишком затруднит, ответьте мне, хотя бы совсем коротко.

Будьте уверены в моем самом искреннем почтении и уважении и примите мою глубочайшую благодарность за те знания и то наслаждение, которые я почерпнула из Ваших произведений.

С глубочайшим почтением

М. Горбунова.

Мой адрес: Франция, Биарриц.

До востребования.

Г-же М. Горбуновой.

133.

ЭНГЕЛЬС — М. К. ГОРБУНОВОЙ-КАВЛУКОВОЙ

в Биарриц.

Лондон, 22 июля 1880 г.

Милостивая государыня!

Ваше письмо из Биаррица после некоторых блужданий благополучно доставлено мне сюда, где я проживаю уже десять лет. Спешу дать Вам те сведения, которыми располагаю.

Я обсудил этот вопрос с моим другом Марксом, и мы оба находим, что относительно английских ремесленных школ нет лучших источников, чем имеющиеся в Вашем распоряжении официальные отчеты. Другая, неофициальная, литература по этому вопросу занимается почти исключительно прикрашиванием, а то и просто имеет целью рекламирование какого-нибудь шарлатанства. Я просмотрю отчеты школьных попечительств и министерства просвещения за последние годы, не найдется ли там чего-нибудь, что могло бы Вас интересовать, и тогда сообщу Вам об этом подробнее, если Вы будете так любезны и укажете мне, куда Вам можно адресовать письма или посылки недели через две или осною (так как я на некоторое время уезжаю из Лондона). Ремесленное образование юношества находится здесь еще в худшем состоянии, чем в большинстве континентальных стран; то, что делается, делается обычно только для вида. Из самых отчетов Вы уже, вероятно, усмотрели, что здешние так называемые ремесленные школы никоим образом не соответствуют ремесленным школам на континенте, а представляют собой своего рода исправительные заведения, куда по судебным решениям посылают на определенное число лет беспризорных детей.

Но вот попытки американцев в этом отношении должны, пожалуй, Вас больше заинтересовать. Соединенные Штаты послали по этому вопросу на парижскую выставку богатейший материал, который, вероятно, остался в большой библиотеке на улице Ришелье¹. Подробнее об этом Вы можете узнать там же, из каталога выставки.

Затем я стараюсь узнать для Вас адрес некоего Дакоста в Париже, сын которого принимал участие в Парижской Коммуне 1871 года. Дакоста-отец работает по народному просвещению, горячо интересуется своей профессией и с величайшей готовностью окажет Вам содействие.

Дополнительные школы для взрослых рабочих здесь тоже обычно не многого стоят. Если где-либо и делается что-нибудь хорошее, то лишь благодаря исключительным обстоятельствам и отдельным лицам, т. е. это явления временные и местного характера. Систематически встречается здесь во всех этих делах только одно: шарлатанство. Наилучшие учреждения очень скоро засасывает мертвящая рутина, а цель, которую они будто бы преследуют, все более и более становится предлогом для служащих получать жалованье, возможно меньше затрудняя себя работой. Это настолько обычное явление, что даже заведения, в которых обучаются дети среднего класса — буржуазии — не составляют исключения. Как раз в этой области

¹ Национальная библиотека. *Ред.*

и в последнее время снова натолкнулся на замечательные примеры.

Очень сожалею, что не могу сам уже предоставить Вам новый материал. К сожалению, в течение целого ряда лет я не имел возможности подробно следить за развитием народного образования. В противном случае я был бы очень рад, если бы мог указать Вам большее количество источников. Мы живейшим образом интересуемся всем, что содействует народному образованию, а вместе с тем, хотя бы косвенным образом, движению в такой стране, как Россия, которая находится накануне всемирно-исторического кризиса и которая создала революционную партию, обладающую неслыханной энергией и способностью к самопожертвованию.

Глубоко уважающий Вас

Ф. Энгельс.

134.

М. К. ГОРБУНОВА-КАБЛУКОВА — ЭНГЕЛЬСУ *

в Лондон.

Биарриц, 25 июля 1880 г.

Милостивый государь!

Приношу Вам свою искреннейшую и глубокую благодарность за Ваше письмо. Не нахожу слов, чтобы выразить, как я тронута тем, что Вы не только вообще ответили мне и с такой готовностью хотите мне помочь, но что Вы отнеслись к этому делу так серьезно, что сочли нужным переговорить о нем с господином Марксом, которого мы глубоко уважаем. Как часто в течение этих семи лет я задавалась вопросом: что может сделать отдельный человек, лишенный средств, не имеющий никакого влияния на общественные дела, да еще без основательных знаний, что может сделать он при существующих обстоятельствах для того, чтобы пробудить в народе сознание, чтобы внести свою лепту на общее благо? Мне временами становилось бесконечно грустно от того, что мои силы так ограничены, что я могу дать так мало по сравнению с тем, что требуется. Меня часто охватывало отчаяние от сознания ничтожности того, что я делала, и меня поддерживала только мысль, что лучше дать мало, чем ничего, а я даю все в меру своих сил и способностей. Подумайте, как должна была при таких обстоятельствах подействовать на меня предупредительность, подобная Вашей и именно с Вашей стороны. Еще раз от

глубины души благодарю Вас и с радостью воспользуюсь Вашими советами. Я попрошу Вас еще только передать господину Марксу, что его произведение «Капитал» широко распространено в России и не только среди ученых, но, главным образом, среди тех, кто проявляет какой-либо интерес к социальным наукам и к положению народа; «Капитал» много читается учителями и учительницами, т. е. теми из них, которые серьезно относятся к своей профессии. Но чем больше читается «Капитал», чем больше усваивают читатели и молодежь его основные положения, тем худшей славой пользуется эта книга у наших прокуроров и судебных следователей; за последнее время произошло несколько очень комичных случаев во время судебных заседаний. Для нас эта книга является дорогим и уважаемым учителем.

В прошлый раз я забыла сообщить Вам, милостивый государь, что у меня есть еще отдельные парламентские акты о начальном обучении от 1870, 1873 и 1876 гг., а затем «Отчет комиссии Совета по вопросам образования за 1878—1879 гг.» и расписание и программа лекций института Уотта и школы прикладного искусства. Все эти вещи я получила незадолго до моего отъезда и, следовательно, не успела их еще прочесть.

В Биаррице я пробуду до шестого августа, проеду отсюда на неделю в Париж, а затем вернусь обратно в Москву. Мой московский адрес следующий: Москва, Большая Молчановка, дом Топорова. Я буду Вам очень благодарна за каждое сообщение, за каждое указание, которое Вы мне сделаете. О школьном деле в Америке я читала мало, — знаю только произведение Гиппо и затем книгу Штудница об условиях жизни рабочих в Северной Америке, — поэтому я очень признательна Вам за сообщение о том, где я могу найти более подробные сведения.

Разрешите мне, милостивый государь, сообщить Вам подробнее о цели моих исследований. Так как они могут привести к практическим результатам, а потому интересны не только для меня лично, то мне очень хотелось бы подвергнуть некоторые взгляды Вашей критике и услышать Ваше мнение по этим вопросам. Если бы это было иначе, я бы, конечно, не осмелилась злоупотреблять Вашим временем. Я не буду рассказывать Вам о своих прежних, неудачных попытках, упомяну только, что до весны этого года моя работа ограничивалась уроками. Все мои стремления были направлены к тому, чтобы хорошо обучать своих учениц, не заниматься муштрой, а развивать их умственные способности, дать им действительные знания и сделать из них лучших работниц в широком смысле этого слова. Я могла бы привести не один пример в качестве доказательства, что мои старания не остались бесплодными. Все мое свободное время я посвящала изучению вопроса о профессиональном образовании. И вот, весной прошлого года один из членов

Педагогической секции Союза распространения технических знаний читал публичный доклад о женских ремесленных школах. Я пошла на него и не могла не удивиться количеству красивых фраз, поверхностным знаниям оратора и бессодержательности доклада. Прения по докладу были еще замечательнее. Под конец я не выдержала и, несмотря на свою робость и нелюбовь к публичным выступлениям, обратилась в перерыве к председателю с просьбой разрешить мне выступить в прениях; слово мне было дано, так как некоторые члены знали, что я преподаю во многих ремесленных школах. В результате моего выступления дальнейшие прения были отложены на осень, так как оказалось, что большинство присутствующих совершенно не знакомы с обсуждавшимися вопросами. К осени я подготовила два доклада: первый — о профессиональном образовании вообще, второй — о женских ремесленных школах, и прочла их в октябре и ноябре прошлого года. Между тем члены Комитета, председатель и некоторые из членов до такой степени запутались в личных раздорах, что доклады совсем не обсуждались, и Комитет сложил с себя свои полномочия. Что будет дальше с Союзом, я не знаю. Все же доклады обратили на себя внимание и возбудили интерес нескольких земских гласных. Они обратились к Союзу с просьбой создать комитет и выработать программу для взрослых и сельских школ рисования для наших крестьян, которые в качестве подсобной работы занимаются кустарным промыслом. Однако, как уже сказано, до этого дело не дошло, так как Союз был занят своими ссорами. Один из гласных добился ассигнования Земской управой тысячи рублей ежегодно для женского учительского семинария, где учительницы должны были обучаться прикладному рисованию и рукоделию. Не думайте только, милостивый государь, что я придаю этому особое значение, я по собственному опыту слишком хорошо знаю, как справедливы Ваши слова, что успех дела зависит в большинстве случаев от личностей исполнителей. Я хотела только показать Вам, что по крайней мере первый толчок был дан. Вскоре после этого я получила приглашение принять участие в заседании, на котором должен был обсуждаться устав одного вновь образуемого союза. Союз, говорилось в письменном приглашении, ставит себе целью устройство мастерских для беспризорных, бездомных детей. Союз организует некий князь Хилков. Так как я сама воспитывалась в семье, принадлежащей к высшей аристократии, и позднее очень близко познакомилась с этой средой, то я испытываю настоящую ненависть к этому классу, ко всей его филантропической деятельности и вообще к подобным союзам; но я подумала, что было бы неправильно отказываться идти туда и, может быть, из личных соображений упустить случай что-то

сделать. Я пошла. С трудом я достала себе проект устава; производило впечатление, что это уже совсем организовавшееся общество, да к тому же замкнутое, собирающееся лишь для виду, чтобы формально утвердить ранее принятые решения. Уже в первом параграфе говорилось, что союз ставит своей целью организацию мастерской, где бездомные дети будут обучаться для начала вязанию чулок на машине. Дети таким образом должны будут сами зарабатывать себе на содержание; одна часть заработка будет употребляться на покрытие расходов по их содержанию, другая — возместит расходы на покупку машин и т. д., а из третьей части будет образован фонд для учреждения новых мастерских. Позднее, когда фондовый капитал возрастет, детей станут обучать также чтению, письму и закону божью (арифметика не предусматривается). В мастерскую принимаются дети от 6 до 14 лет. Остальное я опускаю, все было в том же духе. Первым моим побуждением было тотчас же уйти с собрания. Я была возмущена поведением этих людей, которые не постеснялись образовать союз, чтобы под покровом христианской любви организовать подобную фабрику в миниатюре. Но тем временем собрание было открыто, князь единогласно и при общем одобрении избран в председатели, а устав зачитан, под дружные аплодисменты собравшихся. Я не выдержала и попросила разрешения задать несколько вопросов, что было встречено с большим удивлением. Из ответов на эти вопросы выяснилось следующее: князь уже организовал в виде опыта вышеописанную фабрику в миниатюре, куда были устроены 11 детей от 6 до 10 лет. В течение двух недель, не больше, они обучаются работе; они работают 6, 8, 10 часов в день, но, мол, совсем не устают; пока что они не учатся. Они много зарабатывают, и результаты очень хорошие: они едят досыта, спят в комнатах, а не на улице, их моральное состояние улучшается, поскольку они приучаются к работе. — Слышать все это и молчать я не могла. Не буду повторять Вам, милостивый государь, всего, что я говорила, но Вы сами можете представить себе это, если учтете, что я не только прочла Ваши произведения и «Капитал» г. Маркса, но и усвоила, по мере своего разумения, их основные принципы; к тому же я действительно всем сердцем люблю народ и уважаю его права. На меня посыпались нападки, но не напрасно я так много перечитала и передумала: на все возражения против моих взглядов я смогла привести мнение авторитетов. Под конец я добилась того, что мне предложили иначе средактировать параграф, который определял цель общества. После этого должны были быть собраны подписи, т. е. произведено голосование, чтобы решить, какая редакция принимается. Так и сделали. Князь настоял на том, чтобы при голосовании участники его

подписывали свои фамилии друг за другом, и, представьте себе, все же голоса разделились точно пополам, и только перевес голоса князя, как председателя, решил дело в пользу его проекта. Но остальные уже не могли отступить и вышли из союза. С тех пор о нем ничего не слышно, хотя фабрика продолжает существовать.

Я бы не стала писать Вам об этом, если бы дело этим ограничилось. Упомяну только о главных последствиях. Среди этого общества находился председатель Московского уездного земства, и этот господин сделал мне следующее предложение: в шестидесятых годах в Москве образовался союз, целью которого являлось содействие народному образованию; этот союз не собирался уже в течение шести лет, отчасти потому, что время было неподходящее для успешного выполнения его задач, отчасти по другим причинам. Но у этого союза имеется капитал в 10 000 рублей, который лежит неиспользованным. Председатель предложил мне основательно разработать некоторые вопросы профессионального образования, и тогда он созовет комитет для избрания меня в члены. Вслед за этим я должна буду прочесть один или несколько докладов по упомянутым вопросам, после чего будет создан комитет, который обсудит, какого рода школы желательно открыть в Московской губернии, где вследствие малопродуктивности земли очень развиты кустарные промыслы. Деньги на это есть и, без сомнения, можно достать еще. В Москве уже несколько лет существует Земское статистическое бюро, которое представило очень подробные исследования о характере землевладения, о положении крестьян и вообще обо всех условиях жизни сельского населения; бюро продолжает работать и сейчас. Большая часть его работ уже издана¹. Так как этому господину было известно, что я по мере своих сил знакомлюсь со всем, что относится к этой области, то он решил, что при моем участии может быть сделано что-нибудь полезное для народа.

Этот человек принадлежит в земстве к оппозиционной партии и, как я не раз слышала, очень много сделал для открытия школ в уезде. Я лично знаю его очень мало. Эти господа настаивали сперва, чтобы я как можно скорее согласилась на их предложение, но мне не хватает необходимой для этого уверенности в себе, и я сказала им, что до осени текущего года я не смогу ничего разработать. Теоретическая сторона задания — обзор того, что сделано в этом отношении в других странах, какие результаты достигнуты, необходимость профессионального образования — все это вопросы, ответить на которые

¹ Сборники статистических сведений по Московской губернии. Москва, 1878—1879. *Ред.*

в нужной мере мне не так уж очень трудно. Труднее другой вопрос, который мне не поставили, но на который я хочу дать себе ответ прежде, чем вообще приступлю к работе. Это вопрос о том, как согласовать требования нового времени, требования крупной промышленности с нашими деревенскими условиями, с кустарным производством. Крестьянин работает у себя в избе, работает с очень примитивными инструментами и может существовать только потому, что, кроме этой работы, имеет еще землю. Но земля не может его прокормить, надел, который он получает от общины, слишком незначителен, земля в большинстве случаев требует удобрения, а скота недостаточно, подати слишком велики; короче говоря, он должен иметь побочный заработок. Он берется за ремесло. В Московской губернии мы имеем щеточников, шапочников (из поярка), игрушечных мастеров, столяров, горшечников и других кустарей, менее многочисленных, чем названные. У меня нет при себе таблиц, а то я могла бы приблизительно указать, какой процент работает самостоятельно, какой на других предпринимателей-крестьян и какой процент — в качестве наемных рабочих у крестьян. Как же разрешить эту задачу? Как избежать того, чтобы, содействуя ремесленному обучению в таких промышленных отраслях, которые более всего приспособлены для крупного производства, не содействовать в то же время неизбежно развитию фабричного производства с его полностью оторванными от земли рабочими? Все хваленые средства: школы для взрослых, обучение прикладному рисованию, передвижные выставки, кредитные учреждения, различные объединения для закупки сырья, склады готовой продукции и т. д., — все эти средства, по моим наблюдениям в Германии, приносят мало пользы. Кустарные промыслы, вернее те, кто ими занимается, находятся всеюду в жалком состоянии. Что делать? Итти по проторенному пути и пробовать все, что уже испробовано, обращая главное внимание на развитие, на образование народа с тем, чтобы в будущем он сам искал себе и находил выход? Или же существуют другие пути, которых я не вижу и которые до сих пор никто не мог мне указать? Мне говорят — вот деньги; но я боюсь, что эти деньги, добытые трудом бедняков, будут неправильно использованы, будут использованы на опыты, в которые я сама не верю. Видите ли, эта мысль мучает меня, я хотела бы внести ясность в этот вопрос.

Милостивый государь, у меня нехватает даже мужества перечитать свое письмо. Мне кажется, что в него попало столько лишнего и что оно только отнимет у Вас время. Но я прошу Вас в интересах дела быть ко мне снисходительным.

С глубочайшим почтением и уважением

М. Горбунова.

Р. S. Вы окажете мне большую услугу, если сообщите адрес г. Дакоста. Мне очень важно услышать правильное мнение о некоторых школах, в частности о школе на улице Турнефор, где делались опыты соединения первоначального обучения с псевдо-ремесленным обучением. Во время моего пребывания в Париже в 1877 г., мне, несмотря на рекомендательные письма, очень многого не удалось сделать. На особые трудности я натолкнулась, когда захотела поближе познакомиться с крупным производством готового платья и белья. Я хотела поступить работницей, чтобы лично убедиться, как велико разделение труда, применение машин и т. д., но несмотря на все мои старания, мне это не удалось. А чтобы поближе познакомиться с постановкой обучения в ремесленной школе, мне пришлось поступить туда ученицей.

Позвольте упомянуть еще об одном обстоятельстве. У нас существует партия, придерживающаяся того взгляда, что в нашей стране не трудно было бы перевести кустарное производство на рельсы крупной промышленности, с той только разницей, что крестьяне (по условиям нашего климата) будут использованы для фабричной работы только в свободное от сельскохозяйственных работ время, т. е. 5—8 месяцев в году, в зависимости от местоположения деревни, при этом во главе предприятия будет стоять не фабрикант, а ассоциация самих крестьян. Не говоря уже о том, как трудно было бы осуществить такую искусственную меру, с точки зрения наших условий, я думаю, что и в другом отношении эта попытка не удалась бы, поскольку участвующие в производстве рабочие превратились бы просто в работодателей. Фабриканты — выходцы из рабочей среды — у нас наихудшие. Они не только больше прижимают и эксплуатируют рабочих, но и оборудуют свои фабрики хуже других, так, что эти фабрики во всех отношениях являются самыми плохими. Общеизвестен факт, что прежние артели — группы рабочих, которые совместно искали и подряжались на работу в качестве плотников, каменщиков и т. п., — приняты теперь не только в городе, но и в деревне совершенно другой вид. В большинстве случаев артель состоит теперь из так называемого подрядчика, который самостоятельно берет подряд, а затем собирает рабочих, чтобы его выполнить, платит им заработную плату и не думает вовсе делить с ними всю полученную сумму. Многие указывают на существующую у нас общину; здесь не место разбирать этот вопрос, но снова укажу только на одно обстоятельство: определенно известно, что в последние годы, если какая-нибудь община покупает землю, то эта земля не рассматривается, как общинное владение, а распределяется, за редкими исключениями, между отдельными членами общины в соответствии с внесенными ими деньгами. Можно ли при таких

условиях надеяться, что, в случае получения кредита, крестьяне, занимающиеся кустарным промыслом, который неизбежно должен перейти в крупное производство, создадут ассоциацию на равных правах, а не образуют кооперативное товарищество, как показывает большинство примеров, или превращается в фабрику с несколькими, а не с одним хозяином во главе, или распадается, как только члены его разбогатеют, и переходит к другому, единичному владельцу. Я сомневаюсь, чтобы в этом отношении *теперь* дело могло бы обстоять у нас иначе.

Если бы я захотела сообщить Вам все сомнения, которые возникают, как только приступаешь к практическому осуществлению какого-либо мероприятия, то я бы никогда не кончила, а я боюсь, что и так уже слишком долго злоупотребляла Вашим терпением. Если Вы мне позволите, милостивый государь, обращаться к Вам за разрешением наиболее трудных вопросов, то я буду Вам бесконечно благодарна. Я потому так стремлюсь познакомиться с постановкой этого дела в других странах, что ищу там себе отправных пунктов.

С искренним уважением

М. Горбунова.

135.

ЭНГЕЛЬС — М. К. ГОРБУНОВОЙ-КАБЛУКОВОЙ

в Биарриц.

Лондон, 2 августа 1880 г.

Милостивая государыня!

Пишу вторых. Вот уже несколько дней, как мой дом полон приехавшими ко мне из провинции приятелями. Сообщаю адрес:

Г-н Дакоста, 40, rue Gay-Lussac, Париж.

Так как со стариком я виделся всего лишь один раз, и притом недолго, то он наверно не помнит меня; но вместо рекомендации Вы вполне можете упомянуть, что Маркс достал мне его адрес специально для Вас через своего зятя Лонге, который дружен с молодым Дакоста.

На этой неделе у меня будет время, чтобы написать Вам подробнее уже в Париж, до востребования.

Глубоко уважающий Вас

Ф. Энгельс.

136.

ЭНГЕЛЬС — М. К. ГОРБУНОВОЙ-КАВЛУКОВОЙ

в Париж.

Лондон, 5 августа 1880 г.

Милостивая государыня!

В дополнение к моему краткому письму, посланному Вам в Биарриц, могу только сказать, что я, право, не придумаю, какие еще другие документы и отчеты я мог бы порекомендовать Вам, кроме тех, которые Вы сами перечислили в своем последнем письме. Но после школьных каникул, когда сюда вернутся некоторые мои знакомые, я наведу еще дальнейшие справки и, если найду что-нибудь новое, пошлю Вам в Москву или же сообщу об этом. Чтобы корреспонденция выглядела совершенно безобидной, я буду писать по-английски и подписываться Э. Бернс. Письма, направляемые оттуда ко мне, Вы можете адресовать мисс Э. Бернс, 122, Regent's Park Road, N. W. Лондон. Второго конверта не нужно: это моя племянница.

Я с большим интересом прочел Ваши сообщения о Вашей деятельности в Москве, а равно и о том, что Вы надеетесь с помощью председателя земской управы открыть ремесленную школу. У нас здесь есть статистические отчеты всех русских земств и вообще превосходный материал об экономическом положении России. К сожалению, я не мог просмотреть их в данный момент, так как они лежат у Маркса, а он со всей семьей находится сейчас на морском курорте. Впрочем, это мало помогло бы мне ответить на Ваш вопрос, так как для этого необходимо такое знание соответствующих отраслей кустарной промышленности, характера производства в этих отраслях, производимых ими продуктов и их конкурентоспособности, которое можно получить только на месте. В общем мне кажется, что упомянутые Вами отрасли промышленности, по крайней мере большинство из них, будут еще известное время в состоянии конкурировать с крупной промышленностью. Подобные промышленные перевороты происходят чрезвычайно медленно; в Германии во многих отраслях еще и

до сих пор не вполне вытеснен даже ручной ткацкий станок, между тем как в Англии он изгнан из этих отраслей уже 20—30 лет тому назад. В России это должно происходить еще более медленно. Ведь долгая зима оставляет там крестьянину столько свободного времени; и если он в течение дня хоть что-нибудь заработает, он все-таки окажется в выигрыше. Конечно, эти примитивные методы производства неминуемо должны в конце концов погибнуть, и в стране с высоко развитой промышленностью, как, например, здесь, можно было бы утверждать, что гуманнее ускорить этот процесс разложения, чем замедлить его. Но вполне возможно, что в России дело обстоит иначе, — тем более, что там можно определенно предвидеть огромные изменения в общем политическом положении. Мелкие и жалкие паллиативы, которые, как Вы сами убедились, принесли чрезвычайно мало пользы в Германии и в других местах, в России, может быть, помогли бы кое-где народу пережить политический кризис и сохранить свою промышленность до тех пор, пока он сам не получит возможности сказать свое слово. И вот школы, быть может, хоть до некоторой степени помогли бы ему понять, что именно ему надо будет сказать. Этому в большей или меньшей степени содействуют всякие подлинные элементы просвещения, распространяемые в народе. Техническое образование достигло бы своей цели, пожалуй, легче всего, если бы оно попыталось, с одной стороны, более рационально организовать производство, хотя бы в самых жизнеспособных и распространенных отраслях промышленности, а с другой стороны — дало бы детям такие общие технические знания, которые облегчили бы им переход в другие отрасли промышленности. Живя вдали от всего этого, вряд ли можно сказать что-либо еще, кроме этих общих мест, но мне кажется почти несомненным, что Московская губерния еще не так скоро станет центром крупной промышленности, так как она расположена далеко от угольных районов, а дров уже и сейчас похватает. Поэтому тот или иной вид кустарной промышленности, при всей ее изменчивости, мог бы там продержаться еще некоторое время, даже если благодаря покровительственным пошлинам получают возможность развития отдельные крупные предприятия, как, например, хлопчатобумажная промышленность Шуи и Иванова во Владимирской губернии. Но в конечном счете крестьянам можно помочь только тем, что они получают больше земли и будут ее обрабатывать коллективно.

Ваши сообщения о начинающемся распаде **общины** и артелей подтверждают сведения, дошедшие к нам и из других источников. Тем не менее этот процесс разложения может продолжаться еще очень долго. И так как общее развитие в Западной Европе протекает в совершенно противоположном направлении и при бли-

жайшем потрясении оно приобретет необычайную силу, то следует ожидать, что и в России, которая выдвинула за последние 30 лет так много критически мыслящих умов, это течение во-время окажется достаточно сильным, чтобы опереться на тысячелетнее стихийное стремление народа к коллективизму еще до того, как оно успеет угаснуть. Поэтому производительные товарищества и другие формы внедрения ассоциаций среди народа следует рассматривать в России с иной точки зрения, чем на Западе. Но они все же, конечно, останутся мелкими паллиативами.

С глубоким уважением

Ф. Энгельс.

137.

Н. А. КАБЛУКОВ — ЭНГЕЛЬСУ *

в Лондон.

Париж, 21 августа 1880 г.

Милостивый государь!

Думаю, что не ошибаюсь, предполагая, что Вы интересуетесь русскими условиями и знаете русский язык. Вследствие этого позволяю себе, милостивый государь, переслать Вам прилагаемую книгу¹, которую я написал по поручению Московского земства. Материалы для этой книги собраны на местах частично лично мною, частично другими сотрудниками Статистического бюро. Примите ее как скромный знак моего искреннего уважения и моей глубокой признательности Вам, милостивый государь, из произведений которого я не только многому научился, но и нашел там подтверждение моих взглядов. Второй экземпляр книги покорнейше прошу передать господину Марксу, которого я также глубоко уважаю и почитаю. Я бы послал книгу ему непосредственно, но, к сожалению, не смог достать его адреса.

Надеюсь, что Вы позволите мне представиться Вам лично, как только мой путь приведет меня в Лондон.

Примите, милостивый государь, уверение в моем искреннем уважении

Н. Каблук.

¹ *Каблук Н. А.*, Очерк хозяйства частных землевладельцев. «Сборник статистических сведений по Московской губернии», т. V, вып. I. Москва, 1879. *Ред.*

138.

М. К. ГОРБУНОВА-КАБЛУКОВА — ЭНГЕЛЬСУ ***в Лондон.**

Москва, август — сентябрь 1880 г.

Милостивый государь!

Предполагая, что мое письмо не застанет Вас в Лондоне, так как Вы сообщили мне о своем намерении предпринять небольшое путешествие, я воздержалась на некоторое время от ответа Вам. Примите мою глубокую благодарность за рекомендацию, которую Вы дали мне к господину Дакоста, а также за подробный разбор поднятого мною вопроса. Я очень прошу Вас передать мою глубокую благодарность также господину Марксу за сго посредничество.

Теперь, когда я услышала Ваше мнение, я приступаю с большей уверенностью к делу; я также пришла к выводу, что школы и ремесленные школы — это пока почти единственное, где можно с пользой приложить наши слабые силы. Если Вас это интересует, я охотно буду сообщать Вам в дальнейшем о мерах, принятых земством, и о достигнутых результатах. Вчера мне сделали предложение обследовать на месте по поручению земства некоторые женские отрасли кустарных промыслов в Московской губернии и доложить о тех мерах, которые принимаются для развития подобных промыслов за границей. Я боюсь, что у меня еще слишком мало знаний в этой области и, с Вашего разрешения, обращаюсь к Вам с просьбой указать мне некоторые источники. Так, например, в некоторых местностях у нас развита кружевная промышленность. У меня есть отчет о кружевной промышленности, составленный для Венской выставки, затем я лично посетила школу кружевниц, объединенную с венской художественно-ремесленной школой, и сделала себе несколько заметок о ней; я была также в школе Австрийского министерства торговли и др. Но, может быть, Вы могли бы указать мне еще несколько книг по этому вопросу. Простите, милостивый государь, что затрудняю Вас подобными просьбами. Я руководствуюсь только желанием быть по возможности полезной, хотя и подвергаясь при этом опасности показаться Вам назойливой.

Примите уверения в моем глубочайшем почтении и уважении

М. Горбунова.

139.

ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ СОЦИАЛЬНО-РЕВОЛЮЦИОННОЙ ПАРТИИ В РОССИИ — МАРКСУ

в Лондон.

РУССКОЙ СОЦИАЛЬНО-РЕВОЛЮЦИОННОЙ
ПАРТИИ

ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ¹

Октябрь 25 дня 1880 года

№ 246

С.-Петербург,
25 октября (6 ноября) 1880 г.

Г-ну Карлу Марксу

Гражданин!

Класс передовой интеллигенции России, всегда внимательно следящий за идейным развитием Европы и чутко реагирующий на него, с восторгом встретил появление Ваших научных работ.

Лучшие тенденции русской жизни нашли в них свое научное подтверждение. «Капитал» сделался настольной книгой образованных людей. Но в царстве византийской тьмы и азиатского деспотизма всякий прогресс социальных идей рассматривается как революционное движение. Очевидно, что Ваше имя должно было оказаться неразрывно связанным с внутренней борьбой в России; вызывая глубокое уважение и живую симпатию одних, оно подверглось гонению со стороны других. Ваши сочинения были запрещены, и самый факт их изучения считается признаком политической неблагонадежности.

Что касается нас, уважаемый гражданин, то, зная, с каким интересом Вы следили за всеми стадиями борьбы русских революционеров, мы рады возможности констатировать ныне, что самое тяжелое время этой борьбы уже миновало. Революционные попытки, закалив борцов, привели не только к выработке основ революционной теории, но и направили практическое дело революции по надлежащему пути ее осуществления. Революционные фракции, неизбежные в таком новом и таком сложном движении, постепенно договариваются между собой, сливаются и пытаются совместно присоединиться к народному протесту, который у нас так же стар, как и само рабство. Все эти обстоятельства приближают момент победы. Наша задача была бы значительно облегчена, если бы прочные симпатии свободных народов были на нашей стороне, для чего требуется только знание истинного положения вещей в России.

¹ Исполнительный комитет партии «Народная воля». *Ред.*

С этой целью мы поручаем нашему товарищу Льву Гартману найти пути для ознакомления Англии и Америки с текущими событиями нашей общественной жизни.

И мы обращаемся к Вам, уважаемый гражданин, с просьбой помочь Гартману в осуществлении этой задачи. Полные решимости разбить цепи рабства, мы твердо верим, что недалек тот час, когда наша несчастная родина займет в Европе место, достойное свободного народа. Мы счастливы выразить Вам, уважаемый гражданин, чувство глубокого уважения от имени всей социально-революционной партии в России.

*Исполнительный комитет
социально-революционной партии в России.*

140.

М. К. ГОРБУНОВА-КАБЛУКОВА — ЭНГЕЛЬСУ *

в Лондон.

Москва, 23 декабря 1880 г.

Милостивый государь!

Через одного из моих друзей, г. Каблукова, Вы получите отдельный оттиск статьи, помещенной в только что появившемся VI томе 2 выпуска «Сборника статистических сведений по Московской губернии». С октября я работаю в Статистическом бюро и по поручению последнего занимаюсь изучением женских кустарных промыслов. Эта статья — мой первый опыт¹. Мне поручили не только исследовать вопрос, но и ждут, что я внесу предложения о том, как добиться подъема и развития кустарного производства. Именно поэтому для меня в высшей степени важно получить Ваш отзыв о моей работе, о пробелах и ошибках в ней, чтобы я могла избежать их в позднейших работах. Не ради себя осмеливаюсь я обратиться с этой просьбой к Вам и к господину Маркеу, которому господин Каблуков также передаст экземпляр статьи, я прошу Вас об этом от имени нашего женского населения, для пользы которого что-то должно быть сделано. Поэтому, милостивый государь, убедительно прошу Вас, не считайте меня назойливой за то, что я докучаю Вам подобной просьбой. Ваше заверение, что Вас живейшим образом интересует распространение народного образования и развитие

¹ Горбунова М. К., Кустарной промысел. «Сборник статистических сведений по Московской губернии», т. VI, вып. II. Москва, 1880. *Ред.*

народного движения придает мне смелость обратиться с этой просьбой к Вам и к г. Марксу, ибо мнение Ваше и г. Маркса для меня выше мнений всех других людей. Надеюсь, Вы мне верите, что я делаю это не из личных побуждений.

Теперь я позволю себе несколько замечаний по поводу самого издания: реклама составлялась совершенно без моего ведома; она содержит даже явную и *преднамеренную* ложь, так как я уже давно ушла из Института. Я пробовала протестовать, но это ни к чему не привело и мне был предоставлен выбор — или отказаться от работы, или согласиться. В статье было сделано несколько совершенно нелепых изменений. Укажу только один случай: я дословно привела отдельные места из Ваших и г. Маркса произведений, с указанием заглавия произведения и страницы. Из этих цитат были вычеркнуты целые предложения, ссылки на заглавие даны по-немецки, а указания страниц совсем опущены. Все это было сделано *намеренно*, ибо, как сказано, книга не на очень хорошем счету и у нашего земства. Статья кишит опечатками, и рисунки сделаны не только плохо, но в некоторых случаях просто искажены.

Очень прошу Вас передать мой почтительный привет г. Марксу и простить мне мою назойливость, так как намерения у меня хорошие.

С величайшим уважением

М. Горбунова.

141.

МАРКС и ЭНГЕЛЬС — ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СЛАВЯНСКОГО МИТИНГА, СОЗВАННОГО 21 МАРТА 1881 г. В ЧЕСТЬ ГОДОВЩИНЫ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ в Лондоне.

Лондон, 21 марта 1881 г.

Гражданин!

С большим сожалением мы вынуждены сообщить вам, что лишены возможности присутствовать на вашем митинге.

Когда Парижская Коммуна пала после свирепой бойни, устроенной защитниками «порядка», победители никак не предполагали, что не пройдет и десяти лет, как в далеком Петербурге произойдет событие, которое в конце концов должно будет неизбежно привести, хотя бы и после длительной и жестокой борьбы, к созданию Российской Коммуны.

Они никак не думали, что король Пруссии, который своей осадой Парижа заставил правящую буржуазию вооружить народ и тем самым подготовил создание Коммуны, — что этот король десять лет спустя сам окажется осажденным в своей столице социалистами и сможет удержать свой трон, только объявив на осадном положении свою собственную столицу Берлин.

С другой стороны, континентальные правительства, которые после падения Коммуны своими преследованиями принудили Международное Товарищество Рабочих отказаться от своей формальной, внешней организации и которые считали, что смогут сокрушить великое международное рабочее движение декретами и исключительными законами, — эти правительства никак не предполагали, что через десять лет это международное рабочее движение, более мощное, чем когда-либо, охватит рабочий класс не только Европы, но и Америки, и что общая борьба за общие интересы против общего врага объединит рабочих в новый и более широкий, стихийно возникающий Интернационал, все больше и больше перерастающий все внешние формы организации.

Итак, Коммуна, которую державы старого мира считали стертой с лица земли, — жива! Она стала сильнее, чем когда бы то ни было, и мы можем вместе с вами воскликнуть: Да здравствует Коммуна!

142.

Л. Н. ГАРТМАН — ЭНГЕЛЬСУ *

в Лондон¹.

Нью-Йорк, 24 августа 1881 г.

Дорогой друг Энгельс!

Я думаю, что ты поймешь мое русское письмо так же хорошо, как и английское. Не писал я тебе по очень простой причине: так был занят своими делами, что просто не оставалось времени, когда бы приходило желание писать письма.

По приезде моем в Америку господин Блэн — государственный секретарь — поспешил заявить, что правительство Штатов с готовностью выдаст меня России. Такое заявление, конечно,

---

¹ Письмо, кроме нескольких фраз, написано по-русски. *Ред.*

развязывало руки всем шпионам, которые здесь большие охотники до похищений. Во-вторых, я не был готов, чтобы встретить опасность и потому уехал в Канаду. Однако я возвратился, как только увидел, что могу получить помощь от Венделя Филиппса, Суинтона и других, в случае моего ареста...

В сегодняшних газетах читаю, что русское правительство потребовало моей выдачи. Все эти обстоятельства могли бы лишить меня надежды на успешный исход дела, в случае моего ареста; но Вендель Филиппс, Суинтон и другие крупные люди обещали мне свое содействие. Между Америкой и Россией нет трактата о выдаче преступников, но... Оксфордский конгресс в прошлом году и Международный конгресс в Кельне на прошлой неделе делают мою выдачу вероятной.

Однако я хочу остаться в Нью-Йорке и ждать всего, что может случиться.

Хотя общество и пресса и против меня, но за всем тем, дела мои идут прекрасно. Вот уже 4 недели, как газеты кричат обо мне изо дня в день, ругают меня самыми скверными словами и популяризируют мое имя. Если предстоящий процесс кончится счастливо для меня, и я не буду выдан России, я буду здесь силой и наделаю много неприятностей буржуазии и правительству. С различных сторон получаю я письма: мне выражают симпатии, просят меня приехать и проводить митинги. Все эти письма от немцев-социалистов и лишь 3 от американцев.

Не знаю, знакома ли тебе «N. Y. Volkszeitung». Она имеет 15¹/₂ тысяч ежедневных подписчиков и 23 тысячи подписчиков на воскресное издание. Ее редактор, господин Шевич, русский и мой товарищ теперь. Он просил меня сообщить тебе и Марксу, что готов следовать в своей газете той программе, которую ты и Маркс ему продиктуете. Кроме Шевича там есть редакторы Ионас и Дьюк. Я думаю, Вам известны эти лица, но главный редактор — Шевич. «N. Y. Volkszeitung» составляет собственность рабочих-социалистов. Шевич высказал свою надежду, что ты и Маркс не откажетесь писать в «Volkszeitung», если убедитесь, что редакция будет верна тем требованиям, которые вы продиктуете.

Приехавши сюда, я опубликовал ордер, который я получил от Исполнительного Комитета. Рядом с ним — воззвание Исполнительного Комитета к американцам и письмо того же Комитета к Марксу. Все это было напечатано крупным шрифтом в «Volkszeitung» и «Herald» и произвело сильное впечатление...

Передай мой привет Гиршу, господину Муру, Шорлеммеру, Зорге, мисс Бернс и госпоже Лафарг и Лафаргу. Я думаю, что мой французский недруг уже в Париже? Я напишу ему в ближайшие дни. Где Гирш? Я хотел бы услышать о нем, и мне больно,

что он относится ко мне не так, как прежде. Я надеюсь, что мы будем вновь друзьями. Между прочим я скоро уплачу ему мой долг.

Дружески ваш
Л. Гартман.

Мой адрес: Дж. Суинтон (для Л. Г.)
123, Ист, 62-я улица. Нью-Йорк Сити.

143.

М. М. КОВАЛЕВСКИЙ — МАРКСУ

в Лондон.

Барселона, 8 декабря 1881 г.

Дорогой учитель!

В Барселоне, куда я приехал ради арагонских архивов, я узнал из «Temps» грустную весть о смерти госпожи Маркс. Покойная всегда была очень добра ко мне, и я привык не только уважать, но в то же время и любить ее. Радужный прием, который Вы мне всегда оказывали, дает мне право присоединиться к выражениям горячего сочувствия и, увы, бесполезных сожалений, которые Вы, я уверен, получаете отовсюду по поводу ее смерти.

Разрешите выразить Вам, дорогой учитель, чувство моей искренней привязанности.

Ваш
Максим Ковалевский.

144.

П. Л. ЛАВРОВ — МАРКСУ

в Лондон.

Париж, январь 1882 г.

Дорогой друг!

Когда Ваша дочь сообщила мне о тяжелом горе, постигшем Вас, я ответил ей сейчас же, но у меня не хватило мужества написать и Вам. Я знаю слишком хорошо, что бывают потери, при которых невозможны слова утешения; эти потери надо переносить, как неизбежный ход явлений природы, часть кото-

рой мы сами составляем; бороться против действия этих ужасных ударов можно только работой мысли, подавляя личное страдание могучей силой общих идей и размышлениями о судьбе человечества. Я уверен, что Вы, каждое произведение которого так горячо ожидается всеми, кто разбирается в общественных науках, прибегли сейчас же к этому единственному средству в Вашем великом горе. Поэтому я решаюсь обратиться к Вам с просьбой не только от себя лично, но и от группы моих товарищей.

Вам известно, что мы издаем «Русскую социально-революционную библиотеку», первые два тома которой Вам уже посланы. Они содержат мою брошюру о 18 марта и перевод «Квинтэссенции» Шеффле с моими примечаниями и предисловием одного террориста. Следующий выпуск должен содержать перевод Манифеста немецких коммунистов 1848 г.¹ с примечаниями некоего молодого автора (Плеханова), одного из самых горячих ваших учеников. К этому мы присоединим предисловие ко второму изданию. Перехожу теперь к просьбе, с которой мы, редакторы «Русской социально-революционной библиотеки», обращаемся к авторам Манифеста, т. е. к Вам и к Энгельсу. Не будете ли вы так добры написать несколько строк, как специальное предисловие, для нашего издания. Нашим читателям было бы крайне интересно узнать, как авторы Манифеста толкуют его в 1882 г., и это придало бы большую ценность нашему переводу в глазах публики. Если Вы и Энгельс согласитесь выполнить нашу просьбу, мы будем Вам очень благодарны.

Надеюсь, что Вы не откажетесь ответить мне несколько строк. Прошу Вас передать мой привет Энгельсу и тысячу наилучших пожеланий мадемуазель Маркс.

145.

МАРКС — П. Л. ЛАВРОВУ

в Париж.

Лондон, 23 января 1882 г.

Дорогой друг!

Прилагаю несколько строк для русского издания «Коммунистического манифеста»; так как они предназначены для перевода на русский язык, то стилистически не так отделаны, как это необходимо было бы для опубликования их на немецком языке, на котором они написаны.

---

¹ Имеется в виду «Манифест Коммунистической партии». *Ред.*

Я только несколько дней тому назад вернулся в Лондон. В результате перенесенного мною плеврита и бронхита у меня остался хронический катар бронхов. Мой врач надеялся излечить меня, отправив в Вентнор (на острове Уайт), место, где обычно бывает тепло даже зимой. На этот раз, однако, во время моего трехнедельного пребывания в Вентноре, там стояла сырая, холодная погода, было пасмурно и туманно, между тем как в то же самое время в Лондоне было почти лето, которое, однако, при моем возвращении в Лондон кончилось.

Теперь меня намереваются послать куда-нибудь на юг, может быть в Алжир. Выбирать не приходится, потому что Италия для меня недоступна (в Милане один человек был арестован, потому что его фамилия похожа на мою); я не могу даже поехать отсюда на пароходе через Гибралтар, потому что у меня нет паспорта, а там даже англичане требуют паспорт.

Несмотря на все настояния врачей и моих близких, я бы ни за что не согласился на такую затею, связанную с большой потерей времени, если бы эта проклятая «английская» болезнь не действовала так на мозг. Кроме того, рецидив болезни, если бы я даже оправился от нее, отнял бы еще больше времени. Несмотря на все это, я сперва попытаюсь предпринять что-нибудь здесь.

Посылаю Вам номер «Modern Thought» со статьей обо мне. Излишне Вам говорить, что биографические данные, приводимые автором, совершенно неверны. Ваш корреспондент, моя дочь Элеонора, которая шлет Вам привет, взялась исправить в посылаемом Вам экземпляре неправильные английские цитаты из «Капитала». Но, как бы плохо г. Бакс ни переводил, — я слышал, что он еще совсем молодой человек, — он, конечно, первый английский критик, который проявляет действительный интерес к современному социализму. Его речь дышит захватывающей искренностью и глубоким убеждением. Некий Джон Рэ, — кажется, он состоит лектором политической экономии в каком-то английском университете, — поместил несколько месяцев тому назад в «Contemporary Review» статью на ту же тему, очень поверхностную (хотя он ссылается на целый ряд моих работ, которых он, должно быть, никогда не видал), но преисполненную той претенциозности, которой проникнуты истинные британцы благодаря особенному, свойственному им тупоумию. Однако он снисходительно допускает, что я в течение почти сорока лет вводил в заблуждение рабочий класс ложными учениями не из корыстных мотивов, а по убеждению. Вообще публика здесь начинает интересоваться социализмом, нигилизмом и т. д. С одной стороны, Ирландия и Соединенные Штаты, с другой — немишуемая борьба между фермерами и лендлордами, между земледельческими рабочими и фермерами, между капитализмом и лендлордизмом; налицо некоторые признаки

оживления среди промышленных рабочих, — так, например, кое-где при недавних частичных выборах в палату общин рабочими были с презрением отвергнуты официальные рабочие кандидаты (особенно ренегат Интернационала, презренный Гоуэлл), предложенные известными лидерами тред-юнионов и публично рекомендованные «народным Вильямом», мистером Гладстоном; демонстративное формирование в Лондоне радикальных клубов, которые состоят преимущественно из рабочих-англичан вперемежку с ирландцами и выступают против «великой либеральной партии», *официального* тред-юнионизма, «народного Вильяма» и т. д. и т. д., — все это вызывает у британского филистера стремление приобрести теперь некоторые сведения о социализме. К сожалению, обозрения, журналы, газеты и т. д. используют этот «спрос» только для того, чтобы «предлагать» публике отбросы продажных, невежественных, лживых писак, цена которым пени за строчку (хотя бы даже они получали по шиллингу за строчку).

Здесь выходит еженедельник под заглавием «Radical», исполненный добрых намерений, смелый по языку (смелость основана на бесцеремонности, а не на силе), пытающийся вырваться из пут, которыми связана британская пресса, но при всем этом очень слабое издание. Этой газете нехватает толковых редакторов. Несколько месяцев тому назад они письменно обратились ко мне. Я находился тогда в Истберне вместе с моей дорогой женой, затем я был в Париже и т. д., так что до сих пор им еще не удалось переговорить со мной. В сущности я считаю это бесполезным. Чем больше я читаю их газету, тем больше прихожу к убеждению, что она неисправима.

Моя дочь напоминает мне, что уже давно пора кончить письмо, так как осталось несколько минут до отправления почты.

Привет.

Карл Маркс.

146.

П. Л. ЛАВРОВ — ЭНГЕЛЬСУ *

в Лондоне.

Лондон, 6 апреля 1882 г.

Мой дорогой Энгельс!

Я просил корректурные листы предисловия, которое Вы и Маркс были так любезны дать нам¹. Я хотел бы, чтобы Вы

¹ Предисловие Маркса и Энгельса к русскому изданию «Манифеста Коммунистической партии» (Женева 1882) было напечатано также отдельно в номере 8—9 «Народной Воли» за 1882 год. *Ред.*

просмотрели эту корректуру, чтобы быть уверенным, что мысль передана правильно. Верните их мне, пожалуйста. «Народная Воля» уже опубликовала Ваше предисловие.

Дружески жму Вашу руку.

П. Лавров.

147.

ЭНГЕЛЬС — П. Л. ЛАВРОВУ

в Лондоне.

Лондон, 10 апреля 1882 г.

Дорогой Лавров!

С благодарностью возвращаю Вам корректурные листы. Я сделал бы это раньше, если бы не надеялся видеть Вас вчера вечером и сказать Вам: Христос, воскрес ли он?

Не будете ли Вы так добры и не дадите ли мне на несколько дней немецкий текст предисловия? «Sozialdemokrat» просил нас послать ему это предисловие, а так как оно было напечатано в «Народной Воле» (мы гордимся тем, что состоим ее сотрудниками), то это не представит никаких неудобств.

Искренне Ваш

Ф. Энгельс.

Наша мысль, по-моему, передана очень хорошо.

148.

ЭНГЕЛЬС — П. Л. ЛАВРОВУ

в Париже.

Лондон, 31 июля 1882 г.

Дорогой Лавров!

Я бы уже давно поблагодарил Вас за присылку «Манифеста» на русском языке, но не мог Вам писать, ничего не сообщая о Марксе, а мне было строжайше воспрещено сообщать кому бы то ни было в Париже, что он находится в Аржантейле. К сожалению, указание врачей, которые предписали ему как можно меньше говорить, заставляет его еще *скрываться*.

Ковалевский заходил ко мне, когда меня не было дома. Его видела только Элеонора Маркс, и он не оставил адреса. Он должен был уехать через несколько дней после своего приезда, но мне совершенно неизвестно, куда он направился. Как будто бы у него было намерение вернуться на родину. Элеонора Маркс в Аржантейле. Если Вы обратитесь к Лонге, то, может быть, узнаете больше.

Ваш Ф. Э.

149.

ОТ РУССКИХ СОЦИАЛИСТОВ НА МОГИЛУ КАРЛА МАРКСА

в Лондон.

Париж, 15 марта 1883 г.

От имени всех русских социалистов шлю последний прощальный привет самому выдающемуся из всех социалистов нашего времени. Угас один из величайших умов; умер один из энергичнейших борцов против эксплуататоров пролетариата.

Русские социалисты склоняются пред могилой человека, сочувствовавшего их стремлениям во всех превратностях их страшной борьбы, борьбы, которую они продолжают и будут продолжать, пока не восторжествуют окончательно принципы социальной революции. Русский язык был первым, на котором появился перевод *«Капитала»* — этого евангелия современного социализма. Студенты русских университетов были первыми, кому довелось услышать сочувственное изложение теорий могучего мыслителя, которого мы теперь потеряли. Даже те, кто расходился с основателем «Международного Товарищества Рабочих» в практических организационных вопросах, всегда бывали вынуждены все же склониться перед всеобъемлющими знаниями и высокой силой мысли, сумевшей глубоко вскрыть сущность современного капитала, эволюцию экономических форм общества и зависимость всей человеческой истории от этой эволюции. Даже самые яростные противники, которых он встретил в рядах революционных социалистов, не могли, однако, не внять великому революционному призыву, который Маркс и Энгельс, друг всей его жизни, бросили тридцать пять лет тому назад:

«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Смерть Карла Маркса пробудит скорбь у всех, сумевших понять его мысли и оценить его влияние на нашу эпоху.

Я позволю себе прибавить, что эта смерть пробудит еще более тяжкую скорбь у тех, кто знал этого человека в его интимной жизни, а особенно у тех, кто любил его как друга.

П. Лавров.

150.

П. Л. ЛАВРОВ — ЭЛЕОНОРЕ МАРКС*

в Лондон.

Париж, 17 марта 1883 г.

Дорогая мадемуазель Элеонора!

Благодарю Вас за то, что Вы вспомнили обо мне в Вашем великом горе. Да, Вы правы, совершенно правы, рассчитывая на мое сочувствие, потому что, независимо от моей дружбы к Вашему отцу, этой исключительно выдающейся личности, и к Вам, я по опыту знаю, что значит быть одиноким в толпе более или менее симпатичных знакомых, в сутолоке повседневной работы и борьбы, которые занимают Ваши мысли, утомляют Ваши нервы, но не заполняют пустоты в личной жизни. Работаешь, исполняешь свой долг, но место рядом с Вами не занято, все, что делало работу приятной и долг легким..., всего этого нет и не будет. Остается одно утешение, — если только подобное чувство может служить утешением, — это сознание того, что есть множество людей еще более несчастных, людей, никогда не имевших возле себя любимых и уважаемых близких, которые делали бы их жизнь прекрасной, работу приятной, долг легким. Мало кому выпадает счастье иметь такую семью, как Ваша, хранить у себя в памяти образ людей, столь достойных любви и уважения, как те люди, которых Вы только что потеряли... Это, конечно, отнюдь не утешение, но, дорогая мадемуазель Элеонора, я не верю в утешения, я считаю нелепой всякую попытку утешить кого-нибудь в большом горе. Только время, безразличное ко всем несчастьям, ко всем страданиям, зарубцовывает, помимо нашей воли, живую рану, оставляя навсегда рубец...

Узнав о тяжелой потере, которую понесла наука и социалистическая партия всего мира, я успел до отъезда Лафарга только наспех набросать несколько слов от имени своих соотечественников-социалистов для прочтения над могилой великого усопшего. Я боюсь, что эти несколько слов, написанные наспех и в состоянии духа, которое очень затрудняло эту работу, окажутся мало достойными того человека, к которому я обращался с последним прости. Но я не в состоянии был написать лучше, удар

был еще слишком чувствителен и слишком тяжел. Написать Вам с Лафаргом я не посмел и едва смею делать это сейчас.

Я буду очень благодарен Вам, дорогая мадемуазель Элеонора, если через некоторое время, когда жестокая необходимость продолжать жить и действовать, несмотря на горе, заставит Вас вернуться к ужасной банальности повседневной жизни, Вы сообщите мне что-нибудь о себе, о Ваших занятиях, о Ваших планах на будущее, одним словом о том, как Вы собираетесь устроить свою жизнь. Поверьте, что все это меня живо интересует.

Примите, дорогая мадемуазель Элеонора, уверения в моей самой искренней дружбе.

Петр Лавров.

P. S. Я не знаю, каким образом сообщить эту тяжелую весть Лопатину, но не напишете ли Вы Ковалевскому? Его личного адреса я не знаю, но письма можно адресовать на Московский университет.

151.

**СТУДЕНТЫ ПЕТРОВСКОЙ АКАДЕМИИ —
РЕДАКЦИИ «DAILY NEWS»**

Лондон, Англия.

Москва, 18 марта 1883 г.

Благоволите передать г. Энгельсу, автору «Положение рабочего класса в Англии» и интимному другу покойного Карла Маркса, нашу просьбу возложить на гроб незабвенного автора «Капитала» венки со следующей надписью:

«Защитнику нрав труда в теории и борцу за их осуществление в жизни — от студентов Петровской сельскохозяйственной академии в Москве».

Деньги Энгельсу будут посланы немедленно, как только он будет добр сообщить свой адрес и цену венка.

Студенты Петровской академии в Москве.

152.

СЛАВЯНСКИЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ СТУДЕНЧЕСКИЙ
СОЮЗ В ЦЮРИХЕ «СЛАВИЯ» — ЭНГЕЛЬСУ *

в Лондон.

Цюрих, 19 марта 1883 г.

Милостивый государь!

Согласно постановлению общего собрания союза «Славия», от 18 марта 1883 г., союза живущей в Цюрихе молодежи славянских стран, мы спешим выразить нашу глубочайшую скорбь по поводу преждевременной кончины Карла Маркса, гражданина мира и неустанного борца за права пролетариата всех народов. Мы просим Вас передать близким дорогого и незабвенного усопшего чувства, которыми это печальное событие претисполнило наш союз.

Мы надеемся, что память Карла Маркса будет особо увековечена основанием международного фонда его имени для оказания помощи жертвам великой освободительной борьбы, а также для поддержки самой этой борьбы. С этой целью союз «Славия» будет проводить среди своих членов постоянные сборы. Посылаем первую ленту в сумме 5 марок, собранных в нашем кругу.

Вам, верному соратнику нашего дорогого покойного, мы передаем уверения в нашем особом уважении и почтении.

От имени союза

*Председатель А. Масье.**Секретарь И. Теодоров.*

P. S. Так как среди нас есть люди, которые намерены вернуться в Россию легальным путем, то мы просим Вас в случае опубликования этого письма не упоминать названия нашего союза.

Председатель А. Масье¹.

Адрес: Союз «Славия»
Oberstrass близ Цюриха.

153.

ЭНГЕЛЬС — И. Л. ЛАВРОВУ

в Париж.

Лондон, 24 марта 1883 г.

Дорогой Лавров!

Я получил длинную телеграмму из Москвы, в которой меня просят возложить венок на могилу Маркса от имени студентов

¹ На письме печать: Союз «Славия», Цюрих. *Ред.*

Петровской сельскохозяйственной академии. Не имея моего адреса, они телеграфировали в редакцию «Daily News». Теперь они просят меня сообщить стоимость венка и мой адрес. Но телеграмма без подписи; подписано: студенты Петровской академии в Москве.

Кому отвечать? Не посоветуете ли Вы мне? Так как телеграмма пришла после похорон, а могила была снова открыта сегодня, чтобы похоронить в ней маленького сына Лонге¹, умершего в прошлый вторник, я смогу возложить венок только на будущей неделе. Но я бы хотел сообщить этим славным ребятам, что получил их телеграмму и выполнил возложенное на меня поручение.

Очень спешу.

Весь Ваш Ф. Энгельс.

154.

П. Л. ДАВРОВ — ЭНГЕЛЬСУ *

в Лондон.

Париж, 26 марта 1883 г.

Мой дорогой Энгельс!

Я думаю, что лучшим способом сообщить Ваш ответ этим молодым людям, — это написать какому-нибудь известному профессору Академии, объяснив ему суть дела и попросив передать Ваш ответ студентам; раз уж о нем узнает кто-либо из них, он станет быстро известен всем. Вчера я навел справки о профессорах и думаю, что недурно было бы остановить свой выбор на профессоре Иванюкове. У него есть работы по политической экономии и по вопросу освобождения крестьян. Если Вы напишете, что знаете его как автора этих трудов, то Ваше письмо его не скомпрометирует, тем более, что из содержания письма будет видно, что он в этом деле не при чем. Другой путь — написать в Московский университет Ковалевскому, а он уж сам выберет наиболее удобный способ для передачи Вашего ответа. Однако в теперешние времена, пожалуй, опасно посылать профессору письмо, из которого видны его дружеские отношения с Вами, чем писать человеку, которого Вы совсем не знаете. Личный адрес Максима Ковалевского мне неизвестен, но письмо можно адресовать на университет.

---

¹ Анри Лонге — сын Шарля Лонге, влук Маркса. *Ред.*

В тот самый день, когда Маркс умер в Лондоне, Лопатин переходил еще раз границу России. Теперь он здесь, но еще не устроился с квартирой. Его глубоко потрясло известие, которое я сообщил ему тотчас по его приезде. Он собирается написать Вам и мадемуазель Элеоноре, как только будет иметь жильё.

Прошу Вас, мой дорогой Энгельс, как только Вы выясните, в каком состоянии находятся рукописи нашего незабвенного друга, сообщите мне в нескольких словах, каковы Ваши планы относительно опубликования II тома «Капитала» и нового немецкого издания I тома, а также не думаете ли Вы написать труд о жизни Маркса и развитии его идей; подобный труд лучше всего можете написать именно Вы. Меня, так же как и многих наших друзей, живо интересует все это.

Лопатин говорит, что он никак не может осознать, что Маркса нет в живых.

Сердечно жму Вашу руку. Прошу передать мой самый дружеский привет мадемуазель Элеоноре.

Петр Лавров.

155.

Г. А. ЛОПАТИН — ЭЛЕОНОРЕ МАРКС *

в Лондон.

Париж, 28 марта 1883 г.

Моя дорогая мисс Тусси!

У меня нет слов, чтобы выразить Вам, какую боль причинило мне известие о смерти Вашего отца и как глубоко я сочувствую Вашему горю. Сообщение о кончине моего уважаемого и любимого друга было первое, что я услышал, переступив порог Лаврова! Маркс умер как раз в тот день, когда я переходил границу России. Таким образом, задержка в несколько дней лишила меня радости еще раз в жизни обнять этого человека, которого я любил как друга, уважал как учителя и почитал как отца.

Не сердитесь на меня, что я не написал Вам сразу. Вы знаете, как мне всегда трудно было писать на чужом языке, а за четырехлетнее пребывание в России я, как Вы сами понимаете, еще более отвык от этого. К тому же, в течение всех этих дней у меня не было собственного угла, и только сегодня я нашел, наконец, маленькую комнату, где могу думать и чувствовать, оставаясь

наедине с собой. Я пользуюсь первыми минутами уединения, чтобы написать Вам это письмо.

Примите, дорогая мисс Тусси, выражение моего глубочайшего сочувствия и верьте неизменной и искренней преданности Вашего

Германа Лопатина.

156.

Г. А. ЛОПАТИН — ЭНГЕЛЬСУ

в Лондон.

Париж, 28 марта 1883 г.

Мой дорогой Энгельс!

Надо ли говорить Вам, как тяжело мне было узнать о смерти Маркса? Надо ли говорить Вам, как искренне и глубоко я сочувствую Вашему собственному горю? Я надеюсь, что Вы достаточно хорошо меня знаете, чтобы избавить меня от выражения на ломаном английском языке своих сокровеннейших чувств по поводу этого горестного события.

Я слышал от Лаврова о Вашем последнем письме к нему и постараюсь узнать через одного из московских студентов фамилии лиц, пославших эту телеграмму¹.

Вместе со всем научным и социалистическим миром я с нетерпением жду результатов первого просмотра бумаг Маркса.

Примите еще раз выражение моего самого глубокого сочувствия и верьте искренней привязанности

Вашего Г. Лопатина.

157.

П. Л. ЛАВРОВ — ЭНГЕЛЬСУ *

в Лондон.

Париж, 31 марта 1883 г.

Мой дорогой Энгельс!

Посылаю Вам почтовым переводом 124 франка 50 сантимов, полученные П. Кранцом² из Петербурга «от студентов

¹ Телеграмма, полученная Энгельсом от студентов Петровской академии в Москве, с просьбой возложить венок от студентов Академии на могилу К. Маркса. См. стр. 263 настоящего сборника. *Ред.*

² П. Лавров. *Ред.*

Технологического института и от русских учащихся женщин» для «венка на могилу Карла Маркса». Я собираюсь поместить в одной из ежедневных петербургских газет (вероятно, в газете «Новости») извещение о передаче Вам этих денег. Они посланы полуофициально, а потому, если Вы решите опубликовать сообщение, что деньги Вами получены и использованы по назначению, то я попрошу Вас прислать мне вырезку с этой заметкой; я перешлю ее в Петербург. Предупреждаю Вас, что имени П. Кранца я в своем извещении упоминать не буду.

Дружески жму Вашу руку
П. Лавров.

158.

ЭНГЕЛЬС — П. Л. ЛАВРОВУ

в Париж.

Лондон, 2 апреля 1883 г.

Дорогой Лавров!

Спешу подтвердить получение Вашего письма с переводом на 124 франка 50 сантимов. Я смогу получить эти деньги не раньше среды, потому что завтра должен просматривать рукописи, оставленные Марксом. Исполнив поручение, я сообщу об этом в цюрихском «Sozialdemokrat» и попрошу редакцию послать Вам несколько экземпляров этого номера. Само собою разумеется, что имя гражданина Кранца не будет упомянуто.

Я нашёл рукопись «Обращение капитала» и из третьей книги — «Весь процесс, взятый в целом» — около 1000 страниц in folio. Пока ещё нельзя сказать, может ли эта рукопись быть напечатана в таком виде. Во всяком случае мне придется ее переписать, потому что это черновик. Завтра у меня будет, наконец, время, чтобы посвятить несколько часов просмотру всех рукописей, оставленных нам Мавром. Особенно меня интересует очерк диалектики, который он всегда хотел написать. Но он всегда скрывал от нас, в каком состоянии его работы. Он знал, — проведая, что у него что-нибудь готово, мы будем приставать к нему до тех пор, пока он не согласится это опубликовать. Все это между нами, я не имею права ничего печатать без Тусси, которой вместе со мною завещано литературное наследство.

Мы все были радостно удивлены известием о том, что наш смелый, до безумия смелый, Лопатин снова благополучно

вернулся на волю. Будем надеяться, что, сохранив смелость, он оставил безумие в России. Надеюсь увидеть его здесь на днях. Передайте ему от меня горячий привет.

Преданный вам

Ф. Энгельс.

159.

ЭНГЕЛЬС — П. Л. ЛАВРОВУ

в Париж.

Лондон, 28 января 1884 г.

Дорогой Лавров!

Около трех недель тому назад я послал Вам номер «Standard» со статьей, которая может быть для Вас интересной¹. Надеюсь, Вы его получили.

Сейчас я начал, — здоровье мне это, наконец, позволяет, — приводить в порядок книги и т. п., оставленные Марксом. Среди прочего имеется целая русская библиотека, которая составила благодаря любезности Даниельсона и содержит очень ценные материалы о современном социальном положении России. Там собрано почти все, что вышло по этому вопросу. В моем возрасте и при моей чрезмерной загруженности работой я лишен возможности *вновь* прийтись за углубленное изучение России, которое, к несчастью, прервалось смертью нашего друга. Тогда мне пришла мысль, и Тусси согласилась со мной, что наш долг — предоставить эти книги в Ваше распоряжение. Вы, как признанный представитель русской революционной эмиграции и старый друг покойного, конечно, больше, чем кто-либо другой имеете право на собрание книг, — составленное благодаря преданности Ваших и наших друзей в России, — для Вашего личного пользования или для того, чтобы оно послужило ядром при создании библиотеки русской революционной эмиграции. Если Вы согласитесь, я могу их Вам послать — на Ваш или любой другой адрес, который Вы мне укажете — в течение февраля. Я оставляю здесь только те книги, из которых Маркс сделал выписки, и еще несколько, которые могут мне понадобиться для II тома «Капитала». Без этих книг наберется приблизительно около ста томов.

Что касается второго тома, то я, наконец, начинаю в нем разбираться. Для второй книги — «Обращение капитала» — у нас есть редакция 1875 г., а для важнейших ее частей —

¹ См. стр. 272 настоящего сборника. *Ред.*

т. е. для ее начала и конца — и позднейшая. Тут надо будет только привести цитаты согласно имеющимся указаниям. Для средней части книги есть не менее четырех вариантов, написанных до 1870 г.; в этом единственное затруднение. Третья книга — «Капиталистическое производство, взятое в целом» — существует в двух вариантах, написанных до 1869 г.; к более позднему времени относятся только несколько заметок и целая тетрадь уравнений для вычисления разнообразных факторов, согласно которым меняется отношение нормы прибавочной стоимости к норме прибыли. Но выдержки из книг о России и о Соединенных Штатах содержат множество материалов и заметок о земельной ренте; другие относятся к денежному капиталу, кредиту, бумажным деньгам, как орудию кредита и т. д. Я еще не знаю, в какой мере я смогу их использовать для третьей книги, — может быть, лучше будет их объединить в отдельном издании. И так, должно быть, и сделаю, если включение их в «Капитал» представит слишком большие трудности. Для меня важнее всего, чтобы книга вышла как можно скорее, и затем особенно важно, чтобы то, что я издаю, было настоящим произведением *Маркса*.

Со дня на день мы ждем экземпляров 3-го издания I тома; мы Вам пошлем один из них, как только получим.

Женевские русские издания — «Манифеста»¹ и т. д. — доставили мне большое удовольствие.

Только что получил письмо от двух поляков, Крживицкого и Сосновского. Они просят разрешение на польский перевод «Капитала». Конечно, мы это разрешение дали. Сосновский живет в Париже. Может быть, Вы случайно знаете этих граждан?

Ваш Ф. Энгельс.

160.

П. Л. ЛАВРОВ — ЭНГЕЛЬСУ *

в Лондон.

Париж, 30 января 1884 г.

Мой дорогой Энгельс!

Прежде всего благодарю Вас и мадемуазель Элеонору Маркс за то, что Вы подумали обо мне, когда встал вопрос о русской части библиотеки нашего покойного друга. Моя дружба с ним и то глубокое уважение, с каким я относился и отношусь к его трудам, сделают для меня вдвойне дорогими книги,

¹ *К. Маркс и Ф. Энгельс, Манифест Коммунистической партии. Женевы, 1882. Ред.*

которые Вы мне пришлете. Так как моя библиотека к услугам всех моих соотечественников, которым нужно выполнить какую-либо работу, то этими книгами смогут пользоваться очень многие.

Я счастлив, что Вы чувствуете себя лучше и что Вы принаемаетесь за подготовку второго тома «Капитала». Все спрашивают у меня, когда предполагается выход этого тома. Может быть, было бы целесообразно издавать его отдельными выпусками по мере того, как Вы будете окончательно обрабатывать его для печати? Во втором томе нашего «Вестника Народной Воли» я даю обзор социалистического движения и деятельности рабочих и революционных организаций в различных странах¹ и сообщаю там же, что кроме немецкого и английского изданий первого тома «Капитала» и издания второго тома того же труда Вы готовите полное собрание сочинений Маркса и его подробную биографию. Очень своевременным было бы издание старых работ Маркса, так как многие из них невозможно достать. Здесь нельзя было найти ни одного экземпляра ни «Нищеты философии», ни «К критике политической экономии». Недели две тому назад мне предложили опубликовать в нашем «Вестнике» перевод одной статьи Маркса, появившейся в 1850 г. в «Новой Рейнской Газете», под заглавием: «1848—1849»². Но у меня нет никакой возможности получить здесь «Новую Рейпскую Газету», и я никогда не читал этой статьи, а потому не знаю ни ее содержания, ни ее объема. Думая, что Вы больны, я не решался обратиться к Вам. Но раз уж я пишу Вам, то могу посоветоваться с Вами и по этому вопросу. Что это за статья и какое место занимает она в творчестве Маркса? Вы меня очень обяжете, если дадите мне разъяснения по этому поводу.

Сосновского, который писал Вам и приходил ко мне за Вашим адресом, я знаю. Это искренний и преданный социалист и прекрасный юноша. Не знаю только, откуда возьмет эта довольно бедная группа достаточно денег для такого большого издания, как издание первого тома «Капитала» на польском языке.

Читали ли Вы работу Девиля³, который дал краткое изложение «Капитала» на французском языке, и каково Ваше мнение об этой книге?

¹ *Лауров П.*, За пределами России. Общее обозрение. — «Вестник Народной Воли», т. 2. Женева, 1884. *Ред.*

² Речь идет о работе Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.», появившейся в «Новой Рейнской Газете. Политико-экономическое Обозрение» в 1850 г., вып. 1, 2, 3. *Ред.*

³ *Deville G.*, Le «Capital» de Karl Marx résumé et accompagné d'un aperçu sur le socialisme scientifique. Paris, 1883 (*Девиль Г.*, «Капитал» Карла Маркса (изложение I-го тома) с вступительной статьей «очерк научного социализма». 1925). *Ред.*

Дружески жму Вашу руку и желаю Вам прежде всего доброго здоровья и быстрой и успешной работы. Заранее благодарю Вас за присылку 3-го немецкого издания I тома «Капитала».

П. Лавров.

Передайте мой сердечный привет мадемуазель Элеоноре Маркс, когда Вы ее увидите.

Я забыл поблагодарить Вас за «Standard». Я не знал, что это Вы мне его послали. Это сообщение особенно интересно тем, что оно доказывает, что граф Толстой, несмотря на то, что он министр внутренних дел, не имел точных сведений о том, как все произошло на квартире Яблонского¹.

Доверяю Вам одну *тайну* (впрочем Вы можете сообщить ее мадемуазель Элеоноре): Лопатин здесь; он приехал на несколько дней *по партийным делам* и страшно занят. Он просит передать Вам и мадемуазель Элеоноре сердечный привет, но совершенно не имеет времени написать Вам. Я только что прочел ему Ваше письмо, и он высказал надежду, что по получении корректурных листов II тома «Капитала» Вы будете постепенно пересылать их Даниельсону, с которым он скоро увидится.

161.

ЭНГЕЛЬС — П. Л. ЛАВРОВУ

в Париж.

Лондон, 5 февраля 1884 г.

Дорогой Лавров!

Значит, решено, книги я Вам вышлю.

Ах, этот второй том! Если бы Вы знали, мой старый друг, как хотелось бы мне поскорее его подготовить. А вот пришлось потерять полгода из-за моей проклятой болезни. И теперь еще я не смогу начать серьезно работать раньше середины марта. Это время мне понадобится для того, чтобы привести в порядок все книги, бумаги, газеты и т. д., а я могу, не переутомляясь,

¹ 16 декабря 1883 г. на квартире С. П. Дегаева (Яблонского) был убит инспектор секретной полиции подполковник Судейкин. Террористический акт был совершен по решению Исполнительного комитета партии «Народной воли», заставившего под страхом смерти разоблаченного провокатора Дегаева организовать убийство его ближайшего начальника Судейкина. *Ред.*

заниматься этим всего лишь по несколько часов в день. Особенно это беспокоит меня потому, что я — *единственный из оставшихся в живых*, кто в состоянии расшифровать этот почерк и эти сокращения отдельных слов и целых фраз. Что касается издания выпусками, то это отчасти будет зависеть от издателя и от германских законов. Пока я не думаю, чтобы это шло на пользу такой книге, как эта. С корректурой я постараюсь поступить так, как этого хочет Лопатин. Но около двух месяцев назад **Вера Засулич** писала мне, чтобы я предоставил перевод ей. Я ответил, что преимущественное право на перевод остается за Лопатиным и что говорить об этом пока преждевременно. Но обсудить возможность напечатания перевода в *России* можно было бы уже и сейчас. Думаете ли Вы, что это можно будет сделать? Второй том носит чисто научный характер и трактует лишь вопросы, относящиеся к взаимоотношениям *внутри самой буржуазии*. Но в третьем — будут места, которые заставляют меня сомневаться в возможности их напечатания даже в Германии при исключительном законе.

В отношении издания полного собрания сочинений Маркса — те же затруднения, это только одна из многочисленных трудностей, которые надо преодолеть. У меня около 60 листов (по 16 печатных страниц) старых рукописей Маркса и моих от 1845 до 1848 года. Из всего этого можно будет опубликовать только извлечения, но я не смогу взяться за это, пока не закончу работу над рукописью второго тома «Капитала». Так что остается только ждать.

В статье, о которой Вы говорите и которой у нас здесь тоже нет, будет от 3 до 5 печатных листов. Это сводный обзор политического развития Франции с 24 февраля 1848 до 1851 года. Это вкратце изложено в «18 брюмера», но все-таки статью стоит перевести. Я сам разыскиваю полный экземпляр «Новой Рейнской Газеты. Политико-экономическое Обозрение», у меня есть только $\frac{2}{5}$ всех номеров.

Девиль прислал мне свою рукопись для просмотра. Так как я был болен, то ограничился лишь теоретической частью, где мне пришлось исправить очень немного. Но описательная часть составлена весьма наспех. Прежде всего она иногда непонятна тому, кто не читал оригинала, а потом он часто дает выводы Маркса, опуская условия, при которых эти выводы только и являются правильными. Это иногда создает более или менее ложное впечатление. Я обратил на это его внимание, но книгу спешили выпустить как можно скорее.

Ваш Ф. Энгельс.

162.

П. Л. ЛАВРОВ — ЭНГЕЛЬСУ ***в Лондон.**

Париж, 9 февраля 1884 г.

Мой дорогой Энгельс!

Большое спасибо за 3-е немецкое издание первого тома «Капитала», которое я только что получил. Все будут очень довольны, прочитав в нем извещение о предполагающемся выпуске второго тома в 1884 году. — Что касается русского перевода, то я должен прежде всего передать Вам благодарность Лопатина за Вашу память о нем и сказать Вам от его имени, что в России существует группа лиц, которая решила издать перевод второго тома «Капитала» *во что бы то ни стало*. Если издание будет конфисковано (они идут на этот риск), то книга будет выпущена за границей; но самый риск не помешает печатанию. Дело это решенное, и деньги для печатания найдутся. Но Вы опасаетесь за немецкое издание. Может быть в 3-й книге есть личные выпады против Бисмарка или против старого Вильгельма? Если этого нет, то мне кажется мало вероятным, чтобы книга была запрещена. Но во всяком случае это лишний довод за то, чтобы издавать книгу отдельными выпусками (второе издание, насколько я припоминаю, вышло именно таким образом). Это дало бы возможность читателям получить по крайней мере первые выпуски, куда вошла бы вторая книга, а может быть и часть третьей. А выпуск, который оказался бы задержанным, можно было бы издать в Цюрихе, что не составит слишком большого труда.

Благодарю за Ваши разъяснения относительно статьи в «Новой Рейпской Газете». Нашему «Вестнику» очень трудно будет поместить переводную статью размером в 3—5 печатных листов.

Желаю Вам всего лучшего и прежде всего здоровья. Мой самый искренний привет мадемуазель Элеоноре Маркс.

П. Лавров.

163.

ЭНГЕЛЬС — П. Л. ЛАВРОВУ**в Париж.**

Лондон, 14 февраля 1884 г.

Мой дорогой Лавров!

Принимаю к сведению сказанное Вами относительно русского перевода II тома «Капитала». Когда придет время, мы вернемся к этому вопросу.

Что касается немецкого издания, то Вы знаете, что там мы под властью самого неограниченного произвола и что там могут запретить *все*. Маркс никогда не считался с существующими законами, он всегда высказывался откровенно, и было бы чудом, если бы II том не давал достаточно оснований для конфискации и изъятия по закону 1878 года. Но надо рискнуть, и я, конечно, ничего не стану смягчать.

Когда Г. Лопатин был здесь, он мне сказал, что Н. Даниельсон хочет, чтобы я ему вернул книгу под заглавием «Труды Комиссии для исследования хлебной промышленности в России». Но я нахожу много книг по торговле и производству зерна. Книга, наиболее подходящая к указанному заглавию, — «Труды экспедиции, снаряженной императорским Вольным экономическим и Русским географическим обществами для исследования хлебной торговли и промышленности в России», 2 тома, 1870 г.

Об этой ли книге идет речь? Если да, то по получении подтверждения от Вас я ее немедленно отправлю обратно по адресу: Мойка, 27, Санкт-Петербург.

Надеюсь, что смогу отослать Ваши книги¹ на будущей неделе. Некоторые из них я оставил у себя; если окажется, что они мне не понадобятся для II тома, я отправлю их Вам позже.

Ваш Ф. Энгельс.

164.

Е. ПАПРИЦ — ЭНГЕЛЬСУ

в Лондоне.

Лондон, 26 июня 1884 г.

...С целью распространения в русском обществе идей научного социализма, в Москве предпринято издание литографированного журнала «Социалистическое Знание»² (печатать его, к несчастью, невозможно). Программа включает переводы работ о научном социализме.

¹ Русскую библиотеку Маркса, переданную Энгельсом и Элеонорой Маркс Лаврову. *Ред.*

² Паприц имеет в виду издание нелегального студенческого «Общества переводчиков и издателей», выпускавшиеся в Москве в 1884 году. В первый сборник «Социалистического Знания» вошла работа Энгельса «Социализм утопический и социализм научный» и отдельные главы из его «Положения рабочего класса в Англии». *Ред.*

Не будете ли Вы так добры назвать мало известные статьи как Ваши, так и Маркса, которые были в свое время опубликованы в газетах. За исключением «Положения рабочего класса в Англии», «Жилищного вопроса», «Социализма утопического и социализма научного»¹ ничего не переведено. В настоящий момент я перевожу «Очерки критики политической экономии». Я очень хотела бы иметь последний манифест к английским рабочим, но не могу найти его. Не будете ли Вы добры указать мне, где его можно достать, а также, где можно купить в Лондоне «Переворот в науке, произведенный г. Дюрингом».

Прошу Вас, не откажите нам в помощи. Мы действительно самым искренним образом хотим учиться, так как глубоко убеждены, что невежество не ведет ни к чему хорошему и только наука может осветить нашу дорогу.

Примите, милостивый государь, выражение моего глубочайшего почтения.

Всегда готовая к услугам

Евгения Паприц.

165.

ЭНГЕЛЬС — Е. ПАПРИЦ

в Лондоне.

Лондон, 26 июня 1884 г.

Сударыня!

Про литографированный журнал, о котором Вы говорите, я уже слышал, хотя мне и не удалось еще увидеть ни одного экземпляра.

Мне кажется, что Вы немного несправедливы к Вашим соотечественникам². Мы оба, Маркс и я, не можем на них пожа-

---

¹ *Энгельс*, Развитие социализма от утопии к науке. Впервые эта книга вышла в Париже в 1880 г. на французском языке под заглавием «Социализм утопический и социализм научный». *Ред.*

² В своем письме Е. Паприц писала Энгельсу, что, по ее мнению, нельзя считать, что русские социалисты лучше других подготовлены к революции, потому что они якобы несведущи в общественных делах, у них нет идей и настоящих научных знаний. *Ред.*

ловаться. Если некоторые школы и отличались больше своим революционным пылом, чем научными исследованиями, если были и есть еще различные блуждания, то, с другой стороны, была и критическая мысль и самоотверженные искания в области чистой теории, достойные народа, давшего Добролюбова и Чернышевского. Я говорю не только об активных революционных социалистах, но и об исторической и критической школе в русской литературе, которая стоит бесконечно выше всего того, что создано в Германии и Франции официальной исторической наукой. И даже среди революционеров-практиков наши идеи и экономическая наука, коренным образом переработанная Марксом, всегда встречали понимание и симпатию. Вы, наверное, знаете, что в самое последнее время были переведены и изданы по-русски многие из наших работ, а вскоре будут переведены и напечатаны еще некоторые, в частности «Нищета философии» Маркса. Его небольшая работа, написанная до 1848 г., «Наемный труд и капитал» тоже принадлежит к этой серии и напечатана под этим заглавием.

Я чрезвычайно польщен тем, что Вы считаете полезным перевести мои «Очерки [критики политической экономии]». Хотя я и теперь еще немного горжусь этой своей первой работой в области социальных наук, я очень хорошо знаю, что в настоящее время она совершенно устарела и полна не только ошибок, но и грубых промахов. Боюсь, что она принесла бы больше вреда, чем пользы.

Посылаю Вам по почте экземпляр «Анти-Дюринга».

Что касается наших старых газетных статей, то их теперь было бы трудно разыскать. Большинство из них сейчас утратило свою злободневность. Когда после напечатания рукописей, оставшихся после Маркса, у меня будет достаточно свободного времени, я думаю их издать в виде сборника с примечаниями и т. д. Но это — дело будущего.

Не совсем понимаю, о каком манифесте к *английским* рабочим Вы говорите. Может быть Вы имеете в виду «Гражданскую войну во Франции», манифест Интернационала по поводу Парижской Коммуны? Могу его Вам послать.

Если бы здоровье мое позволило, я попросил бы разрешения навестить Вас. Хотя *дома* я себя чувствую сносно, но ходить по городу мне, к сожалению, запрещено. Если Вы окажете мне честь своим посещением, я всегда в Вашем распоряжении около семи или восьми часов вечера.

Примите, сударыня, уверения в моем совершенном почтении.

Ф. Энгельс.

166.

ЭНГЕЛЬС — П. Л. ЛАВРОВУ

в Париж.

Лондон, 12 февраля 1885 г.

Дорогой Лавров!

Спешу ответить на Ваши вопросы. Данные о «Новой Рейнской Газете (Обозрение)» под редакцией Карла Маркса, Гамбург и Лондон 1850 г., совершенно правильны. Вышли выпуски I—VI. Издателем был Шуберт в Гамбурге. Вы сами несколько месяцев тому назад просили меня дать Вам сведения относительно статей Маркса, напечатанных в этом журнале, — о февральской революции и последовавших за ней событиях. У меня есть всего только три выпуска, и я тщетно старался раздобыть полный комплект. Остальные факты, указанные Гроссом, насколько мне помнится, тоже правильны (мой экземпляр у Тусси, так что я не мог их проверить). Я, конечно, не имею никакого отношения к его тупоумной критике теории Маркса. Его рекомендовали мне венские социалисты; он задал мне несколько вопросов биографического характера, и я сообщил ему необходимые факты.

В немецком переводе «*Ницеты* [философии]» мне принадлежит только несколько пояснительных примечаний, но там есть, кроме того, статья Маркса о Прудоне от 1865 г. и его речь от 1847 г. о свободе торговли.

Второй том «Капитала» печатается; вчера я правил четвертый лист. Последнюю часть рукописи отправляю через две недели. Самым важным будет третий том; я примусь за него, как только управлюсь со вторым. Английское издание подвигается вяло, так как у обоих переводчиков так много другой работы, что они не могут взяться как следует за дело. К лету, надеюсь, оно будет закончено.

Мне уже говорили, что у Вас болят глаза. Не лучше ли Вам было бы прервать на время занятия, чтобы не слишком утомить зрение? Я нахожу, что в нашем возрасте лучше бороться с симптомами болезни в самом начале. Жду от Вас в недалеком будущем более утешительных известий.

В предисловии ко второму тому «Капитала» я возвращаюсь к Родбертусу, чтобы доказать, что его заявления по поводу Маркса основаны на совершенно неслыханном невежестве в области классической политической экономии.

Ваш Ф. Энгельс.
(Федор Федорыч).

167.

ЭНГЕЛЬС — П. Л. ЛАВРОВУ

в Париж.

Лондон, 7 февраля 1886 г.

Дорогой Лавров!

Сообщите мне, пожалуйста, в каком смысле Вы понимаете слово *worthies* [знаменитости]? Мне не хотелось бы придавать ему в Ваших устах филистерский смысл, являющийся здесь почти официальным и обнимающий всю дистанцию от Фарадея до какого-нибудь Пибоди или леди Бердет-Каутс; тогда я постараюсь пайти для Вас то, что Вы хотите.

Рукопись английского перевода первого тома наконец у меня, я ее немедленно же просмотрю. После этого приступлю к окончательной редакции третьего тома. Это будет не легкой задачей, но я доведу ее до конца.

Ваш Ф. Э.

168.

ЭНГЕЛЬС — П. Л. ЛАВРОВУ

в Париж.

Лондон, 3 сентября 1887 г.

От Даниельсона из СПб я получил известие о смерти г. Лопатина. Получили ли Вы подтверждение этому? Хочу думать, что это ошибка. Если, к несчастью, известие правильно, сообщите мне, пожалуйста, я тотчас же пошлю некролог в цюрихский «Sozialdemokrat»¹.

Ваш Ф. Э.

169.

П. Л. ЛАВРОВ — ЭНГЕЛЬСУ *

в Лондон.

Париж, 27 ноября 1890 г.

Мой дорогой друг Энгельс!

Я только что узнал, что завтра Вам исполнятся знаменитые «три с половиной двадцатилетия». Вас лично я не поздравляю

¹ Известие о смерти Лопатина было ошибочным. Ред.

с этой годовщиной, так как, сам приближаясь к тому же возрасту, слишком хорошо знаю все его темные и печальные стороны. Но я поздравляю всех Ваших юных друзей, которые могут еще черпать новую энергию в Вашей вечно молодой старости. Я поздравляю всемирный социализм, который имеет возможность назвать Вас в числе самых полезных и энергичных борцов. В этом письме я шлю Вам привет и наилучшие пожелания не только от своего имени, от имени Вашего личного друга и друга нашего дорогого Маркса, — я передаю Вам горячие поздравления и от имени социалистов моей родины. Они приветствуют в Вашем лице единственного человека, имя которого навеки вписано в историю социализма рядом с именем Маркса и не тускнеет от блеска этого великого имени. Они ждут, что Вы, именно Вы, воздвигнете грандиозный памятник из собрания трудов и биографии того, чьим неразлучным спутником Вы были. От Вас, и только от Вас, надеются они услышать веское слово, которое раскроет истинный смысл и четко обрисует границы научного социализма. Вы обязаны жить и работать еще долгие годы, чтобы выполнить задачу, возложенную на Вас историей.

Да здравствует семидесятилетний, вечно юный юбиляр, сумевший выдержать борьбу в тяжелые годы и прожить достаточно долго, чтобы иметь счастье увидеть хотя бы зарю торжества социалистических идей! Да здравствует тот, кто вместе с Марксом еще до 1848 г. подписал «Коммунистический манифест» и смог приветствовать в 1890 г. партийный съезд в Галле!

П. Лавров.

170.

ТЕЛЕГРАММА РУССКИХ СОЦИАЛ- ДЕМОКРАТОВ В БЕРНЕ — ЭНГЕЛЬСУ *

в Лондон¹.

Берн, 28 ноября 1890 г.

Русские социал-демократы в Берне шлют сердечный привет одному из величайших учителей социализма, желают Вам еще многих лет деятельности на пользу пролетариата и науки.

Да здравствует международная социал-демократия!

¹ Телеграмма послана к 70-летию со дня рождения Энгельса. *Ред.*

171.

ЭНГЕЛЬС — П. Л. ЛАВРОВУ**в Париж.**

Лондон, 5 декабря 1890 г.

Дорогой друг Лавров!

Большое спасибо за Ваше любезное письмо от 27 ноября и за поздравления как Ваши, так и Ваших соотечественников-социалистов, от имени которых Вы пишете. Повторяется старая история. Львиная доля тех почестей, которыми осыпали меня в прошлую пятницу, принадлежит не мне, и никто не знает этого лучше меня. Разрешите мне поэтому отнести к памяти Маркса большую часть тех знаков внимания, которыми Вы любезно удостоили меня и которые я могу принять лишь как продолжатель его дела. Что касается той небольшой доли, которую я могу без хвастовства отнести на свой счет, то я приложу все силы к тому, чтобы быть достойным ее.

В конце концов, мы с Вами не так еще стары. У нас есть надежда жить и видеть. Мы видели подъем, величие и падение Бисмарка; почему же нам не увидеть также, после величия, упадок (уже начавшийся) и окончательное падение нашего злейшего общего врага — русского царизма?

Искренне Ваш

Ф. Энгельс.

172.

С. М. СТЕПНЯК (КРАВЧИНСКИЙ) — ЭНГЕЛЬСУ ***в Лондоне.**

Лондон, 14 ноября 1892 г.

Дорогой господин Энгельс!

Я пишу Вам, чтобы попросить Вас помочь нам выйти из большого затруднения. Нам не очень посчастливилось с выбором издателя для немецкого издания нашей «Free Russia». Дело в том, что мы поссорились с ним по поводу его весьма глупого, ничем не вызванного и непозволительного, выпада против Плеханова, Засулич и Аксельрода. Мы приостановили сейчас немецкое издание на два месяца в надежде найти издателя из числа немецких социал-демократов, с тем чтобы, если возможно, перевести наш журнал в Берлин.

Когда можно повидать Вас по этому поводу, не причинив Вам беспокойства? Не можете ли Вы сообщить нам, когда будет в Лондоне Либкнехт? Я слышал, что он должен скоро приехать. Мы очень рассчитываем на его поддержку, он всегда был дружески расположен к нам.

Искренне Ваш
С. Степняк.

Р. С. Я получил от Адлера открытку с сообщением, что моя рукопись приложений ко II тому дошла до него в целости и он вполне ею удовлетворен.

С. С.

173.

П. Л. ЛАВРОВ — ЭНГЕЛЬСУ *

в Лондон.

Париж, 12 декабря 1892 г.

Мой дорогой Энгельс!

В архиве русской революционной группы, к которой принадлежал Лопатин, найдено его письмо к товарищам, где он рассказывает о своем разговоре с Вами о русских делах во время своего последнего (так я предполагаю) пребывания в Лондоне. Издательская группа, в которой я участвую, хотела бы опубликовать это письмо о беседе двух людей, имена которых дороги каждому русскому социалисту. Мы хотим поместить его во втором выпуске предпринятого нами издания (первый выпуск его Вы на-днях получите). Нет ли у Вас каких-либо возражений против этой публикации? Я прослежу за ее точностью. Напишите мне несколько слов по этому поводу¹.

Надеюсь, что Вы здоровы и Ваша работа идет как нельзя лучше. Что Вы думаете о резолюции, принятой на берлинском партийном съезде по поводу первого мая²?

Ваш П. Лавров.

¹ Имеется в виду письмо Г. А. Лопатина от 20 сентября 1883 г. к члену Исполнительного комитета партии «Народной воли» — Ошаниной (Полонской), в котором он передавал свой разговор с Энгельсом о перспективах революции в России. Лавров опубликовал это письмо в 1893 г. в «Материалах для истории русского социально-революционного движения» (издание группы старых народолюбцев). Женева, 1893—1896. *Ред.*

² Берлинский съезд германской социал-демократии принял оппортунистическую резолюцию об отказе от забастовки 1 мая 1893 года. *Ред.*

174.

И. А. ГУРВИЧ — ЭНГЕЛЬСУ *

в Лондон.

Чикаго, 26 марта 1893 г.

Милостивый государь!

Несколько недель тому назад я послал Вам по почте экземпляр моей монографии «Экономическое положение русской деревни»¹. Если Вы выберете время, чтобы просмотреть ее, то Вы убедитесь, что высказанные там взгляды целиком совпадают с Вашими взглядами на этот предмет (см. стр. 164). В связи с этим я осмеливаюсь представить на Ваше суждение серию статей, в которых я попытался разобрать жгучие вопросы русского революционного движения. Все мы сейчас блуждаем в потемках, и критика компетентного наблюдателя, стоящего вне рядов нашей партии, была бы высоко оценена всеми заинтересованными сторонами. Если бы Вы согласились в нескольких строчках высказать Ваше *мнение* об этих статьях («Крестьянский вопрос в полицейском государстве»), я попросил бы у Вас разрешения опубликовать его на столбцах «Прогресса», какой бы приговор Вы ни вынесли.

Преданный Вам

Исаак А. Гурвич.

175.

ЭНГЕЛЬС — П. Л. ЛАВРОВУ

в Париж.

Лондон, 21 мая 1893 г.

Дорогой Лавров!

Третьего дня я отправил Вам по почте книгу Н. Ф. Даниельсона «**Очерки нашего пореформенного хозяйства**».

Он сообщил мне также, что родственники нашего друга Г. Л.² получили от него вест, судя по которым он жив и здоров.

Вы обещали прислать мне экземпляр брошюры, где Вы собирались опубликовать письмо Л.², в котором я фигурирую, — я ее до сих пор не получил. Поскольку брошюра, как мне говорили,

¹ *Hourwich I.*, The economics of the russian willage. New York, 1892. (Рус. перевод. *Гурвич И.*, Экономическое положение русской деревни. Москва, 1896.) *Ред.*

² Г. А. Лопатин. *Ред.*

уже вышла, нужно думать, что бандероль затерялась при пересылке. Не можете ли Вы мне выслать другой экземпляр?

Надеюсь, что Вы чувствуете себя так же хорошо, как я, а мне жаловаться не на что.

Ваш Ф. Энгельс.

176.

ЭНГЕЛЬС — И. А. ГУРВИЧУ

в Чикаго.

Лондон, 27 мая 1893 г.

Милостивый государь!

Очень благодарю Вас за Ваше интересное исследование об экономике русской деревни, которое я прочел, надеюсь, не без пользы.

Что же касается жгучих вопросов революционного движения в России и той роли, которую крестьянству может быть доведется сыграть в нем, то я по совести не могу высказывать мнение о них в печати, не изучив сначала весь предмет заново и не пополнив свои весьма недостаточные знания фактов новейшими данными. Но на это у меня, к сожалению, сейчас нет времени. Вместе с тем у меня все основания сомневаться в том, возымеет ли такое мое публичное выступление то действие, которого Вы от него ожидаете. По собственному опыту 1849—1852 гг. я знаю, как неизбежно всякая политическая эмиграция раскалывается на враждующие между собой группы, пока на родине затишье. Страстное желание действовать наряду с невозможностью сделать что-либо полезное вызывает у многих умных и энергичных людей сверхнормативную работу мысли, попытки открыть или изобрести новые, чуть ли не чудодейственные средства борьбы. Слово постороннего человека произвело бы ничтожное, в лучшем случае преходящее, впечатление. Если Вы следили за русской эмигрантской литературой последнего десятилетия, то сами знаете, например, как отдельные места из произведений и переписки Маркса толковались различными группами русских эмигрантов самым противоречивым образом, так же, как если бы это были изречения классиков или тексты из Нового завета. Что бы я ни сказал по упомянутому Вами вопросу, мои слова, вероятно, подвергнутся той же участи, если вообще на них обратят внимание.

Итак, из этих различных соображений я заключаю, что для всех заинтересованных сторон, в том числе и меня самого, лучше мне воздержаться.

Уважающий Вас Ф. Энгельс.

177.

Ф. ЭНГЕЛЬС

ПОСЛЕСЛОВИЕ К СТАТЬЕ «ОБ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЯХ В РОССИИ»¹

Прежде всего я должен сделать ту поправку, что г. П. Ткачев, выражаясь точно, был не бакунистом, т. е. анархистом, а выдавал себя за «бланкиста». Ошибка эта была естественна, так как упомянутый г. Ткачев, следуя тогдашнему обычаю русских эмигрантов, объявлял себя перед Западной Европой солидарным со всей русской эмиграцией и в брошюре² своей действительно защищал также и Бакунина с компанией от моих нападков, защищал так, как будто эти нападки были направлены против него лично.

Те взгляды на русскую коммунистическую крестьянскую общину, которые он отстаивал в полемике со мною, были по существу взглядами Герцена. Этот панславистский беллетрист, которого превратили в революционера, узнал из «Этюд о России»³ Гакстгаузена, что крепостные крестьяне его имений не знают частной собственности на землю и время от времени производят между собой передел пахотной земли и лугов. Как беллетристу, ему не к чему было изучать то, что вскоре стало известно всем и каждому, а именно, что общинная собственность на землю является отмирающей формой владения, которая в первобытную эпоху господствовала у германцев, кельтов, индусов, словом у всех индоевропейских народов, в Индии существует еще и поныне, в Ирландии и Шотландии только недавно насильственно уничтожена, в Германии встречается местами даже теперь; что на деле она представляет собой явление, общее всем народам на известной ступени развития. Но как панславист, Герцен, который социалистом был самое большее на словах, воспользовался этим как новым предлогом для того, чтобы в еще более ярком свете выставить перед гнилым Западом свою «святую» Русь и ее миссию — омолодить и возродить, в случае надобности даже силою оружия, этот прогнивший, отживший свой век Запад.

¹ Послесловие Энгельса написано в 1894 г. в связи с изданием отдельной брошюрой его статей из газеты «Volksstaat», посвященных международным вопросам. *Ред.*

² Ткачев П., Задачи революционной пропаганды в России. 1874. *Ред.*

³ Haxthausen A., Studien über die inneren Zustände, das Volksleben und insbesondere die ländlichen Einrichtungen Russlands, I, II, III Teile. Hannover — Berlin, 1847—1852. (Гакстгаузен А., Исследования внутренних отношений, народной жизни и в особенности сельских учреждений России, в трех частях. Ганновер — Берлин, 1847—1852.) *Ред.*

То, чего не могут осуществить, несмотря на все свои усилия, одряхлевшие французы и англичане, русские имеют в готовом виде у себя дома.

«Сохранить общину и дать свободу лицу, распространить сельское и волостное самоуправление по городам и всему государству, сохраняя народное единство, — вот в чем состоит вопрос о будущем России, т. е. вопрос той же социальной антиномии, которой решение занимает и волнует умы Запада» (Герцен. Письма к Линтону)¹.

Итак, в России, пожалуй, еще существует политический вопрос; но «социальный вопрос» для России уже разрешен.

Так же просто, как и Герцен, смотрел на дело его последователь Ткачев. Хотя в 1875 г. он уж не мог больше утверждать, будто «социальный вопрос» в России уже разрешен, однако он говорил, что русские крестьяне, как прирожденные коммунисты, стоят бесконечно ближе к социализму и, сверх того, им живется несравненно лучше, нежели бедным, забытым богом, западно-европейским пролетариям. Если французские республиканцы, в силу их столетней революционной деятельности, считали свой народ избранным народом в политическом отношении, то кое-кто из тогдашних русских социалистов провозглашал Россию избранным народом в социальном отношении; не западно-европейский пролетариат принесет своей борьбой возрождение старому экономическому миру, нет, оно придет к нему из недр русского крестьянства. Против этого ребяческого взгляда и была направлена моя критика.

Но русская община привлекла внимание и заслужила признание и таких людей, которые стоят несравненно выше Герценов и Ткачевых. В их числе был и Николай Чернышевский, этот великий мыслитель, которому Россия обязана бесконечно многим и чье медленное убийство долголетней ссылкой среди сибирских якутов навеки останется позорным пятном на памяти Александра II «Освободителя».

Вследствие интеллектуального барьера, отделявшего Россию от Западной Европы, Чернышевский никогда не знал произведений Маркса, а когда появился «Капитал», он давно уже находился в Средне-Вилуйске, среди якутов. Все его умственное развитие должно было протекать в тех условиях, которые были созданы этим интеллектуальным барьером. То, чего не пропускала русская цензура, почти или даже совсем не существовало для России. Поэтому, если в отдельных случаях мы и находим у него слабые места, ограниченность

¹ Цитата воспроизведена по русскому тексту. См. Сочинения А. И. Герцена. С.-Петербург, 1905, т. V, стр. 320. *Ред.*

кругозора, то приходится только удивляться, что подобных случаев не было гораздо больше.

Чернышевский тоже видит в русской крестьянской общине средство для перехода от существующей общественной формы к новой ступени развития, которая стоит, с одной стороны, выше, чем русская община, а с другой — выше, чем западно-европейское капиталистическое общество с его классовыми противоположностями. И в том, что Россия обладает таким средством, в то время как Запад его не имеет, в этом Чернышевский видит преимущество России.

«Введение лучшего порядка дел чрезвычайно затрудняется в Западной Европе безграничным расширением прав отдельной личности... не легко отказываться хотя бы даже от незначительной части того, чем привык уже пользоваться, а на Западе отдельная личность привыкла уже к безграничности частных прав. Пользе и необходимости взаимных уступок может научить только горький опыт и продолжительное размышление. На Западе лучший порядок экономических отношений соединен с пожертвованиями, и потому его учреждение очень затруднено. Он противен привычкам английского и французского поселения». Но «то, что представляется утопией в одной стране, существует в другой как факт... те привычки, проведение которых в народную жизнь кажется делом неизмеримой трудности англичанину и французу, существуют у русского как факт его народной жизни... Порядок дел, к которому столь трудным и долгим путем стремится теперь Запад, еще существует у нас в могущественном народном обычае нашего сельского быта... Мы видим, какие печальные последствия породила на Западе утрата общинной поземельной собственности и как тяжело возратить западным народам свою утрату. Пример Запада не должен быть потерян для нас» (Чернышевский, Сочинения, Женевское издание, т. V, стр. 16—19; цитировано у Плеханова, «Наши разногласия», Женева 1885 г.)¹. А об уральских казаках, у которых еще господствовала общественная обработка земли с последующим разделом продукта между отдельными семьями, он говорит:

«Если уральцы доживут в нынешнем своем устройстве до того времени, когда введены будут в хлебопашестве машины, то уральцы будут тогда очень рады, что сохранилось устройство, допускающее употребление таких машин, требующих хозяйства в огромных размерах, на сотнях десятин» (*ibidem*, стр. 135).

Не следует только при этом забывать, что уральцы со своей общественной обработкой земли, предохраняемой от

¹ См. Плеханов, указанное издание, стр. 16—17. Воспроизведен русский текст Чернышевского. *Ред.*

гибели из военных соображений (ведь и у нас существует казарменный коммунизм), стоят в России совершенно обособленно, примерно так же, как у нас *Gehöferschaften* на Мозеле, с их периодическими переделами. И если нынешние порядки сохранятся у них до момента введения машин, то от этого получат выгоду не сами уральцы, а русский военный фиск, слугами которого они являются.

Во всяком случае, факт таков: в то время как в Западной Европе капиталистический строй распадается и неустрашимые противоречия его собственного развития грозят ему гибелью, в это самое время в России около половины всей обрабатываемой земли находится еще в общей собственности крестьянских общин. Если на Западе разрешение противоречий посредством реорганизации общества предполагает, как необходимое условие, переход всех средств производства, следовательно и земли, в собственность всего общества, то в каком же отношении к этой общественной собственности, которую на Западе только предстоит создать, находится общественная собственность, уже существующая или, вернее, еще существующая в России? Не может ли она послужить исходным пунктом национального движения, которое, перескочив через весь капиталистический период, сразу преобразует русский крестьянский коммунизм в современную социалистическую общественную собственность на все средства производства, обогатив его всеми техническими достижениями капиталистической эры? Или, как формулировал мысль Чернышевского Маркс в одном письме, цитируемом ниже: «Должна ли Россия, как того хотят ее либеральные экономисты, начать с разрушения сельской общины, чтобы перейти к капиталистическому строю, или же, наоборот, она может, не испытав мук этого строя, завладеть всеми его плодами, развивая свои собственные исторические данные?».

Уже самая постановка вопроса показывает, где нужно искать его разрешения. Русская община просуществовала сотни лет, и внутри нее ни разу не возникло стремление выработать из самой себя высшую форму общественной собственности; точно так же обстояло с германской маркой, кельтским кланом, индийской и другими общинами с первобытно-коммунистическими порядками. Все они с течением времени, под влиянием окружавшего их или же возникавшего в их собственной среде и постепенно захватывавшего их товарного производства и обмена между отдельными семьями и отдельными лицами, все более и более утрачивали свой коммунистический характер и превращались в общины независимых друг от друга земельных собственников. Поэтому, если можно вообще поднимать вопрос о том, не предстоит ли русской общине иная и лучшая судьба, то причина этого коренится не в ней

самой, а единственно в том обстоятельстве, что она сохранила в одной из европейских стран относительную жизненную силу до такого времени, когда в Западной Европе не только товарное производство вообще, но даже капиталистическое производство, его высшая и последняя форма, пришло в противоречие с созданными им самим производительными силами, когда оно оказывается неспособным управлять долее этими силами и когда оно гибнет от этих внутренних противоречий и соответствующих им классовых конфликтов. Уже из этого вытекает, что инициатива подобного преобразования русской общины может исходить не от нее самой, а исключительно от промышленного пролетариата Запада. Победа западно-европейского пролетариата над буржуазией и связанная с этим замена капиталистического производства производством, которым управляет общество, — вот необходимое предварительное условие для подъема русской общины на такую же ступень развития.

В самом деле: нигде и никогда аграрный коммунизм, сохранившийся от родового строя, не порождал из самого себя ничего иного, кроме собственного разложения. Сама русская крестьянская община уже в 1861 г. представляла собой сравнительно ослабленную форму этого коммунизма; совместная обработка земли, существующая еще в отдельных местностях Индии и в южно-славянской *задруге*, вероятной родоначальнице русской общины, должна была уступить место ведению хозяйства отдельными семьями; общинная собственность проявлялась еще только в пределах земли, производившихся в различных местностях через различные промежутки времени. Стоит этим пределам прекратиться самим по себе или в результате особого постановления, — и перед нами деревня parcelных крестьян.

Но один тот факт, что наряду с русской крестьянской общиной, в одно и то же время в Западной Европе капиталистическое производство приближается к моменту своего крушения и само уже указывает на необходимость новой формы производства, при которой средства производства в качестве общественной собственности будут применяться в плановом порядке, — один этот факт не может вдохнуть в русскую общину силу, для того чтобы развить из самой себя эту новую общественную форму. Каким образом может община овладеть гигантскими производительными силами капиталистического общества как общественной собственностью и как общественным орудием, прежде чем само капиталистическое общество совершит эту революцию? Каким образом может русская община показать миру, как вести крупную промышленность в пользу общества, когда она разучилась уже обрабатывать в пользу общества свои собственные земли?

Правда, в России есть не мало людей, которые хорошо знают западное капиталистическое общество со всеми его непримиримыми противоположностями и конфликтами и ясно представляют себе, где выход из этого кажущегося тупика. Но, во-первых, те несколько тысяч людей, которые это понимают, живут не в общине, а те добрых пятьдесят миллионов людей, которые в Великороссии живут еще в условиях общинной собственности на землю, не имеют обо всем этом ни малейшего понятия. Им по меньшей мере так же чужды и непонятны взгляды этих нескольких тысяч людей, как были чужды и непонятны английским пролетариям 1800—1840 гг. те планы, которые придумывал для их спасения Роберт Оуэн. И среди рабочих, которые работали на фабрике Оуэна в Нью-Лэнарке, большинство состояло из людей, тоже выросших при порядках и обычаях распадающегося коммунистического родового строя, в кельтско-шотландском клане; однако Оуэн не говорил ни слова о том, что эти люди понимали его лучше. А, во-вторых, исторически невозможно, чтобы общество, стоящее на более низкой ступени экономического развития, разрешило задачи и конфликты, которые возникли и могли возникнуть лишь в обществе, стоящем на гораздо более высокой ступени развития. Все формы родовой общины, возникшие до появления товарного производства и частного обмена, имеют с будущим социалистическим обществом только то общее, что известные вещи, именно средства производства, находятся в общей собственности и в общем пользовании известных групп. Однако одно это общее свойство еще не делает низшую общественную форму способной породить из себя самой будущее социалистическое общество, этот последний продукт капиталистического общества, порождаемый им самим. Каждая данная экономическая формация должна разрешить свои собственные, из нее самой возникающие задачи; браться за разрешение задач, стоящих перед другой, совершенно чуждой, формацией, было бы полнейшей бессмыслицей. И к русской общине это относится не в меньшей мере, чем к южнославянской задруге, к индийскому родовому строю или ко всякой иной общественной форме периода дикости или варварства, характеризующейся общественным владением средствами производства.

Но зато не только возможно, но и несомненно, что, после победы пролетариата и перехода средств производства в общественное владение у западно-европейских народов, те страны, которые только что вступили на путь капиталистического производства и сохранили еще родовые порядки или остатки таковых, используют эти остатки общественного владения и соответствующие им народные обычаи как могучее средство для того, чтобы значительно сократить процесс своего развития

к социалистическому обществу и избежать большей части тех страданий и той борьбы, через которые приходится прокладывать дорогу нам в Западной Европе. Но неизбежным условием для этого являются пример и активная поддержка Запада, который пока еще остается капиталистическим. Только, когда капиталистическое хозяйство будет преодолено на своей родине и в странах, где оно достигло расцвета, только, когда отсталые страны увидят на этом примере, «как это делается», как заставить производительные силы современной промышленности, превращенные в общественную собственность, служить всему обществу в целом, — только тогда смогут эти отсталые страны взять курс на такой сокращенный путь развития. Но зато успех им тогда обеспечен. И это относится не только к России, но и ко всем странам, находящимся на докапиталистической ступени развития. В России, однако, это будет сравнительно наиболее легко, потому что здесь часть населения уже усвоила себе интеллектуальные результаты капиталистического развития, и благодаря этому в революционное время здесь возможно будет совершить общественное переустройство почти одновременно с Западом.

Это было уже высказано Марксом и мною 21 января 1882 г. в предисловии к русскому изданию «Коммунистического манифеста» в переводе Плеханова. Мы писали там:

«Но рядом с быстро развивающейся капиталистической горячкой и только теперь образующейся буржуазной земельной собственностью мы находим в России большую половину земли в общинном владении крестьян. Спрашивается теперь: может ли русская община — эта, правда, сильно уже разрушенная форма первобытного коллективного владения землей — непосредственно перейти в высшую, коммунистическую форму землевладения? Или, напротив, она должна пережить сначала тот же процесс разложения, который присущ историческому развитию Запада? Единственный возможный в настоящее время ответ на этот вопрос заключается в следующем. Если русская революция послужит сигналом пролетарской революции на Западе, так что обе они пополняют друг друга, то современная русская общинная собственность на землю может явиться исходным пунктом коммунистического развития»¹.

Не следует, однако, забывать, что упомянутое здесь сильное разложение русской общинной собственности сделало с тех пор значительный шаг вперед. Поражения во время Крымской войны ясно показали необходимость для России быстрого промышленного развития. Прежде всего нужны были железные

¹ См. *К. Маркс и Ф. Энгельс*, Избр. произв. в двух томах, т. I, 1948, стр. 3—4. *Ред.*

дороги, а их сооружение неосуществимо в большом масштабе без отечественной крупной промышленности. Предварительным условием для возникновения последней явилось так называемое освобождение крестьян; вместе с ним наступила для России капиталистическая эра, но тем самым и эра быстрого разрушения общинной собственности на землю. Обременение крестьян выкупом и повышенными налогами и одновременное уменьшение и ухудшение данной им в надел земли, — это был верный путь к тому, чтобы отдать крестьян в руки ростовщиков, большей частью разбогатевших членов крестьянской общины. Железные дороги открыли для многих прежде отдаленных местностей путь к рынкам для сбыта производимого ими хлеба; но зато по тем же дорогам стали привозить туда дешевые изделия крупной промышленности, вытесняя ими кустарный промысел крестьян, которые до сих пор изготовляли подобные изделия частью для собственного потребления, а частью для продажи. Исконные хозяйственные отношения пришли в расстройство, началась разруха, которою повсюду сопровождается переход от натурального хозяйства к денежному, среди членов общины стали возникать крупные имущественные различия, — бедняки попадали в долговую кабалу к богатым. Одним словом, русская община подверглась тому же процессу, который незадолго до Солона, в связи с проникновением денежного хозяйства в Афины, привел к разложению афинского родового строя¹. Солон мог, правда, посредством революционного вторжения в тогда еще довольно юное право частной собственности освободить закабаленных должников, попросту аннулировав их долги. Но возвратить к жизни древне-афинский родовой строй он не мог, и точно так же нет такой силы в мире, которая была бы в состоянии восстановить русскую общину, как только процесс ее разложения достиг определенного уровня. К тому же русское правительство запретило устраивать переделы земли между членами общины чаще, чем раз в 12 лет, с той целью, чтобы крестьянин все больше и больше отвыкал от переделов и начинал смотреть на себя как на частного собственника своего надела.

Маркс высказался в этом духе еще в 1877 г. в одном из своих писем в Россию. Некий г. Жуковский, тот самый, который ныне в качестве кассира Государственного банка скрепляет своей подписью русские кредитные билеты, напечатал нечто о Марксе в «Вестнике Европы»; другой писатель выступил с возражением ему в «Отечественных Записках». В качестве

¹ См. *Энгельс*, Происхождение семьи и т. д., 5-е изд., Штутгарт, 1892, стр. 109—113. (*Примечание Энгельса.*) — См. *К. Маркс и Ф. Энгельс*, Избр. произв. в двух томах, т. II, 1948, стр. 251—255. *Ред.*

поправки к этой последней статье Маркс написал редактору «Отечественных Записок» письмо, которое долгое время циркулировало в России в рукописных копиях с французского оригинала, затем было опубликовано в русском переводе в «Вестнике Народной Воли» в 1886 г., в Женеве, а позднее и в самой России¹. Письмо это, как и все, что выходило из-под пера Маркса, обратило на себя большое внимание в русских кругах и подверглось разнообразным толкованиям; поэтому я приведу здесь в существенных чертах его содержание.

Прежде всего Маркс отвергает навязанный ему «Отечественными Записками» взгляд, будто он, так же как и русские либералы, считает для России самым неотложным делом уничтожить крестьянскую земельную общину и броситься в водоворот капитализма. Его краткое замечание о Герцене в добавлении к первому изданию «Капитала» ровно ничего не доказывает. Это замечание гласит: «Если на европейском континенте влияние капиталистического производства, которое подрывает род людской..., будет развиваться, как это было до сих пор, рука об руку с конкуренцией в отношении размеров национальных армий, государственных долгов, налогов, элегантных приемов военных действий и т. д., то пожалуй, в конце концов станет действительно неизбежным омоложение Европы при помощи кнута и обязательного вливания калмыцкой крови, о чем столь серьезно пророчесствует полуроссиянин, но зато полный москвит Герцен (заметим, между прочим, что этот беллетрист сделал свои открытия относительно «русского коммунизма» не в России, а в сочинении прусского правительственного советника Гакстаузена)» («Капитал», т. I, первое немецкое издание, стр. 763). —

Затем Маркс продолжает: это место «ни в коем случае не может служить ключом к моим воззрениям на усилия» (далее в подлиннике следует цитата на русском языке) «русских людей найти для своего отечества путь развития, отличный от того, которым шла и идет Западная Европа» и т. д. В послесловии ко второму немецкому изданию «Капитала» я говорю о «великом русском ученом и критике» (Чернышевском) с глубоким уважением, какого он заслуживает. Этот ученый в своих замечательных статьях исследовал вопрос — должна ли Россия, как того требуют либеральные экономисты, пачать с разрушения сельской общины, чтобы перейти к капиталистическому строю, или же, наоборот, она может, не испытав мук этого строя, усвоить все его плоды, развивая свои собственные исторические данные. Он высказывается в смысле этого последнего решения.

«Впрочем, так как я не люблю оставлять «места для догадок», я выскажусь без обиняков. Чтобы иметь возможность со

¹ См. стр. 220—223 настоящего сборника. *Ред.*

знанием дела судить об экономическом развитии России, я изучил русский язык и затем в течение долгих лет изучал официальные и другие издания, имеющие отношение к этому предмету. Я пришел к такому выводу. *Если Россия будет продолжать идти по тому пути, по которому она следовала с 1861 г., то она упустит наилучший случай, который история когда-либо предоставляла какому-либо народу, и испытает все роковые злоключения капиталистического строя.*

Далее Маркс разъясняет еще некоторые ошибки, в которые впал его критик; единственное место, относящееся к интересующему нас вопросу, гласит:

«Итак, что же мог извлечь мой критик из этого исторического очерка (о первоначальном накоплении капитала) в применении к России? Только следующее. Если Россия имеет тенденцию стать капиталистической нацией по образцу наций Западной Европы, — а за последние годы она немало потрудились в этом направлении, — она не достигнет этого, не превратив предварительно значительной части своих крестьян в пролетарисв; а после этого, уже очутившись в лоне капиталистического строя, она будет подчинена его неумолимым законам, как и прочие нечестивые народы. Вот и все».

Так писал Маркс в 1877 году. Тогда в России было два правительства: правительство царя и правительство тайного исполнительного комитета заговорщиков-террористов. Власть этого второго, подпольного правительства возрастала с каждым днем. Свержение царизма казалось близким; революция в России должна была лишить всю европейскую реакцию ее сильнейшей опоры, ее большой резервной армии, и тем самым дать новый могучий толчок также и политическому движению Запада, создав для него вдобавок несравненно более благоприятные условия борьбы. Неудивительно, что Маркс в своем письме советует русским не особенно торопиться броситься в водоворот капитализма.

Революции в России не произошло. Царизм восторжествовал над терроризмом, который в данный момент даже толкнул в объятия царизма все имущие классы, «любящие порядок». И в течение 17 лет, которые протекли с той поры, как было написано письмо Маркса, и капитализм и разложение крестьянской общины достигли в России громадных успехов. Как же обстоит дело теперь, в 1894 г.?

Так как после поражения в Крымской войне и самоубийства императора Николая I старый царский деспотизм продолжал существовать в неизменном виде, — оставался только один путь: как можно более быстрый переход к капиталистической промышленности. Армия погибла вследствие гигантских странств империи при продолжительных переходах к театру

военных действий; необходимо было уничтожить эту отдаленность посредством сети стратегических железных дорог. Но постройка железных дорог означает создание капиталистической промышленности и революционизирование примитивного земледелия. С одной стороны, в непосредственное соприкосновение с мировым рынком вступают земледельческие продукты даже самых отдаленных частей страны; с другой стороны, невозможно построить и эксплуатировать широкую сеть железных дорог, не имея отечественной промышленности, поставляющей рельсы, локомотивы, вагоны и т. д. Но нельзя ввести *одну* отрасль крупной промышленности, не вводя вместе с нею целую систему; текстильная промышленность сравнительно современного типа, уже раньше пустившая корни в Московской и Владимирской губерниях, а также в Прибалтийском крае, получила толчок к новому подъему. За постройкой железных дорог и фабрик шло расширение уже существующих банков и основание новых; освобождение крестьян от крепостной зависимости порождало свободу передвижения, причем следовало ожидать, что вслед за тем само собой произойдет освобождение значительной части этих крестьян и от владения землей. Таким образом, в короткое время в России были заложены все основы капиталистического способа производства. Но вместе с тем был занесен топор и над корнями русской крестьянской общины.

Сетовать на это теперь бесполезно. Если бы после Крымской войны царский деспотизм был заменен прямым парламентским господством дворянства и бюрократии, процесс этот был бы, может быть, несколько замедлен; если бы у власти стала растущая буржуазия, то процесс этот наверняка ускорился бы еще более. При сложившихся условиях иного выбора не было. В то время как во Франции существовала Вторая империя, в то время как в Англии пышно расцвела капиталистическая промышленность, нельзя же было в самом деле требовать от России, чтобы она на основе крестьянской общины принялась, очертя голову, производить сверху эксперименты по части государственного социализма. Что-то должно было произойти. И произошло то, что было возможно при таких условиях; как везде и всегда в странах товарного производства, люди действовали по большей части лишь полусознательно или же совершенно механически, не зная, что они делают.

Между тем наступил новый период, начало которому положила Германия, период революций сверху, а вместе с тем период быстрого роста социализма во всех европейских странах. В общем движении приняла участие и Россия. Как и следовало ожидать, движение это приняло здесь форму решительного штурма с целью свержения царского деспотизма, с целью завоевания свободы умственного и политического развития нации.

Вера в чудодейственную силу крестьянской общины, из недр которой может и должно притти социальное возрождение, — вера, от которой не был совсем свободен, как мы видели, и Чернышевский, — эта вера сделала свое дело, подняв воодушевление и энергию героических русских передовых борцов. Этих людей, которых было каких-нибудь несколько сот человек, но которые своей самоотверженностью и отвагой довели царский абсолютизм до того, что ему приходилось уже подумывать о возможности капитуляции и об ее условиях, — таких людей мы не потянем в суд за то, что они считали свой русский народ избранным народом социальной революции. Но это вовсе не обязывает нас разделять их иллюзии. Время избранных народов миновало безвозвратно.

А пока происходила эта борьба, капитализм в России бойко шел вперед и все больше и больше достигал той цели, которой не удалось достичь террористам: принудить царизм к капитуляции.

Царизму нужны были деньги. Не только для придворной роскоши, для бюрократии и прежде всего — для армии и внешней политики, основанной на подкупах, но особенно для его жалкого финансового хозяйства и соответствующей ему нелепой железнодорожной политики. За границей больше не желали и не могли покрывать все дефициты царской казны; приходилось искать помощи внутри страны. Часть железнодорожных акций пришлось пристроить в собственной стране; также и часть займов. Первой победой русской буржуазии были железнодорожные концессии, по которым акционерам доставались все будущие прибыли, на государство же возлагались все будущие убытки. Затем последовали субсидии и премии за учреждение промышленных предприятий, а также покровительственные пошлины в интересах отечественной промышленности, пошлины, из-за которых ввоз многих предметов стал в конце концов совершенно невозможным. Русское государство, при его безграничной задолженности и при его почти совершенно подорванном кредите за границей, вынуждено было в прямых интересах фиска заботиться об искусственном насаждении отечественной промышленности. Оно постоянно пуждается в золоте для уплаты процентов по государственным долгам за границей. Но в России нет золота, там обращаются только бумажные деньги. Некоторое количество золота поступает от таможенных пошлин, которые взимаются только в золоте, что, между прочим, повышает эти пошлины процентов на 50. Но наибольшее количество золота должно поступить от превышения вывоза русского сырья над ввозом изделий иностранной промышленности; векселя, выдаваемые иностранными покупателями на сумму этого избытка, русское правительство скушает внутри России на бумажные

деньги и получает по ним золото. Поэтому, если правительство не желает для уплаты процентов по заграничным долгам прибегать к новым иностранным займам, ему надо позаботиться о том, чтобы русская промышленность быстро окрепла настолько, чтобы удовлетворять весь внутренний спрос. Отсюда требование, чтобы Россия стала независимой от заграницы, самодовлеющей промышленной страной; отсюда судорожные усилия правительства в несколько лет довести капиталистическое развитие России до высшей точки. Ибо если этого не произойдет, то не останется ничего другого, как только тронуть накопленный в Государственном банке и казначействе металлический военный фонд или же решиться на государственное банкротство. И в том и в другом случае это был бы конец русской иностранной политики.

Ясно одно: при таких обстоятельствах молодая русская буржуазия держит государство полностью в своих руках. Во всех важных экономических вопросах оно вынуждено подчиняться ее желаниям. Если она еще мирится с деспотическим самодержавием царя и его чиновников, то только потому, что это самодержавие, помимо того что оно смягчается подкупностью бюрократии, предоставляет ей больше гарантий, чем изменения, хотя бы и в буржуазно-либеральном духе, последствия которых при нынешнем положении дел внутри России никто не может предугадать. Так и идет во все более и более ускоряющемся темпе превращение России в капиталистически-промышленную страну, пролетаризация значительной части крестьян и разложение старой коммунистической общины.

Уцелела ли еще эта община в такой мере, чтобы в нужный момент, как Маркс и я еще надеялись в 1882 г., она смогла при сочетании с переворотом в Западной Европе стать исходным пунктом коммунистического развития, — судить об этом я не берусь. Но одно не подлежит сомнению: для того чтобы от этой общины хоть что-нибудь уцелело, необходимо прежде всего низвержение царского деспотизма, необходима революция в России. Русская революция не только уничтожит разобщенность деревень, в которых живет главная масса нации, крестьяне, и которые составляют их мир, их вселенную, не только выведет крестьян на широкую арену, где они познают внешний мир, а вместе с тем себя самих, поймут собственное свое положение и средства избавления от теперешней нужды, — русская революция даст также новый толчок рабочему движению Запада, создаст для него новые, лучшие условия борьбы и тем ускорит победу современного промышленного пролетариата, без которой нынешняя Россия ни через общину, ни через капитализм не может достичь социалистического переустройства общества.

178.

П. Л. ЛАВРОВ — ЭЛЕОНОРЕ МАРКС ***в Лондон.**

Париж, 7 августа 1895 г.

Мой дорогой друг!

Я только что получил почту, развернул «La Petite République» и прочел роковые слова: «Смерть Фридриха Энгельса». Какое несчастье! Какое несчастье! Казалось невозможным, чтобы болезнь могла сломить эту могучую натуру, несмотря на возраст и бои, которые он продолжал вести за свое знамя. Горестное известие так поразило меня, что я не в состоянии много писать. Но мне захотелось тотчас же разделить с Вами горе — горе не только друга, но всякого убежденного социалиста, — разделить его именно с Вами, с дочерью Карла Маркса, для которой Энгельс был вторым отцом и которая является наследницей двух самых ярких светил социализма.

Ваш П. Лавров.

**ПЕРЕПИСКА МАРКСА с ЗАСУЛИЧ
и ЭНГЕЛЬСА с ЧЛЕНАМИ ГРУППЫ
«ОСВОБОЖДЕНИЕ ТРУДА»**

179.

В. И. ЗАСУЛИЧ — МАРКСУ

в Лондон.

Женева, 16 февраля 1881 г.

Уважаемый гражданин!

Вам небезызвестно, что Ваш «Капитал» пользуется большой популярностью в России. Несмотря на конфискацию издания, некоторое количество оставшихся экземпляров читается и перечитывается широкими кругами более или менее образованных людей нашей страны, и серьезные люди изучают его. Но что Вам, вероятно, неизвестно, — это роль, какую играет Ваш «Капитал» в наших спорах об аграрном вопросе в России и о нашей сельской общине. Вы знаете лучше чем кто бы то ни было, как злободневен этот вопрос в России. Вы знаете, что думал о нем Чернышевский. Наша передовая литература, как, например, «Отечественные Записки», продолжает развивать его идеи. Но этот вопрос, по-моему, — вопрос жизни и смерти, особенно для нашей социалистической партии. От той или другой точки зрения на этот вопрос зависит даже личная судьба наших революционных социалистов.

Одно из двух. Либо эта сельская община, освобожденная от чрезмерных налогов, выплат помещикам и полицейского произвола, способна развиваться в социалистическом направлении, т. е. постепенно организовывать свое производство и свое распределение продуктов на коллективистских началах. В этом случае революционер-социалист обязан посвятить все свои силы освобождению общины и ее развитию.

Если же, наоборот, община обречена на гибель, тогда социалисту, как таковому, остается лишь заниматься более или менее обоснованными вычислениями, чтобы определить через сколько десятков лет земля русского крестьянина перейдет в руки буржуазии, через сколько сотен лет, быть может, капитализм достигнет в России такого развития, как в Западной

Европе. Тогда им нужно вести пропаганду только среди городских рабочих, которые постоянно будут затопляться массой крестьян, выбрасываемых разлагающейся общиной на улицы больших городов в поисках заработка.

В последнее время мы часто слышим мнение, что сельская община является архаической формой, которую история, научный социализм — словом, все, что есть наиболее бесспорного — обрекают на гибель. Люди, проповедующие это, называют себя Вашими подлинными учениками, «марксистами». Их самым сильным аргументом часто является: «Так говорит Маркс».

— Но каким путем выводите вы это из его «Капитала»? Он в нем не разбирает аграрного вопроса и не говорит о России, — возражают им.

— Он бы сказал это, если бы говорил о нашей стране, — отвечают Ваши ученики, — быть может, несколько слишком смело.

Вы поймете, поэтому, гражданин, в какой мере интересуется нас Ваше мнение по этому вопросу и какую большую услугу Вы оказали бы нам, изложив Ваши воззрения на возможные судьбы нашей сельской общины и на теорию о том, что, в силу исторической неизбежности, все страны мира должны пройти все фазы капиталистического производства.

Беру на себя смелость, гражданин, от имени моих товарищей, просить Вас оказать нам эту услугу.

Если время не позволяет Вам изложить Ваши мысли по этим вопросам более или менее подробно, то благоволите сделать это, по крайней мере, в форме письма, которое прошу разрешить мне перевести и опубликовать в России.

Примите, гражданин, мой почтительный привет.

Вера Засулич.

Мой адрес: Польская типография,
rue de Lausanne, № 49, Женева.

180.

МАРКС — В. И. ЗАСУЛИЧ

в Жевеву.

Лондон, 8 марта 1881 г.

Дорогая гражданка!

Болезнь нервов, периодически возвращающаяся в течение последних десяти лет, помешала мне раньше ответить на Ваше

письмо от 16 февраля. Сожалею, что не могу дать Вам пригодный для опубликования краткий ответ на вопрос, с которым Вы изволили обратиться ко мне. Несколько месяцев тому назад я уже обещал Петербургскому комитету работу на ту же тему. Надеюсь, однако, что достаточно будет нескольких строк, чтобы у Вас не осталось никакого сомнения относительно недоразумения по поводу моей так называемой теории.

Анализируя происхождение капиталистического производства, я говорю:

«В основе капиталистической системы лежит, таким образом, полное отделение производителя от средств производства... основу всего этого процесса составляет *экспроприация земледельцев*. Радикально она осуществлена пока только в Англии... Но *все другие страны Западной Европы идут по тому же пути*» («Капитал», франц. изд., стр. 315).

Следовательно, «историческая неизбежность» этого процесса *точно* ограничена *странами Западной Европы*. Причины, обусловившие это ограничение, указаны в следующем месте XXXII главы:

«*Частная собственность*, основанная на личном труде... будет вытеснена *частной капиталистической собственностью*, основанной на эксплуатации чужого труда, на труде наемном» (там же, стр. 341).

В этом, совершающемся на Западе процессе дело идет, таким образом, о *превращении одной формы частной собственности в другую форму частной собственности*. У русских же крестьян пришлось бы, наоборот, *превратить их общую собственность в частную собственность*.

Анализ, представленный в «Капитале», не дает, следовательно, доводов ни за, ни против жизнеспособности русской общины, по специальные изыскания, которые я произвел на основании материалов, почерпнутых мною из первоисточников, убедили меня, что эта община является точкой опоры социального возрождения России, но для того, чтобы она могла функционировать как таковая, нужно было бы прежде всего устранить тлетворные влияния, которым она подвергается со всех сторон, а затем обеспечить ей нормальные условия свободного развития.

Имею честь, дорогая гражданка, оставаться преданным Вам

Карл Маркс.

181.

В. И. ЗАСУЛИЧ — ЭНГЕЛЬСУ

в Лондон.

Женева,
октябрь — начало ноября 1883 г.

Гражданину Фридриху Энгельсу.

Я пишу Вам это письмо, уважаемый гражданин, с целью узнать, как Вы относитесь к проекту издания перевода второго тома великого творения Маркса.

Находясь в эмиграции, мы можем взяться за это только в том случае, если русское правительство окажется достаточно глупым, чтобы запретить распространение книги, что, впрочем, оно постоянно делало в отношении «Капитала».

Я очень прошу Вас, поэтому, сообщить нам, можно ли предпринять это издание в Петербурге или нет. Вы, вероятно, лучше осведомлены, чем мы, так как издатели не могли не обратиться к Вам по поводу перевода.

Если второй том «Капитала» не будет издаваться в Петербурге, то не согласитесь ли Вы, гражданин, дать нам возможность начать перевод как можно скорее?

Одновременно посылаю Вам наше объявление¹, которое разъяснит Вам, какие цели ставит перед собой наша группа, а также перевод «Наемного труда и капитала» Маркса². Мой перевод «Развития социализма»³ в настоящее время печатается.

Прошу Вас соблаговолить ответить мне по адресу господина Концетта, Народная книготорговля, Геттинген, Цюрих, для господина Аксельрода.

Примите, гражданин, уверения в моей преданности.

Вера Засулич.

¹ Объявление об издании «Библиотеки современного социализма», выпущенное в виде листовки 25 сентября 1883 г. в Женеве. Это был первый программный документ группы «Освобождение труда», в нем говорилось следующее: «Изменяя ныне свою программу в смысле борьбы с абсолютизмом и организации русского рабочего класса в особую партию с определенной социально-политической программой, бывшие члены группы «Черного передела» образуют ныне новую группу — «Освобождение труда» и окончательно разрывают со старыми анархическими тенденциями».

В качестве основной задачи «Библиотеки» в объявлении выставлялась пропаганда идей научного социализма и критика господствовавших в России народнических направлений. *Ред.*

² Маркс, Наемный труд и капитал. Перевод Л. Г. Дейча. Вольная русская типография. Женева, 1883. *Ред.*

³ Энгельс, Развитие научного социализма («Развитие социализма от утопии к науке»). Перевод и предисловие В. Засулич. Изд. группы «Освобождение труда». Женева, 1884. *Ред.*

182.

ЭНГЕЛЬС — В. И. ЗАСУЛИЧ

в Женеву.

Лондон, 13 ноября 1883 г.

Дорогая гражданка!

Я совершенно не в состоянии ответить на те вопросы, с которыми Вы обратились ко мне. Издание второго тома «Капитала» на языке оригинала сильно запаздывает; я должен был до сих пор заниматься главным образом 3-м изданием первого тома.

До сих пор я не получал из Санкт-Петербурга сведений относительно издания русского перевода II тома. Не думаю поэтому, чтобы в настоящее время в русской столице помышляли о подобном издании; паверное захотят сперва ознакомиться с немецким текстом.

С другой стороны, политическое положение в России настолько напряженное, что наступления кризиса можно ждать со дня на день. Я даже считаю вероятным, что в России свободы печати добьются прежде, чем в Германии. А в этом случае переводчик первого тома Г. Лопатин мог бы претендовать на право перевода второго тома¹.

Мне кажется поэтому, что было бы несколько преждевременным в настоящий момент выносить какое-нибудь окончательное решение. Я принимаю к сведению Ваше любезное предложение и сердечно за него благодарю. Может быть, через несколько месяцев положение станет яснее, и тогда мы снова сможем об этом побеседовать.

Мне доставило большое удовольствие Ваше сообщение, что именно Вы взяли на себя перевод моего «Развития [социализма] и т. д.». Жду с нетерпением появления Вашего труда и вполне оцениваю честь, которую Вы мне оказываете.

Примите, дорогая и героическая гражданка, уверения в моей глубокой преданности.

Ф. Энгельс.

---

¹ В январе 1884 г. Лопатин через Лаврова просил Энгельса послать корректурные листы II тома «Капитала» Даниельсону для перевода и издания его в России. Русский перевод II тома «Капитала» вышел в Петербурге в 1885 году. *Ред.*

183.

В. И. ЗАСУЛИЧ — ЭНГЕЛЬСУ

в Лондон.

Женева, 2 марта 1884 г.

Уважаемый гражданин!

Мы просим Вас разрешить нам напечатать русский перевод книги Карла Маркса «Нищета философии» и прислать нам текст предисловия, которое, как сказали нам цюрихские товарищи, написано Вами для готовящегося немецкого издания. Не будете ли Вы так добры просмотреть также корректурные листы русского издания¹ и сделать, если понадобится, свои замечания.

Опубликование этой книги будет, безусловно, очень полезным. Иудой пользуется у нас слишком большим почтением, и многие из молодежи, приступая к изучению социального вопроса, начинают с того, что ломают себе голову над его многотомными сочинениями и запутываются в его противоречиях. Но «Нищета философии» не будет иметь, конечно, широкого круга читателей — несколько сот человек, самое большее. Зато «Развитие...» будет читаться тысячами и произведет большое впечатление на умы, в этом я не сомневаюсь. Вас это, может быть, удивит, но наши молодые кружки пародовольцев и народников именно сейчас начинают более чем когда-либо интересоваться вопросами теории. У нас требуют исключительно «серьезных» книг, а в России многочисленные, якобы серьезные, произведения размножаются на гектографе. Прием, оказанный в России нашему начинанию — пропаганде научного социализма, — предвещает нам успех, далеко превосходящий все наши ожидания. Мы были бы Вам очень благодарны, если бы Вы взяли на себя труд посоветовать нам, какие книги следует переводить.

Вы пишете в своем письме, что политическое положение в России настолько напряженное, что со дня на день можно ожидать наступления кризиса. Вы имеете в виду финансы, по всей вероятности? В других отношениях положение, как мне кажется, сейчас менее напряженное, чем 2—3 года тому назад.

Примите, гражданин, уверения в моей преданности.

В. Засулич.

---

¹ Книга К. Маркса «Нищета философии» с предисловием Ф. Энгельса к первому немецкому изданию в переводе В. Засулич вышла в Женеве в 1886 году. *Ред.*

184.

ЭНГЕЛЬС — В. И. ЗАСУЛИЧ

в Женеву.

Лондон, 6 марта 1884 г.

Дорогая гражданка!

Для меня и для дочерей Маркса будет праздником тот день, когда появится в свет «Ницета философии» в русском переводе. Само собой разумеется, что я с удовольствием предоставлю в Ваше распоряжение весь материал, который может Вам быть полезен. Вот что я предполагаю сделать.

Кроме немецкого издания в настоящее время в Париже печатается новое французское издание. Я пишу кое-какие примечания к этим двум изданиям и текст их пришлю Вам.

В качестве предисловия можно взять статью Маркса о Прудоне из берлинского «Social-Demokrat» (1865)¹. Там сказано почти все, что нужно. Она будет напечатана в качестве введения в обоих новых изданиях, французском и немецком. Статья эта сохранилась только в одном экземпляре, принадлежащем архиву нашей партии в Цюрихе. Если не найдется другого среди бумаг Маркса или моих (я узнаю это в ближайшие недели), Вы легко сможете получить копию этой статьи через Бернштейна.

Для немецкого издания мне придется написать специальное предисловие, чтобы опровергнуть нелепое утверждение реакционных социалистов о том, что в «Капитале» Маркс совершил плагиат у Родбертуса, и доказать, что, наоборот, Маркс подверг Родбертуса критике уже в «Ницете [философии]» до того еще, как Родбертус написал свои «Социальные письма». Мне кажется, что для русской публики, куда еще не проникли наши псевдосоциалисты, это не представляет интереса. Впрочем, судите сами, предисловие, если угодно, в Вашем распоряжении.

То, что Вы мне сообщали о росте в России интереса к изучению книг по теории социализма, доставило мне большое удовольствие. Теоретическая и критическая мысль, почти совершенно исчезнувшая из наших немецких школ, повидимому, нашла себе убежище в России. Вы просите меня указать Вам книги для перевода. Но ведь Вы уже перевели или обещали перевести почти все произведения Маркса; из моих Вы уже взяли лучшие; остальные наши немецкие книги либо слабы в теоретическом отношении, либо ограничиваются вопросами,

¹ Имеется в виду письмо Маркса Швейцери «О Прудоне» от 24 января 1865 г., напечатанное в №№ 16, 17, 18 «Social-Demokrat» за 1865 год (И. Маркс и Ф. Энгельс, Избр. произв. в двух томах, т. I, 1948, стр. 348—355). *Ред.*

представляющими интерес главным образом для Германии. В последнее время французы написали довольно много хороших вещей, по все это пока лишь первые ростки. Изложение «Капитала», сделанное Девилем, удачно в своей теоретической части, но описательная часть написана слишком поспешно и почти непонятна для того, кто не знаком с оригиналом. К тому же размеры его слишком велики для популярного изложения. Тем не менее, мне кажется, что, если его переработать, из него можно было бы сделать хорошую вещь. Популярное изложение «Капитала» было бы очень полезно в стране, где самую книгу можно достать лишь с трудом.

Говоря о положении в России, я, конечно, имел в виду, в частности, также и финансы, но не исключительно их. Положение правительства, которое, как петербургское, находится у последней черты, и царя-пленника, каким является гатчинский отшельник, не может не становиться все более и более напряженным. Как дворяне, так и крестьяне разорены, армия оскорблена в своих шовинистических чувствах и возмущена при виде **государя**, который постоянно прячется; необходимость внешней войны для того, чтобы дать выход «дурным страстям» и общему недовольству, и в то же время невозможность предпринять ее из-за отсутствия денег и неблагоприятной политической конъюнктуры; сильная национальная интеллигенция, горящая желанием разбить сковывающие ее цепи; ко всему этому полнейшее отсутствие денег и нож **деятели**, приставленный к горлу правительства, — мне кажется, каждый месяц должен обострять трудности положения, и если бы нашелся конституционно настроенный и смелый великий князь, даже русское «общество» должно было бы увидеть в дворцовой революции наилучший выход из этого тупика. Спасут ли Бисмарк и Блейхрерд своих новых друзей? Сомневаюсь. Я скорее склонен задать себе вопрос о том, который из двух союзников обворует другого.

Прилагаю при сем рукопись Маркса (копию), которой можете распорядиться так, как найдете нужным. Не знаю, в «Слове» ли или в «Отечественных Записках» он нашел статью: «Карл Маркс перед судом г. Жуковского». Он написал этот ответ, который, повидимому, был предназначен для опубликования в России, но так и не послал его в Петербург, боясь, что одно его имя поставит под угрозу существование журнала, где будет напечатан его ответ¹.

Преданный Вам

Ф. Энгельс.

¹ Письмо в редакцию «Отечественных Записок», написанное Марксом в 1877 г. (см. стр. 220—223 настоящего сборника), было впервые опубликовано в № 5 «Вестника Народной Воли». Женевы, 1886. *Ред.*

Ваш перевод моей брошюры я нахожу превосходным¹. Как красив русский язык! Все преимущества немецкого без его ужасной грубости.

185.

В. И. ЗАСУЛИЧ — ЭНГЕЛЬСУ *

в Лондон.

Женева, 5 октября 1884 г.

Прежде всего прошу извинить меня, гражданин, за то, что я не ответила на Ваше последнее письмо. Я получила его почти одновременно с злополучным известием об аресте Дейча и, уехав на несколько месяцев из Женевы, не могла дать Вам своего адреса. Очень благодарю Вас (хотя и с опозданием) за присланную мне статью Карла Маркса. Она заставляет меня с еще большим нетерпением ожидать выхода второго тома «Капитала», где мы найдем, по всей вероятности, изложение взглядов великого учителя на экономическое развитие России. Я перевела статью, и мы ее скоро напечатаем. Что касается «Нищеты философии», то мы все же предпочитаем подождать Вашего предисловия к немецкому изданию, так как оно, возможно, не будет лишено интереса для русского читателя. Доказательством этому служит между прочим и объявление общества «Распространения социальных знаний», напечатанное недавно в типографии «Вестника Народной Воли». Первоочередной задачей в нем ставится выпуск перевода «Капитала» Родбертуса.

Я предполагаю также перевести Ваше новое произведение «Происхождение семьи, частной собственности и государства» и очень прошу Вас дать нам разрешение на издание этой книги.

Преданная Вам

Вера Засулич.

Мой адрес: Женева, Carouge 477,
Grand Bureau

г-ну Плеханову (для В. З.)

---

¹ Энгельс имеет в виду свою работу «Развитие социализма от утопии к науке», вышедшую в переводе Засулич под заглавием «Развитие научного социализма». Женева, 1884. *Ред.*

186.

В. И. ЗАСУЛИЧ — ЭНГЕЛЬСУ**в Лондон.**

Женева, 14 февраля 1885 г.

Уважаемый гражданин!

Одновременно с этим письмом Вы получите от автора наше новое издание: «Наши разногласия»¹. Мы очень хотели бы знать Ваше мнение об этой книге. Ее основным предметом является все тот же сакраментальный вопрос об усилиях русских людей найти самостоятельные пути для развития своей родины. Эта книга, безусловно, вызовет целую бурю против нашей маленькой группы, ведь она нападает на самое любимое и наиболее распространенное учение: славянофильское у правых и бакунистское в революционных кружках, — на «народничество». Все, что народничество могло сказать, было уже сказано лет десять тому назад, и теперь у него нет больше сил даже на то, чтобы сделать «усилия», — все ограничивается одними и теми же фразами. Влияние этого начинает уже проявляться: умственный уровень партии снижается, а мыслящая молодежь, желающая действовать сознательно, перестает вступать в кружки.

Это не мешает от времени до времени убивать одного-двух жаждармов, но нанести деспотизму действительный удар они, по моему мнению, уже не могут.

Даже самые отъявленные соглашатели должны, по-моему, признать, что необходимость в критике назрела.

Если бы я писала по-русски, я могла бы Вам, гражданин, сказать еще многое, но французский язык стесняет меня, и я не всегда могу выразить свои мысли.

Преданная Вам

В. Засулич.

187.

ЭНГЕЛЬС — В. И. ЗАСУЛИЧ**в Женеву.**

Лондон, 23 апреля 1885 г.

Дорогая гражданка!

Я еще не ответил Вам на письмо от 14 февраля. Вот причины задержки, которая произошла, конечно, не из-за лени.

¹ Плеханов Г. В., Наши разногласия. Женева, 1884. Ред.

Вы спрашивали мое мнение о книге Плеханова «**Наша разногласия**». Для этого мне нужно было ее прочесть, а я читаю порусски довольно свободно, когда позаимуюсь языком в течение недели. Но бывает, что я по полгода не имею возможности этого сделать; тогда я отвыкаю от языка, и мне приходится изучать его как бы заново. Так именно и произошло с «**Разногласиями**». Рукописи Маркса, которые я диктую секретарю, отнимают у меня весь день; вечером приходят гости, которых тоже ведь не выставишь за дверь; приходится читать корректуры, писать множество писем, и, наконец, существуют еще переводы (итальянские, датские и т. д.) моего «Происхождения [семьи] и т. д.», которые меня просят просматривать, а их проверка иной раз является далеко не лишней и вовсе нелегкой работой. Все эти помехи не позволили мне подвинуться дальше 60-й страницы «**Разногласий**». Если бы у меня нашлось три свободных дня, я покончил бы с этим делом и к тому же освежил бы свои знания русского языка.

Но и того немногого, что я прочел в этой книге, достаточно, как мне кажется, чтобы более или менее ввести меня в курс разногласий, о которых идет речь.

Прежде всего, повторяю, я горжусь тем, что среди русской молодежи существует партия, которая искренне и без оговорок приняла великие экономические и исторические теории Маркса и решительно порвала со всеми анархическими и несколько славянофильскими традициями своих предшественников. Сам Маркс был бы так же горд этим, если бы прожил немного дольше. Это прогресс, который будет иметь огромное значение для развития революционного движения в России. Для меня историческая теория Маркса — основное условие всякой *выдержанной* и *последовательной* революционной тактики; чтобы найти эту тактику, нужно только приложить теорию к экономическим и политическим условиям данной страны.

Но для этого необходимо знать эти условия; что же касается меня, то я слишком мало знаком с современным положением в России, чтобы брать на себя смелость быть компетентным судьей в частных вопросах тактики, которой следует придерживаться там в тот или иной момент. Кроме того, внутренняя, кровавая история русской революционной партии, в особенности за последние годы, мне почти совершенно неизвестна. Мои друзья из пародовольцев мне о ней никогда не говорили. А это — необходимое условие, чтобы составить себе определенное мнение.

То, что я знаю или думаю, что знаю, о положении в России, склоняет меня к тому мнению, что русские приближаются к своему 1789 году. Революция *должна* разразиться в течение определенного времени, но она *может* разразиться каждый

день. В этих условиях страна подобно заряженной mine, к которой остается только поднести фитиль. Особенно — с 13 марта¹. Это один из исключительных случаев, когда горсточка людей может *сделать* революцию, — другими словами, одним небольшим толчком заставить рухнуть целую систему, находящуюся в более чем неустойчивом равновесии (пользуясь метафорой Плеханова), и высвободить актом, самим по себе незначительным, такие взрывчатые силы, которые затем уже невозможно будет укротить. И если когда-либо бланкистская фантазия — вызвать потрясение целого общества путем небольшого заговора — имела некоторое основание, так это, конечно, в Петербурге. Раз уж порох будет подожжен, раз уж силы будут высвобождены и народная энергия из потенциальной превратится в кинетическую (тоже излюбленный и очень удачный образ Плеханова), — люди, которые подожгли фитиль, будут подхвачены взрывом, который окажется в тысячу раз сильнее их и будет искать себе выход там, где сможет, в зависимости от экономических сил и экономического сопротивления.

Предположим, эти люди воображают, что могут захватить власть, — ну, так что же? Пусть только они пробьют брешь, которая разрушит плотину, — поток сам быстро положит конец их иллюзиям. Но, если бы случилось так, что эти иллюзии придали им большую силу воли, стоит ли на это жаловаться? Люди, хвалившиеся тем, что *сделали* революцию, всегда убеждались на другой день, что они не знали, что делали, — что *сделанная* революция совсем не похожа на ту, которую они хотели сделать. Это то, что Гегель называл проницей истории, той проницей, которой избегли немногие исторические деятели. Посмотрите на Бисмарка — революционера поневоле — и на Гладстона, который в конце концов занутился со своим обожаемым царем.

По-моему, важно, чтобы в России был дан толчок, чтобы революция разразилась. Подаст ли сигнал та или иная фракция, произойдет ли это под тем или иным флагом, это не столь важно для меня. Пусть это будет дворцовый заговор — он будет сметен на другой же день. Там, где положение так напряжено, где в такой степени накопились революционные элементы, где экономическое положение огромной массы народа становится изо дня в день все более нестерпимым, где представлены все ступени общественного развития, начиная от первобытной общины и кончая современной крупной промышленностью и финансовыми воротилами, и где все эти противоречия насильственно сдерживаются деспотизмом, не имеющим себе равного, деспотизмом все более и более невыносимым для молодежи, воплощающей в себе разум и достоинство нации, — стоит в

¹ Энгельс имеет в виду убийство Александра II 1 (13) марта 1881 г. *Ред.*

такой стране начаться 1789 году, как за ним не замедлит последовать 1793 год.

Я прощаюсь с Вами, дорогая гражданка. Уже половина третьего ночи, а завтра перед отправкой почты я не успею ничего к этому добавить. Если Вам удобнее, пишите мне по-русски, но не забывайте, прошу Вас, что русский *рукописный* текст мне приходится читать не каждый день.

Преданный Вам

Ф. Энгельс.

188.

В. И. ЗАСУЛИЧ — ЭНГЕЛЬСУ

в Лондон.

Женева, конец апреля 1885 г.

Уважаемый гражданин!

Посылаю Вам еще три наших издания (не для того, конечно, чтобы Вы читали их, а просто, чтобы Вам их показать). Первая часть «Нищеты [философии]» уже напечатана: издание задержалось, так как перевод второй части был плохо сделан и пришлось его переделать от первой до последней строки.

Теперь несколько слов, имеющих большее или меньшее отношение к теме Вашего последнего письма. Близка или не близка революция в России, все равно мы можем воздействовать только на подлинно революционные элементы, из которых рекрутируются наши заговорщики, наши подпольные организации. Так вот для этих элементов настоящий момент не есть момент прямого действия, охоты за царем. Может быть, этот момент продлится всего 2—3 года, но сейчас самый яркий бланкист не может делать ничего другого, как только заниматься пропагандой. Это потому, что, с одной стороны, весь контингент наших подпольных организаций состоит в настоящий момент из совсем зеленых студентов, — ибо все сколько-нибудь зрелые элементы были выметены с поля действия, — и непременно должно пройти некоторое время, пока эти студенты успеют немного вырасти, чтобы стать заговорщиками, способными организовать систематический террор наподобие террора 1880—1881 года. А с другой стороны, кредо «Народной Воли» уже не удовлетворяет этих студентов, за исключением нескольких небольших групп ортодоксов. У большинства все поставлено под сомнение, не исключая всемогущества динамита, захвата власти и даже самой сельской общины.

И не наша вина или заслуга в этом возрождении интереса к вопросам, которые считались навеки решенными, с тех пор как началась террористическая борьба. Гораздо раньше, чем наши брошюры проникли в Россию, это смятение умов уже давало себя чувствовать очень сильно...

189.

ЭНГЕЛЬС — В. И. ЗАСУЛИЧ

в Женеву.

Лондон, 31 марта 1886 г.

Дорогая гражданка!

Очень благодарен Вам за присланный перевод «Нищеты философии», который я получил своевременно.

Вскрывая пакет, я разорвал написанный на нем адрес отправителя. С большим трудом мне удалось, наконец, сложить клочки бумаги так, чтобы разобрать адрес, которым я сейчас пользуюсь. Но не будучи уверен в том, что прочел его правильно, я прошу снова прислать мне Ваш адрес, так как хотел бы послать Вам экземпляр русского перевода II тома «Капитала», полученный мною из Санкт-Петербурга.

Простите за беспокойство, которое я Вам причиняю своей пеловкостью, и примите выражение моей искренней преданности.

Ф. Энгельс.

190.

В. И. ЗАСУЛИЧ — ЭНГЕЛЬСУ

в Лондон.

Женева, апрель 1886 г.

Уважаемый гражданин!

Ваше письмо от 31 марта благополучно дошло до меня, хотя адрес был не совсем правильным. Вот он: г-же Бельдинской, Maison Goss-Renevier, Chemin de la Queue d'Arve, Plainpalais, Женева.

Прошло уже около года с тех пор, как я получила Ваше письмо по поводу «Наших разногласий». Эта тема так интересовала меня, что я немедленно села писать Вам ответ. Будучи

не совсем согласной с Вами и желая обосновать свои возражения, я быстро заполнила несколько листов. Когда это было сделано, моя совесть подсказала мне, что Ваше время слишком дорого, чтобы растрачивать его таким образом, что у Вас есть более важные дела, чем продолжительные беседы со мной. Под влиянием этого укора совести я разорвала свое письмо.

С тех пор я несколько раз принималась писать Вам, думая в нескольких словах подтвердить получение Вашего письма, но мне не удавалось этого сделать; каждый раз я углублялась в тему и вновь становилась болтливой!

Поэтому Ваше письмо так и осталось без ответа.

Преданная Вам

В. Засулич.

Заранее благодарю Вас за русский перевод II тома «Капитала». Вот какие фокусы у нас выкидывают! А бедный старик Адам Смит два года тому назад был внесен в список книг, запрещенных к выдаче в читальнях!

191.

В. И. ЗАСУЛИЧ — ЭНГЕЛЬСУ *

в Лондон.

Морнэ, 30 января 1890 г.

Уважаемый гражданин!

Мы весьма благодарны Вам за Вашу статью¹ и просим Вас извинить нас за то, что мы возвращаем рукопись с опозданием. В этом виновата «инфлюэнца».

Наш журнал трехмесячный², и следующий номер должен выйти в апреле. Рукопись Вашей второй статьи понадобится нам самое позднее в марте, но если бы Вас не затруднило прислать ее раньше, то нас бы очень устроило иметь все рукописи этого номера заблаговременно.

---

¹ Статья Энгельса «Внешняя политика русского царизма», появившаяся на русском языке в журнале «Социал-Демократ» (кн. I, Лондон и кн. II, Женева, 1890) под заглавием «Иностранная политика русского царства». *Ред.*

² «Социал-Демократ» — трехмесячное литературное политическое обозрение, издававшееся группой «Освобождение труда» в Женеве в 1890—1892 годах. *Ред.*

Прошу Вас поблагодарить также от нашего имени госпожу Эвелинг¹. Русские социал-демократы, да еще умеющие писать, являются у нас пока очень большой редкостью. Не легко в этих условиях выпускать журнал, а потому помощь наших западных друзей нам крайне необходима.

Преданная Вам

В. Засулич.

192.

ЭНГЕЛЬС — В. И. ЗАСУЛИЧ

в Женеву.

Лондон, 3 апреля 1890 г.

Дорогая гражданка!

Сейчас же по получении Вашего письма я передал Степняку конец статьи (корректуру) и, так как местами она была несколько попорчена, я присоединил к ней также соответствующую часть рукописи для сверки. Надеюсь, что теперь Вы все уже получили.

Степняк передал мне также экземпляр журнала, за который я Вам очень благодарен; предвкушаю большое удовольствие от чтения Вашей статьи и статей Плеханова.

Вы совершенно правы: в подобном издании каждый номер должен содержать только такие статьи, из которых каждая представляет собой законченное целое, без всякого продолжения в следующем номере. Я так бы и сделал, если бы не было такой спешки.

Вполне согласен с Вами, что необходимо бороться против народничества — немецкого, французского, английского или русского. Но все же я полагаю, что было бы лучше, если бы то, что мне пришлось сказать, было бы высказано русскими. Впрочем, я признаю, что, например, раздел Польши освещается совершенно иначе с русской точки зрения, чем с польской, сделавшейся точкой зрения Запада. Но, в конце концов, я должен в равной мере считаться и с поляками. Если поляки претендуют на территории, которые русские вообще считают приобретенными навсегда, русскими по своему национальному составу, то не мне решать этот вопрос. Я могу только сказать, что, по-

¹ В № 1 «Социал-Демократа» за 1890 г. было опубликовано письмо Элеоноры Маркс-Эвелинг в редакцию о стачке на лондонских доках. *Ред.*

моему, заинтересованное население должно само определить свою судьбу — совершенно так же, как эльзасцы сами должны будут выбирать между Германией и Францией. К несчастью, говоря о русской дипломатии и ее влиянии на Европу, я не мог не упомянуть о вещах, которые современное поколение русских считает **внутренними делами**, и неудобство, по крайней мере на первый взгляд, заключается в том, что высказывается в таком духе не русский, а иностранец. Но это было неизбежно.

Если Вы считаете полезным сделать от моего имени небольшое примечание об этом, то прошу Вас поместить его там, где Вы найдете это наиболее удобным.

Надеюсь, что опубликование моей статьи на английском языке произведет некоторое впечатление. В настоящий момент вера либералов в освободительный пыл царя сильно поколеблена вестями из Сибири¹, книгой Кеннана² и последними университетскими волнениями в России. Вот почему я и поспешил с опубликованием; нужно ковать железо, пока горячо. Петербургская дипломатия рассчитывала, что в ее очередном походе на Восток ей поможет приход к власти царевича Гладстона, поклонника «величественной фигуры Севера», как он называл Александра III. Критяне и армяне были уже пущены в ход, затем могла бы последовать диверсия в Македонии; при работе Франции перед царем и благосклонном попустительстве Англии можно было бы, пожалуй, рискнуть на новый шаг вперед и даже завладеть Царьградом, не опасаясь Германии, которая не осмелилась бы воевать при таких неблагоприятных условиях. А в случае завоевания Царьграда можно было ожидать длительного периода шовинистического угара, подобно тому как это было в Германии после 1866 и 1870 годов. Вот почему возобновившееся среди английских либералов антицаристское движение представляется мне чрезвычайно важным для нашего дела; очень удачно, что Степняк здесь и имеет возможность его подогревать.

С тех пор как существует революционное движение в самой России, ничто уже больше не удается когда-то непобедимой русской дипломатии. И это очень хорошо, потому что эта дипломатия — самый опасный враг как ваш, так и наш. Это пока — единственная непоколебимая сила в России, где даже сама армия ускользает из рук царей, о чем свидетельствуют многочисленные аресты среди офицеров, доказывающие, что русское офицерство по своему общему развитию и моральным качествам бесконечно выше прусского. И как только у вас появятся

¹ Имеются в виду сообщения об избении политических ссыльных в Якутске и в Карской тюрьме. *Ред.*

² Кеннан Д., Сибирь и ссылка. Париж — Лондон, 1890 г. *Ред.*

сторонники и преданные люди в рядах дипломатии — у вас или хотя бы только у конституционалистов, — ваше дело будет выиграно.

Дружеский привет Плеханову.

Преданный Вам

Ф. Энгельс.

193.

В. И. ЗАСУЛИЧ — ЭНГЕЛЬСУ

в Лондон.

Мориэ, Верхняя Савойя,
около 10 апреля 1890 г.

Уважаемый гражданин!

Конец Вашей статьи я получила и перевозку его¹. Мы прочли статью вместе с Плехановым и пришли к выводу, что давать примечание, о котором Вы говорите, не стоит. Вопрос об Украине и Белоруссии Вы затрагиваете только мимоходом, а в остальном сама статья достаточно ясно говорит, почему иностранец может и должен интересоваться подобными вопросами.

...А теперь я не могу удержаться от того, чтобы не написать Вам о другом деле, о нападках на нас в № 14 «Sozialdemokrat»². Нас чрезвычайно неприятно поразило, что подобная статья появилась в уважаемом органе немецкой социал-демократии. Если бы это была хотя бы добросовестная статья, но в ней нет ни капли здравого смысла, она рассчитана исключительно на полное незнание немецкой публики с русскими делами. Господин Бек никогда не посмел бы написать ничего подобного по-русски. Самые разнообразные русские издания, совершенно противоположных взглядов (я могла бы привести бесконечное множество примеров), все сходятся в одном — что движение «интеллигентной молодежи 80-х годов» ничто по сравнению с тем, что оно было 10—15 лет до того. Правда, «в 80-х годах» русские студенты (за исключением наших товарищей) перестали заниматься пропагандой, а потому, на языке Бека, утратили свой «культуртрегерский» (т. е. не революционный) характер. Так же Бек отзывается о всей мировой социал-демократии, в

¹ Энгельс, Внешняя политика русского царизма. *Ред.*

² Речь идет о статье Бека «Возражение» с клеветническими нападками на Плеханова за его предисловие к брошюре «Речь Петра Алексея», в котором Плеханов предостерегал рабочих против «ложных друзей» из числа либеральной интеллигенции. *Ред.*

таким духе он высказывался, во всяком случае не так давно, в Цюрихе, где он примыкал к анархистам. Правда и то, что в университетах Швейцарии и Парижа, — где начал и продолжает свою революционную карьеру господин Бек, — среди студенчества теперь в тысячу раз больше разговоров об убийствах и динамите, чем раньше. Но с начала 1882 г. (после казни Стрельникова Желваковым и рабочим Халтуриным) никто в России не был убит революционерами и не было совершено ни одного покушения, где бы жизнь царя подвергалась малейшей опасности.

По-русски господин Бек не решился бы написать, что «было бы трудно указать, где и когда рабочим давался совет рассчитывать на всю интеллигентную молодежь в целом». Непосредственно рабочим такого совета никто не давал просто потому, что с 1881 г. кроме нас и нескольких групп наших приверженцев в России, никто из революционеров ничего для рабочих не пишет и ни с какими советами к ним не обращается. Зато в «хорошем обществе», в литературе, предназначенной для интеллигенции, именно этот вопрос является излюбленной и почти единственной темой. Выбор так велик, что трудно решить, какие цитаты привести. Возьмем примеры только последнего времени. Выходившие в 1888—1889 годах в Швейцарии многочисленные газеты и журналы: «Свобода», «Борьба», «Самоуправление», «Свободная Россия» — все превозносили спасительную миссию интеллигенции. В первом номере «Самоуправления», органа «социалистов-федералистов», как они себя величали, в программной статье говорилось, что они не хотят беспорядочной народной революции, что революции в городах приводят к деспотизму, что социалисты-федералисты рассчитывают только на образованных людей, на общество, на интеллигенцию. Но это была плохо редактируемая газета, возможно, что она сама не знала, что хотела сказать. Другое дело «Свободная Россия», здесь царил полная гармония. Вдохновителем ее был господин Драгоманов, который прекрасно знает, чего он хочет. Журнал выдвигал теорию, что народные революции — это несчастье, они ни к чему не приводят, и что деспотизм ниспровергался всюду только благодаря деятельности образованных людей: во Франции в 1788 г., в Пруссии в 1847 г. (патент 3 февраля), в Вене 12 марта, по рескрипту императора, накануне восстания. Что касается социального вопроса, то он будет разрешен только при помощи согласованных действий всех классов общества, при помощи «социальной политики». Запад уже вступил в эту фазу. Богатые, образованные классы и правительства занимаются улучшением положения рабочих, а рабочие, со своей стороны, помышляют только о минимальных, практически выполнимых требованиях. Устаревшая идеалистическая метафизика Маркса как

в экономической, так и в политической области всюду забыта и отвергается рабочими («Свободная Россия» № 2, «Очерки социального движения»). Так обстоит дело в Европе. А в России, если земства будут подавать петиции, правительство согласится создать нечто вроде Объединенного прусского ландтага 1847 года. Журнал призывал учащуюся молодежь, интеллигенцию не выходить из круга «хорошего общества», а главное не обращаться к рабочим. Для убедительности авторы «Свободной России» говорили всевозможные (вернее невозможные) вещи, стараясь очернить наших рабочих. Не имея фактов, они построили теорию (продолжая вличать себя социалистами и революционерами в «истинном значении слова»), что громадное большинство рабочих, при аресте, обязательно становится предателями, так как только образование (окончание университета или гимназии) даст человеку нравственную силу и мужество.

Рабочий, начинающий интересоваться запрещенной литературой, ни в каком случае не ограничивается брошюрами, изданными специально для него, он читает все, что попадает под руку. При таких условиях могли ли мы оставить без ответа глупые и совершенно незаслуженные оскорбления, которые наносились рабочим от имени социалистов-революционеров? Именно об этой фракции говорит Плеханов в предисловии, которое ему ставят в вину. В ней имеются самые разнообразные оттенки мнений, но все ее члены сходятся на том, что действовать надо только в «хорошем обществе» образованных людей, не привлекая рабочих. Господин Бек лжет, когда заявляет, что «мы признаем «хорошими» только тех интеллигентов, социалистическая благонадежность которых подтверждена подписью Плеханова». На самом деле Плеханов просто говорит, что истинными друзьями рабочих являются те студенты, которые несмотря на опасности идут сейчас к рабочим. Это предисловие вызвало много шума на студенческих собраниях в Цюрихе и в Париже. Автора обвиняли в том, что он рассказал рабочим то, о чем образованные люди говорят между собой. Плеханов получил также несколько писем; одно так мило, что я хочу его процитировать. «Советуя рабочим», говорится в письме (автор — курсистка), «самим добиваться своего освобождения, Вы тем самым доказываете, что не любите их. Человек, который любит своего ближнего, не скажет ему: трудись сам для своего счастья. Наоборот, он скажет: будь спокоен и не тревожься, я все сделаю за тебя. Вот, что мы говорим народу, и потому именно мы его истинные друзья». Предисловие еще не напечатано и не подвергалось критике. Собрания нескольких студентов за границей еще не выражают общественного мнения, а господин Бек так болтлив, что ему давно уже перестали отвечать, что бы он ни говорил.

В движении нашей учащейся молодежи, — которая отождествляла когда-то свои интересы с интересами народа и искренне считала себя социалистической, хотя и была только бакунистски-народнической, — происходит сейчас раскол. Одни становятся социалистами в нашем смысле этого слова, другие все больше усваивают чисто буржуазные взгляды. Но при царящей в головах путанице даже люди, выступающие с программами в духе «Свободной России», приукрасив их похвалами динамиту и несколькими фразами о благе, которое они сулят народу, имеют возможность называть себя социалистами и ужасными революционерами, а может быть, и считать себя ими. Этот раскол был неизбежен, рано или поздно часть нашей учащейся молодежи должна была проникнуться взглядами, соответствующими ее положению. И именно в такой критический момент нашего движения мы считаем своим долгом заниматься безоговорочной пропагандой революционного рабочего социализма, принципов марксизма, и вносить возможно больше ясности в идейную путаницу, которая очень вредит движению, что бы ни говорили по этому поводу Лавров, для которого все программы одинаково хороши, лишь бы называть себя социалистами и обещать «высоко держать знамя»! Это наш долг, и мы делаем все, что в наших силах.

Нам неизвестно, кто является доброжелательным автором корреспонденции в № 12 «Sozialdemokrat», которая вызвала нападки в № 14¹. Что касается нас, то мы никогда не стремились занимать своими делами и спорами столбцы органа немецкой социал-демократии (который, благодаря положению этой партии, является как бы центральным органом социал-демократии всего мира). Мы считаем себя лишь сторожевым отрядом на отдаленной границе; костяку армии не до нас, думали мы. Велико же было наше удивление, когда этот уважасмый орган стал трибуной для злобных и бессмысленных выходок болтливого студента (понимаете ли Вы что-нибудь в его фразах о «пропасти, вырытой Плехановым», о цели, которую Плеханов должен был бы себе поставить, но не поставил, и т. д.? Я лично абсолютно ничего не понимаю). Что нужно от нас редакции «Sozialdemokrat»? Чем мы ее прогневали? Надо было сказать нам это; мы бы постарались исправиться. Редакция может быть скажет, что она беспристрастна и опубликует наш ответ. Но судя по тону господина Бека, совершенно ясно, что спор ни к чему не приведет и что найдутся еще десятки Беков, которые будут чрезвычайно рады случаю напасть на нас на страницах

---

¹ Статья Бека против Плеханова была ответом на анонимную статью «О русском рабочем движении», опубликованную в № 12 «Sozialdemokrat» за 1890 год. *Ред.*

«Sozialdemokrat». Нас окружает старая ненависть бакунистов, с недавних пор к ней прибавилась ненависть к нам буржуазных кругов. Разве не пикантно иметь возможность атаковать нас как раз в этом органе? А для нас было бы зазорным вступать в дискуссию с господами Беками в «беспристрастном» органе социал-демократии. Какими политическими соображениями руководствовалась редакция, поступая с нами таким образом? Бернштейн был нашим другом, он отчасти в курсе наших дел, он должен был бы знать, что корреспонденция № 12 дает совершенно правдивую картину и что она рассердит Беков. Итак, если политические соображения не позволяют редакции поддерживать истину и стать на нашу сторону, то не лучше было бы вообще не печатать о русском движении ничего такого, что могло дать повод к спорам, чем наносить удар социал-демократам, даже если это только русские?

Очень прошу Вас, дорогой гражданин, простить мне, что я докучаю Вам своим письмом, ставшим невероятно длинным помимо моей воли. Было бы проще написать прямо Бернштейну, но, право, нам кажется, что он что-то имеет против нас. Вы вероятно часто видите с ним и могли бы, может быть, объяснить нам, в чем дело.

Еще раз прошу не сердиться на меня за мое длинное письмо.

Преданная Вам

В. Засулич.

194.

ЭНГЕЛЬС — В. И. ЗАСУЛИЧ

в Женеву.

Лондон, 17 апреля 1890 г.

Многоуважаемая гражданка!

Когда я прочел статью Бека, я подумал, что Вы и Ваши друзья будете, вероятно, очень недовольны, и сказал Бернштейну, что на его месте я не напечатал бы такого лабора слов. Но он возразил, что не считал себя вправе не помещать статьи, выражающей все же мнение определенной части русской молодежи, у которой нет другого печатного органа, чтобы иметь возможность сообщить читателям «Sozialdemokrat» свой ответ на опубликованную перед тем статью. Бернштейн сказал, далее, что он стремился главным образом к тому, чтобы дать Вам повод ответить на эту критику и, конечно, с большим удовольствием напечатает любой Ваш ответ.

Позиция «Sozialdemokrat» в отношении живущих в Западной Европе русских довольно затруднительна. Вас здесь, без сомнения, считают союзниками и особо близкими друзьями германского движения. Но ведь и остальные социалистические фракции имеют право на определенное уважение. Чтобы иметь возможность говорить с германскими рабочими, им приходится обращаться в «Sozialdemokrat», следует ли отказывать им в гостеприимстве? Это было бы вмешательством во внутренние дела русских, а этого как раз надо избегать во что бы то ни стало. Возьмите, к примеру, внутреннюю борьбу датских и французских социалистов; пока это было возможно, т. е. пока его самого не затропули, «Sozialdemokrat» сохранял нейтралитет в отношении поссибилистов, а в отношении двух датских партий он сохраняет нейтралитет и теперь, несмотря на то, что все его симпатии на стороне «революционеров». То же самое и в отношении русских. У Бернштейна нет и намека на недоброжелательность к Вам, за это я Вам ручаюсь. Но у него слишком развито чувство справедливости и беспристрастия; он предпочтет *десять раз* быть несправедливым к своим друзьям и союзникам, чем оказаться *одни раз* несправедливым к врагу или к человеку, который ему несимпатичен. Все его друзья упрекают его в этой преувеличенной беспристрастности, которая превращается в предвзятое отношение к своим союзникам. Именно эта черта Бернштейна приводит к тому, что при разборе спорных случаев он всегда более снисходителен к врагу.

Прибавьте к этому, что группировки, существующие среди русских, живущих в Западной Европе, довольно часто мешаются, а мы очень плохо осведомлены об этом и, следовательно, рискуем в любой момент попасть впросак. Бернштейн знает значительно больше, чем я, так как он мог, по крайней мере, кое к чему приглядеться в Цюрихе; мне же, наоборот, было неизвестно даже существование и название газет, о которых Вы упоминаете. Бернштейн говорил мне, что письмо Бека он считал выражением взглядов сторонников Лаврова; не знаю, прав он или нет, но это было одной из причин, побудивших его напечатать письмо.

Бернштейн сказал мне также, что он просил прислать ему из Парижа перевод предисловия Плеханова, чтобы полностью его напечатать. Перевод этот получен и будет напечатан при первой возможности. Все это Бернштейн предпринял немедленно по получении письма Бека, и это должно послужить для Вас доказательством, что он хотел воспользоваться опубликованным письмом, чтобы снова дать слово Плеханову.

А теперь я предлагаю Вам составить ответ Беку; если желаете, по-французски, и послать его либо мне, либо непосредственно в «Sozialdemokrat» (адрес Бернштейна: 4 Corinne Road, Tufnell Park Road, London, N). Ведь Вы знаете г. Бека, а вне

русской среды его не знают, и хотя Вы и считаете для себя до некоторой степени унизительным вступать с ним в полемику, но это одна из тех неприятностей, которых, к сожалению, часто нельзя бывает избежать; мне это знакомо.

Я знаю по опыту, что за движение происходит внутри маленькой русской колонии в Западной Европе. Все знакомы друг с другом, все находятся друг с другом в личных дружеских или враждебных отношениях, и, следовательно, всякое движение вперед, обязательно сопровождаемое разногласиями, расколами, полемикой, приобретает в высшей степени личный характер. Это свойственно всякой политической эмиграции; в период 1849—1860 гг. у нас тоже всего этого было достаточно. Но вместе с тем я тогда же убедился, что партия, обладающая достаточной моральной силой, чтобы первой стать выше этой атмосферы личных счетов и не поддаваться влиянию этих распрей, приобретает благодаря этому большое преимущество перед другими партиями. Чем менее чувствительны Вы будете к этим булавочным уколам, тем больше времени и сил Вы сэкономите для великой борьбы. Какое Вам дело в конце концов, что статья Бека или кого-либо иного появилась в «Sozialdemokrat», раз у Вас есть уверенность, что Вы сможете ответить на нее со всей прямоотой? Ведь нельзя же сделать всю социалистическую печать Запада недоступной для ваших врагов. А разве само русское движение не выиграет от того, что оно будет происходить более открыто, на глазах у широкой западноевропейской общественности, вместо того, чтобы ютиться в маленьких, отрезанных от всего света кружках и этим самым благоприятствовать интриганству и заговорам? Как только Маркс видел, что против него плетутся тайные интриги, он пускал в ход самое сильное и чаще всего применявшееся им средство: вытаскивал своих противников на солнышко и публично вел на них атаку.

Лучшим средством отбить у ваших противников всякую охоту становиться в позу перед немецкими социалистами явилось бы ваше активное сотрудничество в «Sozialdemokrat» и в «Neue Zeit». Как только будет установлено и признано единство ваших взглядов со взглядами немцев, можно предоставить другим говорить, что им угодно, никто не будет обращать на них внимания. И уверен, что ваши сообщения будут приняты с распростертыми объятиями, и я очень обрадовался, узнав, что статья Плеханова о Чернышевском появится в «Neue Zeit»¹.

Сердечный привет Плеханову и не меньший привет Вам.

Преданный Вам

Ф. Энгельс.

¹ Речь идет о статье Плеханова «Н. Г. Чернышевский», появившейся в «Neue Zeit» за 1890 год. *Ред.*

195.

В. И. ЗАСУЛИЧ — ЭНГЕЛЬСУ *

в Лондон.

Морнэ, Верхняя Савойя,
около 20 апреля 1890 г.

Уважаемый гражданин!

Вы предлагаете нам ответить господину Беку. Дело не в том, что полемика внушает нам отвращение (наши враги даже жалуются, что Плеханов ее слишком любит), а статья Бека сама по себе нам глубоко безразлична. Нас задевает другое — то, что статья эта появилась в «Sozialdemokrat» и «беспристрастие» этого органа; но приходится считаться с фактом, не будем больше говорить об этом. Мы тоже думаем, что русское движение выиграет, как Вы пишете, если «оно будет происходить более открыто, на глазах у широкой западно-европейской общественности», которая знает о нем лишь старую легенду. Но ответ Беку в «Sozialdemokrat» был бы поистине плохим началом. Дело не в личности Бека (он или другой, не все ли равно; никто из нас не поддерживал с ним личных отношений, ни хороших, ни плохих. *Возможно, что он — единомышленник Лаврова; Лавров — единомышленник всех на свете*), дело в его литературных приемах, которые не располагают к серьезному ответу. В бессвязных фразах он затрагивает слишком много вопросов сразу (он касается, если хотите, всей истории движения, ее фактической и идейной стороны). Нам совсем не трудно было бы ответить ему в нескольких словах, и для русских этого было бы вполне достаточно. Но западным товарищам, знакомым только с общепринятой легендой, дальше которой Бек не идет, — такой ответ мало бы что дал. А если бы мы попытались серьезно разобрать затронутые в статье вопросы, нам понадобилось бы гораздо больше места, чем это позволяют размеры «Sozialdemokrat». Но предположим, что мы все же сделали бы это. Мы сказали бы по-немецки только то, что говорим по-русски. Между тем многие русские очень дорожат, в глазах западных товарищей, неприкосновенностью легенды, благодаря которой отблеск «славы предков» падает до некоторой степени и на них.

Вы можете быть уверены, что редакция была бы наводнена самыми страстными протестами и проклятиями по нашему адресу. Нам они несколько не страшны, но логика вещей требует, напечатав эти протесты, редакция была бы вынуждена снова дать слово нам, и так без конца. У газеты, размером «Sozialdemokrat», не нашлось бы ни времени, ни места, чтобы разобрать окончательно это дело, да и жаль было бы заполнять этим его страницы. Как ни подойти к вопросу, мы находим, что

мы правы, не желая отвечать господину Беку в «Sozialdemokrat». Мы считаем этот эпизод исчерпанным.

Что касается вообще сотрудничества в «Sozialdemokrat», то это дело другое, и, может быть, наша группа была неправа, отказываясь от такого сотрудничества.

Плеханов сейчас здесь, в Морнэ, и шлет Вам вместе со мной свой самый сердечный привет.

Преданная Вам
В. Засулич.

196.

Г. В. ПЛЕХАНОВ — ЭНГЕЛЬСУ

в Лондон.

Женева, 14 марта 1893 г.

ТЕЛЕГРАММА

Лондон Фридриху Энгельсу

122 Regent's Park Road N. W.

Социалисты различных национальностей, собравшиеся 14 марта почтить память великого мыслителя и гения Карла Маркса, приветствуют в Вашем лице сотрудника его великого дела и выражают Вам глубокое чувство благодарности.

Плеханов и другие.

197.

Г. В. ПЛЕХАНОВ — ЭНГЕЛЬСУ

в Лондон.

Женева, 25 марта 1893 г.

Дорогой и глубокоуважаемый учитель!

Вот адрес, который Вы у меня просите: госпожа Боград-Плеханова, 5, rue des Allemands, Женева. Я счастлив сообщить Вам его; это даст мне право надеяться на получение от Вас письма. Не писал я Вам первый только потому, что не хотел Вас беспокоить и отнимать у Вас время. Моя мечта в настоящую минуту — поездка в Лондон, где я смогу с Вами увидеться

и поговорить о положении в России и о моих теоретических работах. Но я еще не знаю, когда осуществится эта мечта. Дни, проведенные в Лондоне в Вашем обществе, останутся счастливейшими в моей жизни¹. Я теперь готовлю ряд статей (для «Neue Zeit») о Гольбахе, Гельвеции и Марксе², и чем яснее вырисовывается передо мной французский материализм XVIII века, тем более я восхищаюсь написанными Вами страницами по этому вопросу в Вашей работе «Людвиг Фейербах» и т. д. Эта брошюра дает внимательному читателю больше, чем сотни томов, написанных официальными философами, философами *по профессии*. Мне передавали, что Вы написали несколько благожелательных слов обо мне Каутскому по поводу моей статьи о Гегеле³. Если это верно, я не хочу других похвал. Все, чего я желал бы, это быть учеником, не совсем недостойным таких учителей, как Маркс и Вы. Мой привет гражданке Элеоноре Маркс-Эвелинг и ее мужу. Вера Засулич шлет Вам самый сердечный привет.

Примите, дорогой учитель, уверение в моей искренней преданности.

Г. Плеханов.

Р. С. Уже три месяца, как я вернулся в Женеву, благодаря вмешательству здешней молодой рабочей партии. Но дело еще не решено окончательно. Возможно, что я должен буду вернуться во Францию, где я жил (в департаменте Верхней Савойи) последние три года.

Г. П.

198.

Г. В. ПЛЕХАНОВ — ЭНГЕЛЬСУ

в Лондон.

Мориэ, 4 мая 1893 г.

Дорогой учитель!

Гражданка Элеонора Маркс-Эвелинг просила меня написать несколько слов для митинга 7-го числа. Посылаю Вам эти

¹ Плеханов имеет в виду свое первое личное знакомство с Энгельсом в июле 1889 года. *Ред.*

² Эти статьи Плеханова вышли отдельной брошюрой под заглавием «Beiträge zur Geschichte des Materialismus» («Очерки по истории материализма»). Штутгарт, 1896 г. *Ред.*

³ Плеханов имеет в виду свою статью «Zu Hegel's sechzigstem Todestag» («К 60-летию со дня смерти Гегеля»), напечатанную в «Neue Zeit», т. I за 1891—1892 год. *Ред.*

несколько слов, подписанных Верой Засулич и мною¹. Но у меня нет здесь в Морнэ адреса гражданки, так как я оставил в Женеве ее письмо. Поэтому я позволяю себе просить Вас передать ей прилагаемый листок с моими и Веры Засулич лучшими пожеланиями. Искреннейший привет также гражданину Эвелингу.

Один из наших русских друзей, Алексей Воден, поехал в Лондон приблизительно месяц тому назад. Я дал ему письмо к Вам². Зашел ли он к Вам? Он нам ничего не пишет. Если Вы его увидите, кланяйтесь от нас. Я послал Вам самый верный мой адрес для Западной Европы: 5, rue des Allemands, госпожа Боград-Плеханова, доктор медицины. Пишу его еще раз, потому что мое письмо могло затеряться в дороге.

Простите, дорогой учитель, что беспокою Вас.

Преданный Вам

Г. Плеханов.

Вера Засулич сердечно Вам кланяется.

Демонстрация первого мая в Женеве удалась великолепно. Второго Гэд сделал доклад в огромном зале избирательного дворца. Он имел чрезвычайный успех. Этот доклад значительно подвинет жесевское рабочее движение. Гэд был восхитителен.

199.

ЭНГЕЛЬС — Г. В. ПЛЕХАНОВУ

в Морнэ (Савойя).

Лондон, 21 мая 1894 г.

Дорогой Плеханов!

Прежде всего, прошу Вас перестать величать меня «учителем». Меня зовут просто Энгельс.

Затем, благодарю Вас за Ваши сообщения. Я написал г. Кричевскому заказным письмом, что введение к «**Наемному труду и капиталу**»³, а также статья о России в «*Internationales aus*

¹ Обращение к лондонским рабочим по вопросу о борьбе за 8-часовой рабочий день, написанное по случаю митинга в Гайд-Парке 7 мая 1893 года. Текст обращения — см. «Литературное наследие Г. В. Плеханова». Сб. I, стр. 268. *Ред.*

² Письмо Плеханова не сохранилось. Цель поездки Водена заключалась в том, чтобы склонить Энгельса к выступлению против народников в печати. *Ред.*

³ Введение Энгельса к брошюре Маркса «Наемный труд и капитал», 1891 г. (*К. Маркс и Ф. Энгельс*, Избр. произв. в двух томах, т. I, 1948, стр. 44—52). *Ред.*

dem «Volksstaat»¹ являются, согласно Бернской конвенции, моей литературной собственностью и что на каждый перевод требуется мое разрешение; что я в интересах дела вынужден настаивать на своих правах, чтобы не допускать переводов, которые делались бы людьми неумелыми или в других отношениях некомпетентными (не облеченными доверием); что, следовательно, его первым долгом было предварительно попросить у меня разрешения на перевод, чего он не сделал; что в соответствии с этим я *официально заявляю протест против его образа действий и намерен сохранить за собой все свои права*; что в отношении статей о России мой протест является тем более решительным, что я уже связал себя, разрешив г-же Вере Засулич русский перевод как этих, так и других моих работ.

Если же он и далее будет упорствовать в своем намерении издать эту работу, посмотрим, как быть; во всяком случае, если издание выйдет в свет, не откажите известить меня и прислать мне один экземпляр.

Поскольку он также объявляет о выходе перевода **«Эрфуртской программы»** Каутского, я счел пужным предупредить последнего о тех приемах, которые были пущены в ход по отношению ко мне. Я не сообщаю ему ни слова из того, что Вы мне написали, а просто говорю, что дело нечисто и что ему следует за подробностями обратиться к Вам.

Я надеялся вчера вечером повидать Мендельсона, но узнал, что у него заболела жена. Если удастся, то зайду к нему на этой неделе.

Заранее благодарю Вас за экземпляр Вашего Чернышевского², жду его с нетерпением.

Здесь дело подвигается, хотя медленно и зигзагами. Возьмите, например, Моудслея, главу ланкаширских рабочих-текстильщиков. Он *тори*, в политике консерватор, в области религии — весьма набожный человек. Три года назад эти люди неистовствовали против 8-часового рабочего дня, теперь они настоятельно его требуют. В недавно выпущенном манифесте Моудслей, который год назад был ярким противником всякой независимой политики рабочего класса, заявляет, что рабочие-текстильщики должны заняться вопросом о непосредственном представительстве в парламенте, а одна манчестерская рабочая газета подсчитывает, что ланкаширские рабочие-текстильщики в одном только этом графстве могут распорядиться двенадцатью

¹ Речь идет о статье Энгельса «Об общественных отношениях в России», впервые опубликованной в 1875 г. и пересданной в 1894 г. с послесловием Энгельса (см. стр. 195—207 и 285—297 настоящего сборника). *Ред.*

² Книга Г. В. Плеханова «Н. Г. Чернышевский. Историко-литературный очерк» была издана в 1894 г. на немецком языке в Штутгарте И. Дитцем. *Ред.*

местами в парламенте. Как видите, в парламент войдет тред-юнион; не класс требует себе представительства, а отрасль промышленности. Но все же это шаг вперед. Сначала разобьем рабское подчинение рабочих двум сильным буржуазным партиям, — пусть у нас в парламенте будут текстильщики, как уже есть горняки. Стоит только, чтобы десяток отраслей промышленности были представлены, как классовое сознание прорвется само собой.

В довершение комизма, в этом же самом манифесте Моудслей требует биметаллизма, чтобы удержать господство английских хлопчатобумажных тканей на индийском рынке!

Можно, действительно, прийти в отчаяние от таких людей, как эти английские рабочие с их чувством воображаемого национального превосходства, с их в высшей степени буржуазными идеями и взглядами, с их «практической» ограниченностью, с их вожаками, насквозь пропитанными заразой парламентской коррупции. И все же дело подвигается. Только «практически» англичане придут последними, но, когда они придут, они положат на чашу весов очень солидный груз.

Дружеский привет Аксельроду и его семейству.

Искренне Ваш
Ф. Энгельс.

200.

ЭНГЕЛЬС — Г. В. ПЛЕХАНОВУ

в Мориэ (Савойя).

Лондон, 22 мая 1894 г.

Дорогой Плеханов!

Вчера, вскоре после того как я отправил Вам письмо, ко мне явились Бернштейн и Каутский. Это, конечно, заставило меня изменить свои планы. Я счел нужным, и притом не дожидаясь Вашего особого разрешения, прочитать им Ваше письмо и дать им возможность самим судить об образе действий Кричевского. Впечатление, которое оно произвело на них, в полной мере, мне думается, должно отвечать Вашим желаниям. Даже при самом искреннем намерении сохранить нейтралитет по отношению к внутренним делам и расирям русской эмиграции, трудно оправдать поведение Кричевского в вопросе о переводе «Об общественных отношениях в России» после того, как он был предупрежден, что перевод предпринят Верой Засулич. Впрочем, эти господа заручились согласием Карла Каутского на перевод его «Эрфурт-

ской программы»; но он-то полагал, что работа будет печататься в России, и никак не представлял себе, что она будет издана в Швейцарии.

Игнатъев, как мне сообщает Каутский, это псевдоним Гельфанда (или что-то в этом роде), который сейчас в Штутгарте; Вы, вероятно, его знаете. Но, не имея разрешения Каутского на использование этого сообщения, прошу Вас считать его строго конфиденциальным. По словам Каутского и Бернштейна, этот Гельфанд будто бы честный малый, попавший скорее по неосторожности, чем со злым умыслом, в ловушку, расставленную ему Иогихесом.

Искренне Ваш
Ф. Э.

201.

Г. В. ПЛЕХАНОВ — ЭНГЕЛЬСУ

в Лондон.

Морнэ, июль 1894 г.

Дорогой гражданин Энгельс!

Мы все очень благодарны Вам за то, что Вы не отнеслись безразлично к делу Иогихеса — Кричевского. Без сомнения, это дело можно рассматривать как ссору среди русских эмигрантов. Но эмиграция, *к несчастью*, имеет, и в течение некоторого времени будет еще иметь, большое влияние на движение в России; *к несчастью*, с ней нельзя не считаться, нельзя, следовательно, закрывать глаза на то, что происходит в ее среде.

В Вашей брошюре «Об общественных отношениях в России» Вы высказали очень правильную мысль, что развитие оппозиционного движения в нашей стране идет вполне хорошо и единственное, что может испортить дело, — это организованное революционерами преждевременное восстание (я цитирую по памяти). Таким преждевременным восстанием был «*террор*». Террористическая борьба истощила все силы *интеллигенции* и бросила буржуазию и дворянство в объятия царизма. После смерти Александра II можно было считать, что революционное движение фактически прекратилось; несколько новых покушений не изменили положения — роль *интеллигенции* была сыграна. Правительство Александра III, со своей стороны, сделало все, что было в его власти, чтобы привлечь на свою сторону дворянство и буржуазию; первое — при помощи реформ в местной администрации (земские начальники, например) и в земствах,

но в особенности при помощи знаменитого банка, где «*доблестное российское дворянство*» брало денег сколько вздумается, не платя даже процентов: подобно Юпитеру царизм превратился в золотой дождь. В отношении буржуазии эта метаморфоза сказалась не так прямо: Юпитер принял вид ревностного протекционизма. Но так как протекционизм означает развитие национальной буржуазии, то в конечном счете все сводится к тому же. И вот оба наиболее влиятельные класса примирились с правительством его величества. Что касается *интеллигенции*, то были приняты всевозможные меры, чтобы помешать поступлению несостоятельных слоев ее в средние и высшие школы. Благодаря этим мерам, многие сыновья бедных *интеллигентов* вынуждены были вступить в ряды рабочего класса; они сыграют там немало важную роль, послужив элементом политического воспитания рабочих, но *в данный момент* силы интеллигенции — этого главного контингента прежнего революционного движения — оказались более чем когда-либо ослабленными. Все это вместе привело к тому, что в истекшем десятилетии (1884—1893) революционного движения, откровенно говоря, почти не было. Революционные кружки продолжали существовать, но централизованная организация, которая бы объединяла все силы борющихся, отсутствовала.

При таком положении огромное значение приобретала печатная пропаганда, а эта пропаганда могла вестись только при помощи заграничных изданий, т. е. изданий *эмигрантов*. В этой области далеко еще не все сделано, а раз это так, то и ссоры в эмиграции не могут не иметь значения для движения в России.

Революционная пропаганда в современной России может быть только *марксистской*. В прежнее время мы имели *народничество*, которое являлось по существу своего рода разновидностью бакунизма, и *народовольство*, которое было самым обыкновенным *ткачёвством* (я говорю о печатной пропаганде; теоретик «Народной Воли» *Л. Тихомиров* просто переписывал статьи *Ткачева*). Но теперь, когда дело идет о марксистской пропаганде, каждое Ваше слово может оказать решающее влияние на позднейшее развитие наших революционных идей.

Я говорю об этом, чтобы Вам было ясно, какое значение имеет для нас Ваша брошюра «Об общественных отношениях в России» и *послесловие* к ней.

Марксистская пропаганда пользуется большим успехом в России. Но, странная вещь! Русская интеллигенция пытается по временам превратить самый марксизм в своего рода *утопический социализм*.

Так, Вы знакомы, конечно, с книгой *Николая* — она «Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства». Это во многих отношениях замечательная книга. Но выводы

автора? Наше общество должно поставить себе задачу социалистической организации нашего производства. Это трудная задача, добавляет Николай — он, но вполне осуществимая. Вы отлично понимаете, что теперешнее правительство и слышать не захочет о социализме, следовательно «обществу» Н — она пришлось бы начать с низвержения этого правительства. *Экономический* вопрос становится, как и следовало ожидать, вопросом *политическим*. Не знаю, как к этому относится Николай — он, но знаю, что его книга была с восторгом встречена нашими пародниками, теоретиком которых является некий Воронцов (он подписывает свои статьи *В. В.*). Теория Воронцова сводится к следующему: капитализм не имеет шансов на развитие в России; у него нет зарубежных рынков. Но там, где нет капитализма, там нет и *буржуазии*. На Западе конституционализм явился порождением именно буржуазии. Значит, раз нет буржуазии, — то нет и политической свободы. Итак, наша страна не предназначена к тому, чтобы бороться *за свободу*. Нам остаются лишь два других условия знаменитой триады: *братство* и *равенство*. Но для того чтобы установить равенство, нет необходимости бороться против самодержавия. Наоборот, абсолютная монархия сама поможет нам осуществить нашу задачу — социалистическую организацию наших производительных сил. Таков своеобразный социализм, выгодный прежде всего императору всея Руси и французской буржуазии. Книга Николая — она дает несколько новых аргументов в руки сторонников этого социализма. Они торжествуют и, нападая на нас в русских журналах, заявляют: вот это настоящий марксист, он не таков как вы; впрочем, сам Маркс говорил, что Россия может избежать капиталистической фазы развития; приглашая русское правительство установить братство (они имеют в виду сохранение общины, ставшей в тягость крестьянам-беднякам) — мы, следовательно, идем по стопам Маркса. Все это не мешает вышеупомянутым господам нападать на Маркса при каждом удобном случае. Не так давно господин Михайловский полемизировал с ним в «Русском Богатстве»¹. На имя Маркса они ссылаются только в тех случаях, когда хотят подержать царское правительство.

Мне нехватает почтовой бумаги, простите меня: единственная лавка в деревне, где я нахожусь (Морно), расположена очень далеко, а идет проливной дождь. Я продолжаю:

Вы видите, что, если во времена Маркса наши русские революционеры могли черпать известную энергию в той мысли,

¹ В статье «Литература и жизнь» («Русское Богатство» № 1, 1894) Н. К. Михайловский выступил с критикой исторического материализма Маркса и Энгельса. *Ред.*

что Россия не пройдет капиталистической фазы развития, то в наше время та же идея становится очень опасной утопией. Теперь совершенно необходимо с ней бороться.

Кстати. Английские консулы печатают от времени до времени отчеты о положении промышленности в разных странах. Выходят ли эти отчеты отдельными книгами или их печатают в каких-нибудь официальных периодических изданиях? Не знаете ли Вы точное название этих отчетов? Вы чрезвычайно обяжете меня, если дадите мне сведения по этому вопросу.

Несколько лет тому назад широко обсуждалась книга одного англичанина о русской промышленности. Фамилия этого англичанина по-русски писалась *Эджеворт*, — не знаю английской орфографии. Знаете ли Вы такую книгу? Известны ли Вам, вообще, английские книги на эту тему? Что говорят английские газеты о русских товарах на выставке в Чикаго? Сообщите мне об этом в нескольких словах.

Я говорил Вам о полемике Михайловского против Вас и против Маркса. Вот образец его аргументации. Он цитирует то, что Вы пишете в «Людвиге Фейербахе» об одной из Ваших рукописей¹ пятидесятилетней давности: это изложение показывает, «до какой степени не полны были наши тогдашние историко-экономические сведения». «Вы видите, — восклицает г. Михайловский, — их познания были в то время недостаточны, а между тем их исторический материализм ведет свое начало именно с того времени. Следовательно, это — тоже недостаточная теория». Не правда ли, это очень остроумно? И этот господин — самый умный из всех господ искателей верного экономического пути для святой Руси! Это тот самый Михайловский, против которого было направлено письмо Маркса. Мне кажется, что Маркс предполагал адресовать его издателю «Вестника Европы», а не Михайловскому? Этот господин до смешного гордится этим письмом². Он следующим образом изображает весь этот инцидент: до прочтения его статьи «Карл Маркс перед судом Ю. Жуковского» Маркс думал, что Россия должна пройти через капитализм; но прочитав эту замечательную статью, он изменил мнение. «Все это было бы смешно, когда бы не было так грустно», — как говорит наш Лермонтов.

Пишите мне, если у Вас будет желание, по адресу моей жены: Боград-Плеханова, 5, rue des Allemands, Женева. Меня опять изгнали из Женевы и возможно, что меня изгонят из Франции.

¹ Речь идет о рукописи Маркса и Энгельса «Немецкая идеология». *Ред.*

² Письмо Маркса в редакцию «Отечественных Записок». См. стр. 220—223 настоящего сборника. *Ред.*

Если Вы увидите Бернштейна, спросите его, как обстоит дело с моей работой об анархистах; кончил ли он перевод? ¹

Привет от всех нас.

Преданный Вам

Г. Плеханов.

202.

Г. В. ПЛЕХАНОВ — ЭНГЕЛЬСУ

в Лондон.

Морнэ, июль 1894 г.

Мой дорогой гражданин Энгельс!

Тороплюсь Вам ответить, но позвольте мне начать с самого интересного вопроса, с *И* — она и его книги.

Вы говорите, что он боялся последствий вторжения капитализма в Россию. Это очень понятно. Но, с другой стороны, в чем и как русская земельная община помогла бы нам избежать тех зол, которых он страшился? Каково положение этой общины в настоящее время?

Уже в 1879 г. знаменитый Орлов (основатель статистики русских земств) сказал в своей книге «*Формы [крестьянского] землевладения в Московской губернии*», что для беднейших членов общины (а они многочисленны) община стала *вредным учреждением* («для беднейшей части крестьян община стала *тормозом, бичом*». Бич — fléau). Не имея больше необходимых средств для возделывания своих земель, эти члены общины платят, однако, подати, как если бы они использовали свои *наделы*. Эти подати (а они очень тяжелы) правительство взимает из их заработной платы как фабричных рабочих. При таких условиях распад общины было бы очень чувствительным облегчением для этих людей. А для правительства — одним предлогом меньше заставлять платить тех, кто имеет что-нибудь, за тех, кто ничего не имеет: с распадом общины пала бы *круговая порука*. Слепленые наших народников и даже наших либералов по отношению к общине заходит так далеко, что они сами говорят правительству: по кто же будет платить подати, если община будет уничтожена? Согласитесь, что это значит выказывать очень большую наивность, если не глупость. Они повторяют здесь то, что уже сказал наш *Торквемада* — *Победоносцев*, который в очень интересной статье в реакционном «*Русском Вестнике*» провозгласил: «*Именно земельная община спасет нас от рабочего движения*

¹ Работа Плеханова «Anarchismus und Sozialismus» («Анархизм и социализм») впервые была напечатана в №№ 20—25 «Sozialdemokrat» за 1894 г.; в том же году вышла отдельной брошюрой в издательстве «Vorwärts». *Ред.*

и социализма». И действительно, старый общинник (член общины) был так мало революционер, что русский царизм мог бы существовать еще тысячелетия, если бы экономическое движение не изменило условий существования общинника, а затем — его образа мыслей. Без всякого преувеличения теперь можно сказать, что чем больше разрушается наш старый экономический строй, который так мил Н — ому, тем больше мы приближаемся к революции.

Н — он так ставит вопрос о капитализме, как будто он еще не существует в России. В действительности мы *уже* страдаем от капитализма и, *кроме того*, страдаем от того, что капитализм недостаточно развит. Страдание на страданиях — это учетверяет наши экономические бедствия, не говоря о нашем политическом положении, которое превосходит все, что можно было бы сказать скверного на его счет.

Но предположим, что община — наш якорь спасения. Кто произведет реформы, предлагаемые Н — оном? Царское правительство? Лучше чума, чем реформы, исходящие от подобных реформаторов! Социализм, насажденный русскими *исправниками*, — что за химера!

К тому же правительство делает все от него зависящее, чтобы разрушить несчастную общину.

В связи с последними арестами в России попало в заключение около 2 тысяч человек. Значительная часть арестованных уже освобождена...

Со дня на день я и Вера (она остается здесь под чужим именем) ждем, что нас изгонят: Казимир-Перье недолго будет нас щадить. Жандармы и шпионы непрерывно бродят вокруг нашей квартиры.

Итак, следует ожидать, что в скором времени мы увидимся. Привет Вам, Бернштейну, Эвслингам и госпоже Луизе Каутской. Вера Засулич всем вам кланяется.

Преданный Вам

Г. Плеханов.

203.

Г. В. ПЛЕХАНОВ — ЭНГЕЛЬСУ

в Лондоне.

Лондон, 30 октября 1894 г.

Мой дорогой Генерал!

Уже несколько раз я заходил к Вам, когда Вы меня меньше всего ожидали. Вас, вероятно, удивляли эти несвоевременные визиты. Я Вам разгадаю загадку.

У Вас есть несколько редких книг (например, «Новая Рейнская Газета» — газета и журнал), которые мне не терпится хотя бы перелистать, если уж нет возможности их прочесть. Вот я и приходил к Вам, чтобы попросить разрешения просмотреть их у Вас. Но у меня каждый раз нехватало мужества: я боялся, что это Вам помешает. Нужно, однако, разрешить этот вопрос, и я очень прошу Вас написать мне, осуществимо ли это, и когда мое появление меньше всего обеспокоит Вас.

Задачей всей моей жизни я считаю пропаганду Ваших и Маркса идей. А значит мне нужно хорошо знать эти идеи. Я надеюсь, что Вы примете во внимание это смягчающее обстоятельство,

Преданный Вам

Г. Плеханов.

204.

ЭНГЕЛЬС — Г. В. ПЛЕХАНОВУ

в Лондоне.

Лондон, 1 ноября 1894 г.

Дорогой Плеханов!

Я, разумеется, насколько возможно облегчу Вам просмотр «Новой Рейнской Газеты» и т. п., и я не вполне понимаю, к чему Вам было стесняться откровенно просить меня об этом. В настоящий момент мои книги еще не приведены в порядок; эта работа не была доведена до конца из-за множества других дел, которые надо было уладить, беготни по городу, совещаний с адвокатами и прочих неприятностей, сопряженных с юридическими формальностями и материальными затруднениями, без которых в Англии, а в особенности в Лондоне, невозможно снять дом. Все это еще не закончено...

Пока я не разобрал своих книг, едва ли можно приняться за дело, поэтому я просил бы Вас запастись еще немного терпением. Но можете быть уверены, что Вам будут предоставлены все книги, газеты и т. п., какие я только смогу найти, из интересующей Вас специальной литературы. Мы поговорим об этом при первой же встрече.

Искренне Ваш

Ф. Энгельс.

Только что узнал, что у нас в кухне будут менять плиту и до будущей недели ничего нельзя будет готовить. Поэтому в

воскресенье вечером мы не сможем Вас принять, так как нам печем было бы Вас угостить. Тем не менее, если Вы зайдете ко мне в любой вечер после 8 часов, мы с Вами потолкуем об этих книжных делах.

205.

В. И. ЗАСУЛИЧ — ЭНГЕЛЬСУ

в Лондоне.

Лондон, конец января 1895 г.

Дорогой господин Энгельс!

Мне необходимо посоветоваться с Вами по поводу одного письма из С.-Петербурга о литературных делах. Ждать до воскресенья было бы слишком долго, и к тому же, если общество будет многочисленным, Вам будет трудно уделить внимание нашему вопросу. Поэтому я прошу Вас написать мне, когда Вы сможете без особого неудобства пожертвовать мне полчаса. Я принесу с собой книгу Жоржа¹, о которой он Вам говорил.

Нам сообщают, что в С.-Петербурге она производит фурор.

Преданная Вам

В. Засулич.

206.

ЭНГЕЛЬС — В. И. ЗАСУЛИЧ

в Лондоне.

Лондон, 30 января 1895 г.

Дорогая гражданка Вера!

Вы застанете меня дома завтра между тремя и пятью или в пятницу от трех до четырех; я буду очень рад видеть Вас у себя.

Книга Георгия появилась очень кстати; сегодня газеты сообщают, что Николай только что заявил земствам, что будет

---

¹ Плеханов Г. В., К вопросу о развитии мощищического взгляда на историю. С.-Петербург, 1895. *Ред.*

стоять за **самодержавие** так же крепко, как и его отец. Нет лекарств против глупости государей. Тем лучше, если Георгий произвел фурор.

Всегда Ваш
Ф. Э.

207.

Г. В. ПЛЕХАНОВ — ЭНГЕЛЬСУ

в Лондон.

Женева, 2 февраля 1895 г.

Мой Генерал!

Неделю тому назад я послал Вам через Веру русскую книгу; мне очень интересно узнать Ваше мнение о ней. Но очень возможно, что Вы еще не получили книги, потому что Вера, повидимому, *очень больна*. Именно о ее болезни я хочу с Вами поговорить.

Еще во время своего пребывания в Швейцарии Вера так мало заботилась о себе, что только по нашему настоянию соглашалась принять какое-нибудь лекарство. Теперь она далеко от нас, и я уверен, что она совсем перестала иметь дело с медициной. Ее нужно заставить лечиться. Доктор Фрейбергер окажет нам огромную услугу, если навестит и выслушает Веру. Не пишу прямо ему, предполагая, что он, быть может, очень занят и, следовательно, моя просьба будет ему неприятна. Если это не так, — а Вы лучше других можете судить о том, как обстоит дело, — поговорите с ним о Вере и попросите его написать мне несколько слов о состоянии нашей строптивой больной. Передайте также привет от меня ему и госпоже Фрейбергер.

Вы, конечно, читали в газетах, что Николай II объявил о своем намерении следовать по стопам своего «пезабвенного» папеньки¹. Это придаст нашему «обществу» либерального духу, в котором оно очень нуждается. Мы-то за это жаловаться не будем.

Надеюсь, что Вы здоровы, несмотря на русские холода, которые стоят в настоящее время в Лондоне.

Я, моя жена и Аксельрод, который сейчас в Женеве, шлем Вам самый сердечный привет.

Преданный Вам

Г. Плеханов.

¹ Имеется в виду речь Николая II 17 (29) января 1894 г. на приеме депутатов от дворянства, земств и городов. *Ред.*

208.

ЭНГЕЛЬС — Г. В. ПЛЕХАНОВУ

в Цюрих.

Лондон, 8 февраля 1895 г.

Дорогой Плеханов!

Фрейбергер охотно осмотрит Веру, но что нам предпринять, чтобы она-то согласилась на это? Не может же, в самом деле, Фрейбергер явиться к ней со словами: Георгий Плеханов поручил мне Вас выслушать. Вы сами должны заговорить с ней на эту тему, добиться ее согласия, затем лучше всего, чтобы она мне об этом сказала, а остальное я беру на себя. Или же, если ей это больше нравится, пусть поговорит с Луизой Фрейбергер, а Луиза все устроит. Вот что я могу Вам предложить, но если Вы видите другой путь для достижения желаемой цели, сообщите его мне, и мы обсудим.

Вера вручила мне Вашу книгу¹, за которую благодарю; я приступил к чтению, но оно потребует известного времени. Во всяком случае, большой успех уже то, что Вам удалось добиться ее издания *в самой стране*. Это еще один этап, и если даже нам не удастся удержать новую, только что завосванную позицию, то все же это прецедент, лед сломан. Запрещение газеты «Русская Жизнь» уже, повидимому, знаменует начало реакции. Николай, очевидно, хочет *подготовить* своих мужиков к свободе, подвергнув их принудительному воспитанию так, что для конституции созреет только грядущее поколение; еще новая формула для старого: после нас хоть потоп! Но потоп этот — как дьявол в «Фаусте»:

Народен! Дьявол среди них, а им не догадаться.
Хоть прямо их за шиворот бери.

А уж если дьявол революции схватил кого-либо за шиворот, так это — Николай II.

Здоровье мое лучше, чем было все последнее время. Пищеварение наладилось, дыхательные пути в полном порядке, сплю по семь часов в сутки и работаю с удовольствием — счастлив, что могу, наконец, вернуться к своим занятиям после почти годового перерыва из-за корректур III тома, переписки, переездов, болезненного состояния кишечника и т. д. и т. д.

Кланяйтесь г-же Плехановой и Аксельроду от меня и от Людвиг и Луизы Фрейбергер.

Искренне Ваш
Ф. Энгельс.

Вы не указываете адреса, поэтому пишу по старому.

¹ Речь идет о книге Г. В. Плеханова «К вопросу о развитии материалистического взгляда на историю». *Ред.*

209.

Г. В. ПЛЕХАНОВ — ЭНГЕЛЬСУ

в Лондон.

Женева, 20 февраля 1895 г.

Мой Генерал!

Я не ответил Вам сразу только потому, что попял, как трудно уладить дело, о котором идет речь. Очевидно, что Фрейбергеру неудобно явиться в качестве врача, не будучи приглашенным Верой. С другой стороны, если бы Вера решилась поговорить о своей болезни с Бернштейном или с Элеонорой Маркс-Эвелинг, это было бы уже началом благоразумия, которое, при ее характере, представляется мне совершенно невозможным. Из этого положения есть только один выход: это напасть на Веру, когда она придет к Вам. Увидя, что Вы на моей стороне, она сложит оружие без сопротивления.

Я послал Вере январский номер «Русского Богатства». Там есть критика Вашей книги «Происхождение семьи, собственности и т. д.» некоего Зака¹. Господин этот совсем не известен в нашей литературе, и, судя по началу, он не обещает ничего хорошего. Его критика нелепа, как и все нападки против Вас и Маркса, помещаемые в этом журнале. Меня удивляет, что господин Даниельсон продолжает сотрудничать в нем, ведь характер его теперь уже вполне определен. Впрочем, и сам Даниельсон в статье, направленной против Струве², говорит о правительстве Николая II, как о правительстве, которое может взять на себя заботу об «организации производства» в нашей стране. Уже одно это показывает, что он является реакционером и утопистом в одно и то же время.

Со стороны Михайловского подобные глупости меня совсем не удивляют. Уже во времена Лорис-Меликова он ясно изложил свою «программу», в которой царское правительство фигурирует в качестве *миротворца и организатора*³. Но переводчик «Капитала» должен был бы обладать большим политическим тактом. Даниельсон принесет большой вред нашему революционному движению. Не могли ли бы Вы высказаться по этому вопросу в «Neue Zeit», например? Вопрос безусловно стоит того, чтобы посвятить ему несколько страниц. А Ваш голос живо

¹ Зака Л., Исторический материализм. «Русское Богатство» № 1, 1895 г. *Ред.*

² Речь идет о статье Даниельсона «Апология власти денег, как признак времени», помещенной в «Русском Богатстве» № 1, 2 за 1895 г. под псевдонимом Николай — он. *Ред.*

³ Михайловский Н. К., Литературные заметки. «Отечественные Записки» № 10 за 1880 г. *Ред.*

положит конец всем «превратным толкованиям» этого господина.

Если наши «истинные социалисты» порядочные реакционеры, зато земства наши оживились. Вам, конечно, известна петиция Тверского земства. Петиция Черниговского земства еще более выразительна¹. Молодой идиот из Зимнего Дворца оказал своею речью громадную услугу революционной партии.

Пожалуйста, поклонитесь хорошенько от меня Фрейбергерам и Эвелингам.

Преданный Вам

Г. Плеханов.

P. S. Читали ли Вы доклад Жореса об идеализме и материализме? Странный «философ» этот господин Жорес!

Мой адрес теперь: 6, rue de Candolle, Женева.

210.

ЭНГЕЛЬС — Г. В. ПЛЕХАНОВУ

в Женеву.

Лондон, 26 февраля 1895 г.

Дорогой Плеханов!

Вот уже неделя, как все улажено. Вера написала мне, что очень охотно будет лечиться у Фрейбергера. Последний был у нее неделю тому назад и с тех пор еще два раза. Он нашел у нее сильный бронхит и прописал необходимые лекарства. Но он говорит, что для нее важнее всего переменить систему питания. Ей нужно есть мясо вместо всяких фруктовых желе и прочей растительной пищи. Фрейбергера сейчас нет дома, поэтому я еще вернусь к ее здоровью в конце этого письма.

Теперь, после того как Вы в известной степени поручили мне заботу о ее здоровье, Вы должны мне сказать, не нуждается ли она в деньгах. Если да, то я попрошу у Вас разрешения предложить Вам для нее немного денег, хотя бы на время ее болезни. Я Вам пошлю, скажем, для начала пять фунтов, которые Вы ее заставите принять, как бы *от себя*, так чтобы я вовсе не

¹ Имеются в виду земские адреса, составленные в связи с началом царствования Николая II. В них в весьма умеренной и верноподданнической форме высказывалось пожелание, чтобы правительство прислушивалось к голосу общественных учреждений и привлекало их к решению ряда внутренних вопросов. Ответом на адреса земств послужила речь Николая II от 17 (29) января 1895 г., в которой он назвал стремления представителей земства к участию в делах внутреннего управления «бессмысленными мечтаниями». *Ред.*

упоминался. Вы можете ей сказать, что посылаете эти деньги для того, чтобы у нее не было никакого предложения отказаться от перемены режима, и что Фрейбергер такую перемену считает необходимой. Или придумайте еще что-нибудь.

У меня не будет времени прочитать критику, которую дает «Русское Богатство» на мою книгу. Я уже достаточно прочел по этому поводу в январском номере за 1894 год¹. Что касается Даниельсона, боюсь, что с ним ничего не поделаешь. Я переслал ему письмом материалы о русских делах из моего сборника «Статьи на международные темы» из газеты «Volksstaat», и особенно приложение 1894 г.², отчасти направленное прямо по его адресу. Он это получил, но, как видите, все ни к чему. Совершенно невозможно полемизировать с тем поколением русских, к которому он принадлежит и которое все еще верит в стихийно коммунистическую миссию, якобы отличающую Россию, истинную **святую Русь**, от других неверных народов.

Впрочем, в такой стране, как ваша, где современная крупная промышленность привита к первобытной крестьянской общине и где одновременно представлены все промежуточные стадии цивилизации, в стране, к тому же окруженной более или менее прочной интеллектуальной китайской стеной, возведенной деспотизмом, не приходится удивляться возникновению самых невероятных и причудливых сочетаний идей. Возьмите хотя бы беднягу Флеровского, который воображает, что столы и кровати мыслят, но не имеют памяти. Это стадия, через которую страна должна пройти. Постепенно, с ростом городов, изолированность талантливых людей исчезнет, а с нею исчезнут и эти идейные блуждания, вызванные одиночеством, бессистемностью случайных знаний этих чудаков-мыслителей, а отчасти также — у народников — отчаянием при виде крушения их надежд. В самом деле, **народник**, бывший террорист, вполне может кончить тем, что станет монархистом.

Чтобы ввязаться в эту полемичку, мне пришлось бы познакомиться с целой литературой, а затем следить за ней и отвечать. Это отняло бы все мое время в течение года и единственным полезным результатом было бы, вероятно, то, что я знал бы русский язык гораздо лучше, чем сейчас. Но меня просят о том же для Италии по поводу почтенного Лориа. А я и так уже завален работой!

Жорес стоит на верном пути. Он *учится* марксизму и не следует его слишком торопить. Он уже сделал довольно большие

¹ Речь идет об обозрении Н. К. Михайловского «Литература и жизнь» («Русское Богатство» № 1, 1894). *Ред.*

² Послесловие Энгельса к статье «Об общественных отношениях в России». См. стр. 285—297 настоящего сборника. *Ред.*

успехи, гораздо бóльшие, чем я ожидал. Впрочем, не будем требовать излишней ортодоксальности! Партия так велика, а теория Маркса настолько распространена, что отдельные путаники не могут принести особого вреда на Западе. У вас же дело другого рода, — так же как было у нас в 1845—1859 годах.

Относительно Николая я с Вами согласен. Земский собор состоится наперекор этому маленькому человечку.

Фрейбергер вернулся и говорит, что Вере гораздо лучше и что до сих пор он не прослушал у нее абсолютно ничего, кроме застарелого и запущенного катарра бронхов.

Искренне Ваш
Ф. Э.

211.

Г. В. ПЛÉХАНОВ — ЭНГЕЛЬСУ

в Лондон.

Женева, 3 марта 1895 г.

Мой Генерал!

Прежде всего о Вере. Благодарю Вас за Ваше великодушное предложение, которое я считаю трогательным доказательством Вашего к нам дружеского отношения, но даю Вам честное слово, что Вера *не нуждается в деньгах*. Я надеюсь, что она еще долго не будет в них нуждаться. К несчастью, главная трудность состоит не в том, чтобы послать ей денег, а в том, чтобы *заставить ее их истратить*. У нее свои особые принципы: она себе не позволяет *«роскоши»*, а то, что она называет *роскошью*, другие считают *необходимым*. В этом отношении она неисправима. Когда мы жили вместе в Морнэ, я заставлял ее иметь здоровую и разнообразную пищу, заказывая ее хозяйке ежедневные обеды для нее. В Лондоне, живя одна, она пользуется своей свободой, чтобы совсем не обедать. Кусок жареного мяса, иногда две чашки чаю или кофе с несколькими булочками — вот ее обыкновенные трапезы. Я браню ее во всех своих письмах, но она не обращает на это внимания. Что я могу поделать в таких условиях?

Это поистине непростительная растрата драгоценных для нашего движения сил. Побраните ее со своей стороны. Вы этим окажете нам услугу.

Я прекрасно понимаю, что чтение «Русского Богатства» не является привлекательной работой, — мы-то вынуждены это делать. Мне кажется, что Вы не имеете точного представления

о политическом крестинизме этих господ. Вот пример. В конце царствования Александра II, во время диктатуры Лорис-Меликова, когда еще существовала некоторая свобода печати, тот самый г. Михайловский, с которым мы теперь полемизируем, писал в одной из своих статей, что в России *миссия разрешения социального вопроса принадлежит именно правительству*. На Западе — другое дело, говорил он, но мы совсем не западники¹. Эти слова писались в тот момент, когда революционеры вели войну не на жизнь, а на смерть с русским правительством и когда правительство спрашивало себя, не должно ли оно уступить. Отсюда Вы видите, как реакционер и вреден у нас этот вид утопического социализма, проповедуемого Михайловским. А в данный момент, когда так называемое общество становится на дыбы против Николая II, — Даниельсон, «друг Маркса», переводчик «Капитала» (мимоходом замечу — переводчик, принадлежащий к категории предателей²), «истинный марксист» и т. д., и т. д., и т. д. снова начинает, поразительно кстати, нести тот же вздор. Если бы я был на месте Николая, я бы наградил господина Даниельсона орденом!

Положение у нас так ясно, что не требуется долго изучать его, чтобы осудить «государственный социализм» Даниельсона. Несколько неодобрительных слов с Вашей стороны принесли бы большую пользу, и именно о такой помощи русской революции я говорил в моем предыдущем письме. Раз Вы очень заняты, не буду к этому возвращаться. Но если бы встал вопрос о выборе между Даниельсоном и Лорисом, то я сказал бы: Генерал, выберите Даниельсона, — это важнее.

Прилагаю ответ русских либералов на знаменитую речь Николая. Письмо было перепечатано в Лондоне, но оно подлинно; оно обошло всю Россию, прежде чем попасть в Лондон. Вы увидите из письма, что мы можем надеяться на лучшие времена.

По-моему, года через 4—5 в России возродится терроризм. Хотим ли мы этого или нет, но это неизбежно.

Кланяйтесь и поблагодарите Фрейбергера от меня.

Преданный Вам

Г. Плеханов.

¹ Михайловский Н. К., Литературные заметки. «Отечественные Записки» № 10, 1880 г. *Ред.*

² Игра слов: traduttore (итал.) — переводчик, traditore (итал.) — предатель. *Ред.*

212.

В. И. ЗАСУЛИЧ — ЭНГЕЛЬСУ ***в Лондоне.**

Лондон, апрель 1895 г.

Дорогой гражданин Энгельс!

От всего сердца благодарю Вас за книгу, которую Вы мне прислали...

Русские газеты пишут сейчас о проекте (говорят, что это правительственный проект) превращения крестьянских выкупных платежей ($\frac{2}{3}$ установленной суммы их уже выплачено) в обыкновенный и, следовательно, постоянный налог. Проект предусматривает также объявление крестьянских земель неотчуждаемой собственностью казны, отдающейся крестьянам во владение; неотчуждаемой она должна быть и для невольных владельцев — крестьян. «Русские Ведомости» пишут, что это было бы великолепно, что таким образом крестьяне будут навсегда лишены возможности продавать свои наделы. Но даже самому деспотическому правительству, если оно собирается нанести такой удар «праву собственности» и «святости договоров» и если оно намерено превратить в вечных рабов казны большинство своих подданных, — даже такому правительству приходится делать вид, что оно действует в интересах «общественного блага». И если оно действительно думает все это проделать, то поддержка прессы, сделавшей своей специальностью проповедь любви к крестьянам, оказала бы ему неопределимую услугу. Однако было бы неестественно вознаграждать эти круги введением конституции.

Преданная Вам

В. Засулич.

213.

Г. В. ПЛЕХАНОВ — ЭНГЕЛЬСУ**в Лондон.**

[Женева, конец мая — июнь 1895 г.]

Дорогой Генерал!

Не писал Вам уже целую вечность. Мне мешали работа, усталость и постоянное нездоровье — следствие переутомления и сидячей жизни, которую я веду. Между тем, мне нужно многое сказать Вам.

Вы уже знаете, что господин Николай младший оказался отъявленным реакционером. После нескольких легких уклонений в сторону либерализма он решил идти по пути своего дорогого папаша. Дурново и другие актеры предыдущего царствования могут теперь себя поздравить. Свирепо преследуется печать, не прекращаются аресты. В начале мая (старого стиля) в Москве была устроена облава, причем было арестовано до 80 человек обоюго пола. Удар был нанесен *либералам* и *социал-демократам*. Среди арестованных много *рабочих*. Аресты в рабочем классе были произведены в связи с празднованием 1 Мая, которое было отмечено в Москве собранием, где присутствовало 126 делегатов от рабочих кружков. Это празднование было в то же время чем-то вроде местного съезда Москвы и ее окрестностей. Полиция, проведав о происшедшем, наносила удары наудачу, так как не знала ничего определенного. Однако она наложила руку на нескольких лиц, действительно «виновных» с ее точки зрения. Что особенно подстрекало усердие полицейских, — это *ярославская стачка*, о которой Вы, без сомнения, слышали. Как раз в начале мая (старого стиля) забастовало *восемь тысяч* рабочих. Была вызвана солдатня. Произошла настоящая битва между войсками и стачечниками. *Восемь* рабочих было *убито*, *16* ранено. По сообщениям от 8 мая (т. е. от 20 мая н. ст.) — последним известиям, которые дошли до меня об этом деле, — *стачка* продолжалась. Как сейчас обстоит дело, еще не знаю¹.

Известия из Петербурга нисколько не лучше. Вернее, поскольку дело касается общего недовольства, они хороши: революционное движение никогда еще не было таким сильным за последнее десятилетие, но правительство принимает оборонительные меры. В России становится жарко. *Co to będzie, co to będzie*!²

Спасибо за «Классовую борьбу»³. Кстати. Не разрешите ли Вы нам перевести Ваши книги «Положение рабочего класса в Англии» и «Переворот в науке, произведенный г. Дюрингом»? *Это — для издания в России*. Только... там цензура, и она не особенно любезна в настоящий момент, — наоборот.

Посылаю Вам русскую брошюру. Прочтите конец этой брошюры и Вы увидите, что борьба наших народников «*против капитализма*» все более и более вырождается в *союз с царизмом*.

¹ У Плеханова неточно. Стачка на Большой Ярославской мануфактуре Корзинкиных происходила с 26 апреля по 2 мая 1895 года. В результате упорной борьбы рабочие добились удовлетворения своих основных требований. *Ред.*

² Цитата из «Dziady» Мицкевича, означающая: «Что-то будет, что-то будет!». *Ред.*

³ Работа Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.», изд. 1895 г. *Ред.*

Лучшая критика, какую можно было бы сделать на эту великолепную «программу», имеется в «Коммунистическом манифесте» (об «истинном немецком социализме»). Так проходит слава народников! И подумать, что Даниельсон в этой милой компании!

Как Вы себя чувствуете, дорогой Генерал? Часто ли видите Веру?

Привет от меня Бернштейну, Эвелингам, Фрейбергерам, Мендельсону и всем Вашим лондонским друзьям.

Преданный Вам

Г. Плеханов.

P. S. Вы меня очень обяжете, прислав мне новую книгу Лориа ¹.

---

¹ Имеется в виду книга Лориа «*Problemi sociali contemporanei*» («Современные социальные проблемы»), вышедшая в Милане в 1894 г.
Ред.

УБАЗАТЕЛИ

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН¹

А

Адлер, Виктор (1852—1918) — один из лидеров австрийской социал-демократии и II Интернационала, реформист — 282.

Адлер, Георг (1863—1908) — немецкий экономист, «катедер-социалист» — 135.

Аксельрод, П. Б. (1850—1928) — русский социал-демократ; в 70-х годах пародник; в 1883 г. вместе с Плехановым и другими организовал группу «Освобождение труда», в дальнейшем меньшевик-ликвидатор; шовинист и враг Великой Октябрьской социалистической революции — 281, 302, 328, 337, 338.

Александр II (1818—1881) — русский император (1855—1881) — 286, 329, 343.

Александр III (1845—1894) — русский император (1881—1894) — 315, 329.

* *Анненков, П. В.* (1812—1887) — русский литератор, в 40-х годах стоял на радикальных позициях, позднее либерал — 9, 10, 21, 23.

Б

Бабст, И. К. (1824—1881) — русский буржуазный экономист, пу-

¹ Адресаты Маркса и Энгельса отмечены звездочкой. Ред.

блицист; профессор Московского университета — 31.

Байер, Карл Роберт (Бир) (1835—1902) — немецкий писатель-романист — 213.

Бакс, Эрнест Вельфорт (1854—1926) — английский социалист-реформист, один из основателей Социал-демократической федерации, а в 1884 г. — Социалистической лиги; впоследствии один из правых лидеров Британской социалистической партии — 258.

Бакунин, М. А. (1814—1876) — один из идеологов анархизма; вел фракционную борьбу против Генерального Совета I Интернационала, возглавляемого Марксом; был исключен из рядов Интернационала на Гаагском конгрессе (1872) — 37, 40—45, 54, 59—65, 80—82, 84—86, 90, 194, 202, 285.

* *Баранов, В. О.* — доктор философии — 58, 59, 80, 84.

Бартнев — см. Нетов, В.

Бастиа, Фредерик (1801—1850) — французский вульгарный экономист, проповедник «гармонии» интересов труда и капитала — 99, 217.

Бауэр, Бруно (1809—1882) — немецкий публицист, один из представителей младогегельянства — 69.

Беван, Филип — английский буржуазный статистик-экономист, автор книги «A Handbook to the

- Industries of the British Isles and the United States» («Справочник британской и американской промышленности»), 1882 г. — 137.
- Бейст, Фридрих Фердинанд**, барон (1809—1886) — с февраля 1849 г. саксонский министр иностранных дел; крайний реакционер; с 1866 г. австрийский министр иностранных дел и канцлер — 75.
- Бек, Григорий** — участник народо-вольческих кружков в России и за границей; позднее отошел от революционной деятельности — 316—324.
- Беккер, Иоганн Филипп** (1809—1866) — немецкий рабочий-революционер; участник революции 1848—1849 гг. в Германии; организатор немецких секций I Интернационала в Швейцарии; друг Маркса и Энгельса — 35, 39, 40, 42, 44, 46, 52, 54, 57.
- Беллев, И. Д.** (1810—1873) — историк русского права, профессор Московского университета; автор работы «Крестьяне на Руси» (1867) — 93, 94.
- Берси, В. В.** (псевдоним Флеровский) (1829—1918) — русский публицист-народник; автор книги «Положение рабочего класса в России» (1869) — 39, 70, 72, 83, 189, 200, 341.
- Бердет-Каутс, Анджелла Джорджиана**, баронесса (1814—1906) — английская филантропка — 279.
- Берис, Лиззи** (ум. в 1878 г.) — ирландская работница, вторая жена Ф. Энгельса — 189, 207, 226, 227, 231.
- Берис** — см. Ротер, Мэри Эллен.
- Берштейн, Эдуард** (1850—1932) — немецкий социал-демократ; в 1881—1890 гг. редактор центрального органа партии «Sozial-demokrat»; ренегат, выступивший после смерти Энгельса с ревизией марксизма по всем вопросам теории и тактики; один из лидеров II Интернационала — 305, 320, 321, 328, 329, 333, 334, 339, 346.
- Бизли, Эдуард Спенсер** (1831—1915) — английский историк; в период I Интернационала участвовал в рабочем движении — 219.
- Бир** — см. Байер, К.
- Бисмарк, Отто Эдуард** (1815—1898) — представитель прусского юнкерства; осуществлял объединение Германии реакционным путем, первый канцлер Германской империи (1871—1890); ввел исключительный закон против социалистов — 75, 145, 153, 216, 228, 232, 274, 306, 310.
- Блан, Луи** (1811—1882) — французский мелкобуржуазный социалист, журналист и историк; член временного французского правительства 1848 г. — 22.
- Бланки, Луи Огюст** (1805—1881) — французский революционер, коммунист-утопист — 25.
- Блейхедер, Герсон** (1822—1893) — глава германского бапкирского дома, компаньон и сотрудник Бисмарка — 306.
- Блок, Морис** (1816—1901) — французский буржуазный экономист и статистик — 91.
- Блэн, Джеймс** (1830—1893) — государственный секретарь США (1881) — 254.
- Боград-Плеханова, Р. М.** (1858—1948) — жена Г. В. Плеханова — 324, 326, 332, 338.
- Бокль, Генри Томас** (1821—1862) — английский буржуазный историк, автор трехтомной «History of Civilisation of England» («История цивилизации в Англии») (1857—1861) — 192.
- Боркгейм, Сигизмунд Людвиг** (1825—1885) — немецкий демократ, участник революции 1848—1849 гг. в Германии; позднее эмигрант в Швейцарии и Англии — 45.
- Бракке, Вильгельм** (1842—1880) — немецкий социал-демократ, один из руководителей эйзенахской партии; редактор и издатель социалистического ежегодника «Volkskalender» — 225, 226, 231.
- Браун, Генрих** (1854—1927) — немецкий социал-демократ, журналист, один из редакторов «Sozial-politisches Zentralblatt»; в 1903—1907 гг. член рейхстага, ревизионист — 182.
- Брентано, Луио** (1844—1931) — немецкий буржуазный экономист, злейший враг марксизма и революционного рабочего движения — 138.

- Броссе* — швейцарский рабочий, член I Интернационала — один из лидеров бакунистского Альянса — 40.
- Буагильбер, Пьер* (1646—1714) — французский экономист, предшественник физиократов — 154.
- Буффе, Луи Жозеф* (1818—1898) — французский министр внутренних дел (1875—1876) — 217.
- Бюхнер, Людвиг* (1824—1899) — немецкий физиолог и философ, вульгарный материалист — 212.

В

- Вагнер, Адольф* (1835—1917) — немецкий буржуазный экономист, основатель реакционной христианско-социальной партии (1878) — 93, 94.
- Вайян, Эдуард* (1840—1915) — французский социалист, бланкист, член Генерального Совета I Интернационала и Парижской Коммуны; в 1871—1880 гг. эмигрант в Лондоне; впоследствии один из деятелей французской Социалистической партии — 193.
- Валуев, П. А.*, граф (1814—1890) — царский министр; председательствовал в комиссии по изучению положения сельского хозяйства в России («Валуевская комиссия») — 76.
- Введенский, И. И.* (1813—1855) — русский педагог и публицист демократического направления; известен как переводчик Диккенса, Теккерея и других романистов — 94.
- Веггерман* — немецкий политический эмигрант — 46.
- Виллетар, Эдмонд* (1828—1889) — французский либеральный публицист и историк — 194.
- Вильгельм I* (1797—1888) — прусский король (1861—1888) и германский император (1871—1888) — 274.
- Вильямс, А.* — псевдоним Маркса.
- Вирхов, Рудольф* (1821—1902) — немецкий физиолог; либерал, ярый враг социалистического движения — 223.
- Вобан, Себастьян* (1633—1707) — французский маршал, военный инженер и писатель — 154.

- Воден, А. М.* (1870—1939) — русский литератор и переводчик; участвовал в социал-демократических кружках в Петербурге и за границей — 326.
- Вольф, Вильгельм* (1809—1864) — немецкий революционный публицист, член Союза коммунистов, один из редакторов «Новой Рейнской Газеты»; соратник и близкий друг Маркса и Энгельса — 24, 26, 29.
- Ворошилов, В. П.* (1847—1918) — один из представителей русского либерального народничества 80—90-х годов — 158, 163, 331.
- Врублевский, Валерий* (1836—1908) — польский революционер, участник восстания 1863 г. в Польше; генерал Парижской Коммуны — 195.
- Вышнеградский, И. А.* (1831—1895) — министр финансов царской России (1888—1892) — 164.

Г

- Гакстаузен, Август* (1792—1866) — прусский чиновник, автор работы об общинном землевладении в России — 47, 201, 221, 285.
- * *Гартман, Л. Н.* (1850—1913) — пародоволец; с 1880 г. в эмиграции; заграничный представитель «Народной Воли», был знаком с Марксом и Энгельсом — 234, 235, 252, 254, 256.
- Гегг, Аманд* (1820—1897) — немецкий мелкобуржуазный демократ — 35.
- Гегель, Георг Фридрих Вильгельм* (1770—1831) — немецкий философ, диалектик, основатель системы объективного абсолютного идеализма — 124, 310, 325.
- Геккель, Эрнст* (1834—1919) — немецкий естествоиспытатель, материалист, дарвинист — 228.
- Гельвальд, Фридрих Антон Геллер* (1842—1892) — немецкий этнограф, географ и историк — 213.
- Гельвеций, Клод Адриен* (1715—1771) — французский философ-материалист, просветитель — 325.
- Гельд, Адольф* (1844—1880) — немецкий буржуазный экономист, профессор Боннского и Берлинского университетов — 93.

- Гельмгольц, Герман* (1821—1894) — немецкий физик и физиолог — 122, 210.
- Гельфанд, А. Л.* (псевдоним Парвус) (1869—1924) — русский социал-демократ; в 90-х и начале 900-х годов работал в германской социал-демократии; во время первой мировой войны шовинист и агент германского империализма — 329.
- Гервинус, Георг Готфрид* (1805—1871) — немецкий либеральный историк, автор 8-томной «Истории XIX века» — 89.
- Герцен, А. И.* (1812—1870) — великий русский революционер-демократ — 28, 89, 96, 133—134, 199, 201, 202, 220, 221, 285, 286, 293.
- Гёте, Иоганн Вольфганг* (1749—1832) — великий немецкий поэт — 121.
- Гизо, Франсуа Пьер Гильом* (1787—1874) — французский буржуазный историк и реакционный государственный деятель — 69.
- Гильом, Джеймс* (1844—1917) — швейцарский анархист, ближайший сподвижник Бакунина, один из руководителей тайного Альянса; на Гаагском конгрессе (1872) был исключен из I Интернационала — 40, 43, 52, 53, 86.
- Гильфердинг, А. Ф.* (1831—1872) — входил в круг московских славянофилов, в 1853 г. написал работу «О средстве языка славянского с санскритским», критику которой дал П. Г. Чернышевский — 95.
- Гиппо* — американский исследователь буржуазной педагогики, писавший о школьном деле в Америке — 240.
- Гири, Карл* (1841—1900) — немецкий социал-демократ, редактор газеты «Volksstaat» (1870—1871) — 225, 255.
- Гладстон, Вильям* (1809—1898) — лидер английской либеральной партии, неоднократно премьер-министр и член либеральных кабинетов — 259, 310, 315.
- Гоббс, Томас* (1588—1679) — английский философ, представитель механистического материализма — 213.
- Годунов, Борис* (1551—1605) — русский царь (1598—1605) — 94.
- Головачев, А. А.* (1819—1903) — русский либеральный общественный деятель, публицист, автор книги «Десять лет реформ (1861—1871)» (1872) — 88, 90.
- Голозастов, П. Д.* (1839—1892) — русский реакционный писатель, редактор реакционной газеты «Гражданин» — 218.
- Гольбах, Поль Анри* (1723—1789) — французский философ-материалист — 325.
- Гоуэлл, Джордж* (1833—1910) — один из лидеров тред-юнионов; член Генерального Совета I Интернационала, впоследствии ревегат — 259.
- Гросс, Густав* (род. в 1856 г.) — австрийский буржуазный экономист и политический деятель, автор биографии Маркса (1885) для «Allgemeine Deutsche Biographie» — 129.
- Гульд, Джей* (1836—1892) — американский банкир, железнодорожный магнат — 111.
- Гурвич, И. А.* (1860—1924) — русский эмигрант в Америке, с 90-х годов участвовал в социалистическом движении; впоследствии ревизионист — 283, 284.
- Гэд, Жюль* (1845—1922) — французский социалист, один из основателей Французской рабочей партии; в 80—90-х годах вел борьбу против поппуляристов; в дальнейшем представитель центрального течения во II Интернационале — 326.
- Гюйо* — книготорговец в Париже — 217.

Д

- Дакоста, Евгений* — профессор математики в Париже, отец Гастона и Шарля Дакоста, участников Парижской Коммуны — 238, 245, 246, 250.
- Дакоста, Шарль Никола* (род. в 1846 г.) — французский социалист, бланкист, участник Парижской Коммуны, эмигрант в Лондоне — 238, 246.
- Даль* — один из редакторов журнала «Вперед!», издававшегося Лавровым — 226.
- * *Даниельсон, П. Ф.* (псевдоним Николай — он) (1844—1918) — рус-

- ский экономист, один из идеологов народничества, перевел I, II и III тома «Капитала» (I том совместно с Г. Лопатиным); снабжал Маркса и впоследствии Энгельса книгами и материалами о России — 67, 68, 70—72, 74, 76, 77, 79, 80, 82, 84—86, 88—94, 96, 97, 99, 100, 106, 108, 109, 113—123, 126, 128—131, 133, 135, 138, 140—142, 144, 145, 148, 152, 156, 159, 160, 165, 168, 172, 175, 176, 179—181, 183—186, 269, 272, 275, 283, 330, 331, 333, 334, 341, 343, 346.
- Дарвин, Чарльз Роберт* (1809—1882) — английский естествоиспытатель, основатель современного учения о происхождении видов растений и животных — 121, 122, 138, 211—213.
- Девиль, Габриэль* (род. в 1854 г.) — французский социалист, автор популярного изложения I тома «Капитала»; впоследствии отошел от социалистического движения — 271, 273, 306.
- Дегаев, С. П.* (1854—1908) — провокатор в рядах партии «Народная Воля» — 272.
- Дейч, Л. Г.* (1855—1941) — один из основателей группы «Освобождение труда», меньшевик, после Октябрьской революции отошел от политической деятельности — 307.
- Де Роберти, Евгений Валентинович* (1843—1915) — русский философ-позитивист, проживавший во Франции, сотрудник журнала «La Philosophie Positive» — 188.
- Джевонс, Вильям Стенли* (1835—1882) — английский профессор политической экономии и философии, представитель субъективного направления буржуазной политической экономии — 134, 136.
- Джонсон* — псевдоним Маркса.
- Джозуль, Джеймс Прескот* (1818—1889) — английский физик — 122, 138.
- Дидро, Дени* (1713—1784) — французский материалист, писатель и поэт, основатель и редактор «Энциклопедии» — 77, 122.
- Диккенс, Чарльз* (1812—1870) — английский писатель-реалист — 94.
- Дитц, Иоганн Генрих Вильгельм* (1843—1922) — немецкий социал-демократ, основатель и руководитель крупнейшего немецкого социал-демократического книгоиздательства в Штутгарте — 184.
- Добролюбов, Н. А.* (1836—1861) — великий русский революционер-демократ — 58, 76, 77, 92, 95, 277.
- Домбровский, Ярослав* (1836—1871) — польский революционер, генерал Парижской Коммуны; погиб на баррикадах при защите Парижа — 50.
- Донкин* — английский врач, лечивший семью Маркса в Лондоне — 113.
- Драгоманов, М. П.* (1841—1895) — украинский буржуазный историк и общественный деятель, идеолог украинского национал-либерализма — 317.
- Дубов, А.* — член Славянской секции I Интернационала в Цюрихе — 53.
- Дурново, И. Н.* (1830—1903) — министр внутренних дел (1889—1895), затем председатель комитета министров; один из ярых проводников реакционной политики Александра III — 345.
- Дьюк* — американский социалист, один из редакторов социалистической газеты «New-Yorker Volkszeitung» — 255.
- Дэвис, Джон* (1569—1626) — английский юрист и поэт — 143.
- Дюваль, Теодор* — швейцарский рабочий; бакунист, член центрального бюро Альянса, впоследствии член Романского федерального комитета I Интернационала в Женеве — 46.
- Дюпле, Франсуа* (ум. в 1906 г.) — председатель Французской секции Интернационала в Женеве в 1866 г., делегат на Лондонской конференции 1865 года — 46.
- Дюпон, Эжен* (1831—1881) — член Генерального Совета Интернационала с 1865 по 1871 г., секретарь-корреспондент для Франции — 43.
- Дюринг, Евгений* (1833—1921) — немецкий вульгарный материалист и позитивист, представитель реакционного меншальского «уравнительного» социализма — 225—228.

Е

- Евреишова, А. М.* (род. в 1844 г.) — издательница «Северного Вестника» с 1885 по 1890 г. — 144.
- Егер, Евгений* (1842—1926) — немецкий либеральный публицист — 93.
- Екатерина II* (1729—1796) — русская императрица (1762—1796) — 295.
- Ермолов, А. С.* (1846—1917) — русский государственный деятель, министр земледелия и государственных имуществ с 1892 по 1905 г., автор книги «Щеурожай и народное бедствие» — 172.

Ж

- * *Жаклар, Шарль Виктор* (1843—1900) — французский революционер, бланкист, деятель Парижской Коммуны, редактор русского журнала «Слово» — 51, 223, 224.
- Желваков, Н. А.* (1865—1882) — народолец; в марте 1882 г. совершил убийство военного прокурора Стрельникова; в тот же день был судим военным судом и повешен — 317.
- Женни* — см. Маркс, Женни.
- Жорес, Жан* (1859—1914) — лидер реформистского крыла французской Социалистической партии и один из руководящих деятелей II Интернационала, пацифист — 340, 341.
- Жохов, А. Ф.* (1840—1872) — русский публицист, автор ряда статей по крестьянскому вопросу — 83.
- Жуковский, П. И.* (1842—1895) — русский политический эмигрант в Швейцарии, бакунист, член I Интернационала — 54, 86.
- Жуковский, Ю. Г.* (1822—1907) — русский буржуазный экономист, автор статьи «Карл Маркс и его книга о капитале» («Вестник Европы» № 9 за 1877 г.), в которой пытался дать критику экономического учения Маркса — 91, 98, 174, 221, 229, 292.

З

- Загуляев, М. А.* (1834—1900) — журналист, редактор политического

отдела либеральной газеты «Голос» — 189.

Зак, Л. М. — 339.

- * *Засушич, В. И.* (1851—1919) — одна из основательниц группы «Освобождение труда»; после II съезда РСДРП примыкала к меньшевикам — 126, 273, 281, 299, 300, 302—305, 307, 308, 311—314, 316, 320, 323—328, 334, 336—339, 342, 344, 346.

Зейдлиц — немецкий естествоиспытатель, дарвинист — 213.

Зибер, Н. И. (1844—1888) — русский экономист, один из первых «легальных марксистов» — 87, 88, 90, 98, 112, 229.

Зигель, Франц (1824—1902) — немецкий мелкобуржуазный демократ; принимал участие в германской революции 1848—1849 гг. в Бадене — возглавлял баденскую революционную армию, участвовал в гражданской войне в Америке на стороне северян в качестве генерала — 30.

Зорге, Фридрих Альберт (1828—1906) — немецкий социал-демократ, участник баденского восстания 1849 г.; секретарь Генерального Совета I Интернационала после перенесения его в Нью-Йорк; друг Маркса и Энгельса — 255.

И

Ивановков, И. И. (1844—1912) — русский буржуазный экономист, профессор Московского университета — 265.

Иогихес — см. Тышко, Лео.

Ионас (ум. в 1912 г.) — американский социалист, редактор газеты «New-Yorker Volkszeitung» — 255.

К

* *Каблуков, Н. А.* (1849—1919) — русский экономист и статистик, профессор Московского университета, представитель либерального народничества — 112, 163, 249, 252.

* *Каблукова (Горбунова), М. К.* (род. в 1840 г.) — земский статистик и публицистка народнического направления — 235, 237, 239, 244, 246, 247, 250, 252, 253.

- Кабе, Этьен* (1788—1856) — французский коммунист-утопист, представитель мирного, реформистского направления, автор книги «Путешествие в Икарию» — 27.
- Казимир-Перье, Жан* (1847—1907) — французский буржуазный политический деятель; премьер-министр в 1893—1894 гг., президент Французской республики в 1894—1895 гг. — 334.
- Калонн, Шарль Александр* (1734—1802) — генеральный контролер финансов в 1783—1787 гг. во Франции — 164.
- Кареев, Н. И.* (1850—1931) — русский буржуазный историк, профессор Петербургского университета — 232, 233.
- Карышев, Н. А.* (1855—1905) — русский экономист, статистик и публицист либерально-пароднического направления — 163.
- Каупская, Луиза* (урожд. Штрассер) (род. в 1860 г.) — австрийская социалистка — 75, 334, 338, 340.
- Карлский, Карл* (1854—1938) — один из лидеров центразма во II Интернационале, ренегат марксизма, враг Советского Союза — 134, 137, 138, 159, 325, 327—329.
- Кауфман, И. И.* (1848—1916) — русский экономист и статистик, профессор Петербургского университета — 105.
- Квест, Адольф* — судебный администратор; препятствовал распространению издания «Капитала» во Франции — 217.
- Кейслер, И. А.* (1843—1896) — русский экономист, автор работы о русской земельной общине — 131—132.
- Кеннан, Джордж* (1845—1924) — американский журналист, путешественник-этнограф; автор очерков о сибирской ссылке — 315.
- Кень, Франсуа* (1694—1774) — французский экономист, основатель школы физиократов — 233.
- Клаузиус, Рудольф* (1822—1888) — немецкий физик — 138.
- Клюзере, Гюстав Поль* (1823—1900) — французский офицер, начальник штаба обороны Парижской Коммуны; в апреле 1871 г. был отдан под суд по подозрению в измене, но был освобожден; после падения Коммуны — эмигрант; вместе с бакунистами вел борьбу против Маркса в I Интернационале — 50.
- * *Ковалевский, М. М.* (1851—1916) — русский юрист, историк и социолог буржуазно-либерального направления — 98, 106, 217, 218, 229, 232—234, 256, 261, 263, 265.
- Кольбер, Жан Батист* (1619—1683) — министр Людовика XIV, проводил политику меркантилизма — 156, 161.
- Конов, Андрей* — переводчик на немецкий язык книги Даниельсона «Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства» — 184—186.
- Консидеран, Виктор* (1808—1893) — французский фурьерист, участник революции 1848 г. во Франции — 27.
- Конт, Огюст* (1798—1857) — французский философ-позитивист — 234.
- Концетт, К.* — швейцарский социал-демократ, глава фирмы «Народная кшготорговля» в Цюрихе — 332.
- Корвин-Круковская, А. В.* (Жаклар) (1843—1887) — член I Интернационала, активная участница Парижской Коммуны — 224.
- Кравчинский, С. М.* (лит. псевдоним Степняк) (1852—1895) — русский революционер-пародник, сторонник террористических методов борьбы; в 1878 г. убил в Петербурге шефа жандармов Мезенцева и эмигрировал за границу; с 1884 г. поселился в Лондоне, где организовал общество «Друзей русской свободы» — 281, 282, 314, 315.
- Кранц, П.* — псевдоним Лаврова, П. Л.
- Кржисичский, Людвиг* (род. в 1859 г.) — польский социолог, антрополог и экономист, профессор Варшавского университета — 270.
- Кричевский, В. Н.* (1866—1919) — русский социал-демократ, сторонник экономизма, публицист — 326, 328, 329.
- Кэрд, Джеймс* (1816—1892) — английский государственный деятель, экономист и статистик — 107.

Кэри, Генри Чарлз (1793—1879) — американский экономист, апологет капитализма; выдвигал теорию «гармонии» классовых интересов — 217.

Л

Лавеле, Эмиль Луи Виктор (1822—1892) — бельгийский буржуазный экономист и публицист; писал о социализме и рабочем движении — 217.

* *Лавров, П. Л.* (1823—1900) — русский публицист, теоретик народничества, родоначальник так называемой «русской субъективной школы в социологии», редактор выходившего в Цюрихе и Лондоне журнала «Вперед!» — 126, 191, 192, 194, 208—212, 215—216, 218—220, 225, 227, 228, 230, 234, 235, 256, 259, 260, 262—270, 272, 274, 278—283, 298, 319, 321, 323.

Ламарк, Жан Батист (1744—1829) — французский естествоиспытатель, эволюционист, предшественник Дарвина — 124.

Ланкестер, Эдвин Рэй (1847—1929) — английский естествоиспытатель — 112.

Лассаль, Фердинанд (1825—1864) — немецкий социалист, положил начало реформистскому течению (лассальянству), основатель Всеобщего германского рабочего союза — 75, 188, 232.

Лафарг, Лаура — см. Маркс, Лаура.
Лафарг, Поль (1842—1911) — французский социалист, видный деятель I Интернационала, один из основателей Французской рабочей партии, друг Маркса и Энгельса — 87, 88, 138, 141, 142, 152, 159, 223, 262, 263.

Лашатр, Морис (1814—1900) — первый издатель «Капитала» на французском языке — 216, 217.

Леббок, Джон (1834—1913) — английский биолог-дарвинист, этнолог и археолог, автор книги «The Origine of Civilisation and the Primitive Condition of Man» («Происхождение цивилизации и первобытные условия жизни человека») (1870) — 192.

Леблан, Ф. Д. — русский эмигрант в Лондоне, друг Лаврова — 216, 220.

Ледрю-Роллен, Александр Огюст (1807—1874) — французский мелкобуржуазный демократ, в 1848 г. член временного правительства, один из вождей мелкобуржуазной партии «Горь» — 27.

Лекки, Вильям Эдуард Гартполь (1838—1903) — английский буржуазный историк, автор книги «History of the Rise and Influence of the Spirit of Rationalism in Europe» («История возникновения и влияния рационализма в Европе») — 192.

Лексис, Вильгельм (1837—1914) — немецкий буржуазный экономист, автор статьи «Теория капитала Маркса» (1885) — 129.

Лермонтов, М. Ю. (1814—1841) — великий русский поэт — 332.

Лессинг, Готтольд Эфраим (1729—1781) — немецкий просветитель, поэт, критик, драматург и писатель — 77.

Либих, Юстус (1803—1873) — известный немецкий ученый-химик — 212.

Либкнехт, Вильгельм (1826—1900) — один из основателей и вождей германской социал-демократической партии; редактор центрального органа германской социал-демократической партии «Vorwärts», сторонник Маркса и Энгельса; допускал ошибки оппортунистического характера, которые подвергались критике Маркса и Энгельса — 57, 227, 282.

Линтон, Вильям (1812—1897) — участник чартистского движения, друг Мадзини; в основном им журнале «The English Republic» (с 1851 г.) печатал статьи Герцена — 286.

Лиссагаре, Проспер Оливье (1839—1901) — французский революционер-бланкист, участник Парижской Коммуны, автор книги «История Коммуны», эмигрант в Лондоне, в 1881 г. возвратился во Францию, где редактировал полуанархистскую газету «Bataille» — 235.

Лонге, Анри — сын Шарля Лонге — 265.

Лонге, Э-мэ — см. Маркс, Женни, дочь Маркса.

- Лонге, Шарль* (1833—1903) — французский социалист, прудонист, член Генерального Совета I Интернационала и Коммуны; зять Маркса — 235, 246.
- * *Лопатин, Г. А.* (1845—1918) — русский революционер-народник, член Генерального Совета I Интернационала; с 1884 до 1905 г. — узник Шлиссельбургской крепости; друг Маркса и Энгельса — 58, 61, 71—74, 76, 78, 80, 81, 87, 90, 112, 114, 121, 135, 136, 187, 191, 192, 207—209, 215, 224, 226—232, 235, 263, 266—268, 272—275, 279, 282, 283, 303.
- Лориа, Ацилл* (род. в 1857 г.) — итальянский буржуазный экономист — 341, 343, 346.
- Лорис-Меликов, М. Т.* (1825—1888) — русский министр внутренних дел в конце 70-х годов и председатель «Верховной распорядительной комиссии по борьбе с революционным движением», после 1 марта 1881 г. вышел в отставку — 339, 343.
- Луи Бонапарт* — см. Наполеон III.
- Луи-Филипп* (1773—1850) — французский король (1830—1848) — 104.
- Любавин, Н. Н.* (род. в 1845 г.) — русский революционер-народник, близкий друг Лопатина; впоследствии в Берлине был посредником в переписке Маркса с Н. Ф. Даниельсоном; член I Интернационала, противник Бакунина — 59, 62, 67, 68, 85, 86, 89—91.
- Людовик XIV* (1638—1715) — французский король (1643—1715) — 105.
- Людовик XV* (1710—1774) — французский король (1715—1774) — 105.
- Люкс* — немецкий экономист — 184, 185.
- М**
- Мадзини, Джузеппе* (1805—1872) — итальянский мелкобуржуазный демократ, борющийся за национальное воссоединение Италии — 27.
- Майер* — см. Даль.
- Майер, Юлиус Роберт* (1814—1878) — немецкий естествоиспытатель, врач, физиолог — 138.
- Мак-Киллей, Вильям* (1844—1901) — лидер крайних экспансионистских кругов американского империализма, автор протекционистского тарифа 1890 г., президент США (1897—1901) — 146.
- Малон, Бенуа* (1841—1893) — французский мелкобуржуазный социалист, член I Интернационала, участник Парижской Коммуны, впоследствии один из лидеров социалистов — 50, 51, 195.
- Мальтус, Томас Роберт* (1766—1834) — английский буржуазный экономист, автор реакционной теории народонаселения — 213.
- Мантейфель, Отто Теодор* (1805—1882) — прусский реакционный государственный деятель, министр-президент Пруссии (1850—1858) — 69.
- Маркс, Женни* (урожд. фон Вестфален) (1814—1881) — жена Маркса — 10, 23, 48, 113, 188, 208, 226, 234, 256.
- Маркс, Женни* (1844—1883) — старшая дочь Маркса, жена Ш. Лонге — 48, 51, 55, 113, 223, 224, 235.
- Маркс, Лаура* (1845—1911) — вторая дочь Маркса, с 1868 г. жена П. Лафарга; активная участница французского социалистического движения — 142, 255.
- Маркс, Карл* (1818—1883) — 9, 10, 21, 23—25, 30, 32, 36, 38, 39, 42, 44, 45, 47, 48, 51, 53, 54, 56, 58, 59, 61, 62, 65, 67—74, 76, 77, 79, 80, 82, 84—88, 90, 91, 93, 96, 97, 99, 100, 105, 106, 108, 109, 112—126, 130, 136, 174, 187, 189, 191—193, 195, 208—210, 216—220, 223, 226, 227, 229—236, 238—240, 242, 246, 247, 249—253, 255—257, 259—261, 263, 264, 266—271, 273, 275—278, 280, 281, 284, 286, 288, 291—294, 297—302, 304, 305—307, 309, 317, 322, 324, 325, 331, 332, 335, 339, 342, 343.
- Маркс-Эвелинг, Элеонора* (Тусси) (1855—1898) — младшая дочь Маркса, жена Э. Эвелинга; активная участница английского и международного рабочего движения 80—90-х годов — 48, 56, 65, 114, 188, 257, 258, 261—263, 266—270, 272, 274, 298, 314, 325, 334, 339, 340, 346.

Масоль, Мари Александр (1805—1875) — прудонист, сотрудник «Réforme», друг Сазонова — 28, 29.

Масье, А. — председатель славянского социалистического студенческого союза «Славия» в Цюрихе — 264.

Маурер, Георг Людвиг (1790—1872) — немецкий историк, исследователь общественного строя древней и средневековой Германии — 202.

Мейснер, Отто (1850—1930) — гамбургский издатель; издал «Капитал» Маркса — 127.

Мен, Генри (1822—1888) — английский юрист, профессор Кембриджского университета; автор работ «Ancient Law» («Древнее право») (1861), «Communities in East and West» («Сельские общины на Востоке и на Западе») (1871) и др. — 192.

Менделеев, Д. И. (1834—1907) — великий русский ученый, химик — 155.

Мендельсон, Мария (1850—1909) — польская социалистка, жена Станислава Мендельсона — 327.

Мендельсон, Станислав (1858—1913) — польский социалист, журналист, один из основателей польской социалистической печати — 327, 346.

Мерсье де ла Ривьер, Поль Пьер (1720—1794) — французский экономист, физиократ — 233.

Меуцкерский, В. П., князь (1839—1914) — русский реакционный публицист и беллетрист, издатель реакционной газеты «Гражданин» — 218.

Милль, Джон Стюарт (1806—1873) — английский философ и экономист; пытался эклектически соединить начала либерализма и социализма — 79, 89, 100.

Михайлов — см. Михайловский.

Михайловский, Н. К. (1842—1904) — русский публицист и литературный критик, идеолог либерального народничества, враг марксизма, сотрудник, затем редактор «Отечественных Записок» — 98, 122, 123, 220, 221, 229, 331, 332, 339, 343.

Молешотт, Якоб (1822—1893) — физиолог, родом из Голландии; в

философии — вульгарный материалист — 212.

Морлей, Джон (1838—1923) — английский публицист, издатель «Fortnightly Review» (1867—1882), либерал; поддерживал тред-юнионы, стремясь использовать их в интересах либеральной партии — 219.

Мудслей, Джеймс (род. в 1848 г.) — один из лидеров правого крыла тред-юнионов Ланкашира — 327, 328.

Мур, Сэмюэль (1830—1912) — член I Интернационала, друг Маркса и Энгельса, переводчик I тома «Капитала» на английский язык — 139, 255.

Н

Наполеон III (Луи Бонапарт) (1808—1873) — французский император (1852—1870) — 69.

Неволин, К. А. (1806—1855) — русский буржуазный профессор, юрист, автор работы «История гражданских законов в России» — 94.

Негрескул, М. Ф. (1843—1871) — участник петербургских революционных кружков 60-х годов и студенческих волнений 1868—1869 годов — 60, 81.

Неккер, Жак (1732—1804) — генеральный контролер финансов во Франции накануне буржуазной революции конца XVIII века — 164.

Нетов, Виктор — член Комитета Русской секции I Интернационала — 44, 47.

Нечаев, С. Г. (1847—1882) — русский анархист, заговорщик — 41—43, 54, 61, 62, 64, 65, 81, 82, 85, 211.

Николай I (1796—1855) — русский император (1825—1855) — 218, 294.

Николай II (1868—1918) — русский император (1894—1917) — 337—340, 342, 343, 345.

Николай — он — псевдоним Даниельсона.

Позль — псевдоним Смирнова, В. Н.

О

Олсон, Томас (1795—1880) — английский радикал, публицист; под-

держивал чартистское движение, финансировал покушение Орсини на Наполеона III — 220.

- Орлов, В. И.* (1848—1885) — статистик Московского губернского земства, автор работ «Крестьянское хозяйство» и «Формы крестьянского землевладения в Московской губернии» — 333.
- Островский, А. Н.* (1823—1886) — великий русский драматург — 92.
- Оуэн, Роберт* (1771—1858) — английский социалист-утопист — 290.

П

- * *Паприц, Е. Э.* (1853—1919) — русская певица, затем исследовательница русской музыки; была связана с московским нелегальным «Обществом переводчиков и издателей» (1882—1884), выпустившим ряд произведений Маркса и Энгельса на русском языке — 275, 276.
- Перре, Анри* — швейцарский социалист, деятель I Интернационала, секретарь Романского федерального комитета в Женеве — 56.
- Перрон, Шарль* — швейцарский анархист, член комитета Женевской секции I Интернационала, член правления бакунистского Альянса, один из редакторов «Еgа-Нité» — 35, 40, 60.
- Петр I Великий* (1672—1725) — русский император (1696—1725) — 198.
- Петр III* (1728—1762) — русский император (1761—1762) — 205.
- Петти, Вильям* (1623—1687) — английский экономист и статистик; положил начало классической школе политической экономии в Англии — 232.
- Пиа, Феликс* (1810—1889) — французский мелкобуржуазный журналист, неоякобинец, член Парижской Коммуны, затем эмигрант в Англии — 27, 28.
- Пибоди, Джордж* (1795—1869) — американский банкир, филантроп — 279.
- Пиндар* (ок. 518—442 до н. э.) — греческий лирик — 105.
- * *Плеханов, Г. В.* (1856—1918) — выдающийся пропагандист мар-

ксизма; первый в России дал марксистскую критику ошибочных взглядов народников; впоследствии один из лидеров меньшевизма — 257, 281, 287, 291, 307—310, 314, 316, 318, 319, 321—326, 328, 329, 333—340, 342—344, 346.

- Победоносцев, К. П.* (1827—1907) — государственный деятель царской России, реакционер; в 1860—1865 гг. был профессором гражданского права в Московском университете — 94, 333.
- Поляков, Н. П.* — петербургский издатель; издал «Капитал» Маркса, «Положение рабочего класса в России» Флеровского и др. — 67, 75.
- Прудон, Пьер Жозеф* (1809—1865) — французский мелкобуржуазный социалист, анархист — 9—23, 25—27, 226, 233, 305.
- Пугачев, Емельян* (ок. 1744—1775) — вождь крестьянской войны в России — 205.
- Пумпс* — см. Рошер, Мэри Эллен.
- Пушкин, А. С.* (1799—1837) — великий русский поэт — 148.
- Пыпин, А. Н.* (1833—1904) — исследователь русской литературы, языка и фольклора — 83.

Р

- Ранке, Иосиф* — немецкий физиолог — 136.
- Раулинсон, Генри Кресвик* (1810—1895) — английский путешественник и ориенталист-археолог, посол в Персии (1859—1860) — 218.
- Рейнгардт, Рихард* — немецкий революционный эмигрант в Париже, секретарь Гейне, близкий знакомый Маркса — 26.
- Рикардо, Давид* (1772—1823) — английский экономист, виднейший представитель классической школы буржуазной политической экономии — 87, 217, 233.
- Робен, Поль* (род. в 1837 г.) — французский бакунист, секретарь Женевской секции Альянса; в 1871 г. исключен из состава Генерального Совета I Интернационала — 43, 52.
- Роберти* — см. Де Роберти.

- Робеспьер, Максимилиан* (1758—1794) — выдающийся деятель французской буржуазной революции конца XVIII века, вождь якобинцев, глава революционного правительства (1793—1794) — 22.
- Родбертус (Ягцов), Йоганн Карл* (1805—1875) — немецкий экономист, «катедер-социалист», теоретик прусско-юнкерского «государственного социализма» — 119—122, 305, 307.
- Розадовский, И.* (1838—1876) — польский революционер, участник польского восстания 1863 г., эмигрант в Париже, участник Парижской Коммуны, член Генерального Совета I Интернационала — 195.
- Романович-Славатинский, А. В.* (род. в 1832 г.) — русский юрист и публицист — 94.
- Рошер, Мари Эллиен* (урожд. Берис, по прозвищу Пумис) — племянница жены Энгельса и его воспитанница — 133, 175, 189, 207, 227, 255.
- Рошер, П. В. (П. В. Р.)* — псевдоним Энгельса.
- Руа, Жозеф* — французский переводчик I тома «Капитала» — 79.
- Руге, Ариольд* (1802—1880) — немецкий радикальный публицист, младогегельянец; в 1844 г. издавал совместно с Марксом «Немецко-французский Ежегодник»; в 1848 г. член Франкфуртского национального собрания, мелкобуржуазный демократ; с 1866 г. сторонник Бисмарка — 44, 69.
- Румфорд, Бендзисамил Томпсон* (1753—1814) — английский физик и политический деятель — 122.
- Рэ, Джон* (род. в 1854 г.) — английский либеральный экономист и публицист, сотрудник «Contemporary Review», автор монографий о современном социализме и об А. Смита — 118, 258.
- Робеспьер, Максимилиан* (1758—1794) — выдающийся деятель французской буржуазной революции конца XVIII века, вождь якобинцев, глава революционного правительства (1793—1794) — 22.
- Салтыков (Щедрин), М. Е.* (1826—1889) — великий русский писатель — 92, 130, 131.
- Сениор, Нассау Вильям* (1790—1864) — английский вулгарный экономист, апологет капитализма — 71.
- Серебренников, Владимир* — студент Медико-хирургической академии; в 1869 г. арестован за участие в студенческих волнениях; в ноябре 1870 г. бежал за границу, жил в Лондоне, помогал Нечасву в издании журнала «Община» — 41, 43, 45.
- * *Серно-Соловьевич, А. А.* (1838—1869) — русский революционный эмигрант, последователь Чернышевского; принимал участие в деятельности секции I Интернационала в Швейцарии — 32, 35.
- Серрайе, Огюст* (род. в 1840 г.) — французский рабочий, член Генерального Совета I Интернационала, член Парижской Коммуны; сторонник Маркса и Энгельса — 49, 51.
- Сидоров* — псевдоним Лаврова, П. Л.
- Симои, Эдуард* (1824—1897) — прусский шпион и провокатор во Франции — 30.
- Скалдин* (псевдоним Еленева, Ф. П.) (1828—1902) — представитель буржуазного либерализма 60-х гг., автор книги «В захолустьи и в столице», впоследствии примкнул к реакционерам — 204.
- Скребицкий, А. И.* (род. в 1827 г.) — русский либеральный историк, автор работы «Крестьянское дело в царствование Александра II» (1862—1868) — 83, 88, 90.
- Славатинский, А.* — см. Романович-Славатинский.
- Слепцов, А. А.* (1835—1906) — представитель передовой русской интеллигенции, изучавший произведения Маркса и Энгельса; с 1870 г. издавал в Петербурге журнал «Знание» — 190.
- * *Смирнов, В. Н.* («доктор Ноэль») (1848—1900) — русский революционер-пародник; участвовал в нечаевской организации; в 1871 г. эмигрировал в Цюрих, где был одним из организаторов Славян-

С

- ской секции I Интернационала, помощник Лаврова по изданию журнала «Вперед!» — 65, 66, 210, 212, 217, 225—228, 231.
- Смит, Адам* (1723—1790) — английский экономист, выдающийся представитель классической школы буржуазной политической экономии — 14, 147, 217, 233, 313.
- Солон* (VI в. до н. э.) — афинский законодатель эпохи разложения родового строя в древней Греции — 292.
- Сосновский* — польский эмигрант в Париже — 270, 271.
- Спиноза, Бенедикт* (1632—1677) — голландский философ, материалист и атеист — 233.
- Сплингард, Рош* — бельгийский адвокат, член I Интернационала, делегат Гаагского конгресса, бакуист — 86.
- Стемковский* — был знаком с Бакуниным и Нечаевым, оказался шпионом, донес на Нечаева — 65.
- Степняк* — см. Кравчинский, С. М.
- Стрельников* — генерал, военный прокурор в Одессе; в марте 1882 г. был убит народовольцем Желваковым — 317.
- Струве, П. Б.* (1870—1944) — русский буржуазный публицист и экономист, «злегалый марксист», после Октябрьской революции белоэмигрант — 177, 180, 182, 184, 339.
- Султон, Джон* (1830—1901) — американский журналист, аболиционист и радикал, редактор ряда газет — 255.
- Т**
- Таухниц, Христиан Бернгард* (1816—1895) — лейпцигский издатель — 192.
- Тейлор, Эдуард Вернетт* (1832—1917) — английский антрополог, историк первобытной культуры — 192.
- Тейс, Альберт* (1839—1881) — французский рабочий-чеканщик, прудонист, член Парижской секции I Интернационала, член Парижской Коммуны, далее эмигрант в Лондоне, член Генерального Сове-та и казначей Интернационала (1872) — 193.
- Теккерей, Вильям* (1811—1863) — английский романист — 92.
- Теодоров, И.* — секретарь славянского социалистического студенческого союза «Славия» в Цюрихе — 264.
- Тихомиров, Л. А.* (1852—1922) — член Исполнительного Комитета партии «Народной воли», впоследствии ренегат, защитник самодержавия (сотрудничал в «Московских Ведомостях») — 330.
- Ткачев, П. Н.* (1844—1885) — русский мелкобуржуазный революционер; один из идеологов народничества, издавал в Женеве журнал «Набат» — 195, 196, 199, 201—205, 285, 286, 330.
- Толстой, Д. А.* (1823—1889) — обер-прокурор синода и министр народного просвещения, с 1882 г. — министр внутренних дел — 272.
- * *Томановская, Е. Л.* (Елизавета Дмитриева) — русская революционерка, член Русской секции I Интернационала, участница Парижской Коммуны; была знакома с Марксом и его семьей — 45—46, 48, 51.
- Томсон, Вильям* (1824—1907) — английский физик — 122.
- Торквемада, Томас* (1420—1498) — испанский инквизитор, доминиканский монах — 333.
- Траубе, Мориц* (1826—1907) — немецкий химик-физиолог — 209.
- Трусов, Антон* — секретарь Русской секции I Интернационала в Женеве — 36, 38, 44, 47, 54.
- Тук, Томас* (1774—1858) — английский буржуазный экономист и статистик — 139, 140.
- Турский, Каспер* — член Славянской секции I Интернационала в Цюрихе, блаккист — 53.
- Туссенель* — французский революционер-блаккист — 25.
- Тусси* — см. Маркс-Эвелинг, Элеонора.
- Тышко, Лео* (Иогихес, Лев Грозовский) (1867—1919) — деятель польского рабочего движения; в 90-х годах вместе с Б. Кричевским занимался изданием социал-демокра-

тической литературы в Швейцарии — 329.
Тьер, Луи Адольф (1797—1877) — французский буржуазный историк и политический деятель, палач Парижской Коммуны — 48, 51.

У

* **Утин, Н. И.** (1845—1883) — русский революционный эмигрант, деятель Русской секции I Интернационала; вел борьбу против Бакунина; в середине 70-х годов отошел от революционной деятельности и вернулся в Россию — 38, 40, 44, 47—49, 51, 53—56, 58, 60, 62, 65, 86, 87, 218.

Утина, Н. И. (урожд. Корсини) — жена Утица, П. И. — 219.

Ф

Фали, Джеймс (1796—1878) — женеvский политический деятель и публицист, буржуазный радикал — 35.

Фарадей, Михаил (1791—1867) — английский физик и химик — 279.

Фейербах, Людвиг (1804—1872) — немецкий философ-материалист — 79.

Филлипс, Вендель (1811—1884) — североамериканский буржуазный радикал, аболиционист — 255.

Флеровский — см. Берли, В. В.

Фогт, Карл (1817—1895) — немецкий естествоиспытатель и публицист, вульгарный материалист; разоблачен Марксом как агент Наполеона III — 30, 212.

Форестье — коммунар, эмигрант в Лондоне — 53.

Фраполли, Луи (1815—1878) — итальянский политический деятель, республиканец, друг Сазонова — 28.

Фрейбергер, Луиза — см. Каутская, Луиза.

Фрейбергер, Людвиг — врач из Вены, муж Луизы Каутской — 337—343, 346.

Фуллертон, Джон (1780—1849) — английский буржуазный экономист; писал по вопросам кредита и денежного обращения — 139.

Фурье, Франсуа Мари Шарль (1772—1837) — французский социалист-утопист — 10, 20, 27.

Х

Халтурин, С. Н. (1856—1882) — рабочий, один из организаторов «Северного союза русских рабочих»; в 1880 г. произвел взрыв в Зимнем дворце с целью убийства Александра II; в 1882 г. казнен за участие в убийстве военного прокурора Стрельникова — 317.

Хилков, М. И., князь (1834—1909) — занимался филантропической деятельностью — 241.

Ч

Чернышевский, Н. Г. (1828—1889) — великий русский революционер-демократ — 37, 39, 48, 58, 65, 72, 73, 76, 78, 82, 83, 87—92, 94, 95, 141, 142, 188, 277, 286—288, 293, 296, 299, 322, 327.

Чичерин, В. Н. (1828—1904) — русский буржуазный социолог и историк; пытался опровергнуть учение Маркса — 93, 94, 98, 99, 229.

Ш

Швейцер, Иоганн Батист (1833—1875) — королевско-прусский социалист; после смерти Лассалья стал во главе Всеобщего германского рабочего союза; основатель газеты «Social-Demokrat» (1865); после 1871 г. отошел от политической жизни — 37.

Шевич, Сергей — редактор социалистической газеты «New-Yorker Volkszeitung» — 255.

Шеффле, Альберт Эбергардт (1831—1903) — немецкий буржуазный экономист и социолог, апологет капитализма и враг марксизма — 257.

Шлоссер, Фридрих Христоф (1776—1861) — буржуазный немецкий историк, либерал — 89.

Шмидт, Эдуард Оскар (1823—1886) — немецкий зоолог, дарвинист — 228.

Шорлеммер, Карл (1834—1892) — немецкий химик, коммунист, друг Маркса и Энгельса — 255.

Штудниц — американский буржуазный экономист, писавший об условиях жизни рабочих в Северной Америке — 240.

Шуберт, Юлиус — издатель в Гамбурге, экспедитор «Новой Рейнской Газеты. Политико-экономическое обозрение» — 278.

Э

Эвелинг, Эдуард (1851—1898) — английский социалист и писатель; член Социал-демократической федерации, один из основателей Социалистической лиги (1884), активный деятель движения так называемых «неорганизованных» рабочих; муж Элеоноры Маркс — 128, 325, 326, 334, 340, 346.

Эвелинг, Элеонора — см. Маркс-Эвелинг, Элеонора.

Эккартус, Иоганн Георг (1818—1889) — немецкий рабочий, эмигрант в Лондоне; член Союза коммунистов, секретарь Генерального Совета I Интернационала (1867—1871); до 1872 г. сторонник Маркса; на Гаагском конгрессе солидаризировался с бакунистами, позднее участник английского тред-юнионистского движения — 52.

Эллидин, М. К. (1835—1908) — русский студент, участник казанских студенческих волнений 1861 г., в дальнейшем эмигрант в Женеве, член Альянса; с начала 80-х годов агент царской полиции — 54.

Энгель, Эрнст (1821—1896) — немецкий статистик, директор прусского статистического бюро — 180.

Энгельс, Э-жа — см. Бернс, Лиззи.

Энгельс, Фридрих (1820—1895) — 55, 56, 69, 115—123, 126, 128—131, 133, 135, 138—140, 142, 144, 145, 148, 152, 156, 160, 164, 165, 168, 172, 175, 176, 179—181, 183—186, 187, 189, 191, 192—195, 207, 208, 210—212, 215, 216, 224, 226—228, 231, 235, 237, 239, 246, 247, 249, 250, 252—254, 257, 259—261, 263—270, 272, 273, 274—285, 298, 302—308, 311—314, 316, 320, 322—326, 328, 329, 333—340, 342, 344, 346.

Эрвачанин, Эммануил — член Славянской секции I Интернационала в Цюрихе — 53.

Ю

Юм, Давид (1711—1776) — английский философ-агностик, субъективный идеалист — 232.

Юнг, Герман (1830—1901) — часовщик из Швейцарии, член Генерального Совета I Интернационала (1864—1872); до 1872 г. сторонник Маркса; в 1872 г. выступил против решения Гаагского конгресса и вел активную борьбу против Генерального Совета — 48, 49, 52, 53, 55.

Юнг, Эдуард — 137.

Я

Яблонский — см. Дегаев, С. П.

Янсон, Ю. Э. (1835—1892) — русский либеральный экономист, профессор Петербургского университета — 112.

УКАЗАТЕЛЬ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ

- «*Архив судебной медицины и общественной гигиены*» — орган медицинского департамента министерства внутренних дел; выходил с 1865 по 1871 г. 4 раза в год в Петербурге — 188.
- «*Вирджесва Газета*» — политическая, литературная и экономическая газета буржуазного направления; выходила в Петербурге с 1874 по 1880 г. — 82.
- «*Борьба*» — орган русской революционной эмиграции; издавался в Швейцарии в 1888—1889 гг. — 317.
- «*Вестник Европы*» — ежемесячный историко-политический журнал либерального направления; издавался в Петербурге с 1866 по 1918 г. М. М. Стасюлевичем и М. М. Ковалевским; с начала 90-х гг. вел систематическую борьбу против марксизма — 84, 92, 105, 292, 332.
- «*Вестник Народной Воли*» — орган народнической тайной организации «Народная Воля»; издавался в Женеве в 1883—1886 гг. под редакцией П. Л. Лаврова и Л. А. Тихомирова; всего вышло 5 номеров — 271, 274, 293, 307.
- «*Вестник финансов, промышленности и торговли*» — указатель правительственных распоряжений по министерству финансов; издавался еженедельно в Петербурге с 1885 по 1917 г. — 150, 152, 164.
- «*Вестник Финансов*» — см. «Вестник финансов, промышленности и торговли».
- «*Вперед!*» — народнический журнал; издавался П. Л. Лавровым в 1873—1877 гг.; вышло 5 номеров (I—II в Цюрихе, III—V в Лондоне) — 207, 225, 226.
- «*Вперед!*» — двухнедельная газета, орган народников; издавалась в Лондоне П. Л. Лавровым в 1875—1876 гг. — 66, 210, 211, 216—218, 225.
- «*Голос*» — ежедневная газета умеренно-либерального направления; издавалась в Петербурге с 1863 по 1884 г. — 189.
- «*Гражданин*» — реакционно-монархический орган; издавался в Петербурге с 1872 по 1914 г. — 218.
- «*Земля и Воля*» — орган революционной народнической организации «Земля и Воля»; выходил с ноября 1878 по апрель 1879 г.; всего вышло 5 номеров — 232.
- «*Знание*» — ежемесячный научно-популярный журнал прогрессивного направления; издавался в Петербурге с 1870 по 1877 г. — 88, 90.
- «*Колокол*» — революционно-демократический журнал; издавался А. И. Герценом и Н. П. Огаревым в Лондоне с 1857 по 1865 г., затем орган русских анархистов, выходил в Женеве с 1865 по 1868 г. под

- редакцией М. А. Бакупина и С. Г. Нечаева — 42, 45, 96.
- «*Московские Ведомости*» — реакционно-монархическая газета; выходила в Москве с 1779 по 1918 г., с 1863 по 1887 г. редактором был М. Н. Катков — 81.
- «*Народная Воля*» — нелегальная народническая газета тайного общества «Народная Воля»; издавалась в России с 1879 по 1885 г. — 260.
- «*Народная Расправа*» — анархистский журнал; издавался в Женева С. Г. Нечаевым в 1869—1870 гг.; вышло 2 номера — 63.
- «*Народное Дело*» — анархистский журнал (1868—1869), орган Русской секции I Интернационала; издавался в Женева — 36, 41, 42, 47.
- «*Начало*» — анархистская нелегальная газета; издавалась в Петербурге в 1878 г.; вышло 4 номера — 229, 232.
- «*Немецко-Французский Ежегодник*» — см. «Deutsch-Französische Jahrbücher».
- «*Новая Рейнская Газета*» — см. «Neue Rheinische Zeitung».
- «*Новая Рейнская Газета. Политико-экономическое Обозрение*» — см. «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-Ökonomische Revue».
- «*Новости*» — еженедельная буржуазно-либеральная газета; выходила в С.-Петербурге с 1871 г. — 268.
- «*Нью-Йоркская Трибуна*» — см. «New-York Daily Tribune».
- «*Отечественные Записки*» — ежемесячный литературно-политический журнал; издавался в Петербурге с 1820 до 1830 гг. и с 1839 по 1884 г.; в 40—60-х гг. — орган революционной демократии, в состав редакции входили Белинский, Чернышевский, Салтыков-Щедрин, Некрасов. В 70-х гг. журнал превратился в орган пародников — 95, 98, 292, 293, 299, 306.
- «*Прогресс*» — еженедельная газета, орган русской политической эмиграции; выходила на русском языке в Нью-Йорке и Чикаго в 1891—1893 гг. под редакцией И. А. Гурвича и В. Жука — 283.
- «*Рейнская Газета*» — см. «Rheinische Zeitung für Politik, Handel und Gewerbe».
- «*Русская Жизнь*» — ежедневная буржуазно-либеральная газета; издавалась в Петербурге в 1890—1895 гг. — 338.
- «*Русские Ведомости*» — ежедневная либеральная газета, с 1905 г. орган правого крыла кадетов; издавалась в Москве с 1863 по 1918 г. — 57, 138, 344.
- «*Русский Вестник*» — политический и литературный журнал, издававшийся в 1856—1906 гг. В 1856—1887 гг. журнал издавался в Москве, редактором и издателем был М. Н. Катков. Вначале направление журнала было либеральное, с 60-х гг. XIX в. журнал превратился в орган крепостнической реакции — 333.
- «*Русское Богатство*» — ежемесячный журнал; издавался в Петербурге в 1876—1918 гг.; с начала 90-х гг. орган либерального народничества, редактировался Н. К. Михайловским и С. Н. Кривенко — 331, 339, 341, 342.
- «*Самоуправление*» — журнал русской революционной эмиграции, издававшийся в Швейцарии с 1887 по 1889 г.; вышло 4 номера — 317.
- «*Санкт-Петербургские Ведомости*» — ежедневная газета, официальный правительственный орган; издавалась в Петербурге с 1728 по 1915 г. — 92.
- «*Свобода*» — ежемесячный орган русской революционной эмиграции; издавался в Женева в 1888—1889 гг. — 317.
- «*Свободная Россия*» — орган русской революционной эмиграции; издавался в Швейцарии в 1888—1889 гг. — 317—319.
- «*Северный Вестник*» — ежемесячный литературно-политический и научный журнал либерально-народнического направления; издавался в Петербурге с 1885 по 1898 г. под редакцией Н. К. Михайловского, С. Н. Кривенко, С. Н. Южакова — 123, 138, 142.
- «*Слово*» — ежемесячный литературный и научно-популярный журнал либерального направления; издавался в Петербурге с 1878 по 1881 г. — 223, 306.

- «Современник» — ежемесячный научно-политический и литературный журнал, основанный А. С. Пушкиным; издавался в Петербурге с 1836 по 1866 г.; с 1847 г. орган революционных демократов — 95.
- «Социал-Демократ» — первый русский социал-демократический журнал; издавался за границей в 1890—1892 гг. группой «Освобождение труда»; всего вышло 4 номера — 313.
- «Университетские Известия» — ежемесячный буржуазно-либеральный журнал, издававшийся в Киеве с 1861 по 1912 г. — 94.
- «Юридический Вестник» — ежемесячный журнал либерального направления; выходил в Москве с 1867 по 1892 г. — 171.
- «The Academy» («Академия») — еженедельный научно-литературный журнал либерального направления; издавался в Лондоне с 1869 по 1916 г. — 134.
- «Archiv für sociale Gesetzgebung und Statistik» («Архив социального законодательства и статистики») — политико-экономический трехмесячник; издавался в Тюбингене, затем в Берлине и Лейпциге с 1888 по 1903 г. — 180.
- «The Athenaeum» («Атеней») — еженедельный литературный журнал либерального направления; издавался в Лондоне с 1828 по 1921 г. — 134.
- «The Bee-hive» («Улей») — еженедельный орган английских тред-юнионов; выходил в Лондоне с 1861 по 1876 г. — 56.
- «Braun's Archiv» — см. «Archiv für sociale Gesetzgebung und Statistik».
- «The Contemporary Review» («Современное Обозрение») — ежемесячный либеральный журнал; издается в Лондоне с 1866 г. — 258.
- «Daily News» («Ежедневная Газета») — орган либералов; отражал интересы промышленной буржуазии; издавался в Лондоне с 1846 по 1928 г. — 56, 263, 265.
- «Deutsch-Französische Jahrbücher» («Немецко-французский Ежегодник») — журнал революционно-демократического направления; издавался в 1844 г. в Париже К. Марксом совместно с левогельянцем А. Руге; вышел один (двойной) номер — 67, 69.
- «The Eastern Post» («Восточная Почта») — еженедельная газета, систематически печатала материалы Генерального Совета I Интернационала; издавалась в Лондоне с 1871 по 1873 г. — 56, 192, 193.
- «The Economist» — см. «Journal des Économistes».
- «L'Égalité» («Равенство») — еженедельная газета, орган Швейцарской секции I Интернационала; издавалась в Женеве с начала 1869 по 1872 г., до 1870 г. находилась под влиянием М. А. Бакунина — 40, 46, 53.
- «La Emancipación» («Освобождение») — еженедельная газета, орган Мадридской секции I Интернационала; издавалась в Мадриде с 1871 по 1873 г. — 86.
- «The Fortnightly Review» («Двухнедельное Обозрение») — журнал либерального направления, в XX веке — консервативного; издается в Лондоне с 1865 г. — 219.
- «Free Russia» («Свободная Россия») — ежемесячный народнический журнал; с 1890 по 1895 г. издавался в Лондоне С. М. Степняком-Кравчинским — 281.
- «La Gazette des Tribunaux» («Судебная Газета») — ежедневная газета консервативного направления, освещавшая по преимуществу юридические вопросы; издается в Париже с 1825 г. — 193, 195.
- «Gazette du Nord» («Северная Газета») — еженедельная францужско-русская газета либерального направления; издавалась в Париже с 1859 по 1925 г. — 31.
- «The Graphic» («Иллюстрация») — иллюстрированный еженедельник; издавался в Лондоне в 1860—1932 гг. — 225.
- «Herald» — см. «Morning Herald».
- «L'Internationale» («Интернационал») — орган русской революционной эмиграции в Швейцарии; издавался А. А. Серно-Соловьевичем в 1868 г.; вышло 2 номера — 35.
- «L'Italia del Popolo» («Народная Италия») — орган Мадзини; издавал-

- ся в Лозанне в 1849—1851 гг. — 27.
- «*Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik*» («Политико-экономические и статистические ежегодники») — журнал либерального направления; издается в Иене с 1863 г.; выходит 2 раза в год — 129.
- «*Journal des Économistes*» («Экономический Журнал») — ежемесячный экономический журнал либерального направления; издается в Париже с 1841 г. — 91.
- «*La Marseillaise*» («Марсельеза») — ежедневная радикально-республиканская газета; издавалась в Париже в 1869—1870 гг. под редакцией А. Рошфора — 223.
- «*Modern Thought*» («Современная Мысль») — ежемесячный прогрессивный журнал; издавался в Лондоне с 1879 по 1884 г. — 258.
- «*Morning Herald*» («Утренний Вестник») — ежедневная газета, орган консерваторов; издавалась в Лондоне в 1780—1869 гг. — 255.
- «*Neue Rheinische Zeitung*» («Новая Рейнская Газета») — ежедневная газета, орган последовательно демократических и пролетарских элементов в революции 1848—1849 гг.; издавалась в Кельне с июня 1848 по май 1849 г.; редактировалась Марксом и Энгельсом — 69, 271, 274, 335.
- «*Neue Rheinische Zeitung. Politisch-ökonomische Revue*» («Новая Рейнская Газета. Политико-экономическое Обозрение») — ежемесячный журнал; издавался К. Марксом в Гамбурге в 1850 г.; вышло 6 номеров — 69, 273, 278, 335.
- «*Die Neue Zeit*» («Новое Время») — еженедельный теоретический журнал, официальный орган германской социал-демократии; издавался в Штутгарте с 1883 по 1923 г. В 1885—1895 гг. в журнале сотрудничал Энгельс. Редактором с 1883 по 1917 г. был К. Каутский — 184, 325, 339.
- «*New-York Daily Tribune*» («Нью-Йоркская Ежедневная Трибуна») — газета буржуазно-радикального направления; издавалась в Нью-Йорке с 1841 по 1924 г. С 1851 по 1863 г. в газете сотрудничали Маркс и Энгельс — 70.
- «*New-Yorker Volkszeitung*» («Нью-Йоркская Народная Газета») — ежедневная социалистическая газета, орган немецкой эмиграции; издавалась в Нью-Йорке с 1878 по 1932 г. — 255.
- «*The Pall Mall Gazette*» («Газета Пэл Мэл») — ежедневная газета консервативного направления; издавалась в Лондоне с 1865 по 1921 г. — 218.
- «*La Petite République*» («Маленькая Республика») — ежедневная радикально-республиканская газета; издавалась в Париже с 1893 г. В состав редакции входили Мильтеран и Жорес — 298.
- «*La Philosophie Positive*» («Позитивная Философия») — философский идеалистический журнал позитивистов; издавался в Париже с 1867 по 1883 г. — 188.
- «*O Protesto*» («Протест») — еженедельная социалистическая газета, выходившая в Лиссабоне с 1875 г. — 212.
- «*Putnam's Monthly Magazine of American Literatur, Science and Art*» («Патнамовский ежемесячный журнал американской литературы, науки и искусства») — ежемесячный журнал республиканцев; издавался в Нью-Йорке с 1853 по 1857 г. — 70.
- «*Putnam's Review*» — см. «Putnam's Monthly Magazine of American Literatur, Science and Art».
- «*Radical*» («Радикал») — ежедневная газета умеренно-республиканского направления; издавалась в Париже в 1871—1872 гг. — 259.
- «*La Réforme*» («Реформа») — орган левых республиканцев и социалистов; издавался в Париже с 1843 по 1850 г.; в редакцию входили Ледрю-Роллен, Луи Блан, Флокон — 24, 25, 28.
- «*Revue Contemporaine*» («Современное Обозрение») — двухнедельный бонапартистский журнал; издавался в Париже с 1852 по 1870 г. — 30.
- «*Revue des deux Mondes*» («Обозрение Старого и Нового Света») — литературно-политический журнал

- либерального направления; издавался в Париже с 1829 г. — 217.
- «*Rheinische Zeitung*» — см. «*Rheinische Zeitung für Politik, Handel und Gewerbe*».
- «*Rheinische Zeitung für Politik, Handel und Gewerbe*» («Рейнская газета по вопросам политики, торговли и промышленности») — ежедневная радикально-демократическая газета; издавалась в Кельне с 1 января 1842 г. по 31 марта 1843 г.; с октября 1842 г. редактором газеты был Маркс, в газете сотрудничал Энгельс — 69.
- «*Social-Demokrat*» («Социал-Демократ») — ежедневный орган ласальнического Всеобщего Рабочего Союза; издавался Швейцаром в Берлине в 1864—1871 гг. — 305.
- «*Solidarité*» («Солидарность») — двухнедельная газета бакунистов; издавалась в Невшателе и Женева с 1870 по 1871 г. — 40.
- «*Der Sozialdemokrat*» («Социал-демократ») — ежедневный центральный орган германской социал-демократии периода исключительных законов; издавался в Цюрихе с 1879 по 1888 г., затем в Лондоне с 1888 по 1890 г. — 260, 268, 279, 316, 319—324.
- «*Sozialpolitisches Zentralblatt*» («Социально-политический Центральный журнал») — еженедельный журнал социал-реформистского направления; издавался в Берлине с 1892 по 1895 г. — 177, 180, 182.
- «*The Spectator*» («Обозреватель») — еженедельный либеральный журнал; издается в Лондоне с 1828 г. — 56.
- «*The Standard*» («Знамя») — ежедневная консервативная газета; издавалась в Лондоне с 1827 г. — 269, 272.
- «*The Statist*» («Статист») — еженедельная консервативная газета; издается в Лондоне с 1878 г. — 111.
- «*Die Tagwacht*» («Дневная Стража») — еженедельный орган Швейцарского рабочего союза; издавался в Цюрихе с 1859 по 1889 г.; поддерживал Генеральный Совет I Интернационала в борьбе с анархизмом — 64.
- «*Le Temps*» («Время») — ежедневная либерально-республиканская газета, в XX в. консервативная; выходит в Париже с 1861 г. — 256.
- «*The Times*» («Времена») — крупнейшая ежедневная политическая газета, английский правительственный официоз; издается в Лондоне с 1785 г. — 56, 107.
- «*Ueber Land und Meer*» («По суше и по морю») — еженедельный иллюстрированный литературный журнал консервативного направления; издавался в Германии с 1858 по 1923 г. — 213.
- «*La Voix de l'Avenir*» («Голос Будущего») — еженедельная газета; издавалась в Шо-де-Фон в 1865—1868 гг.; до 1867 г. орган буржуазных радикалов, с 1867 г. орган романских секций I Интернационала в Швейцарии — 34.
- «*La Voix du Peuple*» («Голос Народа») — анархистская газета, выходившая в Париже в 1849—1850 гг. под редакцией Прудона — 26.
- «*Volks-Kalender*» («Народный Календарь») — социал-демократический ежегодник; издавался в Брауншвейге с 1875 по 1879 г. — 231.
- «*Volksstaat*» («Народное Государство») — орган Германской социал-демократической рабочей партии (Эйзенахской); издавался в 1869—1876 гг. в Лейпциге; выходил три раза в неделю. Редактор В. Либкнехт — 43, 207, 327, 341.
- «*Vorwärts*» («Вперед») — ежедневная газета, центральный орган германской социал-демократии; издавалась в Берлине с 1891 по 1933 г. В 90-х гг. редактором был В. Либкнехт — 179, 226, 229.
- «*Die Zukunft*» («Будущее») — ежедневная газета буржуазно-демократического направления; издавалась в Кенигсберге, затем в Берлине с 1867 по 1871 г. — 45.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Предисловие	3
-----------------------	---

I. ИЗ ПЕРЕПИСКИ МАРКСА с АННЕНКОВЫМ и САЗОНОВЫМ

1. Анненков — Марксу, 1 ноября 1846 г.	9
2. Маркс — П. В. Анненкову, 28 декабря 1846 г.	10
3. Анненков — Марксу, 6 января 1847 г.	21
4. Маркс — П. В. Анненкову, 9 декабря 1847 г.	23
5. Сазонов — Марксу, 6 декабря 1849 г.	24
6. Сазонов — Марксу, 2 мая 1850 г.	25
7. Сазонов — Марксу, 10 мая 1860 г.	30

II. ПЕРЕПИСКА МАРКСА с РУССКОЙ СЕКЦИЕЙ ПЕРВОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА

8. Серно-Соловьевич — Марксу *, 20 ноября 1868 г.	32
9. Комитет Русской секции I Интернационала — Марксу *, 12 марта 1870 г.	36
10. Маркс — членам комитета Русской секции в Женеве, 24 марта 1870 г.	38
11. Комитет Русской секции I Интернационала — Марксу *, 24 июля 1870 г.	39
12. Маркс — И.-Ф. Беккеру, 2 августа 1870 г.	44
13. Комитет Русской секции I Интернационала — Марксу *, 9 декабря 1870 г.	45

* Письма, впервые публикуемые, отмечены звездочкой. *Ред.*

14. Томановская — Марксу, 7 января 1871 г.	47
15. Утин — Марксу, 17 апреля 1871 г.	48
16. Томановская — Г. Юнгу, 24 апреля 1871 г.	49
17. Маркс — Н. И. Утину, 27 июля 1871 г.	51
18. Маркс — Г. Юнгу, 19 октября 1871 г.	53
19. Утин — Марксу *, 28 октября 1871 г.	54
20. Утин — Марксу *, 11—15 апреля 1872 г.	56
21. Баранов — Марксу, 10 (22) июня 1872 г.	58
22. Любавин — Марксу, 8 (20) августа 1872 г.	59
23. Утин — Марксу *, 1 ноября 1872 г.	62
24. Смирнов — Марксу, февраль 1875 г.	65

III. ПЕРЕПИСКА МАРКСА и ЭНГЕЛЬСА с ДАНИЕЛЬСОНОМ

25. Даниельсон — Марксу, 18 (30) сентября 1868 г.	67
26. Маркс — Н. Ф. Даниельсону, 7 октября 1868 г.	68
27. Даниельсон — Марксу, 30 сентября (12 октября) 1869 г. . .	70
28. Даниельсон — Марксу, 11 (23) мая 1871 г.	71
29. Маркс — Н. Ф. Даниельсону, 13 июня 1871 г.	72
30. Маркс — Н. Ф. Даниельсону, 22 июля 1871 г.	74
31. Даниельсон — Марксу *, 30 августа (11 сентября) 1871 г. . .	74
32. Даниельсон — Марксу, 17 (29) октября 1871 г.	76
33. Маркс — Н. Ф. Даниельсону, 9 ноября 1871 г.	77
34. Даниельсон — Марксу, 15 (27) марта 1872 г.	77
35. Маркс — Н. Ф. Даниельсону, 28 мая 1872 г.	79
36. Даниельсон — Марксу, 23 мая (4 июня) 1872 г.	80
37. Даниельсон — Марксу, 20—25 июля (1—6 августа) 1872 г. .	82
38. Маркс — Н. Ф. Даниельсону, 15 августа 1872 г.	84
39. Маркс — Н. Ф. Даниельсону, 25 ноября 1872 г.	85
40. Маркс — Н. Ф. Даниельсону, 12 декабря 1872 г.	86
41. Даниельсон — Марксу, 15 (27) декабря 1872 г.	88
42. Маркс — Н. Ф. Даниельсону, 18 января 1873 г.	90
43. Даниельсон — Марксу, 16 (28) января 1873 г.	91
44. Маркс — Н. Ф. Даниельсону, 22 марта 1873 г.	93
45. Даниельсон — Марксу, 20 марта (1 апреля) 1873 г.	93
46. Маркс — Н. Ф. Даниельсону, 12 августа 1873 г.	96
47. Маркс — Н. Ф. Даниельсону, 15 ноября 1878 г.	97
48. Маркс — Н. Ф. Даниельсону, 28 ноября 1878 г.	99

49. Маркс — Н. Ф. Даниельсону, 10 апреля 1879 г.	100
50. Маркс — Н. Ф. Даниельсону, 19 сентября 1879 г.	106
51. Маркс — Н. Ф. Даниельсону, 12 сентября 1880 г.	106
52. Даниельсон — Марксу, 18 (30) ноября 1880 г.	108
53. Маркс — Н. Ф. Даниельсону, 19 февраля 1881 г.	109
54. Маркс — Н. Ф. Даниельсону, 13 декабря 1881 г.	113
55. Даниельсон — Марксу, 5 (17) декабря 1881 г.	114
56. Даниельсон — Элеоноре Маркс, 16 (28) марта 1883 г.	114
57. Энгельс — Н. Ф. Даниельсону, 11 февраля 1885 г.	115
58. Энгельс — Н. Ф. Даниельсону, 23 апреля 1885 г.	116
59. Даниельсон — Энгельсу, 24 апреля (6 мая) 1885 г.	117
60. Энгельс — Н. Ф. Даниельсону, 3 июня 1885 г.	118
61. Даниельсон — Энгельсу, 13 (25) июня 1885 г.	119
62. Энгельс — Н. Ф. Даниельсону, 8 августа 1885 г.	120
63. Даниельсон — Энгельсу, 6 (18) августа 1885 г.	121
64. Даниельсон — Энгельсу, 9 (21) августа 1885 г.	122
65. Энгельс — Н. Ф. Даниельсону, 13 ноября 1885 г.	123
66. Даниельсон — Энгельсу, 19 (31) декабря 1885 г.	126
67. Энгельс — Н. Ф. Даниельсону, 8 февраля 1886 г.	126
68. Энгельс — Н. Ф. Даниельсону, 9 ноября 1886 г.	128
69. Даниельсон — Энгельсу, 22 января (3 февраля) 1887 г.	129
70. Энгельс — Н. Ф. Даниельсону, 19 февраля 1887 г.	130
71. Даниельсон — Энгельсу, 11 (23) декабря 1887 г.	131
72. Энгельс — Н. Ф. Даниельсону, 5 января 1888 г.	133
73. Энгельс — Н. Ф. Даниельсону, 15 октября 1888 г.	135
74. Энгельс — Н. Ф. Даниельсону, 4 июля 1889 г.	138
75. Даниельсон — Энгельсу, 18 (30) декабря 1889 г.	140
76. Энгельс — Н. Ф. Даниельсону, 10 июня 1890 г.	142
77. Даниельсон — Энгельсу, 18 (30) июня 1890 г.	144
78. Энгельс — Н. Ф. Даниельсону, 29—31 октября 1891 г.	145
79. Даниельсон — Энгельсу, 12 (24) ноября 1891 г.	148
80. Энгельс — Н. Ф. Даниельсону, 15 марта 1892 г.	152
81. Даниельсон — Энгельсу, 12 (24) марта 1892 г.	156
82. Энгельс — Н. Ф. Даниельсону, 18 июня 1892 г.	160
83. Энгельс — Н. Ф. Даниельсону, 22 сентября 1892 г.	165
84. Даниельсон — Энгельсу, 3 (15) октября 1892 г.	168
85. Энгельс — Н. Ф. Даниельсону, 24 февраля 1893 г.	172
86. Даниельсон — Энгельсу, 2 (14) марта 1893 г.	175

87. Энгельс — Н. Ф. Даниельсону, 17 октября 1893 г.	176
88. Даниельсон — Энгельсу, 30 января (11 февраля) 1894 г. . .	179
89. Даниельсон — Энгельсу, 12 ноября 1894 г.	180
90. Энгельс — Н. Ф. Даниельсону, 24 ноября 1894 г.	181
91. Даниельсон — Энгельсу, 29 января (10 февраля) 1895 г. . .	183
92. Энгельс — Н. Ф. Даниельсону, 5 марта 1895 г.	184
93. Даниельсон — Энгельсу, 10(22) марта 1895 г.	185
94. Энгельс — Н. Ф. Даниельсону, 4 июня 1895 г.	186

**IV. ПЕРЕПИСКА МАРКСА и ЭНГЕЛЬСА
с ЛОПАТИНЫМ, ЛАВРОВЫМ и ДРУГИМИ ЛИЦАМИ
и ОРГАНИЗАЦИЯМИ**

95. Лопатин — Марксу *, 15 декабря 1870 г.	187
96. Редакция журнала «Знание» — Марксу *, конец 1870 г. . .	189
97. Маркс — П. Л. Лаврову, 27 февраля 1871 г.	191
98. Маркс — П. Л. Лаврову, 12 июля 1871 г.	191
99. Лавров — Энгельсу, 7 августа 1871 г.	191
100. Энгельс — П. Л. Лаврову, 9 августа 1871 г.	192
101. Группа студентов-юристов С.-Петербургского университета — Марксу *, 2 (14) октября 1871 г.	193
102. Энгельс — П. Л. Лаврову, 29 ноября 1871 г.	194
103. Ф. Энгельс. Об общественных отношениях в России . . .	195
104. Лопатин — Энгельсу, 15 октября 1874 г.	207
105. Лопатин — Энгельсу, 1 ноября 1874 г.	208
106. Маркс — П. Л. Лаврову, 11 февраля 1875 г.	208
107. Маркс — П. Л. Лаврову, 18 июня 1875 г.	209
108. Лавров — Энгельсу *, 20 сентября 1875 г.	210
109. Энгельс — П. Л. Лаврову, 24 сентября 1875 г.	211
110. Энгельс — П. Л. Лаврову, 12—17 ноября 1875 г.	212
111. Лавров — Энгельсу *, 22 ноября 1875 г.	215
112. Маркс — П. Л. Лаврову, 17 декабря 1875 г.	216
113. Энгельс — П. Л. Лаврову, 30 июня 1876 г.	216
114. Маркс — П. Л. Лаврову, 7 октября 1876 г.	216
115. Маркс — П. Л. Лаврову, 21 октября 1876 г.	218
116. Маркс — П. Л. Лаврову, 16 марта 1877 г.	219
117. Маркс — П. Л. Лаврову, 23 марта 1877 г.	219
118. Маркс — П. Л. Лаврову, 27 марта 1877 г.	220
119. Маркс — в редакцию «Отечественных Записок», ноябрь 1877 г.	220
120. Жаклар — Марксу *, 20 ноября (2 декабря) 1877 г.	223

121. Лопатин — Энгельсу, 17 апреля 1878 г.	224
122. Лопатин — Энгельсу, 23 апреля 1878 г.	226
123. Представитель редакции газеты «Начало» — Энгельсу, 22 июля 1878 г.	227
124. Энгельс — П. Л. Лаврову, 10 августа 1878 г.	227
125. Лавров — Энгельсу, 11 августа 1878 г.	228
126. Лопатин — Энгельсу *, 23 ноября 1878 г.	230
127. Лопатин — Энгельсу, 15 января 1879 г.	231
128. Маркс — М. М. Ковалевскому, апрель 1879 г.	232
129. Ковалевский — Марксу, 1879—1880 гг.	233
130. Гартман — Марксу *, 21 марта 1880 г.	234
131. Лавров — Марксу, 22 июня 1880 г.	235
132. Горбунова-Каблукова — Энгельсу *, июль 1880 г.	235
133. Энгельс — М. К. Горбуновой-Каблуковой, 22 июля 1880 г.	237
134. Горбунова-Каблукова — Энгельсу *, 25 июля 1880 г.	239
135. Энгельс — М. К. Горбуновой-Каблуковой, 2 августа 1880 г.	246
136. Энгельс — М. К. Горбуновой-Каблуковой, 5 августа 1880 г.	247
137. Каблуков — Энгельсу *, 21 августа 1880 г.	249
138. Горбунова-Каблукова — Энгельсу *, август — сентябрь 1880 г.	250
139. Исполнительный комитет социально-революционной партии в России — Марксу, 25 октября (6 ноября) 1880 г.	251
140. Горбунова-Каблукова — Энгельсу *, 23 декабря 1880 г.	252
141. Маркс и Энгельс — председателю Славянского митинга, созванного 21 марта 1881 г. в честь годовщины Парижской Коммуны	253
142. Гартман — Энгельсу *, 24 августа 1881 г.	254
143. Ковалевский — Марксу, 8 декабря 1881 г.	256
144. Лавров — Марксу, январь 1882 г.	256
145. Маркс — П. Л. Лаврову, 23 января 1882 г.	257
146. Лавров — Энгельсу *, 6 апреля 1882 г.	259
147. Энгельс — П. Л. Лаврову, 10 апреля 1882 г.	260
148. Энгельс — П. Л. Лаврову, 31 июля 1882 г.	260
149. От русских социалистов на могилу Карла Маркса, 15 марта 1883 г.	261
150. Лавров — Элеоноре Маркс *, 17 марта 1883 г.	262
151. Студенты Петровской академии — редакции «Daily News», 18 марта 1883 г.	263
152. Славянский социалистический студенческий союз в Цюрихе «Славия» — Энгельсу *, 19 марта 1883 г.	264
153. Энгельс — П. Л. Лаврову, 24 марта 1883 г.	264
154. Лавров — Энгельсу *, 26 марта 1883 г.	265

155. Лопатин — Элеоноре Маркс *, 28 марта 1883 г.	266
156. Лопатин — Энгельсу, 28 марта 1883 г.	267
157. Лавров — Энгельсу *, 31 марта 1883 г.	267
158. Энгельс — П. Л. Лаврову, 2 апреля 1883 г.	268
159. Энгельс — П. Л. Лаврову, 28 января 1884 г.	269
160. Лавров — Энгельсу *, 30 января 1884 г.	270
161. Энгельс — П. Л. Лаврову, 5 февраля 1884 г.	272
162. Лавров — Энгельсу *, 9 февраля 1884 г.	274
163. Энгельс — П. Л. Лаврову, 14 февраля 1884 г.	274
164. Паприц — Энгельсу, 26 июня 1884 г.	275
165. Энгельс — Е. Паприц, 26 июня 1884 г.	276
166. Энгельс — П. Л. Лаврову, 12 февраля 1885 г.	278
167. Энгельс — П. Л. Лаврову, 7 февраля 1886 г.	279
168. Энгельс — П. Л. Лаврову, 3 сентября 1887 г.	279
169. Лавров — Энгельсу *, 27 ноября 1890 г.	279
170. Телеграмма русских социал-демократов в Берне — Энгельсу *, 28 ноября 1890 г.	280
171. Энгельс — П. Л. Лаврову, 5 декабря 1890 г.	281
172. Стенник (Кравчинский) — Энгельсу *, 14 ноября 1892 г. . . .	281
173. Лавров — Энгельсу *, 12 декабря 1892 г.	282
174. Гурвич — Энгельсу *, 26 марта 1893 г.	283
175. Энгельс — П. Л. Лаврову, 21 мая 1893 г.	283
176. Энгельс — И. А. Гурвичу, 27 мая 1893 г.	284
177. Ф. Энгельс. Послесловие к статье «Об общественных отно- шениях в России»	285
178. Лавров — Элеоноре Маркс *, 7 августа 1895 г.	298

**V. ПЕРЕПИСКА МАРКСА с ЗАСУЛИЧ
и ЭНГЕЛЬСА с ЧЛЕНАМИ ГРУППЫ
«ОСВОБОЖДЕНИЕ ТРУДА»**

179. Засулич — Марксу, 16 февраля 1881 г.	299
180. Маркс — В. И. Засулич, 8 марта 1881 г.	300
181. Засулич — Энгельсу, октябрь — начало ноября 1883 г. . . .	302
182. Энгельс — В. И. Засулич, 13 ноября 1883 г.	303
183. Засулич — Энгельсу, 2 марта 1884 г.	304
184. Энгельс — В. И. Засулич, 6 марта 1884 г.	305
185. Засулич — Энгельсу *, 5 октября 1884 г.	307
186. Засулич — Энгельсу, 14 февраля 1885 г.	308
187. Энгельс — В. И. Засулич, 23 апреля 1885 г.	308

188. Засулич — Энгельсу, конец апреля 1885 г.	311
189. Энгельс — В. И. Засулич, 31 марта 1886 г.	312
190. Засулич — Энгельсу, апрель 1886 г.	312
191. Засулич — Энгельсу *, 30 января 1890 г.	313
192. Энгельс — В. И. Засулич, 3 апреля 1890 г.	314
193. Засулич — Энгельсу, около 10 апреля 1890 г.	316
194. Энгельс — В. И. Засулич, 17 апреля 1890 г.	320
195. Засулич — Энгельсу *, около 20 апреля 1890 г.	323
196. Плеханов — Энгельсу, 14 марта 1893 г.	324
197. Плеханов — Энгельсу, 25 марта 1893 г.	324
198. Плеханов — Энгельсу, 4 мая 1893 г.	325
199. Энгельс — Г. В. Плеханову, 21 мая 1894 г.	326
200. Энгельс — Г. В. Плеханову, 22 мая 1894 г.	328
201. Плеханов — Энгельсу, июнь 1894 г.	329
202. Плеханов — Энгельсу, июль 1894 г.	333
203. Плеханов — Энгельсу, 30 октября 1894 г.	334
204. Энгельс — Г. В. Плеханову, 1 ноября 1894 г.	335
205. Засулич — Энгельсу, конец января 1895 г.	336
206. Энгельс — В. И. Засулич, 30 января 1895 г.	336
207. Плеханов — Энгельсу, 2 февраля 1895 г.	337
208. Энгельс — Г. В. Плеханову, 8 февраля 1895 г.	338
209. Плеханов — Энгельсу, 20 февраля 1895 г.	339
210. Энгельс — Г. В. Плеханову, 26 февраля 1895 г.	340
211. Плеханов — Энгельсу, 3 марта 1895 г.	342
212. Засулич — Энгельсу *, апрель 1895 г.	344
213. Плеханов — Энгельсу, конец мая — июнь 1895 г.	344
 <i>Указатель имен</i>	 349
 <i>Указатель периодических изданий.</i>	 364

*Подписано к печати 3/X 1951 г. Тираж
100 000 экз. М-31266. Бумага 60×92¹/₁₀. 11³/₄ бу-
мажных. 23¹/₂ печ. листа. 23,1 учет.-изд. лист.
Заказ № 1150. Цена в переплете 8 руб.*

★

*2-я типография «Печатный Двор» им. А. М. Горь-
кого Главполиграфиздата при Совете Министров
СССР. Ленинград, Гатчинский, 26.*